

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 11 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Павленков Р.В., к.экон.н., доцент

Члены совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакишин В.С., д.ю.н., профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент; Давлетов А.А., д.ю.н., профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент; Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н., профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Осинцев Д.В., д.ю.н., доцент; Савоськин А.В., д.ю.н., доцент; Семякин М.Н., д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н., профессор; Шабуров А.С., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н.

Члены коллегии:

Андреев А.В., к.ю.н.; Бердникова О.П., к.ю.н.; Виноградова О.П., к.ю.н.; Головизнин А.В., к.ю.н.; Гусев А.В., к.ю.н., доцент; Дерюгин Р.А., к.ю.н.; Кокорин Д.Л., к.ю.н., доцент; Косарев М.Н., к.ю.н., доцент; Крысанов А.В., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н.; Носкова Ю.Б., к.ю.н., доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент; Пересадына О.В., к.ю.н.; Плетникова М.С., к.ю.н., доцент; Родевич В.Ч., к.ю.н., доцент; Стельмах В.Ю., к.ю.н., доцент; Токарев Д.С., к.ю.н., доцент; Фалькина Т.Ю., к.ю.н., доцент; Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент; Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь

Кудоярова Г.Р.

Редактор

Бибих И.Б.

Переводчик

Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли 12.00.00 – юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66
Тел./факс: (343) 331-70-64.

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 28.06.2020. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 70 экз. Заказ № 36

Дата выхода в свет 29.06.2020. Свободная цена

BULLETIN № 2 (26) • 2020

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-63039 dated September 11, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Pavlenkov R.V., cand. of economics, associate professor

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., dr. of law, professor; Balakshin V.S., dr. of law,

professor; Goncharov D.YU., dr. of law, associate professor;

Davletov A.A., dr. of law, professor; Darmentov A.D., cand. of law,

associate professor; Karasyov A.T., dr. of law, professor;

Kodan S.V., dr. of law, professor; Majorov V.I., dr. of law, professor;

Osincev D.V., dr. of law, associate professor; Savos'kin A.V.,

dr. of law, associate professor; Semyakin M.N., dr. of law,

professor; Smykalin A.S., dr. of law, professor; Shaburov A.S.,

dr. of law, professor

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law

Members of the Editorial Board:

Andreev A.V., cand. of law; Berdnikova O.P., cand. of law;

Vinogradova O.P., cand. of law; Goloviznin A.V., cand. of law;

Gusev A.V., cand. of law, associate professor; Deryugin R.A.,

cand. of law; Kokorin D.L., cand. of law, associate professor;

Kosarev M.N., cand. of law, associate professor; Krysanov A.V.,

cand. of law; Lappo E.A., cand. of law; Noskova Yu.B., cand.

of law, associate professor; Orlov K.A., cand. of law, associate

professor; Peresadina O.V., cand. of law; Pletnikova M.S., cand. of

law, associate professor; Rodevich V.Ch., cand. of law, associate

professor; Stelmakh V.Yu., cand. of law, associate professor;

Tokarev D.S., cand. of law, associate professor; Falkina T.Yu.,

cand. of law, associate professor; Schetinina N.V., cand. of law,

associate professor; Kharlamova A.A., cand. of law, associate

professor

Executive Secretary *Kudoyarova G.R.*

Editor *Bebikh I.B.*

Translator *Guzikova V.V.*

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere 12.00.00 - legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house /
printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg,
ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru
Website: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640 The index E43226
Signed in the press on June 28, 2020. Format 60x84 / 8
Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 12.0. Uch.-ed.
L. 12.0 Edition 70 copies. Order No. 36
Date of publication on June 29, 2020. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2020

Содержание

Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства

<i>Власова С.В.</i> Концептуальная теоретическая модель уголовно-процессуального механизма применения уголовного закона	5
<i>Градский В.Е.</i> Предпосылки внедрения процедуры медиации в уголовном процессе России	11
<i>Спирин А.В.</i> Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в судебных стадиях: понятие и основные характеристики	16
<i>Тутынин И.Б.</i> Некоторые проблемы применения денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения	23

Вопросы криминалистики

<i>Елфимов П.В., Виноградова О.П.</i> Насильственные преступления на почве семейно-бытовых конфликтов: проблемы первоначального этапа расследования	30
<i>Еремин А.А.</i> Основные положения методики расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию	36
<i>Мосина С.В., Андроник Н.А.</i> Особенности первоначального этапа расследования незаконной рубки лесных насаждений	43
<i>Хамидуллин Р.С.</i> Некоторые особенности раскрытия и расследования преступных инсценировок	47

Взгляд со стороны: анализ законодательства зарубежных стран

<i>Алекперов Р.Р.</i> О применении заключения под стражу в Республике Беларусь и в законодательстве иных государств – участников Содружества Независимых Государств	51
<i>Балгожина М.Е.</i> Рецидив преступлений в институте множественности уголовных правонарушений по законодательству Республики Казахстан	59
<i>Мартынов А.О.</i> Развитие взглядов на использование специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности	69
<i>Райбаев Д.К.</i> Некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства Республики Казахстан в борьбе с экстремизмом	73

Обеспечение национальной безопасности

<i>Романовский В.Г.</i> Противодействие терроризму в воздушном пространстве в России и Германии: сравнительно-правовой аспект	78
<i>Романовский Г.Б.</i> Правовые основы противодействия джихад-туризму	83

Права человека и их обеспечение

<i>Гончаров Д.Ю., Рублев А.Г.</i> Права человека и полицейский надзор за лицами, освобожденными условно-досрочно	88
<i>Савраскин С.Н.</i> Отдельные вопросы соблюдения права граждан на неприкосновенность жилища при исполнении сотрудниками полиции своих обязанностей	93

Право и экономика

<i>Новицкая М.В.</i> Теоретические аспекты определения понятия и структуры трудового спора	100
--	-----

Проблемы теории права

<i>Козинникова Е.Н.</i> Полицейский надзор как мера обеспечения чрезвычайного правового режима исключительного положения в оценке российских полицейстов конца XIX – начала XX века	106
<i>Момотова Е.П.</i> Нормативные правовые акты Сената в период правления Павла I: виды, соотношение, характеристика	113
<i>Плетников В.С., Плетникова М.С.</i> Государственные организации в механизме (аппарате) современного российского государства: вопросы теории и практики	121
<i>Шкаплеров Ю.П.</i> Правовая регламентация проведения следственных действий в Своде законов Российской империи	125

Теория и практика борьбы с преступностью

<i>Бражин Ю.Ю.</i> Виктимологические особенности коррупционных преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»	133
<i>Дубов Е.И.</i> Меры профилактического воздействия по предупреждению преступлений в сфере возврата просроченной задолженности	137
<i>Иванов П.И., Шитов А.С.</i> К вопросу об оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению и раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке	143

Укрепление законности и правопорядка

<i>Гребенщикова И.В.</i> Правовое регулирование обеспечения охраны заключенных в пенитенциарных учреждениях НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	150
<i>Красовский А.В.</i> Некоторые вопросы совершенствования кадрового отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел	157

Уголовное право и уголовная политика

<i>Харламова А.А.</i> Неправомерный доступ к компьютерной информации: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации	162
--	-----

Contents

Topical issues of legal procedure and criminal procedure legislation

Vlasova S.V. Conceptual theoretical model of the criminal procedural mechanism for applying the criminal law5

Gradsky V.E. Prerequisites for the introduction of mediation in criminal proceedings in Russia11

Spirin A.V. Criminal procedure activities of the prosecutor in the judicial stages: concept and main characteristics16

Tutylin I.B. Some problems of applying monetary penalties as a measure of criminal procedural coercion23

Questions of criminalistics

Elfimov P.V., Vinogradova O.P. Violent crimes motivated by domestic conflicts: problems of the initial stage of the investigation30

Eremín A.A. Several provision of the investigation technique of corruption crimes against competition36

Mosina S.V., Andronik N.A. Features of the initial stage of investigation of illegal logging of forest stands43

Hamidullin R.S. Some features of disclosure and investigation of criminal scenes47

View from the outside: analysis of the legislation of foreign countries

Alekperov R.R. About the application of detention in the Republic of Belarus and in the legislation of other CIS member states51

Balgozhina M.E. Relapse of crimes at the institution of the multiplicity of criminal offenses under the legislation of the Republic of Kazakhstan59

Martynov A.O. The development of views on using special knowledge in operational-search activity69

Raybayev D.K. Some issues of improving the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan in the fight against extremism73

Ensuring national security

Romanovsky V.G. Counterterrorism in the airspace in Russia and Germany: comparative legal aspect78

Romanovsky G.B. Legal framework for countering jihad tourism83

Human rights and their ensurance

Goncharov D.Y., Rublev A.G. Human rights and police supervision of persons released on parole88

Savraskin S.N. Separate issues of observance of the right of citizens to inviolability of the dwelling at execution by police officers of the duties93

Law and Economics

Novitskaya M.V. Theoretical aspects of definition of concept and structure of labor dispute100

Problems of theory of law

Kozinnikova E.N. Police supervision as a measure to ensure an emergency legal regime exceptional position in the assessment of Russian representatives of police law late XIX – early XX century106

Momotova E.P. Normative legal acts of the Senate during the reign of Paul I: types, ratio, characteristics113

Pletnikov V.S., Pletnikova M.S. State organizations in the mechanism (apparatus) of the modern Russian state: issues of theory and practice121

Shkaplerov Y.P. Legal regulation of investigative actions in the Code of laws of the Russian Empire125

Theory and practice of combating crime

Brazhin Y.Y. Victimological features of corruption crimes in the implementation of the national project «Healthcare»133

Dubov E.I. Preventive measures to prevent crimes in the field of repayment of overdue debts137

Ivanov P.I., Shitov A.S. On the issue of operational and investigative activities of the economic security and anti-corruption units for the detection and disclosure of tax crimes in the consumer market143

Strengthening of legality and order

Grebenschikova I.V. Legal regulation of security prisoners in penitentiary institutions of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)150

Krasowsky A.V. Some questions of improvement of personnel selection of candidates for service in law-enforcement bodies157

Criminal law and criminal policy

Kharlamova A.A. Illegal access to computer information: interpretation of signs and some problems of qualification162

When reprinting or reproducing in any way, in whole or in part, materials of the journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of Russia» reference to the journal is obligatory.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 343.1

Концептуальная теоретическая модель уголовно-процессуального механизма применения уголовного закона

Власова Светлана Владимировна,
Нижегородская академия МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru

В данной статье автор представляет свои размышления по поводу правовой природы такого понятия, как «механизм уголовно-процессуального регулирования», его основных элементов, дает свое авторское определение механизму уголовно-процессуального регулирования и юридико-техническую характеристику данного механизма.

Ключевые слова: механизм уголовно-процессуального регулирования; механизм правового регулирования; нормы уголовно-процессуального права; уголовно-процессуальные отношения; обвинение (уголовный иск); правоприменение.

Conceptual theoretical model of the criminal procedural mechanism for applying the criminal law

Vlasova Svetlana Vladimirovna,
Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate professor

In this article, the author presents his thoughts on the legal nature of such a concept as the «mechanism of criminal procedure regulation», its main elements, gives its author's definition of the mechanism of criminal procedure regulation and the legal and technical characteristics of this mechanism.

Key words: mechanism of criminal procedure regulation; mechanism of legal regulation; norms of criminal procedure law; criminal procedure relations; prosecution (criminal lawsuit); law enforcement.

Существующее понятие «механизм уголовно-процессуального регулирования» является *калькой* с общетеоретического понятия «механизм правового регулирования» и, разумеется, тесно связано с отраслевым аналогом «механизм уголовно-правового регулирования».

В этом легко убедиться, обратившись к имеющимся в науке разработкам понятия «механизм уголовно-процессуального регулирования».

Внесший наибольший вклад в развитие отраслевой разновидности концепта «механизм правового регулирования» Л. Б. Зусь определял механизм уго-

ловно-процессуального регулирования в виде структурно-функциональной правовой системы, состоящей из процессуальных средств, обеспечивающих правовое воздействие на общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства¹. По мнению этого ученого, данный механизм является способом функционирования уголовно-процессуального права² или проявлением уголовно-процессуального права в динамике³.

Следуя общеправовой модели механизма правового регулирования, специалисты по уголовному процессу также отмечают системность механизма уголовно-процессуального регулирования. В эту систему входят нормы уголовно-процессуального права, правовые средства регулирования уголовно-процессуальной деятельности, способы воздействия на общественные отношения, которые возникают в ходе производства по уголовным делам, акты толкования норм уголовно-процессуального права, акты их применения, уголовно-процессуальные отношения и их элементы, т. е. права и обязанности, процессуальные полномочия участников отношений, запреты и юридические средства их обеспечения, принуждение и ответственность⁴.

Л. Б. Алексеева в качестве элементов указанного механизма приводила уголовно-процессуальные нормы, принуждение и ответственность, уголовно-процессуальные правоприменительные акты, уголовно-процессуальные отношения и акты реализации прав и обязанностей их участников, т. е. процессуальные действия⁵.

В. Д. Холоденко отмечает, что механизм уголовно-процессуального регулирования включает в себя процессуальные средства регулирования, которые определяются законом. К ним он относит следующие: задачи деятельности; права, обязанности и полномочия участников уголовного судопроизводства, юридические факты, уголовно-процессуальные правоотношения, уголовно-процессуальную форму, санкции и ответственность⁶. Он также полагает, что

нормы права, индивидуальные акты реализации права в форме соблюдения, исполнения, использования и правоприменения не являются самостоятельными элементами указанного механизма⁷.

А. С. Бахта механизм уголовно-процессуального регулирования характеризует как единую систему правовых средств, состоящую из норм уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальных отношений, применения уголовно-процессуальных норм, уголовно-процессуальных правоприменительных актов, которые обеспечивают эффективное правовое регулирование и воздействие в сфере уголовного судопроизводства⁸.

Ю. В. Францифоров считает, что механизм уголовно-процессуального регулирования представляет собой единую систему уголовно-процессуальных средств, которая обеспечивает нацеленное на результат процессуальное воздействие на уголовно-процессуальные отношения для их упорядочения, охраны и совершенствования. Под влиянием данной системы происходит адресация явлений уголовно-процессуальной действительности к достижению целей уголовного судопроизводства⁹.

С. Л. Лось в качестве элементов механизма уголовно-процессуального регулирования рассматривает уголовно-процессуальные нормы, уголовно-процессуальные отношения, процессуально-правовое положение субъектов данных отношений, юридические факты, которые порождают данные отношения, правосознание субъектов уголовно-процессуальной деятельности¹⁰.

О. В. Девятовой механизм уголовно-процессуального регулирования рассматривается в виде системы правовых средств, которые обеспечивают влияние уголовно-процессуального права на общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства для того, чтобы определить его сущность, выявить особенности функционирования и направления современного развития¹¹.

ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. С. 16.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ См.: Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 18.

⁹ См.: Францифоров Ю. В. Действие механизма уголовно-процессуального регулирования при разрешении отраслевых противоречий уголовного судопроизводства // Право и безопасность. 2007. № 3-4. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_14.htm.

¹⁰ См.: Лось С. Л. Правовое регулирование и его механизм при реализации уголовно-правовых норм в уголовном процессе (теоретический анализ проблемы) // Вопросы правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса: сборник статей С. Л. Лося в соавторстве с аспирантом, соискателями и коллегой. Томск: НТЛ, 2003. С. 11–21.

¹¹ См.: Девятова О. В. Решения Европейского суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/devjatova.html>.

¹ См.: Зусь Л. Б. Проблемы правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток: ДВГУ, 1978. С. 12–16.

² См.: Зусь Л. Б. Правовое регулирование, его механизм в сфере уголовного судопроизводства: Вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1981. С. 12.

³ См.: Зусь Л. Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток, 1984. С. 31–43, 71.

⁴ См.: Алексеева Л. Б., Ларин А. М., Строгович М. С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / отв. ред. В. М. Савицкий. М., 1979. С. 88–89; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М.: Наука, 1979. С. 138–176; Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 68–69.

⁵ См.: Курс советского уголовного процесса / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. С. 89–117.

⁶ См.: Холоденко В. Д. Проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности: лекция. Саратов:

По мнению Н. В. Батуева, механизм уголовно-процессуального регулирования – это не что иное, как система правовых средств, которые обеспечивают воздействие уголовно-процессуального права на общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства¹.

И. В. Кутюхин говорит о механизме уголовно-процессуального регулирования как о некой научной абстракции, которая отображает реально существующее правовое явление. По мнению данного автора, этот «механизм» включает в себя все средства уголовно-процессуального регулирования². Весьма характерная, надо отметить, для современной науки констатация: нечего сказать конкретного, ибо концепт изжил себя.

Ряд подобного рода дефиниций механизма уголовно-процессуального регулирования можно продолжать, но это ничего не добавит к тому, что уже было сказано нами о понятиях государства и права, заложенных в них, а также об общетеоретическом понятии «механизм правового регулирования».

Механизм уголовно-процессуального регулирования трактуют как деятельность уполномоченных лиц, предусмотренную уголовно-процессуальным законодательством и направленную на достижение целей уголовного судопроизводства.

Таким образом, механизм уголовно-процессуального регулирования является попыткой отражения уголовно-процессуального права в действии. Это объяснительная схема (когнитивная модель) работы уголовно-процессуального права как средства, которым государство приводит в нужное – урегулированное – состояние общественные отношения, в том числе в сфере уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, подобная понятийная схема является пустой с точки зрения потенциала объяснения взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального моментов в правоприменении³. Но она не объясняет фактор процессуального в возникновении эффекта уголовно-правовой охраны (субъектов, объектов, отношений и других «ценностей»), того, как происходит противодействие преступности как общепризнанному злу на процессуальной основе. Таким образом, концептуальный недостаток данной понятийной структуры состоит вне способности с ее помощью получать ответы на ключевые вопросы о том, как надо

противодействовать преступности правовыми средствами.

Хуже того, догматическое понятие «механизм уголовно-процессуального регулирования» представляет собой тормоз для развития представлений об обновлении отечественной модели уголовно-процессуального права. Почему так получилось? Выскажем гипотезу. Главная причина беспредметности понятия «механизм уголовно-процессуального регулирования» состоит в материальном детерминизме, опустошающем уголовно-процессуальные понятия, т. е. объяснительные (когнитивные) схемы, и тем самым поддерживающим авторитарный способ установления порядка уголовно-правовыми средствами. Посредством понятия «механизм» (и связанных с ним понятий) осуществляется «заражение» правового сознания следственной идеологией, авторитарными представлениями о праве и государстве, соотношении частного и публичного в правовой организации противодействия преступности.

Механизм уголовно-правового регулирования – это процесс (уголовный) превращения содержания статей Уголовного кодекса в правовое средство разрешения конкретного уголовно-правового конфликта.

Этот правовой механизм нам видится как правовая организация деятельности сторон, других лиц и судьи (судей, присяжных заседателей) по установлению, во-первых, предмета спора и метода его разрешения (уголовно- или гражданско-правовой), во-вторых, правовой нормы, подлежащей применению для разрешения данного дела (спора), в-третьих, предмета обвинения (в случае выбора уголовно-правового метода), что, в свою очередь, предопределяет предмет и пределы судебного доказывания, в-четвертых, набора средств установления основания, и в-пятых, решения о применении нормы уголовного права в данном деле.

Этот уголовно-процессуальный механизм в содержательном плане представляет собой деятельность судебного органа, представителей обеих сторон, других участников «дела» направленную:

- 1) на определение предмета уголовно-правового спора;
- 2) создание правовых средств его разрешения;
- 3) нахождение фактических оснований решения;
- 4) вынесение судом приговора (принятия иного решения) о применении уголовно-правовой нормы, что создает эффект уголовно-правовой защиты охраняемых общественных отношений и их участников.

В основе запуска этого судебного (уголовно-процессуального) механизма уголовно-правового применения лежит принцип правовой самозащиты, т. е. свободы выбора лицом для защиты своего интереса:

- 1) уголовного или гражданского иска;
- 2) способа подготовки иска:
 - а) самостоятельно;
 - б) через обращение к обвинительной власти;
- 3) равного доступа к ним населения, бизнеса.

¹ См.: Батуев Н. В. Решения конституционного суда Российской Федерации в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2003. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/176920.html>.

² См.: Кутюхин И. В. Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: монография. Владивосток: Дальневосточный университет, 2010; Он же. Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/98973.html>.

³ Ведь никто из коллег, например, не решился включить в процессуальный «механизм» нормы уголовного права, уголовно-правовое отношение, то есть уголовно-правовой элемент!

В юридико-техническом плане этот механизм состоит из отдельных процедур, посредством которых происходит: вход в уголовно-процессуальную систему или через обращение с заявлением в полицию (повод + основание = решение о начале уголовного расследования), или через обвинение (уголовный иск – частный, коллективный, субсидиарный); формирование доказательств (на основе цифровых технологий), организация судебных процедур – судебного контроля и правосудия.

Данные процедуры реализуются через систему сервисов (услуг) обвинительной и судебной властей, выведенных на информационную платформу государства и доступных для пользователей этой платформы – частных и официальных лиц. Оказание государственной услуги по применению уголовного закона к преступнику для защиты от него населения и бизнеса осуществляется на обратной связи между управляющей и управляемой подсистемами, основанной на технологии блокчейна (параллельных рестров). Это «уголовно-процессуальная экосистема», в которой взаимодействуют сотрудники органов «обвинительно-карательной» власти (офицеры полиции, ФСИН, прокуроры), лица и организации, заинтересованные в правовом урегулировании проблемы, созданной преступлением.

Уголовно-процессуальный механизм применения Уголовного кодекса видится нам как состязательная модель процесса, устроенная в правовом государстве на цифровой платформе. В данном правовом механизме должна быть заложена система сдержек и противовесов между обвинительной (исполнительной) властью и судебной властью, которые определяют правовую организацию деятельности всех участников право-творческо-применительного процесса. Его человекоцентричность в том, что он ориентирован на удовлетворение потребностей людей, предпринимателей в защите от преступности. Антропометричность его в том, что уголовное право воспринимается как общее достояние, которое используется в качестве средства поддержания экосистемы в равновесии. В работу этого механизма заложены идеи самоуправления гражданского общества (предпринимательского сообщества) и самозащиты лиц посредством обращения с исками и другими правопритязательными актами к юрисдикционным органам (обвинительной и судебной власти).

Уголовно-процессуальный механизм применения Уголовного кодекса представляет собой определенную правовую организацию (форму) обвинения и доказывания, которые позволяют правоприменителю (суду и (или) следователю) делать это. Это механизм выработки и принятия решений о применении уголовного закона в правовом государстве, чьи функции выведены в качестве услуг (сервисов) на цифровую информационную платформу. В организационно-правовом виде это система сервисов (услуг) обвинительной и судебной власти, выведенных на информационную платформу государства.

Это «уголовно-процессуальная экосистема»¹, в которой взаимодействуют сотрудники правоохранительных органов, лица и организации, заинтересованные в урегулировании проблемы, созданной преступлением.

Через реорганизацию института обвинения возможен переход на состязательную модель приведения в действие уголовного права². Тем самым мы предлагаем перейти на исковую модель обвинения и судебную процедуру предъявления обвинения³.

Единственным субъектом применения уголовного закона является судебный орган, а органы уголовного преследования (следователь) во главе с прокурором только требуют перед судом применения уголовного закона (а не сами применяют его). Переход на судебную модель доказывания (уголовно-судебного) и предъявления обвинения равнозначен реструктуризации уголовного процесса: выведение за его пределы досудебного производства, в составе обеих стадий⁴: все, что осуществляется сторонами до предъявления уголовного иска (обвинения), не является уголовным процессом⁵. Как представляется нам, соединение досудебного и судебного производств как частей одного целого невозможно⁶ в нормальном уголовно-процессуальном порядке.

При цифровой трансформации государственного управления происходит оптимизация процесса выработки и принятия решения по предъявлению обвинения, и принятия процессуального решения по нему, отпадают ненужные звенья – блок «следственной власти». Следственная инстанция как место для принятия управленческих решений – решений о движении уголовного дела (возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения, обвинительное заключение) – утрачивает смысл. Уголовная процессуальная система принятия решений, приводящих в действие уголовно-правовую норму, может включать в себя только 3 блока: регистрация информации о преступлении, обвинение, исход дела.

¹ Власова С. В., Рябков Е. М. О расширении понятийного аппарата науки, объясняющего сущность и назначение уголовного процесса // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 84–91.

² «Через уголовный иск государство прибегает к уголовной репрессии», «целью уголовного процесса является установление для конкретного случая существования права государства на наказание и эвентуально – тех пределов, в которых оно подлежит осуществлению». См.: Полянский Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М.: Право и Жизнь, 1927. С. 12, 14, 44.

³ См.: Александров А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.

⁴ См.: Гмирко В. П. Реструктуризація вітчизняного кримінального процесу: The attempt of dogmatic Shawshank redemption? // Правова позиція. 2018. № 1 (20). С. 21–36.

⁵ Там же.

⁶ См.: Полянский Н. Н. Указ. соч. С. 55–57.

Важным моментом, характеризующим работу анализируемого правового механизма на цифровой платформе, является максимальное привлечение искусственного интеллекта¹ при задействовании каждого из сервисов для решения, скажем, таких задач, как:

- 1) использование «больших данных», систем учетов;
- 2) осуществление машинного взаимодействия при установлении признаков состава преступления;
- 3) подготовка проектов обвинений, судебных решений;
- 4) исключение коррупционного фактора.

И последнее уголовно-процессуальное правовое средство есть основа правовой организации противодействия экономической преступности. Создавая свою концепцию, мы подразумевали уголовно-правовые споры главным образом между представителями населения, бизнеса в сфере экономики, но, полагаем, что она может иметь и более широкое применение: на ней могут основываться новые Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс России.

Смена модели этого механизма, типа уголовного процесса стала бы наилучшей гарантией безопасности для бизнеса. И одновременно для государства и населения это стало бы средством обеспечения их безопасности.

Библиографический список

1. Александров А. С. Понятие и сущность уголовного иска / А. С. Александров // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 35–47.
2. Алексеева Л. Б. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Л. Б. Алексеева, А. М. Ларин, М. С. Строгович; отв. ред. В. М. Савицкий. – Москва, 1979. – 319 с.
3. Батуев Н. В. Решения конституционного суда Российской Федерации в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Батуев. – Ижевск, 2003. – URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/176920.html>.
4. Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук / А. С. Бахта. – Москва, 2011. – 518 с.
5. Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности / С. В. Власова // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 1. – С. 9–18.
6. Власова С. В. О расширении понятийного аппарата науки, объясняющего сущность и назначение уголовного процесса / С. В. Власова, Е. М. Рябков // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). – С. 84–91.
7. Гмирко В. П. Реструктуризація вітчизняного кримінального процесу: The attempt of dogmatic Shawshank redemption? / В. П. Гмирко // Правова позиція. – 2018. – № 1 (20). – С. 21–36.
8. Девятова О. В. Решения Европейского суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Девятова. – Ижевск, 2007. – URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/devjatova.html>.
9. Зусь Л. Б. Проблемы правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства. Вопросы теории: учебное пособие / Л. Б. Зусь. – Владивосток: Дальневосточный университет, 1978. – Ч. 2. – 87 с.
10. Зусь Л. Б. Правовое регулирование, его механизм в сфере уголовного судопроизводства: Вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л. Б. Зусь. – Ленинград: Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, 1981. – 33 с.
11. Зусь Л. Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства / Л. Б. Зусь. – Владивосток, 1984. – 148 с.
12. Курс советского уголовного процесса / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. – Москва: Юрид. лит., 1989. – 640 с.
13. Кутюхин И. В. Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: монография / И. В. Кутюхин. – Владивосток: Дальневосточный университет, 2010. – 156 с.
14. Кутюхин И. В. Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Кутюхин. – Владивосток, 2004. – URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/98973.html>.
15. Лонь С. Л. Правовое регулирование и его механизм при реализации уголовно-правовых норм в уголовном процессе (теоретический анализ проблемы) / С. Л. Лонь // Вопросы правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса: сборник статей С. Л. Лоня в соавторстве с аспирантом, соискателями и коллегой. – Томск: НТЛ, 2003. – С. 11–21.
16. Полянский Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – Москва: Право и Жизнь, 1927. – 127 с.
17. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. – Москва: Наука, 1979.
18. Францифоров Ю. В. Действие механизма уголовно-процессуального регулирования при разрешении отраслевых противоречий уголовного судопроизводства / Ю. В. Францифоров // Право и безопасность. – 2007. – № 3-4. – URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_14.htm.
19. Холоденко В. Д. Проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности: лекция / В. Д. Холоденко. – Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007.
20. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства / В. Н. Шпилев. – Минск, 1974.

¹ См.: Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aleksandrov A. S. Ponyatie i sushchnost' ugovnogo iska / A. S. Aleksandrov // Gosudarstvo i pravo. – 2006. – № 2. – S. 35–47.
2. Alekseeva L. B. Sovetskij ugovno-processual'nyj zakon i problemy ego effektivnosti / L. B. Alekseeva, A. M. Larin, M. S. Strogovich; otv. red. V. M. Savickij. – Moskva, 1979. – 319 s.
3. Batuev N. V. Resheniya konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii v mekhanizme ugovno-processual'nogo regulirovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk / N. V. Batuev. – Izhevsk, 2003. – URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/176920.html>.
4. Bahta A. S. Mekhanizm ugovno-processual'nogo regulirovaniya: dis. ... d-ra jurid. nauk / A. S. Bahta. – Moskva, 2011. – 518 s.
5. Vlasova S. V. K voprosu o prispособlivanii ugovno-processual'nogo mekhanizma k cifrovoj real'nosti / S. V. Vlasova // Biblioteka kriminalista. – 2018. – № 1. – S. 9–18.
6. Vlasova S. V. O rasshirenii ponyatijnogo apparata nauki, ob»yasnyayushchego sushchnost' i naznachenie ugovnogo processa / S. V. Vlasova, E. M. Ryabkov // YUridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2019. – № 2 (46). – S. 84–91.
7. Gmirko V. P. Restrukturizaciya vitchiznyanogo kriminal'nogo procesu: The attempt of dogmatic Shawshank redemption? / V. P. Gmirko // Pravova poziciya. – 2018. – № 1 (20). – S. 21–36.
8. Devyatova O. V. Resheniya Evropejskogo suda po pravam cheloveka v mekhanizme ugovno-processual'nogo regulirovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk / O. V. Devyatova. – Izhevsk, 2007. – URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/devyatova.html>.
9. Zus' L. B. Problemy pravovogo regulirovaniya v sfere ugovnogo sudoproizvodstva. Voprosy teorii: uchebnoe posobie / L. B. Zus'. – Vladivostok: Dal'nevostochnyj universitet, 1978. – CH. 2. – 87 c.
10. Zus' L. B. Pravovoe regulirovanie, ego mekhanizm v sfere ugovnogo sudoproizvodstva: Voprosy teorii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / L. B. Zus'. – Leningrad: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A. A. Zhdanova, 1981. – 33 s.
11. Zus' L. B. Pravovoe regulirovanie v sfere ugovnogo sudoproizvodstva / L. B. Zus'. – Vladivostok, 1984. – 148 s.
12. Kurs sovetskogo ugovnogo processa / pod red. A. D. Bojkova, I. I. Karpeca. – Moskva: YUrid. lit., 1989. – 640 s.
13. Kutjuhin I. V. YUridicheskie fakty v mekhanizme ugovno-processual'nogo regulirovaniya: monografiya / I. V. Kutjuhin. – Vladivostok: Dal'nevostochnyj universitet, 2010. – 156 c.
14. Kutjuhin I. V. YUridicheskie fakty v mekhanizme ugovno-processual'nogo regulirovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk / I. V. Kutjuhin. – Vladivostok, 2004. – URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/98973.html>.
15. Lon' S. L. Pravovoe regulirovanie i ego mekhanizm pri realizacii ugovno-pravovyh norm v ugovnom processe (teoreticheskij analiz problemy) / S. L. Lon' // Voprosy pravovogo regulirovaniya otnoshenij, vznikayushchih v sfere ugovnogo processa: sbornik statej S. L. Lony v soavtorstve s aspirantom, soiskatelyami i kollegoj. – Tomsk: NTL, 2003. – S. 11–21.
16. Polyanskij N. N. Ocherki obshchej teorii ugovnogo processa / N. N. Polyanskij. – Moskva: Pravo i ZHizn', 1927. – 127 s.
17. Sovetskij ugovno-processual'nyj zakon i problemy ego effektivnosti. – Moskva: Nauka, 1979. – 319 s.
18. Franciforov YU. V. Dejstvie mekhanizma ugovno-processual'nogo regulirovaniya pri razreshenii otraslevyh protivorechij ugovnogo sudoproizvodstva / YU. V. Franciforov // Pravo i bezopasnost'. – 2007. – № 3-4. – URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_14.htm.
19. Holodenko V. D. Problemy pravovogo regulirovaniya ugovno-processual'noj deyatel'nosti: lekcija / V. D. Holodenko. – Saratov: GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2007. – 32 s.
20. SHpilev V. N. Soderzhanie i formy ugovnogo sudoproizvodstva / V. N. SHpilev. – Minsk, 1974. – 144 s.

Предпосылки внедрения процедуры медиации в уголовном процессе России

Градский Владимир Евгеньевич,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: 2gradskij-v@mail.ru

Медиация – принципиально новый на настоящее время для уголовного судопроизводства Российской Федерации институт. Несмотря на целый ряд научных работ, посвященных медиации, следует признать, что создание теоретической модели примирительных процедур находится на начальном этапе. В связи с изложенным представляется необходимым разрешить ряд следующих вопросов: есть ли объективные предпосылки для внедрения уголовно-процессуальной медиации в России; что мешает такому внедрению?

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; процедуры примирения; медиация; публичный интерес; частные интересы; обвиняемый; потерпевший.

Prerequisites for the introduction of mediation in criminal proceedings in Russia

Gradsky Vladimir Evgenyevich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Mediation is a fundamentally new institute for criminal proceedings of the Russian Federation. Despite a number of scientific works on mediation it should be admitted that Russian researchers have just begun to create a theoretical model of this institution. Are there objective prerequisites for the introduction of criminal procedure mediation in Russia? What prevents such an implementation? What is this legal phenomenon? According to the results of the study the authors conclude that the institution of mediation in Russian criminal proceedings has a right to exist and awaits deep theoretical development.

Key words: criminal proceedings; conciliation procedures; mediation; public interest; private interests; defendant; victim.

Уголовное судопроизводство любого государства с течением времени совершенствуется, подчиняясь требованиям и условиям общественной жизни. Каждый последующий этап в развитии общества характеризуется присущими ему тенденциями, которые, в свою очередь, закладываются благодаря назревшим в обществе предпосылкам. Вполне логично, что любое нововведение в правовой сфере находит отражение в конкретных институтах права. В этой связи появление в 70–80-х гг. XX в. концепции восстановительной юстиции и зарождение процедуры медиации необходимо считать одним из векторов развития современного уголовного судопроизводства¹.

Первое применение процедуры медиации в уголовном судопроизводстве зафиксировано в 1974 г. в провинции Онтарио (Канада). В зарубежных странах исследования в области восстановительного право-

судия проводились Робертом Б. Коатсом, Марком Умбрайтсом, Бэтти Вое², Стюардом Бэри и др.

Медиация – принципиально новый в настоящее время для уголовного судопроизводства Российской Федерации институт. Несмотря на целый ряд научных работ, посвященных медиации, следует признать: отечественные исследователи только приступили к созданию теоретической модели данного института. В нашей стране обсуждение перспектив развития указанной процедуры в научном сообществе началось с существенным опозданием. К первым работам, посвященным вопросам медиации, следует отнести труды таких ученых, как Л. В. Головкин, И. Л. Петрухин и В. В. Лунева. На государственном уровне о процедуре медиации было заявлено только в 2005 г. на Международной конференции, проводимой Аппаратом полномочного представителя Президента Российской Федерации в ЦФО. Полагаем, что своего рода толчком для развития медиации как института стало

¹ См.: Апелляционное постановление от 21 марта 2019 г. по делу № 22-506/2019 // Вологодский областной суд (Вологодская область). С. 19. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d6WjLf1uP3>.

² См.: Кудряшов А. А. Медиация в России // Нотариус. 2009. № 3. С. 25–28.

принятие 27 июля 2010 г. Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ.

В настоящее время процедура медиации в отечественном уголовном процессе не предусмотрена, однако объективная потребность в ее законодательном закреплении имеется, что подтверждается наличием в обществе и действующем законодательстве предпосылок для создания механизма примирения сторон в уголовном судопроизводстве. На наш взгляд, такие предпосылки следует разделить на несколько групп.

Общесоциальные предпосылки выражены в первую очередь в потребности:

- ускорения и упрощения расследования преступлений, что связано с серьезной проблемой – затягиванием сроков уголовного судопроизводства¹. Применение медиации в некоторых ее формах предполагает отказ от судебного разбирательства, которое становится нецелесообразным при проведении примирительной процедуры. При внедрении медиации мы получим снижение временных и материальных издержек производства;
- в возмещении различного рода ущерба самим преступником (борьба за социальную справедливость), а также снижении общей репрессивности и экономической затратности уголовной политики.

Общеправовые предпосылки связаны со следующим:

1. Переоценкой возможностей карательного способа уголовно-правового регулирования, что обусловлено, прежде всего, феноменом, получившим название «кризис наказания». Суть данного явления заключается в невозможности применения наказаний как единственного способа урегулирования конфликтов. Как справедливо отмечает Е. Е. Забуга, ввиду кризиса уголовно-правовой политики государства и в связи с полученными данными из научных исследований, мы должны признать репрессивный характер уголовной политики нашего государства и необходимость ее изменения на восстановительный².

2. Присутствием соответствующих установок в международных правовых документах, в частности, в рекомендации Комитета министров Совета Европы от 15 сентября 1999 г. № R (99) 19 «О посредничестве по уголовным делам», посвященной медиации, и в Резолюции Экономического и социального совета ООН от 24 июля 2002 г. № 2002/12 «Об основных принципах применения программ реституционного правосудия», направленных на совершенствование уголовного судопроизводства в национальном законодательстве стран.

3. Борьбой со стигматизацией (социальным клей-

мением). Отсутствие официального клеймения лица, совершившего противоправное деяние, в последующем облегчит задачу его ресоциализации и поможет снизить риск рецидива.

4. Повышением роли потерпевшего. Стоит отметить, что в случае применения процедуры медиации увеличится активность потерпевшего, которая будет способствовать восстановлению его нарушенных прав и свобод. Примирительная процедура расширяет полномочия потерпевшего и позволяет ему обговаривать условия заглаживания причиненного вреда, получать объяснение в связи с произошедшим преступлением, принять извинения от своего «обидчика», что дает возможность наиболее полно восстановить моральные и имущественные потери. В свою очередь, подозреваемый получает возможность загладить вред, причиненный преступлением, а также снизить меру ответственности, предусмотренную за данное деяние.

Также стоит вернуться к вышеупомянутому Федеральному закону от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В указанном нормативном правовом акте закреплены основные понятия и принципы, механизм работы ювенальной юстиции в России. Анализ норм данного Федерального закона позволяет прийти к выводу, что он регламентирует лишь разрешение гражданских, семейных, трудовых споров и не предусматривает применение процедуры медиации при производстве по уголовным делам. При этом следует отметить, что и прямого запрета на проведение соответствующих действий в других сферах права по аналогии (в том числе и уголовно-процессуального) Федеральный закон не содержит. Данные обстоятельства указывают на наличие предпосылки для внедрения процедуры медиации в иные области права. Так, согласно ч. 3 ст. 1 вышеобозначенного закона распространение процедуры медиации на споры, возникшие из иных, не указанных в ч. 2 названной статьи отношений, возможно только в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Помимо этого, в законодательстве РФ существуют **уголовно-процессуальные (специальные)** предпосылки для развития альтернативных форм проведения уголовного судопроизводства, в частности, медиации.

1. Уголовный кодекс РФ предусматривает освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, прекращаемых за примирением сторон в порядке ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ.

Ярким примером данной процедуры будет являться постановление Звениговского районного суда Республики Марий Эл от 16 апреля 2019 г. по делу № 1-63/2019. Данное дело возбуждено в отношении гражданки К. в связи с признаками совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации. Напомним, что данное деяние характеризуется причинением тяжкого

¹ См.: Головкин Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4. С. 40.

² См.: Забуга Е. Е. Наднациональное регулирование медиации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3. С. 80.

вреда здоровью в отношении потерпевшего, который наступил в результате нарушения правил дорожного движения и относится к категории преступлений небольшой тяжести. В приведенном примере уголовное дело рассматривалось в особом порядке, потерпевший Р. в подготовительной части судебного заседания заявил ходатайство о прекращении уголовного преследования в связи с примирением сторон. В решении суда отражены положительные характеристики К., удостоверено полное имущественное возмещение нанесенного вреда, а также отсутствие претензий со стороны потерпевшего. В связи с чем суд выносит решение о прекращении уголовного дела и освобождает К. от уголовной ответственности несмотря на то, что государственный обвинитель настаивал на общественной опасности данного преступления и отсутствии оснований для принятия данного решения¹.

2. Требования закона о необходимости учитывать ряд обстоятельств, характеризующих поведение уголовно-преследуемого лица, в том числе и постпреступное. Данные обстоятельства, смягчающие наказание, отражены в ч. 1 ст. 61 УК РФ:

- совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств;
- добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, и иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему;
- активное способствование раскрытию и расследованию преступления, в том числе розыск имущества, добытого в результате совершения общественно-опасного деяния.

Практика по вышеуказанным основаниям складывается неоднозначно, однако можно выделить некий вектор, направленный на значительное снижение ответственности в случаях, если смягчающие обстоятельства действительно присутствуют и по данным делам применяются в совокупности. Так, в апелляционном постановлении от 21 марта 2019 г. № 22-506/2019 по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ч. 4 ст. 264 УК РФ, в Волгоградском областном суде рассмотрена жалоба Р. Судом было установлено, что данное лицо хотя и понесло уголовную ответственность, но мера наказания имела несправедливый характер. Такая ситуация стала возможной, благодаря наличию совокупности смягчающих обстоятельств. По мнению апелляционной инстанции, суд не в полной мере учел то, что осужденный совершил преступление впервые, полностью признал вину, раскаивается в содеянном, имеет на иждивении малолетнего ребенка, которому оказывает материальное содержание, положительно характеризуется по месту работы, загладил в полном объ-

еме вред, причиненный преступлением, кроме того, потерпевшая Г. не желала привлекать Р. к уголовной ответственности. Изменение приговора позволило осужденному продолжить заниматься своей профессиональной деятельностью (водитель грузового транспорта) и совершать поездки в дальние регионы, благодаря исключению из приговора назначения дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами сроком на 1 год. На наш взгляд, такая позиция суда видится вполне адекватной и справедливой².

Возвращаясь к предпосылкам, нельзя не отметить, что в УПК РФ отсутствуют положения, прямо регламентирующие обязанность прибегать к посредническим действиям, тем не менее в ч. 2 ст. 268 УПК РФ имеется обязанность судьи по разъяснению права сторонам на примирение в рамках ст. 25 УПК РФ. Данное действие производится в подготовительной части судебного заседания.

Далее следует упомянуть дела, рассматриваемые в порядке гл. 40 УПК РФ. Обязательным условием в этом случае является согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и согласие потерпевшего (ч. 1 ст. 314 УПК РФ). Здесь обвиняемый и потерпевший по большей мере самостоятельно координируют предъявляемые друг к другу требования, в связи с чем такое производство и выделяется как особое.

Показательными будут статистические данные работы федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. Ежегодно возрастает число уголовных дел, которые были прекращены по нереабилитирующим основаниям. Так, в 2017 г. уголовные дела были прекращены в отношении 79,6 тыс. лиц, или 15,4 % от числа лиц по оконченным производством уголовным делам (в 2016 г. – 77,7 тыс., или 14,2 %). В 2018 г. были прекращены уголовные дела в отношении 188,1 тыс. лиц (удельный вес в общей структуре – 22,8 %). В первом полугодии 2019 г. всего поступило в производство 425 806 дел, из них 231 904 (54,4 %) были рассмотрены в порядке гл. 40 УПК РФ. Данная статистика подтверждает наличие тех тенденций, которые ранее в статье были отмечены как предпосылки внедрения процедуры медиации³.

Обобщение результатов исследований правоведов, изучавших интересующий нас правовой институт, позволяет сформулировать несколько важных положений, к изложению которых мы переходим.

Несмотря на наличие большого количества предпосылок к созданию процедуры медиации, именно в уголовно-процессуальном порядке на данный момент в России процедура не может быть применена. Здесь необходимо отметить несколько принципиаль-

¹ См.: Постановление от 16 апреля 2019 г. по делу № 1-63/2019 // Звениговский районный суд (Республика Марий Эл). URL: <https://sudact.ru/regular/court/obi63c2zEwor> (дата обращения: 30 декабря 2019 г.).

² См.: Апелляционное постановление от 21 марта 2019 г. по делу № 22-506/2019 // Вологодский областной суд (Вологодская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d6WjLf1uP3> (дата обращения: 30 декабря 2019 г.).

³ См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (дата обращения: 8 января 2020 г.).

но важных аспектов, из-за которых ее реализация затруднительна.

По мнению А. А. Давлетова, одна из первичных проблем применения процедуры медиации в современных российских реалиях уголовного процесса состоит в первую очередь в определении того, что из себя представляет данная процедура, то есть отсутствует ее четкое понятие¹. Мы попытались ответить на вопрос: что же такое медиация? Поскольку полагаем, что на сегодняшний день очевидна необходимость теоретической разработки модели этой процедуры, осмысления ее правовой сущности применительно к уголовно-процессуальному праву. В науке существует большое количество определений рассматриваемого понятия, однако многие из них относятся преимущественно к гражданскому судопроизводству.

Комплексное определение дают Д. В. Маткина и А. П. Гуськова, понимая под медиацией внесудебное урегулирование споров между субъектами при участии незаинтересованной стороны, процесс, при котором стороны выбирают один из неформальных способов разрешения конфликта посредством нейтрального специалиста – медиатора с целью выработки жизнеспособного решения².

А. А. Кудряшов указывает, что медиация – это внесудебный способ регулирования спора между сторонами при участии и под руководством третьего нейтрального лица, без права вынесения обязательного для сторон решения³.

По мнению И. Решетниковой, медиация – это переговоры между спорящими сторонами при участии и под руководством нейтрального третьего лица – посредника, не имеющего права выносить обязательно для сторон решения⁴.

Р. Р. Максудов считает, что под термином «медиация» понимается процедура примирения конфликтующих сторон путем их вступления в добровольные переговоры с помощью посредника, оказывающего содействие⁵.

Мы, в свою очередь, рассматриваем медиацию как процедуру, предназначенную для разрешения уголовно-правовых конфликтов, в процессе которой самостоятельное и беспристрастное третье лицо – посредник (медиатор) – регулирует нахождение компромиссного решения между лицом, совершившим противоправное деяние, и жертвой преступления с целью примирения сторон и установления взаимно

удовлетворяющего решения по компенсированию вреда, причиненного противоправным деянием, а также урегулирования иных вопросов, касающихся обеспечения прав и законных интересов указанных лиц при производстве по уголовному делу.

Значимым вопросом остается выстраивание механизма медиации в рамках уголовного процесса. По этому поводу интересно рассмотреть классификацию, предложенную М. Гроенхеизеном. Изначально ученый рассматривает медиацию как процесс, производимый вместо стандартной процедуры, предусмотренной в уголовном процессе. В данном случае уголовное дело либо не возбуждается изначально, либо приостанавливается на начальных стадиях. В итоге медиация становится внепроцессуальным методом разрешения конфликта.

Далее исследователь рассматривает процедуру примирения как часть уголовного процесса. Медиация здесь будет проходить внутри всего процесса, но при этом будет иметь самостоятельные элементы. Таким образом, результаты предыдущих стадий будут учитываться на каждом последующем этапе производства по делу.

Последним предложенным вариантом будет рассмотрение медиации как дополнения к уголовному процессу. Где примирение производится после вынесения судебного решения непосредственно в пениitenciарных учреждениях⁶.

Вариант, предполагающий рассмотрение медиации как части уголовного процесса с присущими ей самостоятельными элементами, нам видится наиболее предпочтительным. Похожая вариация на данный момент в России существует в гражданско-правовых отношениях.

Л. В. Головкин в качестве причины, из-за которой реализация примирительных процедур затруднительна, выделяет негативный настрой общества в целом, участников судопроизводства и должностных лиц к применению примирительных процедур. Однако статистика в тех странах, где данная процедура прошла свое зарождение и сейчас прогрессивно развивается, не может не обратить на себя внимание. В США до 90 % дел рассматриваются на ранних стадиях и не доходят до суда, в развитых Европейских странах этот показатель достигает 80 %, в России, если учитывать гражданско-правовые отношения, т. е. только в них применяется данная процедура, это всего лишь 3 %. Несомненно, большую роль в таких результатах сыграл принцип целесообразности, закрепленный на государственном уровне. К примеру, во Франции прокуратура в 28 % случаев отказывает в возбуждении уголовного преследования по мотивам нецелесообразности⁷. В Германии прекращать уголовное

¹ См.: Давлетов А. А., Братчиков Д. А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 148.

² См.: Гуськова А. П., Маткина Д. В. Медиация в уголовном процессе // Российский судья. 2009. № 2. С. 29.

³ См.: Кудряшов А. А. Указ соч. С. 25.

⁴ См.: Решетникова И., Колясникова Ю. Медиация и арбитражный процесс // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 3. С. 34.

⁵ См.: Максудов Р. Р. Восстановительная медиация: идея и технология: методические рекомендации. М.: Институт права и публичной политики. 2009. С. 72.

⁶ См.: Гроенхеизен М. Медиация жертвы и правонарушителя: правовые и процедурные гарантии. Эксперименты и законодательство в некоторых европейских странах // Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 16–19.

⁷ См.: Головкин Л. В. Институт уголовно-правовой медиации

преследование по причине нецелесообразности становится обычной практикой, реализуемой в отношении каждого второго несовершеннолетнего обвиняемого. В нашей стране на данный момент довольно сложно представить себе ситуацию, при которой прокурор имел бы полномочия, касающиеся оценки виновности лица и его способности к исправлению, а также назначения справедливого наказания. Такие высокие показатели европейских стран можно объяснить тем, что зарождение медиации произошло именно в англосаксонской правовой семье, где существует принцип «целесообразности», который зачастую превышает принцип законности. В Российской Федерации принцип законности играет главенствующую роль, в связи с чем возникает немало трудностей в выстраивании механизма имплементации медиации в правовом поле нашей страны.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день институт медиации в его уголовно-процессуальном значении не имеет распространения в нашей стране ввиду вышеупомянутых причин. Однако в отечественном уголовном судопроизводстве имеются серьезные предпосылки для реализации механизма данной процедуры. Дальнейшая разработка концепции внедрения процедуры уголовно-правовой медиации как прогрессивной альтернативы уголовному преследованию видится не только теоретически перспективной, но и продуктивной в прикладном ее значении.

Библиографический список

1. Апостолова Н. Н. Медиация (посредничество) по уголовным делам / Н. Н. Апостолова // Российская юстиция. – 2010. – № 3. – С. 16–21.
2. Арутюнян А. А. Международные стандарты медиации в уголовном судопроизводстве / А. А. Арутюнян // Закон. – 2011. – № 9. – С. 160–165.
3. Головкин Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации / Л. В. Головкин // Закон. – 2009. – № 4. – С. 51–54.
4. Гроенхейзен М. Медиация жертвы и правонарушителя: правовые и процедурные гарантии. Эксперименты и законодательство в некоторых европейских странах / М. Гроенхейзен // Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. – Москва, 2003. – С. 16–19.
5. Гуськова А. П. Медиация в уголовном процессе / А. П. Гуськова, Д. В. Маткина // Российский судья. – 2009. – № 2. – С. 29–32.
6. Давлетов А. А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России / А. А. Давлетов, Д. А. Братчиков // Российский юридический журнал. – 2014. – № 5. – С. 148–153.
7. Забуга Е. Е. Наднациональное регулирование медиации в уголовном судопроизводстве / Е. Е. Забуга // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 3. – С. 80–83.

8. Коатс Р. Б. Круги восстановительного правосудия в Южном Сент-Поле, Миннесота / Р. Б. Коатс, М. Умбрайт, Б. Вое. – Центр Восстановительного Правосудия и Миротворчества; Школа Социальной Работы; Университет Миннесоты, 2000.

9. Кудряшов А. А. Медиация в России / А. А. Кудряшов // Нотариус. – 2009. – № 3. – С. 25–28.

10. Максудов Р. Р. Восстановительная медиация: идея и технология: методические рекомендации / Р. Р. Максудов. – Москва: Институт права и публичной политики, 2009. – 72 с.

11. Решетникова И. Медиация и арбитражный процесс / И. Решетникова, Ю. Колясникова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 3. – С. 34–37.

Bibliograficheskiy spisok

1. Apostolova N. N. Mediatsiya (posrednichestvo) po ugovolnym delam / N. N. Apostolova // Rossijskaya yustitsiya. – 2010. – № 3. – С. 16–21.
2. Arutyunyan A. A. Mezhdunarodnye standarty mediatsii v ugovolnom sudoproizvodstve / A. A. Arutyunyan // Zakon. – 2011. – № 9. – С. 160–165.
3. Golovko L. V. Institut ugovolno-pravovoj mediatsii i ego perspektivy v Rossijskoj Federatsii / L. V. Golovko // Zakon. – 2009. – № 4. – С. 51–54.
4. Groenheizen M. Mediatsiya zhertvy i pravona rushitelya: pravovye i procedurnye garantii. Eksperimenty i zakonodatel'stvo v nekotoryh evropejskikh stranah / M. Groenheizen // Vosstanovitel'noe pravosudie / pod red. I. L. Petruhina. – Moskva, 2003. – С. 16–19.
5. Gus'kova A. P. Mediatsiya v ugovolnom processe / A. P. Gus'kova, D. V. Matkina // Rossijskij sud'ya. – 2009. – № 2. – С. 29–32.
6. Davletov A. A. Problema primeneniya mediatsii v ugovolnom processe Rossii / A. A. Davletov, D. A. Bratchikov // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2014. – № 5. – С. 148–153.
7. Zabuga E. E. Nadnatsional'noe regulirovanie mediatsii v ugovolnom sudoproizvodstve / E. E. Zabuga // YUridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika. – 2012. – № 3. – С. 80–83.
8. Koats R. B. Krugi vosstanovitel'nogo pravosudiya v YUzhnom Sent-Pole, Minesota / R. B. Koats, M. Umbrajt, B. Voe. – Centr Vosstanovitel'nogo Pravosudiya i Mirotvorchestva; SHkola Social'noj Raboty; Universitet Minnesoty, 2000.
9. Kudryashov A. A. Mediatsiya v Rossii / A. A. Kudryashov // Notarius. – 2009. – № 3. – С. 25–28.
10. Maksudov R. R. Vosstanovitel'naya mediatsiya: ideya i tekhnologiya: metodicheskie rekomendatsii / R. R. Maksudov. – Moskva: Institut prava i publichnoj politiki, 2009. – 72 s.
11. Reshetnikova I. Mediatsiya i arbitrazhnyj process / I. Reshetnikova, YU. Kolyasnikova // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2007. – № 3. – С. 34–37.

Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в судебных стадиях: понятие и основные характеристики

Спирин Александр Владимирович,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: a_v_spirin@bk.ru

В статье рассматривается понятие уголовно-процессуальной деятельности прокурора и ее характеристики применительно к судебным стадиям уголовного судопроизводства. К этим характеристикам автор относит следующие: интерес (побудительный мотив), цель, задачи, правовые средства, объект (предмет) и субъект деятельности, принципы деятельности. Автор приходит к выводу, что исследуемое понятие представляет собой единое и сложное правовое явление.

Ключевые слова: публичный интерес; прокурор; уголовное судопроизводство; правовые средства; уголовно-процессуальная деятельность.

Criminal procedure activities of the prosecutor in the judicial stages: concept and main characteristics

Spirin Alexander Vladimirovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate professor

The article deals with the concept of criminal procedure of the prosecutor and its characteristics in relation to the judicial stages of criminal proceedings. These characteristics include: interest (motive), purpose, tasks, legal means, object (subject) and subject of activity, principles of activity. The author concludes that the concept under study is a single and complex legal phenomenon.

Key words: public interest; the prosecutor; criminal trial; legal means; criminal procedure activity.

Как известно, уголовное судопроизводство как область человеческой практики представляет собой совокупность действий и решений правоприменителей и иных участвующих в деле лиц¹. Поэтому любое исследование в сфере уголовно-процессуального права так или иначе предполагает глубокое и всестороннее осмысление правового положения конкретных субъектов уголовного процесса. Для формирования научно обоснованного, целостного, внутренне непротиворечивого статуса одного из важнейших участников уголовного судопроизводства, каким является прокурор, полезным представляется использование разрабатываемой в науке единой концепции его уголовно-процессуальной деятельности². Рассмотрим

некоторые положения данной теоретической модели применительно к участию прокурора в судебных стадиях уголовного процесса.

Под *уголовно-процессуальной деятельностью прокурора* понимается обусловленная необходимостью отстаивания и защиты *публичного интереса в сфере уголовного судопроизводства система* уголовно-процессуальных действий (и решений), совершаемых *в установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке и с использованием предусмотренных УПК правовых средств должностными лицами прокуратуры*, сущность которой определяют *цель уголовного судопроизводства и задачи*, стоящие перед прокурором в различных стадиях уголовного судопроизводства.

¹ См.: Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. Екатеринбург, 2016. С. 5.

² Теоретические основы уголовно-процессуальной деятельности прокурора были разработаны Г. Н. Королевым (см.: Королев Г. Н. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора: монография. Кн. 1. Н. Новгород: ФГОУ ВПО ВГАВТ, 2004. 168 с.; Он же. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора: монография. Кн.

2: Уголовное преследование. Н. Новгород: ФГОУ ВПО ВГАВТ, 2005. 123 с.). Эти положения в последующем получили дальнейшее развитие. См.: Спирин А. В. О концепции уголовно-процессуальной деятельности прокурора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 52–58.

Уголовно-процессуальная деятельность прокурора, с одной стороны, является важнейшей структурной частью уголовно-процессуальной деятельности (уголовного судопроизводства) в целом, а с другой – это часть прокурорской деятельности вообще. Характерно, что уголовно-процессуальная деятельность прокурора тесно соприкасается с иными видами и направлениями деятельности прокуратуры. Поэтому здесь следует отметить, что при разработке концепции уголовно-процессуальной деятельности прокурора целесообразно учитывать и использовать результаты исследований ученых, посвятивших свои труды теории прокурорской деятельности (прокурорского надзора). Так, например, Е. Р. Ергашев и некоторые другие авторы ведут речь о компенсаторной деятельности прокурора, понимая под ней одну из составляющих прокурорской деятельности, ее компонент. Компенсаторная деятельность, по утверждению разработчиков данного понятия, не носит характер функции, осуществляется в рамках отдельных направлений прокурорской деятельности и является межотраслевой¹.

Характеризуя уголовно-процессуальную деятельность прокурора в судебных стадиях, необходимо остановиться на ряде ее аспектов. Как в основе деятельности суда, так и в основе деятельности прокурора в судебных стадиях лежит *публичный интерес*. Интерес суда направлен в итоге на законное, обоснованное и справедливое разрешение уголовного дела². Наличие *процессуального интереса* у прокурора характеризует его как одну из сторон судебного разбирательства. Процессуальный интерес вообще, по мнению В. М. Савицкого, «отражает законное стремление участника процесса добиться такого судебного решения, которое удовлетворило бы его материально-правовые притязания». Но что касается конкретно прокурора, то «только интересы государства заставляют прокурора поддерживать обвинение, у государственного обвинителя не может быть иных интересов, кроме государственных»³.

Побудительными мотивами деятельности прокурора в судебных стадиях, как представляется, необходимо считать:

– *изобличение* перед судом лица или лиц, обвиняемых в совершении преступления, *обоснование* инкриминируемого обвинения, сформулированного органами предварительного расследования в досудебном производстве;

– *содействие* правильному применению уголовного и уголовно-процессуального закона судами, вынесению законных, обоснованных и справедливых итоговых и промежуточных судебных решений по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, а в случаях, установленных законом (ч. 8 ст. 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴), и по делам частного обвинения, восстановлению социальной справедливости;

– *установление* в пределах своей компетенции *вновь открывшихся обстоятельств и новых обстоятельств*, принятие мер по возобновлению в соответствующих случаях производства по уголовному делу;

– *обеспечение соблюдения прав осужденных и правильного применения закона* при решении судом вопросов, связанных с исполнением приговоров.

На основе научного осмысления публичного интереса формируется цель и задачи уголовно-процессуальной деятельности.

Цель как осознанная конкретизированная модель (идеал) конечного результата уголовно-процессуальной деятельности едина для уголовного судопроизводства в целом⁵. А. А. Давлетов и Н. В. Азаренок, в свою очередь, убедительно обосновывают положение, что целью уголовного судопроизводства является защита общества и личности от преступных посягательств⁶. Разделяя приведенное мнение, отметим, что эту цель преследует в уголовном судопроизводстве и прокурор как один из ключевых участников.

В отличие от реализуемого прокурором в уголовном судопроизводстве интереса и цели деятельности, конкретные *задачи* прокурорской деятельности, вытекающие из названной цели, существенно отличаются от задач деятельности суда. Это объясняется сложностью уголовно-процессуальной деятельности, необходимостью в «разделении труда» ее отдельных властных участников. Кроме того, важно, что задачи уголовно-процессуальной деятельности прокурора в определенной степени сопряжены с целями и задачами деятельности прокуратуры РФ как государственного органа – обеспечением верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых

¹ См.: Ергашев Е. Р. Компенсаторная деятельность прокуратуры Российской Федерации: реалии и перспективы // Закон. 2017. № 3. С. 39–45; Бозров В. М., Ергашев Е. Р., Кобзарев Ф. М. Возбуждение и расследование уголовных дел прокурором: шаг вперед или два шага назад // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 3 (65). С. 89–95; Чукарев В. А. О применении компенсаторных средств прокурора при осуществлении надзора за исполнением закона органами дознания и предварительного следствия // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 5 (49). С. 93–99.

² См.: Давлетов А. А., Барабаш А. С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 125–136.

³ Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. 1971. С. 96–97, 122, 215.

⁴ Далее – УПК РФ.

⁵ Аналогичного мнения придерживается З. В. Макарова. См.: Макарова З. В. Цель, средства, результат уголовно-процессуальной деятельности // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы научно-практической конференции. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2014. С. 160–166.

⁶ См.: Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Назначение, цель и задачи уголовного судопроизводства // Правоведение. 2013. № 1. С. 124–134.

законом интересов общества и государства (п. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре РФ»).

Задачи, стоящие перед прокурором в уголовном судопроизводстве, существенным образом меняются в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, в которой осуществляется соответствующая деятельность. После направления уголовного дела в суд прокурор обеспечивает законность и обоснованность государственного обвинения в ходе судебного производства, принимает меры к восстановлению имущественных и иных охраняемых законом прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

В научной литературе единства в определении задач, стоящих перед прокурором в суде, не достигнуто¹.

Попробуем сформулировать свое видение задач, стоящих перед прокурором в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Прокурор осуществляет уголовно-процессуальную деятельность в судебных стадиях с тем, чтобы:

- на основе представления доказательств, участия в их исследовании, проверке и оценке обосновать перед судом инкриминируемое подсудимому обвинение, добиться осуждения и наказания виновного;

- добиваться всестороннего, полного и объективного установления всех обстоятельств дела судом, выявления как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого обстоятельств, а также обстоятельств, отягчающих и смягчающих его ответственность, обстоятельств, способствовавших совершению преступления;

- реагировать на любые нарушения закона в процессуальной деятельности суда и иных участников уголовного судопроизводства², содействовать суду в защите прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, и лиц, подвергающихся уголовному преследованию, а также иных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство;

- принимать меры по защите прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий, нарушенных

¹ См., например: Идрисов М. М. Задачи государственного обвинителя в состязательном уголовном процессе // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 3. С. 78–81; Прокурорский надзор в Российской Федерации. Екатеринбург, 2016. С. 270.

² В. С. Зеленецкий указывал, что цель реабилитации невиновного стоит в уголовном процессе в равной мере перед судом и прокурорским надзором. См.: Зеленецкий В. С. Отказ прокурора от государственного обвинения. С. 83.

³ В том числе, обращая внимание суда на нарушения закона, допущенные в досудебном производстве и ставшие известными в ходе судебного разбирательства, обращаясь к суду с ходатайствами о вынесении соответствующих частных определений в порядке ч. 4 ст. 29 УПК РФ.

преступлением, и восстановлению социальной справедливости путем предъявления и поддержания гражданских исков.

Безусловно, перечисленные задачи должны быть скорректированы и уточнены в отдельных судебных стадиях в силу специфики данных стадий.

Если задачи, по мнению ученых, отвечают на вопрос «Что делать?», то функции – «Как это достигается?». Функция как одна из основополагающих характеристик деятельности представляет собой относительно обособленную часть работы (направление), которую производит субъект для решения стоящих перед ним задач. Определение конкретных задач в ходе теоретического осмысления уголовно-процессуальной деятельности прокурора позволяет структурировать эту деятельность, выделяя, например, доказательственное и правозащитное (правообеспечительное) направления (дифференцированная концепция функций)⁴.

Цель и задачи уголовно-процессуальной деятельности прокурора дают возможность правильного выбора средств этой деятельности, оценки существующих в настоящее время средств с точки зрения их достаточности и эффективности.

Средствами уголовно-процессуальной деятельности прокурора в первую очередь являются: процессуальные решения (п. 33 ст. 5 УПК) и процессуальные действия (п. 32 ст. 5 УПК), с помощью которых реализуются полномочия прокурора. То есть к уголовно-процессуальным правовым средствам прокурора можно отнести процессуальные полномочия⁵, а также процессуальные решения, которыми оформляются процессуальные действия по реализации соответствующих полномочий прокурора.

Какими средствами располагает прокурор для решения стоящих перед ним в судебных стадиях уголовного судопроизводства задач?

В качестве средств уголовно-процессуальной деятельности прокурора в судебных стадиях можно рассматривать, как считает К. И. Амирбеков, изложение прокурором суду своего мнения в ходатайствах, заключениях, выступлении в прениях, репликах, представлениях и возражениях на жалобы иных участников уголовного судопроизводства⁶.

В отличие от досудебного производства, где все (практически) средства уголовно-процессуальной деятельности прокурора облекаются в письменную форму, в судебных заседаниях реализация многих полномочий прокурора не предусматривает их во-

⁴ См.: Давлетов А. А., Азаренок Н. В., Асанов Р. Ш. Проблема функций следователя в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 56–68.

⁵ Аналогичной точки зрения придерживается В. А. Лазарева, указывающая, что все полномочия прокурора есть правовые средства осуществления прокурором его процессуальной функции. См.: Лазарева В. А. Участие прокурора в уголовном процессе. С. 28.

⁶ См.: Амирбеков К. И. Объект и предмет прокурорского надзора и ненадзорной прокурорской деятельности: теоретический подход // Российский следователь. 2017. № 3. С. 48.

площения в некий определенный документ. О. В. Качалова отмечает в связи с этим, что даже если такое процессуальное средство не было оформлено в виде отдельного письменного акта, оно должно быть мотивировано и основываться на фактических обстоятельствах дела. Так, заявляя отказ от согласия на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, государственный обвинитель должен указать, какие из условий, необходимых для рассмотрения дела в особом порядке, не соблюдены, какие препятствия для рассмотрения дела в сокращенном порядке он усматривает¹.

Исследовавшие акты прокурорского реагирования в российском уголовном судопроизводстве В. А. Азаров и А. А. Терехин в качестве таковых в судебных стадиях уголовного процесса выделяют:

- *ходатайства прокурора* (заявление прокурором ходатайства рассматривается как *процессуальное действие*, посредством которого прокурор пытается повлиять на ход судебного разбирательства путем установления, изменения или прекращения уголовно-процессуальных отношений);
- *возражения* против заявленного другим участником ходатайства;
- *гражданский иск* прокурора в уголовном деле;
- *заключение* государственного обвинителя о полном или частичном отказе от обвинения, утвержденное прокурором (данное процессуальное действие содержит властное волеизъявление, в котором проявляется отношение прокурора к предъявленному подсудимому обвинению)²;
- *замечания на протокол* судебного заседания;
- *апелляционные* (в т. ч. и дополнительные), *кассационные и надзорные представления*;
- *возражения* на апелляционную, кассационную и надзорную жалобы;
- *представления* на постановление суда в стадии исполнения приговора;
- *различные постановления* прокурора в стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств;
- *заклучение* о необходимости возобновления производства по уголовному делу и другие³.

Реализация соответствующих полномочий составляет *содержание уголовно-процессуальной деятельности* прокурора.

Одним из существенных свойств уголовно-процессуальной деятельности является ее детальная урегулированность уголовно-процессуальным законодательством, деятельность прокурора протекает

в особой процессуальной *форме*. Для уголовно-процессуальной деятельности прокурора характерно, что отдельные аспекты ее *правовой основы* закреплены в Федеральном законе «О прокуратуре РФ» и в других нормативных правовых актах⁴.

Сложным является следующее рассматриваемое нами понятие – *объект уголовно-процессуальной деятельности прокурора*.

Исходя из философских воззрений, «средства выступают в качестве связывающего звена между субъектом цели и *объектом его деятельности*»⁵, при помощи средств производится целенаправленное изменение *объекта* (материальной или идеальной сущности).

Обратившись к теории прокурорской деятельности, мы увидим, что к ее объекту ученые относят внешне выраженную *юридическую действительность, юридические явления*, которые вырабатываются субъектами социальной действительности, проявляются в форме их юридических актов-действий (бездействия) или юридических актов-решений, находятся во взаимодействии с прокуратурой Российской Федерации и подвергаются ее воздействию для достижения цели деятельности⁶.

Таким образом, в качестве *объекта уголовно-процессуальной деятельности* прокурора можно рассматривать процессуальные действия и решения участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, подвергающиеся воздействию прокурора для достижения цели и решения задач деятельности. Одной из важнейших составляющих объекта уголовно-процессуальной деятельности прокурора является сформулированное в ходе предварительного расследования *обвинение* лица (лиц) в совершении определенного преступления (преступлений). В центральной стадии уголовного судопроизводства – судебном разбирательстве – прокурор доказывает обвинение перед судом, высказывает суду свое мнение об обоснованности обвинения, в установленных законом случаях совершает действия, в результате которых обвинение изменяется или аннулируется. Поэтому обвинение нужно считать *предметом* уголовно-процессуальной деятельности прокурора.

В определенных законом случаях объектом уголовно-процессуальной деятельности вышестоящего прокурора являются действия и решения прокурора нижестоящего (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Последнее

¹ См. Качалова О. В. Должен ли гособвинитель мотивировать отказ от особого порядка судебного разбирательства // Уголовный процесс. 2019. № 6. С. 9.

² Этот акт предлагается цитируемыми авторами для внесения в УПК РФ, как оформляющий соответствующее решение прокурора.

³ См.: Азаров В. А., Терехин А. А. Акты прокурорского реагирования в российском уголовном судопроизводстве. С. 21–22, 26, 111, 119, 125, 128, 130.

⁴ См.: Труды Г. Н. Королева, а также предложивших подобный подход О. А. Малышевой и А. А. Крымова. См.: Королев Г. Н. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора. Кн. 1. С. 87; Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 102; Малышева О. А. Предварительное расследование: концепция повышения эффективности. С. 57–59.

⁵ См.: Керимов Д. А. Философские проблемы права. С. 381.

⁶ См.: Амирбеков К. И. Объект и предмет прокурорской деятельности: теоретический подход // Российский следователь. С. 50–51.

отражает принцип централизации построения прокурорской системы. Конституционный Суд РФ указывает, что Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры вправе как принимать решения, обязательные для нижестоящих прокуроров, так и отменять принятые последними решения и прекращать осуществляемые ими действия¹.

Что касается субъекта уголовно-процессуальной деятельности прокурора, то надо заметить, что в судебных стадиях с утратой властных полномочий меняется характер его деятельности, прокурор играет хотя и важную, но не «заглавную» роль.

Если задачи деятельности закрепляют, что необходимо сделать для реализации ее цели, то принципы определяют, чем необходимо руководствоваться при осуществлении деятельности². Представляется, что в уголовно-процессуальной деятельности прокурора должны находить отражение принципы, которые процессуалисты считают присущими уголовно-процессуальному праву в целом (как закрепленные в настоящее время в УПК РФ, так и те, которые должны найти свое законодательное воплощение, по мнению ученых): публичности, объективности, справедливости и другие³. В решении отдельных проблемных вопросов прокурорской деятельности в уголовном процессе невозможно не обращаться к принципам, закрепленным в Федеральном законе «О прокуратуре РФ», например, к принципу централизации прокурорской системы.

Разработке системы принципов деятельности прокурора посвящены многочисленные исследования ученых⁴. Например, А. А. Давлетов, рассматривая уголовный процесс как механизм осуществления прикладной деятельности, утверждает, что нужны четкие, практически реализуемые правила и гарантии, нужны ясные ответы на сложные правовые вопросы. Таковыми должны быть и принципы уголовного процесса, т.

е. *принципы уголовно-процессуальной деятельности*. Исходя из этого, указанный автор предлагает следующую систему принципов уголовно-процессуальной деятельности: 1) соблюдения уголовно-процессуальной формы; 2) активности; 3) целесообразности; 4) быстроты (своевременности); 5) процессуальной самостоятельности; 6) документирования (письменности); 7) обеспечения прав участников; 8) непосредственности исследования доказательств; 9) полноты доказывания; 10) оценки доказательств по внутреннему убеждению; 11) законности, обоснованности, мотивированности и справедливости процессуальных решений; 12) честности (совести); 13) культуры.

Предложенная система вытекает из действующих норм уголовно-процессуального права и на принципиальном уровне выражает содержание и специфику уголовно-процессуальной деятельности как особого вида юридической практики⁵. Предложенная А. А. Давлетовым концепция вполне применима к уголовно-процессуальной деятельности прокурора, поскольку последняя является составной частью уголовно-процессуальной деятельности вообще. Вместе с тем в эту систему принципов следует включить положения, сформулированные другими авторами, например, Г. Н. Королевым (независимости и гласности). При этом нельзя не согласиться с А. А. Давлетовым, что говорить о законченности теоретической разработки вопросов, связанных с определением принципов уголовно-процессуальной деятельности, преждевременно.

Таким образом, имеются достаточные основания рассматривать единое и сложное правовое явление – *уголовно-процессуальную деятельность прокурора в судебных стадиях уголовного процесса*, с ее специфическими особенностями в отдельных стадиях. Поскольку прокурор в судебных стадиях утрачивает властные полномочия, то его уголовно-процессуальная деятельность в существенной мере «встраивается» в уголовно-процессуальную деятельность суда.

Библиографический список

1. Акты прокурорского реагирования в российском уголовном судопроизводстве: монография / В. А. Азаров, А. А. Терехин. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 200 с.
2. Амирбеков К. И. Объект и предмет прокурорской деятельности: теоретический подход / К. И. Амирбеков // Российский следователь. – 2016. – № 24. – С. 49–52.
3. Амирбеков К. И. Объект и предмет прокурорского надзора и ненадзорной прокурорской деятельности: теоретический подход / К. И. Амирбеков // Российский следователь. – 2017. – № 3. – С. 46–51.
4. Бозров В. М. Возбуждение и расследование уголовных дел прокурором: шаг вперед или два шага назад / В. М. Бозров, Е. Р. Ергашев, Ф. М. Кобзарев // Вест-

⁵ См.: Давлетов А. А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности. № 2. С. 92–102.

¹ См.: Пункт 8 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Теория оперативно-розыскной деятельности. С. 7.

³ См.: Гуляев А. П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Российский следователь. 2012. № 16. С. 6–7.

⁴ См.: Курочкина Л. А. Проблемы обеспечения прокурором прав участников судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10; Королев Г. Н. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора. Кн. 1. С. 125–128; Ергашев Е. Р. Принципы прокурорско-охранительного права и его институтов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 32–35; Он же. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права: монография. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2007. 232 с.; Буланова Н. В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами. С. 8.

ник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 3 (65). – С. 89–95.

5. Буланова Н. В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: монография / Н. В. Буланова. – Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации; Проспект, 2016. – 192 с.

6. Гуляев А. П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике / А. П. Гуляев // Российский следователь. – 2012. – № 16. – С. 5–8.

7. Давлетов А. А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности / А. А. Давлетов // Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 92–102.

8. Давлетов А. А. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве / А. А. Давлетов, А. С. Барабаш // Российский юридический журнал. – 2011. – № 4. – С. 125–136.

9. Давлетов А. А. Назначение, цель и задачи уголовного судопроизводства / А. А. Давлетов, Н. В. Азаренок // Правоведение. – 2013. – № 1. – С. 124–134.

10. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций / А. А. Давлетов. – Екатеринбург, 2016. – 346 с.

11. Давлетов А. А. Проблема функций следователя в уголовном процессе / А. А. Давлетов, Н. В. Азаренок, Р. Ш. Асанов // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 56–68.

12. Ергашев Е. Р. Принципы прокурорского надзора-охранительного права: монография / Е. Р. Ергашев. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2007. – 232 с.

13. Ергашев Е. Р. Принципы прокурорско-охранительного права и его институтов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Р. Ергашев. – Екатеринбург, 2008. – 40 с.

14. Ергашев Е. Р. Компенсаторная деятельность прокуратуры Российской Федерации: реалии и перспективы / Е. Р. Ергашев // Закон. – 2017. – № 3. – С. 39–45.

15. Зеленецкий В. С. Отказ прокурора от государственного обвинения: учебное пособие / В. С. Зеленецкий. – Харьков, 1979. – 116 с.

16. Идрисов М. М. Задачи государственного обвинителя в состязательном уголовном процессе / М. М. Идрисов // Вестник Владимирского юридического института. – 2009. – № 3. – С. 78–81.

17. Качалова О. В. Должен ли гособвинитель мотивировать отказ от особого порядка судебного разбирательства / О. В. Качалова // Уголовный процесс. – 2019. – № 6. – С. 9.

18. Керимов Д. А. Философские проблемы права: монография / Д. А. Керимов. – Москва: Мысль, 1972. – 472 с.

19. Королев Г. Н. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора: монография / Г. Н. Королев. – Кн. 1: Общие положения. – Нижний Новгород: ФГОУ ВПО ВГАВТ, 2004. – 168 с.

20. Королев Г. Н. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора: монография / Г. Н.

Королев. – Кн. 2: Уголовное преследование. – Нижний Новгород: ФГОУ ВПО ВГАВТ, 2005. – 123 с.

21. Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: дис. ... д-ра юрид. наук / А. А. Крымов. – Москва, 2015. – 637 с.

22. Курочкина Л. А. Проблемы обеспечения прокурором прав участников судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук / Л. А. Курочкина. – Москва, 2003. – 160 с.

23. Лазарева В. А. Участие прокурора в уголовном процессе: научно-практическое пособие / В. А. Лазарева. – Москва: Юрайт, 2016. – 215 с.

24. Макарова З. В. Цель, средства, результат уголовно-процессуальной деятельности / З. В. Макарова // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы научно-практической конференции. – Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2014. – С. 160–166.

25. Малышева О. А. Предварительное расследование: концепция повышения эффективности: монография / О. А. Малышева. – Москва, 2010. – 274 с.

26. Прокурорский надзор в Российской Федерации: курс лекций / Е. Р. Ергашев. – Екатеринбург, 2016.

27. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде / В. М. Савицкий. – Москва: Наука, 1971. – 343 с.

28. Спирин А. В. О концепции уголовно-процессуальной деятельности прокурора / А. В. Спирин // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – № 4 (72). – С. 52–58.

29. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – Москва: ИНФРА-М, 2007. – 832 с.

30. Чукреев В. А. О применении компенсаторных средств прокурора при осуществлении надзора за исполнением закона органами дознания и предварительного следствия / В. А. Чукреев // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2018. – № 5 (49). – С. 93–99.

Bibliograficheskij spisok

1. Akty prokurorskogo reagirovaniya v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve: monografiya / V. A. Azarov, A. A. Terekhin. – Moskva: YUrlitinform, 2014. – 200 с.

2. Amirbekov K. I. Ob»ekt i predmet prokurorskoj deyatel'nosti: teoreticheskij podhod / K. I. Amirbekov // Rossijskij sledovatel'. – 2016. – № 24. – S. 49–52.

3. Amirbekov K. I. Ob»ekt i predmet prokurorskogo nadzora i nenadzornoj prokurorskoj deyatel'nosti: teoreticheskij podhod / K. I. Amirbekov // Rossijskij sledovatel'. – 2017. – № 3. – S. 46–51.

4. Bozrov V. M. Vozbuzhdenie i rassledovanie ugovnyh del prokurorom: shag vpered ili dva shaga nazad / V. M. Bozrov, E. R. Ergashev, F. M. Kobzarev // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2018. – № 3 (65). – S. 89–95.

5. Bulanova N. V. Uchastie prokurora v rassmotrenii ugovnyh del sudami: monografiya / N. V. Bulanova. – Moskva: Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii; Prospekt, 2016. – 192 s.
6. Gulyaev A. P. Celi, zadachi i principy kak fundamental'nye polozheniya ugovno-processual'nogo prava: po zakonu, teorii i praktike / A. P. Gulyaev // Rossijskij sledovatel'. – 2012. – № 16. – S. 5–8.
7. Davletov A. A. Principy ugovno-processual'noj deyatel'nosti / A. A. Davletov // Pravovedenie. – 2008. – № 2. – S. 92–102.
8. Davletov A. A. Mesto i rol' publichnosti v ugovnom sudoproizvodstve / A. A. Davletov, A. S. Barabash // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2011. – № 4. – S. 125–136.
9. Davletov A. A. Naznachenie, cel' i zadachi ugovnogo sudoproizvodstva / A. A. Davletov, N. V. Azarenok // Pravovedenie. – 2013. – № 1. – S. 124–134.
10. Davletov A. A. Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossijskoj Federacii: kurs lekcij / A. A. Davletov. – Ekaterinburg, 2016. – 346 s.
11. Davletov A. A. Problema funkcij sledovatelya v ugovnom processe / A. A. Davletov, N. V. Azarenok, R. SH. Asanov // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2019. – № 4. – S. 56–68.
12. Ergashev E. R. Principy prokurorskogo nadzorno-ohranitel'nogo prava: monografiya / E. R. Ergashev. – Ekaterinburg: Ural'skaya gosudarstvennaya juridicheskaya akademiya, 2007. – 232 s.
13. Ergashev E. R. Principy prokurorsko-ohranitel'nogo prava i ego institutov: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / E. R. Ergashev. – Ekaterinburg, 2008. – 40 s.
14. Ergashev E. R. Kompensatornaya deyatel'nost' prokuratury Rossijskoj Federacii: realii i perspektivy / E. R. Ergashev // Zakon. – 2017. – № 3. – S. 39–45.
15. Zeleneckij V. S. Otkaz prokurora ot gosudarstvennogo obvineniya: uchebnoe posobie / V. S. Zeleneckij. – Har'kov, 1979. – 116 s.
16. Idrisov M. M. Zadachi gosudarstvennogo obvinitya v sostyazatel'nom ugovnom processe / M. M. Idrisov // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. – 2009. – № 3. – S. 78–81.
17. Kachalova O. V. Dolzhen li gosobvinitel' motivirovat' otkaz ot osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva / O. V. Kachalova // Ugolovnyj process. – 2019. – № 6. – S. 9.
18. Kerimov D. A. Filosofskie problemy prava: monografiya / D. A. Kerimov. – Moskva: Mysl', 1972. – 472 s.
19. Korolev G. N. Uchenie ob ugovno-processual'noj deyatel'nosti prokurora: monografiya / G. N. Korolev. – Kn. 1: Obshchie polozheniya. – Nizhnij Novgorod: FGOU VPO VGAVT, 2004. – 168 s.
20. Korolev G. N. Uchenie ob ugovno-processual'noj deyatel'nosti prokurora: monografiya / G. N. Korolev. – Kn. 2: Ugolovnoe presledovanie. – Nizhnij Novgorod: FGOU VPO VGAVT, 2005. – 123 s.
21. Krymov A. A. Ugolovno-processual'naya deyatel'nost' organov i uchrezhdenij ugovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii: dis. ... d-ra jurid. nauk / A. A. Krymov. – Moskva, 2015. – 637 s.
22. Kurochkina L. A. Problemy obespecheniya prokurorom prav uchastnikov sudebnogo razbiratel'stva: dis. ... kand. jurid. nauk / L. A. Kurochkina. – Moskva, 2003. – 160 s.
23. Lazareva V. A. Uchastie prokurora v ugovnom processe: nauchno-prakticheskoe posobie / V. A. Lazareva. – Moskva: YUrajt, 2016. – 215 s.
24. Makarova Z. V. Cel', sredstva, rezul'tat ugovno-processual'noj deyatel'nosti / Z. V. Makarova // Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie sredstva obespecheniya effektivnosti ugovnogo sudoproizvodstva: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. – Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i prava, 2014. – S. 160–166.
25. Malysheva O. A. Predvaritel'noe rassledovanie: koncepciya povysheniya effektivnosti: monografiya / O. A. Malysheva. – Moskva, 2010. – 274 s.
26. Prokurorskij nadzor v Rossijskoj Federacii: kurs lekcij / E. R. Ergashev. – Ekaterinburg, 2016. – 316 s.
27. Savickij V. M. Gosudarstvennoe obvinenie v sude / V. M. Savickij. – Moskva: Nauka, 1971. – 343 s.
28. Spirin A. V. O koncepcii ugovno-processual'noj deyatel'nosti prokurora / A. V. Spirin // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2019. – № 4 (72). – S. 52–58.
29. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: uchebnik / pod red. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinskogo, G. K. Sinilova. – Moskva: INFRA-M, 2007. – 832 s.
30. CHukreev V. A. O primenenii kompensatornyh sredstv prokurora pri osushchestvlenii nadzora za ispolneniem zakona organami doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya / V. A. CHukreev // Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu. – 2018. – № 5 (49). – S. 93–99.

Некоторые проблемы применения денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения

Тутынин Игорь Борисович,
Московский университет МВД России имени
В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент
e-mail: tutig@rambler.ru

В статье показана значимость для уголовного судопроизводства надлежащего применения денежного взыскания как меры процессуального принуждения. Приведено видение автора по вопросам правовой природы денежного взыскания, перечня участников и групп правонарушений, за которые должна налагаться данная мера принуждения.

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения; денежное взыскание.

Some problems of applying monetary penalties as a measure of criminal procedural coercion

Tutynin Igor Borisovich,
Moscow University of the Ministry of the Interior of
Russia named after V. J. Kikot,
Candidate of Law, Associate professor

The article shows the significance for criminal proceedings of the proper application of monetary penalties as a measure of procedural compulsion. The author's vision on the legal nature of monetary penalties, the list of participants and groups of offenses for which this measure of coercion should be imposed is given.

Key words: measures of criminal procedural compulsion; monetary penalty.

В рамках исследования правоприменения мер процессуального принуждения имущественного характера нами проведено изучение 1451 уголовного дела, рассмотренного районными судами г. Москвы, Владимирской, Калужской, Московской и Смоленской областей в 2003–2019 гг. Выяснено, что предусмотренная ст. 117, 118 и 258 УПК РФ такая мера процессуального принуждения, как денежное взыскание, не применяется как в досудебных, так и судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Обращение к официальной статистике 2007–2019 гг. не дало наглядной картины. Ежегодная общая сумма назначенных денежных взысканий в порядке ст. 117–118 УПК РФ значительно изменялась по сравнению с предыдущим годом. От ежегодно наложенных сумм уплачиваются добровольно от 1,2 % до 37,9 %, передаются для принудительного исполнения – от 7,5 % до 113,9 %, а взыскивается принудительно (оплачивается должником) – от 0,8 % до 95,7 %.¹ Такие цифры говорят о проблемах применения денежного взыскания в порядке ст. 117–118 УПК РФ.

Возникает вопрос: хорошо или плохо то, что денежное взыскание в уголовном судопроизводстве применяется крайне редко либо не постоянно? Убеждены, что подобное положение нельзя признать удовлетворительным.

Зная о неприменении такой меры, участники уголовного судопроизводства могут не стремиться выстраивать свое поведение в соответствии с предписаниями уголовно-процессуального законодательства. Например, свидетель игнорирует являться к следователю, дознавателю, в суд, будучи уверен, что ему за это абсолютно ничего не будет.

Государство несет расходы из-за ненадлежащего поведения участников, действия которых становятся препятствием нормальному порядку производства по уголовному делу. Например, неявка свидетеля приводит к затягиванию сроков предварительного расследования и судебного разбирательства. Подрывается авторитет судебной системы. В федеральный бюджет не поступают денежные средства, которые могли бы улучшить благосостояние государства, в том числе с адресным направлением финансовых потоков на совершенствование системы органов юстиции.

¹ См.: Судебная статистика [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 1 мая 2020 г.).

Причины неприменения (ненадлежащего применения) денежного взыскания нами связываются с объективными и субъективными предпосылками.

К не зависящим от правоприменителя причинам неудовлетворительного применения денежного взыскания может относиться отсутствие имущества у большинства населения, вовлеченного в уголовно-процессуальные отношения. Бесперспективно ожидать значительных результатов имущественных взысканий с лиц, противоправные действия которых обусловлены их нищенским положением. Но ведь уровень имущественного состояния граждан в России не одинаков. Времена финансовых кризисов проходят, а деньги нужно считать всегда.

В теоретических разработках отечественных авторов мерам имущественной ответственности за совершенные уголовно-процессуальные правонарушения отводится не самое центральное место. Их предлагается полностью устранить из уголовного процесса, перебросив в производство по делам об административных правонарушениях, либо они характеризуются как второстепенные, необязательные институты.

Вторя этому, практики не считают необходимым применять при производстве по делу денежное взыскание как меру уголовно-процессуального принуждения, игнорируют наличие на то оснований и условий.

Предлагаем обратиться к отдельным причинам и условиям неприменения данной меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера.

1. Подходы к установлению правовой природы денежного взыскания у отечественных процессуалистов не отличаются единообразием. Одни авторы предлагают разработать самостоятельную систему мер процессуального обеспечения, в которой указанный институт должен быть мерой процессуального воздействия¹. Другие авторы наложение денежного взыскания не рекомендуют рассматривать как самостоятельную меру уголовно-процессуального принуждения². Некоторые процессуалисты настаивают на необходимости исключения из УПК РФ всего, что имеет отношение к денежному взысканию и порядку его наложения, с переводом данного института в административную модель³.

¹ См.: Луговец Н. В. Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 9–10.

² См.: Кудин Ф. М. Избранные труды. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 313.

³ См.: Макарейко Н. В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 20; Россинский С. Б. Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения: «За» и «Против» // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники: материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Д. С. Карева. М., 2006. С. 214; Серков П. П. Административная ответственность: проблемы

По нашему мнению, устранение денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения посредством перевода состава правонарушения в административный проступок не продуктивно.

Это не упростит порядок привлечения к ответственности правонарушителя, т. к. потребуются дополнительные процессуальные действия судьи (возбуждение производства по делу об административном правонарушении, назначение и проведение нового судебного заседания, вызов участников, разъяснение им прав и иные процессуальные действия), что не будет способствовать увеличению правовых возможностей участникам уголовного судопроизводства по защите прав и интересов, повлечет затягивание разрешения дела по существу.

Убеждены, наложение денежного взыскания в судебном разбирательстве по правилам уголовного судопроизводства является гарантированием прав и интересов заинтересованных участников.

Разделение уголовно-процессуальной и административной ответственности нужно для разграничения смежных составов правонарушений. Сравнение ст. 258 УПК РФ и ст. 17.3 КоАП РФ свидетельствует – данные составы правонарушений не одинаковы по субъектному составу. Смешивать противоправные деяния лиц, наделенных уголовно-процессуальным статусом, и лиц без процессуального статуса, присутствующих в судебном заседании, вряд ли целесообразно по ряду причин.

Наделение лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, соответствующим процессуальным положением и совокупностью прав и обязанностей отвечает нуждам уголовного судопроизводства. За невыполнение обязанностей прописанных УПК РФ, должна наступать уголовно-процессуальная ответственность. Для иных лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, но нарушивших в судебном заседании по уголовному делу установленные правила, необходимо привлечение к ответственности за административное правонарушение. При этом во втором случае суд при наложении штрафа выполняет административную, а не судебную функцию с возможностью отхода от состязательного процесса.

В подтверждение этому Верховный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость разграничения составов данных правонарушений (ст. 117, 118, 258 УПК РФ и ч. 1 ст. 17.3 КоАП РФ) по субъектному составу⁴.

Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения приносит вариативность системе мер уголовно-процессуального принуждения. Ведь выбор надлежащего способа разрешения

и пути совершенствования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 14–15.

⁴ См.: Постановления Верховного Суда Российской Федерации от 31 января 2006 г. № 41-ад05-5, от 18 января 2008 г. № 3-Ад08-1, от 20 августа 2008 г. № 41-Ад08-1, от 10 февраля 2010 г. № 49-Ад10-1, от 30 июля 2010 г. № 14-Ад10-1, от 27 мая 2013 г. № 18-Ад13-13 // СПС «КонсультантПлюс» и др.

правового конфликта с воздействием на ситуацию на разных этапах процесса является неопределимой возможностью должностного лица эффективно использовать своевременное предупреждение, пресечение и наказание.

Отличны временные рамки совершения смежных уголовно-процессуальных и административных проступков, т. к. первые не ограничены судебными стадиями уголовного процесса.

Существуют разнообразные варианты объективной стороны правонарушений, имеющих уголовно-процессуальную природу, в отличие от аналогичных административных проступков.

II. Денежное взыскание налагается на участников уголовного судопроизводства за невыполнение ими процессуальных обязанностей и за нарушение ими порядка в зале судебного заседания (ст. 117 УПК РФ). В УПК РФ имеются и иные обращения к применению денежного взыскания.

Денежное взыскание применяется за неисполнение участниками следующих обязательств: неявка по вызовам дознавателя, следователя или в суд (п. 1 ч. 5 ст. 42, п. 1 ч. 3 ст. 54, п. 1 ч. 6 ст. 56, п. 1 ч. 3 ст. 54, п. 1 ч. 6 ст. 56, п. 6 ч. 4 ст. 57, ч. 4 ст. 58, п. 3 ч. 4 ст. 59, ч. 4 ст. 60, ч. 3 ст. 333 УПК РФ). Данные нарушения (для удобства – *первого вида*) связаны с неприбытием (отсутствием явки) без уважительных причин.

Полагаем, что за подобным нарушением должна наступать уголовно-процессуальная ответственность, хотя это не указано в УПК РФ, еще и следующих лиц: заявителя, лица, участвующего в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, а также кандидата в присяжные заседатели. Думается, что уголовно-процессуальное законодательство в данной части предстоит дополнить.

Следующий, сходный с предыдущим, но самостоятельный *второй вид* правонарушений – нарушение потерпевшим, свидетелем, гражданским истцом и ответчиком, экспертом, специалистом, переводчиком и понятым порядка и (или) общепринятых норм поведения в судебном заседании.

Ряд других вариантов невыполнения участниками уголовного судопроизводства, а также лицами, вовлеченными в связи с проведением процессуального действия, возложенных на них процессуальных обязанностей образуют *третий вид* правонарушений. В частности, п. 1–3 ч. 4 ст. 57 УПК РФ прописаны наказуемые в уголовно-процессуальном порядке действия эксперта, влекущие наложение денежного взыскания: ведение переговоров с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы без согласия следователя и суда; самостоятельное собирание материалов для экспертного исследования; проведение без разрешения дознавателя, следователя, суда исследова-

ния, которое повлекло уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида, основных свойств.

Данный перечень не полный. Расширение возможно за счет аналогичных действий руководителя экспертного учреждения, специалиста, переводчика, психолога и педагога. Действия указанных участников если не образуют состав преступления в виде необоснованного уклонения от проведения соответствующего исследования (участия), дачи заключения (перевода), как и чрезмерное промедление, должны преследоваться в уголовно-процессуальном порядке.

В данную группу правонарушений также необходимо включить отказ или ненадлежащее исполнение процессуальных обязанностей при производстве следственного действия понятым и иным лицом (при опознании – лица, имеющего внешнее сходство с опознаваемым; при следственном эксперименте – лица, приглашенного для участия в опытных действиях).

К данной группе нарушений следует отнести и проступок залогодателя, предоставившего недостоверные сведения об отсутствии ограничений на предмет залога.

При выяснении виновности за данные проступки необходимо будет устанавливать, действительно ли указанные действия препятствовали производству по уголовному делу.

Самостоятельным *четвертым видом* нарушений являются деяния, связанные ненадлежащим поведением лиц, участвующих в применении мер пресечения. Таковым является невыполнение соответствующих обязанностей поручителем (ч. 4 ст. 103 УПК РФ), лицом, осуществляющим присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ч. 3 ст. 105 УПК РФ).

Данные нарушения имеют материальные составы. Например, отсутствие надлежащих действий поручителя привели к нарушению установленных УПК РФ запретов подозреваемым, обвиняемым, а возможно, к затрате сил, средств и времени при производстве по уголовному делу. При этом ответственность наступает за неправомерные деяния самого поручителя, находящегося в причинной связи с ненадлежащим деянием подозреваемого, обвиняемого. По сравнению с иными видами, данные уголовно-процессуальные нарушения наказываются в максимальной степени (до 10 000 рублей).

Пятый вид нарушений не известен современному уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации – в отношении подозреваемого и обвиняемого. Верховный Суд РФ разъяснял, что это не предусматривается законом¹, реагируя на реше-

¹ См.: Постановления Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2008 г. № 308П08, от 10 февраля 2010 г. № 49-АД10-1, от 30 июля 2010 г. № 14-АД10-1; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2010 г. № 93-О09-24СП // СПС «КонсультантПлюс».

ния судов общей юрисдикции. Например, в кассационном производстве Верховным Судом РФ отменены постановления Магаданского областного суда от 30 июля 2009 г. и от 31 июля 2009 г., согласно которым из-за неуважительной неявки подсудимого З. в судебное заседание на него дважды налагалось денежное взыскание 2 500 рублей¹.

Подобное положение занимает вопрос о наложении денежного взыскания на защитника. Суды общей юрисдикции применяют денежное взыскание в отношении адвоката, но это не одобряется Верховным Судом РФ².

По нашему мнению, в законодательстве должны быть определены ситуации, позволяющие применение ст. 117 УПК РФ за нарушения, совершаемые подозреваемым, обвиняемым, защитником. Например, применение всех мер пресечения, за исключением заключения под стражу (ст. 102–107 УПК РФ), а также производство следственных действий, сопровождаемых возможным принуждением (производство судебной экспертизы, освидетельствование, обыск, выемка, получение образцов для сравнительного исследования), должны обеспечиваться угрозой применения имущественной ответственности.

В отечественной следственно-судебной практике существует проблема обеспечения надлежащего поведения подозреваемого и обвиняемого, когда в отношении их невозможно избрание заключения под стражу. Не все составы преступлений предусматривают лишение свободы, тем более свыше 3 лет. Что делать, если обвиняемый (подозреваемый) в этом случае не исполняет обязательство о явке? Ведь какого-либо действенного способа обеспечить надлежащее поведение в данной ситуации не предусмотрено.

Перепополненность следственных изоляторов по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести обуславливает позицию судов по пренебрежению заключения под стражу, предпочитая неоднократный «затратный» привод³. Так как иных мер воздействия в настоящий момент не имеется, то ситуацию можно было бы скорректировать, допустив применение денежного взыскания.

Для примера можно заимствовать положения уголовно-процессуального законодательства ряда стран, устанавливающего применение денежного взыскания к обвиняемому, который не явился в судебное заседание или не выполнил возложенные на него обязанности (ч. 1, 2 ст. 179, ч. 1 ст. 323 УПК Украины). Аналогичные нормы существуют в Казахстане, Таджикистане, Эстонской Республике и др.

¹ См.: Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2010 года // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации № 15-002-29 по делу Вахтерова // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Зайцева Е. А., Гринюк Е. Н. О процессуальных сроках и ответственности участников уголовного судопроизводства // Научные труды: в 3 т. М.: Юрист, 2010. Вып. 10. Т. 3. С. 834–835.

Мы не первые, кто предлагает за нарушение обвиняемым, подозреваемым условий меры пресечения применять денежное взыскание. Подобные предложения касались домашнего ареста⁴. Но стоит ли ограничиваться исключительно домашним арестом? Полагаем, что нет.

Подавляющее большинство опрошенных следователей и дознавателей (87,5 %), а также судей (67,2 %) одобряют изменение УПК РФ о применении денежного взыскания к подозреваемому (обвиняемому). Только 3,3 % следователей против этого возражают, а 16,4 % затруднились ответить.

В следственно-судебной практике не единичны случаи противодействия предварительному расследованию и судебному разбирательству путем затягивания сроков (неявка, медленное выполнение процессуальных действий), срыва следственного или судебного разбирательства и других вариантов ненадлежащего поведения. В данных ситуациях не существует действенных средств противодействия, ответственности. Установленное в ч. 2 ст. 258 УПК РФ полномочие председательствующего в судебном заседании из-за неподчинения защитника его распоряжениям отложить слушание уголовного дела, а также заменить данное лицо другим защитником не можем признать вариантом ответственности. Данная мера обеспечительно-профилактическая, не всегда «безболезненно» применимая по правовым и организационным причинам. Не случайно, что ч. 2 ст. 258 УПК РФ позволяет осуществить замену защитника, только если это возможно без ущерба для уголовного дела.

Например, фактическая замена защитника невозможна без ущерба для уголовного дела, если в местности, где действует данный суд, нет других адвокатов⁵. Также желание обвиняемого реализовывать свое право на защиту посредством предоставления услуг исключительно тем защитником, который по требованию суда должен быть заменен, поставит суд перед дилеммой: право на защиту или нормальный ход судебного разбирательства. Судебная практика отвечает на этот вопрос в пользу второго⁶, что связа-

⁴ См.: Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 43; Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 29; Карпов Е. Н. Процессуально-властные субъекты уголовного процесса с недостаточно определенным процессуальным положением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012. С. 27 и др.

⁵ См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. 6-е изд. // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 205-АПУ17-32сп; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20 января 2014 г. № 9-АПУ13-33сп // СПС «КонсультантПлюс» и др.

но в большей степени не с правовой, а политической предпосылкой.

Указанное в ст. 53 УПК РФ право защитника использовать «иные» незапрещенные средства и способы защиты является важным правилом, в то же время позволяющим недобросовестным адвокатам чересчур широко его трактовать, причем не столько в интересах подзащитного, сколько в своих личных интересах (например, противоправное желание отказаться от участия по данному делу для вступления в процесс по другим наиболее выгодным в материальном плане делам, попытки «пропиариться», заработать «скандальный авторитет» и др.)

Полномочие суда сообщить в адвокатскую палату о ненадлежащих действиях адвоката не является эффективным. Во-первых, это применимо только к адвокатам и не касается случаев, когда защитником был один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый (ч. 2 ст. 49 УПК РФ). Произвести замену в данном случае будет крайне затруднительно. Во-вторых, вопрос об ответственности защитника-адвоката зависит от усмотрения органов адвокатского сообщества, предугадать которое не сложно. Скорее всего, решение будет принято в пользу адвоката либо останется без рассмотрения¹.

Подозреваемый, обвиняемый, защитник располагают значительным арсеналом средств обеспечения своих (представляемых) прав и интересов. Но «юридическая свобода без ответственности – нонсенс. Свобода, отрицающая ответственность субъекта, антисоциальна и несправедлива так же, как антигуманна ответственность, отрицающая свободу выбора»².

Полагаем, денежное взыскание как мера процессуального принуждения должна налагаться на защитника, подозреваемого, обвиняемого, лицо, подавшее жалобу на решение о выдаче (ч. 5 ст. 463 УПК РФ), а также в отдельных случаях на лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера (ч. 1 ст. 437 УПК РФ), представителя (законного представителя) перечисленных выше участников.

III. Возвращаясь к предложенной дифференциации групп участников, на которых должно быть применимо денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения, укажем следующее.

Одним из основных условий привлечения к юридической ответственности в подавляющем большинстве отраслей права является наличие вины. Особенно это важно для публичных отраслей российского права. Например, в ч. 2 ст. 5 УК РФ указано, что

объективное вменение (уголовная ответственность за невиновное причинение вреда) не допускается.

Данное правило должно быть применимо и при доказывании вины за уголовно-процессуальные нарушения.

Например, для первого вида правонарушения (уклонение от явки) необходимо, чтобы отсутствовала уважительная причина неявки, что в правоприменении часто не учитывается. Суды не всегда действуют правомерно, не принимая меры к выяснению причин неявки лиц в судебное заседание, что приводило к отмене соответствующих судебных решений³. Считаем, что подобное правило необходимо применять и по иным видам рассмотренных выше правонарушений, обязав устанавливать отсутствие уважительных причин.

Безусловно, что во всех рассматриваемых видах уголовно-процессуальных проступков отличен предмет доказывания – обстоятельства, подлежащие доказыванию. В данном случае имеется специфика доказывания объективной стороны. По одним составам нужно доказать, что лицо не приняло все зависящие от него меры, по другим – активные противоправные действия лица. Отлично и доказывание последствий. Все в совокупности учитывается при определении размера взыскания.

IV. Указанные виды нарушений, за которые должно налагаться денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения, обязаны отличаться степенью ответственности. Так, размер денежного взыскания установлен до 2500 рублей (ст. 117 УПК РФ), и до 10 000 рублей (ч. 4 ст. 103, ч. 3 ст. 105 УПК РФ). Такие границы денежного взыскания вряд ли учитывают специфику регионов России, а также могут оказать реальное влияние на поведение участников уголовного судопроизводства, тем самым умаляют возможности данной меры принуждения.

Вероятно, нам еще предстоит произвести перерасчет того, какие размеры денежного взыскания в действительности смогут скорректировать потенциально нежелательное поведение лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Думается, при этом не следует игнорировать и расходы государства, которые обусловлены объективной стороной перечисленных правонарушений. Убеждены, научно обоснованная коррекция величины денежного взыскания – необходимое средство повышения эффективности мер принуждения и всего судопроизводства.

V. Определяя наибольший размер денежного взыскания, УПК РФ не указывает обстоятельства, учитываемые при его исчислении.

При выборе размера денежного взыскания, налагаемого на участника уголовного судопроизводства, рекомендуется брать за основу характер нарушения,

¹ См.: Гордейчик С. А. Нарушение адвокатами регламента судебного заседания при рассмотрении уголовных дел // Адвокатская практика. 2019. № 2. С. 35–37; Липинский Д. А. Равноправны ли субъекты уголовно-процессуальной ответственности? // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 19–21.

² Коврига З. Ф. Свобода личности и ответственность в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1987. № 5. С. 62.

³ См.: Кассационные определения Московского городского суда от 12 июля 2010 г. по делу № 22-9147 и от 5 марта 2012 г. № 22-3049/12 // СПС «КонсультантПлюс».

наступившие последствия, особенности личности¹, материальное положение и наличие у правонарушителя на иждивении других лиц, влияние правонарушения на результаты расследования²; уголовно-правовую квалификацию преступления, вменяемого нарушителю³.

Верховный Суд РФ по данному поводу указал на необходимость учитывания характера⁴ или тяжести правонарушения⁵. При определении размеров денежного взыскания в судах общей юрисдикции учитывались обстоятельства уголовно-процессуального проступка, степень вины, особенности личности нарушителя, его имущественное положение⁶.

На основе выдвинутой классификации правонарушений, за совершение которых должно налагаться денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения, предлагаем следующий перечень предопределяющих обстоятельств: форма, степень вины и возможность предотвратить правонарушение; процессуальный статус и имущественное положение нарушителя; правовые последствия нарушения и возможность их восстановления; свойства уголовного дела; социально-экономическая обстановка в регионе, где ведется производство по делу.

В заключение отметим, что предложенные выше позиции совершенствования денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения не являются исчерпывающими. При реализации их в отечественном законодательстве не произойдет коренного переустройства применения рассматриваемой меры. Но без их внедрения в УПК РФ ситуация не улучшится. По-прежнему лица, вовлеченные в уголовно-процессуальные отношения, не будут исполнять свои процессуальные обязанности, государство будет нести излишние расходы на организацию и функционирование органов правосудия и не будет получать хотя бы частичную компенсацию за неправомерные действия со стороны участников уголовного судопроизводства.

¹ См.: Кузовенкова Ю. А. Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 17.

² См.: Петрикин В. Ю. Обеспечение имущественных прав граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 18.

³ См.: Чуниха А. А. Поручительство в системе мер процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 11.

⁴ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2009 г. № 14-О09-5 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2005 года // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Кассационное определение Московского областного суда от 27 ноября 2012 г. по делу № 22-8441/12 // СПС «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ф. Н. Багаутдинов. – Москва, 2004.
2. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Б. Б. Булатов. – Москва, 2003.
3. Гордейчик С. А. Нарушение адвокатами регламента судебного заседания при рассмотрении уголовных дел / С. А. Гордейчик // Адвокатская практика. – 2019. – № 2.
4. Зайцева Е. А. О процессуальных сроках и ответственности участников уголовного судопроизводства / Е. А. Зайцева, Е. Н. Гринюк // Научные труды: в 3 т. – Москва: Юрист, 2010. – Вып. 10. – Т. 3.
5. Карпов Е. Н. Процессуально-властные субъекты уголовного процесса с недостаточно определенным процессуальным положением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Карпов. – Владимир, 2012.
6. Коврига З. Ф. Свобода личности и ответственность в уголовном судопроизводстве / З. Ф. Коврига // Правоведение. – 1987. – № 5.
7. Кудин Ф. М. Избранные труды / Ф. М. Кудин. – Волгоград: ВолГУ, 2010.
8. Кузовенкова Ю. А. Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. А. Кузовенкова. – Самара, 2009.
9. Липинский Д. А. Равноправны ли субъекты уголовно-процессуальной ответственности? / Д. А. Липинский // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 1.
10. Луговец Н. В. Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Луговец. – Саратов, 2004.
11. Макарейко Н. В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. В. Макарейко. – Нижний Новгород, 2016.
12. Петрикин В. Ю. Обеспечение имущественных прав граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Ю. Петрикин. – Краснодар, 2007.
13. Россинский С. Б. Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения: «За» и «Против» / С. Б. Россинский // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники: материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Д. С. Карева. – Москва, 2006.
14. Серков П. П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / П. П. Серков. – Москва, 2010.
15. Смирнов А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатей-

ный / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский / под общ. ред. А. В. Смирнова. – 6-е изд. // СПС «КонсультантПлюс».

16. Чуниха А. А. Поручительство в системе мер процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Чуниха. – Ставрополь, 2009.

Bibliograficheskij spisok

1. Bagautdinov F. N. Publichnye i lichnye interesy v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve i garantii ih obespecheniya na predvaritel'nom sledstvii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / F. N. Bagautdinov. – Moskva, 2004.

2. Bulatov B. B. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / B. B. Bulatov. – Moskva, 2003.

3. Gordejchik S. A. Narushenie advokatami reglamenta sudebnogo zasedaniya pri rassmotrenii ugolovnyh del / S. A. Gordejchik // Advokatskaya praktika. – 2019. – № 2.

4. Zajceva E. A. O processual'nyh srokah i otvetstvennosti uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva / E. A. Zajceva, E. N. Grinyuk // Nauchnye trudy: v 3 t. – Moskva: YUrist, 2010. – Vyp. 10. – T. 3.

5. Karpov E. N. Processual'no-vlastnye sub»ekty ugolovnogo processa s nedostatochno opredelennym processual'nym polozheniem: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / E. N. Karpov. – Vladimir, 2012.

6. Kovriga Z. F. Svoboda lichnosti i otvetstvennost' v ugolovnom sudoproizvodstve / Z. F. Kovriga // Pravovedenie. – 1987. – № 5.

7. Kudin F. M. Izbrannye trudy / F. M. Kudin. – Volgograd: VolGU, 2010.

8. Kuzovenkova YU. A. Denezhnoe vzyskanie v sisteme mer ugolovno-processual'noj otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / YU. A. Kuzovenkova. – Samara, 2009.

9. Lipinskij D. A. Ravnopravny li sub»ekty ugolovno-processual'noj otvetstvennosti? / D. A. Lipinskij // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. – 2013. – № 1.

10. Lugovec N. V. Zaderzhanie podozrevaemogo i inye mery processual'nogo prinuzhdeniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / N. V. Lugovec. – Saratov, 2004.

11. Makarejko N. V. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v mekhanizme obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti: teoreticheskie i prikladnye problemy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / N. V. Makarejko. – Nizhnij Novgorod, 2016.

12. Petrikin V. YU. Obespechenie imushchestvennyh prav grazhdan pri primenenii mer ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / V. YU. Petrikin. – Krasnodar, 2007.

13. Rossinskij S. B. Denezhnoe vzyskanie kak mera ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya: «Za» i «Pro-tiv» / S. B. Rossinskij // Ugolovno-processual'noe pravo: ponyatie, soderzhanie, istochniki: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora D. S. Kareva. – Moskva, 2006.

14. Serkov P. P. Administrativnaya otvetstvennost': problemy i puti sovershenstvovaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / P. P. Serkov. – Moskva, 2010.

15. Smirnov A. V. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Postatejnyj / A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskij / pod obshch. red. A. V. Smirnova. – 6-e izd. // SPS «Konsul'tantPlyus».

16. CHuniha A. A. Poruchitel'stvo v sisteme mer processual'nogo prinuzhdeniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / A. A. CHuniha. – Stavropol', 2009.

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

УДК 34.343.9

Насильственные преступления на почве семейно-бытовых конфликтов: проблемы первоначального этапа расследования

Елфимов Павел Васильевич,
Уральский юридический институт МВД России,
член-корреспондент Академии медико-технических
наук Российской Федерации,
заслуженный врач Российской Федерации,
доктор медицинских наук
e-mail: elfimovpv@mail.ru

Виноградова Ольга Павловна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: olga10vin@mail.ru

Научный и практический интерес к проблеме бытовых преступлений обусловлен, прежде всего, постоянным ростом числа насильственных преступлений на почве семейно-бытовых конфликтов. В нашей стране традиционно возрастает число случаев насилия в семьях в тот период, когда люди вынужденно проводят значительное время дома, например, во время праздников или долгих выходных. В связи с этим обостряется проблема домашнего насилия, поскольку жертвы буквально находятся взаперти со своими обидчиками. Кроме того, домашнее насилие напрямую зависит от всевозможных социальных напряжений, в том числе пандемии и безработицы, когда усиливается стресс, отсюда и появляется необходимость агрессоров проявлять контроль над теми, кто более уязвим, а когда к тому же люди находятся в замкнутом пространстве на протяжении длительного времени, нарастание бытовых конфликтов и семейного насилия неизбежно. Анализ эмпирических данных судебной и следственной практики показывает, что большинство умышленного причинения вреда здоровью, совершенного на семейно-бытовой почве, совершается по месту совместного жительства преступников – абьюзеров и потерпевших. Успех в установлении события преступления против здоровья, а также в выявлении, фиксации и изъятии его следов для дальнейшего расследования и раскрытия во многом зависит от эффективности действий следователя на первоначальном этапе расследования. Основной задачей на первоначальном этапе расследования является поиск, выявление и обобщение доказательств, способствующих оперативному раскрытию и расследованию насильственных преступлений на почве семейно-бытовых конфликтов.

Ключевые слова: насильственные преступления; семейно-бытовые конфликты; первоначальный этап расследования; умышленное причинение вреда здоровью.

Violent crimes motivated by domestic conflicts: problems of the initial stage of the investigation

Elfimov Pavel Vasilievich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior
of Russia, Corresponding Member of the Academy
of Medical and Technical Sciences of the Russian
Federation, Honored Doctor of the Russian Federation,
Doctor of Medical Sciences

**Vinogradova Olga Pavlovna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law**

The article is devoted to Scientific and practical interest to the problem of domestic crimes are primarily due to the constant increase in violent crimes everyday family conflicts. In our country traditionally increases the number of cases of domestic violence in that period, when people were forced to spend a significant time at home, e.g. during holidays or long weekends. In this regard, exacerbated the problem of domestic violence, since victims are literally locked up with their abusers. In addition, domestic violence depends on all sorts of social strains, including the pandemic of unemployment, with increasing stress, hence there is the need by the aggressors to exercise control over those who are more vulnerable, and when besides people are in an enclosed space for a long time, the growing domestic conflicts and family violence is inevitable. An empirical assessment of judicial and investigative practice shows that most of the intentional infliction of harm to health, committed on domestic soil, is a common place of residence of offenders and victims. Success in the establishment of a crime against health and in identifying, fixing and withdrawal of traces for further investigation and disclosure, in many respects depends on efficiency of actions of the investigator at the initial stage of the investigation. The main objective in the initial phase of the investigation is the search for, identification and synthesis of evidence that promote prompt disclosure and investigation of violent crimes on the basis of domestic conflicts.

Key words: violent crimes; domestic conflicts; the initial phase of the investigation; intentional infliction of harm.

В современной России научный и практический интерес к проблеме бытовых преступлений обусловлен, прежде всего, постоянным ростом числа насильственных преступлений на почве семейно-бытовых конфликтов, а расследование таких преступлений является сложным процессом, успех которого зачастую зависит от правильности и своевременности следственных мероприятий на первоначальном этапе расследования.

В связи с пандемией коронавируса врачи утверждают, что сейчас собственный дом – самое безопасное место. Однако с этим вряд ли согласятся жертвы домашнего насилия. Как отметила заместитель председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей Оксана Пушкина, «в России ситуация осложняется отсутствием соответствующего закона о профилактике семейно-бытового насилия»¹.

Следственные действия на первоначальном этапе расследования представляют собой совокупность действий следователя, осуществляемых в самом начале расследования, которые направлены на установление фактов преступления, его особенностей, выяснение обстоятельств и сбор доказательств, необходимых для выдвижения версий, а также планирование расследования. Анализ эмпирических данных правоприменительной практики расследования уголовных дел в сфере семейно-бытовых конфликтов демонстрирует следующую статистику:

– большинство умышленного причинения вреда здоровью, совершенного на семейно-бытовой почве, происходит по месту совместного жительства преступников и потерпевших (около 90 %), из них: 70 % – в собственных изолированных квартирах; 14 % – в

коммунальных и общих квартирах; 6 % совершается в общежитиях, и только 10 % – на улице или в других местах общественного пользования;

– пик активности (64 % всех бытовых преступлений, в том числе умышленного причинения вреда здоровью) приходится на вечернее и ночное время, на время, когда человек не занят на производстве;

– среди дней недели лидером по бытовым преступлениям, и в том числе умышленному причинению вреда здоровью, является пятница;

– рост и снижение бытовой преступности меняется в зависимости от времени года. В период повышения температуры окружающей среды (летнее время) люди могут находиться вне помещений, что снижает психологическую напряженность. В зимнее время большинство людей вынужденно находиться в закрытых иногда и небольших помещениях, что способствует росту раздражения и возникновению личной неприязни, которая на фоне употребления алкоголя может перерасти в преступление².

Исходя из предыдущих статистических данных, полагаем возможным сформулировать особенности, характерные для умышленного причинения вреда здоровью, совершенного на семейно-бытовой почве:

1. Условия, характеризующие обстановку: большинство бытовых преступлений происходит в бытовых условиях; большинство умышленного причинения вреда здоровью, совершенного на семейно-бытовой почве, происходит на пятницу.

2. Важным элементом криминалистической характеристики умышленного причинения вреда здоро-

¹ URL: [http:// news.myseldon.com/ru/news/index/226678569](http://news.myseldon.com/ru/news/index/226678569) (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

² См.: Тимошенко С. Е. Особенности криминалистической характеристики убийств, совершенных на семейно-бытовой почве // Вопросы раскрытия, расследования и профилактики преступлений: материалы IX научной конференции Омской юридической академии. Омск, 2017. С. 418.

вью, совершенного на семейно-бытовой почве, являющиеся объективные данные о способах совершения¹.

Например, 9 октября 2018 г. в квартире в г. Первоуральска Свердловской области в вечернее время в состоянии алкогольного опьянения находились П. и его жена, у них произошел конфликт, в ходе которого П. несколько раз ударил жену головой об пол, а затем нанес удары ногами и руками по туловищу, когда та лежала на полу. Домой пришла дочь П., которая увидела, что ее мать лежит на полу, при этом у матери на лице, шее, руках, по всему телу и правом бедре были кровоподтеки и синяки. Дочь потерпевшей вызвала участкового терапевта. В ходе осмотра терапевтом были обнаружены кровоподтеки буро-красного цвета на передней и задней поверхности грудной клетки, передней поверхности шеи и лица. Жену П. экстренно госпитализировали в травматологическое отделение, где та проходила лечение. После проведения рентгенографического исследования у потерпевшей были выявлены: перелом 8 ребра справа, перелом 5, 6, 7, 8 ребер слева, в синусе слева минимальное количество жидкости. П. была написана явка с повинной. Вина П. также подтверждается письменными доказательствами: рапортом следователя, заявлением потерпевшей, выписным эпикризом, протоколом осмотра (с иллюстрационной таблицей), протоколом осмотра предметов (документов: медицинской карты, копии карты вызовов скорой помощи), справкой медицинского учреждения, заключением эксперта, согласно которому потерпевшей был причинен тяжкий вред здоровью².

Анализ уголовных дел, возбужденных по факту умышленного причинения вреда здоровью в сфере семейно-бытовых конфликтов, свидетельствует о том, что чаще всего данный вид преступлений совершается с помощью физических действий, которые нарушают функции или анатомическую цельность жизненно значимых органов человека. В подавляющем большинстве случаев при совершении насильственных преступлений против личности виновные причиняли вред здоровью, применяя в качестве оружия нож или предметы хозяйственно-бытового назначения (чайники, сковородки, тарелки и т. д.). Например, в ходе рассмотрения уголовного дела № 1-64/2019 Верхотурским районным судом установлено, что Р. в вечернее время суток, находясь в состоянии алкогольного опьянения в своей квартире, в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных отношений, нанесла своему мужу не менее двух ударов ножом в область живота и груди (п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ). На основании заключения эксперта у потерпевшего обнаружено повреждение в виде раны на левой боковой поверхности туловища в проекции нижних

ребер, проникающей в левую плевральную полость без повреждения внутренних органов и проникающей в брюшную полость с повреждением диафрагмы и ободочной кишки. Медицинским экспертом указанное повреждение оценено как причинившее тяжкий вред здоровью³.

Так, способы совершения умышленного причинения вреда здоровью, совершенного на семейно-бытовой почве, весьма разнообразны, чаще всего преступником используются бытовые орудия (ножи, топоры, палки, разбитые бутылки, табуретки, сковородки, посуда и т. д.) – то, что попало под руку, либо физическое воздействие частями тела (удары руками, ногами, сдавливание).

Отличительной чертой умышленного причинения вреда здоровью на семейно-бытовой почве является то, что, как правило, оно носит импульсивный, ситуативный характер. Как свидетельствуют материалы судебной практики, умышленное причинение вреда здоровью происходит чаще всего вследствие внезапно возникшей личной неприязни. Например, Р. около полуночи, находясь в состоянии алкогольного опьянения в своем доме в г. Красноуфимске Свердловской области, действуя умышленно, в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных отношений со своей сожительницей, с целью причинения вреда здоровью последней, применяя предмет, используемый в качестве оружия – деревянную ножку от стула, нанес ей своей сожительнице два удара в область ребер слева, один удар по левой ноге и один удар по левой руке, чем причинил ей физическую боль и телесные повреждения, которые влекут за собой временное нарушение функций органов продолжительностью свыше 3 недель и по признаку длительности расстройства здоровья квалифицируются как вред здоровью средней тяжести (п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ)⁴.

Умысел часто является неконкретизированным и неопределенным. «Бытовой преступник», нанося вред жизни потерпевшему, не всегда понимает его меру, а также вероятные последствия собственных действий. Причем лица, содейвавшие умышленное причинение вреда здоровью, как правило, искренне раскаивались в содеянном. Во время допросов довольно часто не уклоняются от дачи показаний и не выступают против следствия. Например, Ш. умышленно причинила тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, с применением предмета, используемого в качестве оружия (п. «з» ч. 2 ст. 11 УК РФ)⁵. Ш., находясь

¹ См.: Корневский Ю. В., Токарева М. Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. М., 2000. С. 175.

² См.: Приговор Первоуральского городского суда Свердловской области от 29 мая 2019 г. по делу № 1-164/2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://pervouralsky.svd.sudrf.ru> (дата обращения: 11 ноября 2019 г.).

³ См.: Приговор Верхотурского районного суда Свердловской области от 27 мая 2019 г. по делу № 1-64/2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://verhotursky.svd.sudrf.ru> (дата обращения: 11 ноября 2019 г.).

⁴ См.: Постановление Красноуфимского районного суда Свердловской области от 6 июля 2017 г. по делу № 1-1-148/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://krasnoufimsky.svd.sudrf.ru>.

⁵ См.: Приговор Артинского районного суда Свердловской области от 29 мая 2019 г. по делу № 1-75/2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://artinsky.svd.sudrf.ru>.

в состоянии алкогольного опьянения в кухне своей квартиры в п. Арти Свердловской области, на почве личных неприязненных отношений, в ходе ссоры с мужем, взяла хозяйственно-бытовой нож, которым нанесла лежащему на полу мужу пять ударов, причинив телесные повреждения в виде колотых и резаных ударов кухонным ножом. Скорую помощь вызвала сама. Ш. признала себя полностью виновной в совершенном преступлении.

Важной составляющей качественного и своевременного расследования умышленного причинения вреда здоровью, совершенного на семейно-бытовой почве, является такой аспект исследования, как личность потерпевшего. Жертвами, чаще всего, становятся лица, проживающие с подозреваемыми, их родственники различной степени родства (мужья, жены, дети, братья, сестры, дяди, тети и т. д.). И, как уже упоминалось выше, жертвой может быть человек, который мучает живущих с ним людей. Данные о жертве и ее поведении, как правило, используются в качестве одной из основ для создания версий о преступнике (пол, возраст, социальный круг, образ жизни, конфликтность, другие характеристики). Жертвами умышленного причинения вреда здоровью, совершенного на семейно-бытовой почве, обычно становятся женщины 25–56 лет. Нередко жертва провоцируют преступника оскорбительным, аморальным или агрессивным поведением. Мужчины становятся жертвами в делах по умышленному причинению вреда здоровью, совершенному на семейно-бытовой почве, обычно на почве распития алкогольных напитков, часто в компании родственников и приглашенных знакомых. Особое место в статистике бытового насилия занимают дети как самая уязвимая и незащищенная категория.

Анализ эмпирических данных судебной и следственной практики показывает, что в числе лиц, совершивших умышленное причинение вреда здоровью на семейно-бытовой почве, преобладают мужчины, однако подобные преступления также совершают и женщины, и несовершеннолетние. В таком случае на первый план выходит необходимость изучения личности преступника как одного из ключевых элементов криминалистической характеристики преступления.

Личность преступника как один из главных элементов криминалистической характеристики преступления определяет не только научное, но и практическое предназначение – служить научной информационной основой для выдвижения версий и определения направлений работы в ходе выявления, раскрытия и расследования преступлений. Знание навыков и мотивации, а также особенностей личности и иных качеств преступника дает следователю и должностным лицам правоохранительных органов возможность точно и правильно избрать средства и методы, которые необходимы для эффективного и успешного выявления, расследования и раскрытия преступлений данной категории. Используя знания,

выведенные путем изучения практики расследования, возможно существенно повысить уровень своевременного раскрытия и качественного расследования подобных преступлений, понизить возможности преступников скрыть следы преступных действий и противодействовать правоохранительным органам. Таким образом, изучение личности преступника в качестве отдельного элемента криминалистической характеристики должно охватывать целостное и законченное представление о ней, также включая в себя все данные, которые могут послужить эффективности розыска, изобличения преступника и решения других задач расследования.

Личность – это объект исследования в философии, социологии, криминологии, психологии, педагогике и других науках. Признаки, которые характеризуют личность, могут содержать уголовно-правовое значение и влиять на квалификацию преступления (к примеру, должностное положение лица); уголовное (возраст лица, с которого наступает уголовная ответственность); криминалистическое значение (наличие у лица судимости и др.). Кроме этого, при изучении личности в каждой отрасли науки должен учитываться опыт, который накоплен другими науками, отчего проблема изучения личности имеет в большей степени комплексный характер.

Учения о личности преступника нашли свое развитие в исследованиях ученых-криминалистов, которые изучали вопросы методики расследования отдельных видов преступлений. Еще Г. Гросс утверждал, что «важным условием положительной и продуктивной деятельности... является основательное знание человека как главного материала предварительного следствия». Криминалистическая наука, по мнению Г. Гросса, должна изучать поступки и явления в уголовном деле, психологические особенности и характер человека, его привычки, наклонности, деятельность лиц, которые также участвуют в уголовном деле. Настоящее положение является логичным, т. к. все тактические приемы, которые используются в криминалистике, основаны на знании человеческой психики. На современном этапе развития криминалистики данные вопросы довольно активно изучались многими учеными, которые в своих работах отмечали, что «личность преступника представляет собой довольно сложный комплекс признаков, которые так или иначе выражают его сущность. Из их мнения подчеркнуто, что только комплексное изучение личности может оказать воздействие на качественное расследование и раскрытие преступлений»¹.

Следует особо отметить, что при сравнительно невысоком проценте женской преступности бытовые преступления занимают значительную долю в общей структуре женской преступности. По-видимому, возникновению данной тенденции способствует обострение внутрисемейных отношений, фактическое

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002.

гендерное неравенство в реализации социальной роли, которую играет женщина в повседневной жизни в семье и на работе. Возникающие несоответствия и неоправданные ожидания ожесточают женщину, и в некоторых случаях она может совершить преступление, направленное на близких людей.

Для мужчин, совершивших умышленное причинение вреда здоровью на семейно-бытовой почве, характерно, что они отличаются увеличенной криминогенной активностью: имеют устойчивое антиобщественное поведение и, как следствие, наличие судимости за тяжкие и особо тяжкие преступления. Около половины преступников-мужчин, совершивших умышленное причинение вреда здоровью на семейно-бытовой почве, имели две и более судимости. Особый интерес представляет подгруппа людей 25–30 лет, т. е. возраста активного вступления в брак и семейной жизни, становления семейных отношений, предполагающего новые обязанности, нормы поведения и т. д. В этот ответственный период жизни часто наблюдается вызревание и обострение внутрисемейных противоречий, которые решаются, как правило, в форме межличностных конфликтов. Наиболее склонными к совершению умышленного причинения вреда здоровью на семейно-бытовой почве являются лица, не имеющие стабильного трудоустройства и нигде не обучающиеся. Так, две трети лиц этой группы многократно меняли место работы, более года не задерживались ни на одном предприятии. Основная причина увольнения – прогул и иные нарушения трудовой дисциплины.

Однако ведущим фактором, способствующим умышленному причинению вреда здоровью на семейно-бытовой почве, является алкогольное опьянение, о данном факте свидетельствует большинство уголовных дел по бытовым преступлениям. При совместном распитии спиртных напитков возникает ссора на почве появившихся личных неприязненных отношений, что ведет к умышленному причинению вреда здоровью другому человеку. Таким образом, состояние алкогольного опьянения является особым катализатором для совершения умышленного причинения вреда здоровью на семейно-бытовой почве.

Элементы умышленного причинения вреда здоровью на семейно-бытовой почве, а также отражение этих элементов в криминалистической характеристике преступления имеют естественную связь друг с другом. При установке одного элемента можно получить информацию о другом или нескольких элементах, их характеристиках и свойствах, соответствующих характеристикам. Как показывает анализ правоприменительной практики, умышленное причинение вреда здоровью, совершенное на семейно-бытовой почве по месту жительства, является лишь одной из характеристик, отличающих данную группу преступлений, связанных с насилием в семье. Как правило, этому предшествует ряд негативных эпизодов:

– неоднократные звонки соседей в колл-центр с сообщениями о драках;

– обращение в районную клинику по поводу так называемых падений и бытовых травм, по сути, являющихся следами избиений;

– обращение с заявлением об избиении с последующим его отзывом из-за примирения сторон.

Изучение судебной и следственной практики показывает, что чаще всего умышленному причинению вреда здоровью, совершенному на семейно-бытовой почве, предшествуют регулярные бытовые конфликты, сопровождающиеся побоями или причинением вреда здоровью. Место совершения преступления и место обнаружения потерпевшего по делам об умышленном причинении вреда здоровью, совершенном на семейно-бытовой почве, как правило, являются одним и тем же местом, что существенно упрощает следственную ситуацию. В большинстве случаев преступления совершаются в жилых помещениях (домах, квартирах). Основанием для возбуждения уголовного дела об умышленном причинении вреда здоровью, совершенному на семейно-бытовой почве, выступает, как правило, обнаружение потерпевшего с признаками нанесенных ран, травм.

Таким образом, на первоначальном этапе расследования насильственных преступлений на почве семейно-бытовых конфликтов основная задача расследования – это поиск, выявление и обобщение доказательств, способствующих оперативному раскрытию и расследованию умышленного причинения вреда здоровью на семейно-бытовой почве. Особенностью следственных действий на первоначальном этапе расследования указанных преступлений является то, что именно результаты их производства формируют первоначальную доказательственную информацию, которая служит достаточным основанием для проведения иных следственных действий.

Библиографический список

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – Москва: ЛексЭст, 2002.
2. Корневский Ю. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / Ю. В. Корневский, М. Е. Токарева. – Москва, 2000. – С. 175.
3. Криминалистика / под ред. В. Д. Зеленского, Г. М. Меретукова. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 284.
4. Тимошенко С. Е. Особенности криминалистической характеристики убийств, совершенных на семейно-бытовой почве / С. Е. Тимошенко // Вопросы раскрытия, расследования и профилактики преступлений: материалы IX научной конференции Омской юридической академии. – Омск, 2017. – С. 418.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnyh sledovatelej kak sistema kriminalistiki / G. Gross. – novoe izd., perepech. s izd. 1908 g. – Moskva: LeksEst, 2002.
2. Korenevskij YU. V. Ispolzovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v dokazyvanii po

ugolovnym delam / YU. V. Korenevskij, M. E. Tokareva. – Moskva, 2000. – S. 175.

3. Kriminalistika / pod red. V. D. Zelenskogo, G. M. Meretukova. – Sankt-Peterburg, 2015. – S. 284.

4. Timoshenko S. E. Osobennosti kriminalisticheskoy harakteristiki ubijstv, sovershennyh na semejno-bytovoj pochve / S. E. Timoshenko // Voprosy raskrytiya, rassledovaniya i profilaktiki prestuplenij: materialy IX nauchnoj konferencii Omskoj yuridicheskoy akademii. – Omsk, 2017. – S. 418.

Основные положения методики расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию

Еремин Алексей Алексеевич,
Управление ГФС России
по Приволжскому федеральному округу
e-mail: eaa01@mail.ru

В статье исследуются проблемы расследования уголовных дел о коррупционных преступлениях, посягающих на конкуренцию. Раскрывается доктринальное понятие коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, их криминалистическая характеристика, источники методики расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию. Излагаются структура и основные элементы методики расследования данной категории преступлений.

Ключевые слова: частная методика расследования; коррупция; коррупционные преступления; коррупционные преступления, посягающие на конкуренцию; ограничение конкуренции.

Several provision of the investigation technique of corruption crimes against competition

Eremin Aleksey Alekseevich,
Division of the GFS of Russia of Volga Federal District

The article studies the problem of investigation technique of corruption crimes against competition. Doctrinal concept of corruption crimes against competition, characteristics and sources of investigation technique of corruption crimes against competition are revealed. The structure and the main elements of the investigation technique of this category of crimes are described.

Key words: private investigation technique; corruption; corruption crimes; corruption crimes, encroaching on competition; restriction of competition.

Ситуация, складывающаяся в сфере защиты конкуренции, характеризуется повышенным количеством посягательств со стороны должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и ростом соглашений, посягающих на конкуренцию, в которых участвуют указанные органы. Руководство Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации на протяжении длительного периода прямо заявляет, что основная статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающая ответственность за ограничение конкуренции, «не работает», а картельные и иные соглашения по-прежнему являются угрозой для экономики¹.

Причинами сложившегося положения является то, что в последнее время наряду с ограничением кон-

куренции (ст. 178 УК РФ) распространение получили иные коррупционные преступления, посягающие на конкуренцию: взяточничество (ст. 290–291.1 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204, 204.1 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и полномочиями в коммерческих и иных организациях (ст. 201 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ) и др.

Ограничение конкуренции и указанные деяния при наличии дополнительного объекта посягательства в виде урегулированных антимонопольным законодательством общественных отношений составляют категорию, которую можно определить как коррупционные преступления, посягающие на конкуренцию.

С нашей точки зрения, коррупционные преступления, посягающие на конкуренцию, – это уголовно наказуемые общественно опасные умышленные деяния, совершенные лицом с использованием служебного положения вопреки охраняемым законом интересам общества и государства, законным правам и интересам граждан и организаций из личной и кор-

¹ Доклад руководителя Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации И. Ю. Артемьева о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: <http://fas.gov.ru> (дата обращения: 31 марта 2020 г.).

поративной корыстной и иной заинтересованности, посягающие на установленные законом пределы и порядок соперничества на рынке между хозяйствующими субъектами.

Практика такова, что из 117 уголовных дел, возбужденных в период с 2009 года по настоящее время по ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» в качестве основного состава, а также в совокупности с иными коррупционными преступлениями, направлено в суд только 24 уголовных дела, приостановлено по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ – 28, с учетом уголовных дел прошлых периодов прекращено 49, по остальным уголовным делам до сих пор не принято окончательное решение¹.

По специально разработанной анкете, утвержденной в 2013 году на кафедре управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, нами произведен опрос 69 сотрудников следственных подразделений. Три четверти респондентов – следователи, непосредственно осуществлявшие расследование уголовных дел о коррупционных преступлениях, посягающих на конкуренцию, четвертая часть – руководители, осуществлявшие процессуальный контроль по данным уголовным делам. Все сотрудники имеют высшее или высшее профессиональное образование, более половины – стаж следственной работы свыше 10 лет. Репрезентативность выборки обусловлена анкетированием практических работников, лично производивших расследование, и руководителей (сотрудников) органов предварительного следствия регионов, в которых возбуждались и направлялись в суд уголовные дела о коррупционных преступлениях, посягающих на конкуренцию.

Опрошенными нами сотрудники указывают на проблемные вопросы и ошибки, возникающие в ходе возбуждения и расследования уголовных дел о коррупционных преступлениях, посягающих на конкуренцию, обусловленные следующими аспектами:

- отсутствием единых подходов в судебно-следственной практике к квалификации, планированию и расследованию коррупционных преступлений данной категории (18,6 % респондентов);
- сложностью доказывания отдельных обстоятельств (картельного и иных видов сговора, размера ущерба и т. п.) (20,3 % респондентов);
- непостоянством нормативной правовой базы, регламентирующей вопросы защиты конкуренции (39,6 % респондентов);
- отсутствием методики расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию (55,4 % респондентов).

По нашему мнению, проблемными и слабо исследованными остаются также вопросы применения тактических комплексов следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных и про-

верочных мероприятий, осуществляемых в ходе расследования соответствующих уголовных дел.

Отдельные аспекты проблем расследования преступлений, посягающих на конкуренцию, нашли отражение в фундаментальных работах Я. М. Козицина, В. И. Рохлина, Л. В. Бертовского, а также, при освещении различных сторон расследования коррупционных преступлений и преступлений экономической направленности, в трудах В. А. Алферовой, И. С. Башмакова, О. В. Губановой, Е. Н. Земсковой, В. В. Крюкова, Н. Н. Лашко, Е. Ю. Фроловой, В. А. Черкашкина и др. Ознакомление с результатами данных исследований позволяет заключить, что в большей степени они посвящены проблемам расследования взяточничества и коммерческого подкупа, за исключением работ М. Г. Муссова, который разработал теоретические и научно-практические основы расследования коррупционных преступлений в сфере экономики².

В настоящее время ряд ученых и практиков продолжают исследование различных аспектов защиты конкуренции: О. Н. Васильева, С. Ю. Журавлев, А. Ю. Кинев, Г. В. Костылева, А. П. Тенишев, Д. А. Плеханов и др.

Отдавая дань значимости указанных трудов, необходимо отметить, что они не могут восполнить существующие пробелы научного знания и практической деятельности в связи с тем, что с точки зрения комплексности и полноты криминалистические аспекты расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, в них не рассматривались.

Основаниями для выделения частной криминалистической методики обычно выступают объект посягательства, субъект преступления, условия расследования, время совершения и др.

Коррупционные преступления исследуемой категории наряду с общественными отношениями в сфере защиты конкуренции нарушают авторитет государственной власти, интересы государственной и муниципальной службы, установленный порядок функционирования государственных и муниципальных органов и учреждений, законные права и интересы граждан и организаций. Указанным обстоятельством определяется многообъектный характер методики расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию (далее – методика расследования).

В качестве субъектов коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, выступают лица, в круг служебных полномочий (организационно-правовой, профессиональный статус) которых входит принятие решений и выполнение действий управленческого, хозяйственного и финансового характера, связанных с воздействием на конкуренцию. Особенности личности преступника и круг его служебных прав и обязанностей детерминируют способы пося-

¹ Информация ГИАЦ МВД России [Электронный ресурс] // Сайт ЕИТКС МВД России. URL: <http://10.5.0.16> (дата обращения: 31 марта 2020 г.).

² См.: Муссов М. Г. Расследование коррупционных преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

гательства на конкуренцию, в связи с этим вторым основанием для выделения методики расследования является специальный субъект.

Руководствуясь типологией, разработанной А. В. Шмоным¹, мы относим методику расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, к типу комплексных «полиобъектных» субъектно-объектных частных криминалистических методик.

Источниками методики расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, являются практика (опыт расследования уголовных дел и судебные решения общего и частного характера), теория (научные разработки) и право (законодательство различных отраслей).

Опыт расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, совершенных группой лиц или в соучастии, является основой для обобщения методикой расследования особенностей картельного и иных видов сговора между субъектами, представляющими различные служебные категории, способов совершения преступлений и их взаимосвязей с полномочиями данных субъектов, тактических приемов и комплексов, используемых в доказывании, в том числе при противодействии расследованию.

Таковыми, например, являются уголовные дела № 1-347/2014 и № 1-349/2014, по которым приговорами Новгородского районного суда Новгородской области в 2014 году виновными признаны должностные лица государственных учреждений, учредители и руководители коммерческих организаций, а также уголовное дело № 1-4/2019, по которому приговором Самарского районного суда г. Самары в 2019 году признаны виновными должностные лица органов государственной власти и государственных учреждений, руководители и работники коммерческих организаций².

Судебные решения, являющиеся источником методики расследования, имеют общий и частный характер, различную форму выражения (определение, постановление, постановления президиумов, пленумов судов и т. п.), издаются различными судебными органами, в числе которых Европейский Суд по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший арбитражный Суд Российской Федерации (до упразднения в 2014 г. – А. Е.). В качестве примера приведем используемые для определения характеристик личности преступника постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»; для определения группы лиц и подконтрольности хозяйствующих субъектов – определение Верховного Суда РФ от 24 января 2019 г. № 307-КГ18-24131 по делу № А52-3855/2017 и постановление Пленума Высшего арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства».

Научные разработки, являющиеся источниками методики расследования, относятся к различным отраслям (криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, теория судебно-экспертной деятельности, конкурентное право и др.).

Общие положения теории криминалистики, криминалистическая тактика и методика определяют структуру методики расследования, подходы к построению ее элементов (следственных ситуаций, планирования, выдвижения версий, общей тактики производства следственных и иных процессуальных действий).

Теория оперативно-розыскной деятельности является источником рекомендаций по сочетанию оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в рамках тактических комплексов по преодолению противодействия со стороны лиц, использующих служебное положение, по установлению и доказыванию размера причиненного ущерба (извлеченного дохода), коррупционных, служебных и иных связей субъектов.

Теория судебно-экспертной деятельности является основой рекомендаций методики расследования по назначению, проведению и оценке результатов наиболее характерных судебных экспертиз по уголовным делам рассматриваемой категории (оценочным, судебно-бухгалтерским, компьютерным).

Теория конкурентного права обосновывает правовые институты и определяет понятия, используемые в методике расследования, принципы и пределы конкурентной борьбы, установленные антимонопольным законодательством.

Отдельное место в ряду правовых источников методики расследования занимает антимонопольное законодательство, которое основано на положениях ст. 8, 34 и 74 Конституции РФ и состоит из Гражданского кодекса Российской Федерации, федеральных законов, действующих положений законов РСФСР, подзаконных актов Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (далее – ФАС России).

Так, Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» в числе прочих положений содержит формы и признаки ограничения конкуренции, исходя из которых определяются способы и последствия коррупционных преступлений, посяга-

¹ См.: Шмонин А. В. Актуальные проблемы криминалистической методики: учеб. пособие. М., 2010. С. 39.

² Приговоры по делам № 1-347/2014 от 22 апреля 2014 г., № 1-349/2014 от 13 мая 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Новгородского районного суда Новгородской области. URL: <https://novgorodski-nvg.sudrf.ru> (дата обращения: 31 марта 2020 г.); Приговор по делу № 1-4/2019 от 31 июля 2019 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Самарского районного суда г. Самары. URL: <https://samarsky-sam.sudrf.ru> (дата обращения: 31 марта 2020 г.).

ющих на конкуренцию. Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» раскрывает понятие и перечень аффилированных лиц, используемых в методике расследования при даче рекомендаций об обстоятельствах, подлежащих установлению и доказыванию.

Не менее важными источниками, отнесенными нами к категории правового характера, являются правовые и неправовые акты ФАС России, облеченные в форму приказов, методических рекомендаций, информационных писем и разъяснений. Например, приказ ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» содержит положения, на которых основывается методика расследования при определении обстановки и обстоятельств совершения преступлений рассматриваемой категории, при формировании типовых следственных ситуаций на первоначальном этапе.

На пересечении науки и права нами выделены комментарии ФАС России уголовного, уголовно-процессуального и иных отраслей законодательства. Так, в письме ФАС России от 27 декабря 2011 г. № ИА/48801 в свете изменений, внесенных в УК РФ, указываются категории хозяйствующих субъектов, виды антиконкурентных соглашений, подлежащих уголовному преследованию.

Разделяя точку зрения А. В. Шмониной, к основам методики расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, мы относим их криминалистическую характеристику¹. Криминалистическая характеристика коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, представлена совокупностью взаимосвязанных элементов: субъект преступления (личность преступника, цели и мотивы), предмет (объект) преступления, способ (подготовка, совершение, сокрытие), обстановка преступления.

Центральным элементом данной системы является субъект, его детерминируемые служебным и иным положением возможности по ограничению конкуренции, а также особенности преступной мотивации, проявляющиеся в личной и корпоративной корыстной и иной заинтересованности. Мы солидарны с мнением ученых о руководителе органа (организации) как основном субъекте преступлений, связанных с ограничением конкуренции², однако отметим существенную долю работников, вступающих в преступный сговор с соответствующими руководителями либо участвующих в посягательстве на конкуренцию в силу служебной и иной зависимости.

¹ См.: Шмонин А. В. Методика расследования преступлений. М., 2006. С. 155–156.

² См.: Земскова Е. Н. Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 96; Даниловская А. В., Тенишев А. П. Об уголовной ответственности за сговоры на торгах // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98). С. 125.

Основанием для криминалистической классификации субъектов коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, выступает наличие полномочий (организационно-правового, профессионального статуса) по принятию управленческих, хозяйственных и финансовых решений (выполнению действий), воздействующих на конкуренцию, а также наличие функций, связанных с руководством подчиненными работниками. Исходя из изложенного, выделены следующие группы субъектов:

- руководитель (заместитель руководителя, руководитель структурного подразделения, руководитель контрактной службы, комиссии по осуществлению закупок, комиссии по приемке результатов исполнения контракта, согласительных и иных комиссий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственного (муниципального) учреждения, государственного (муниципального) предприятия, в служебные полномочия которого входит принятие решений и выполнение действий управленческого, хозяйственного и финансового характера, связанных с воздействием на конкуренцию (37,9 %);

- работник (участник контрактной службы, комиссии по осуществлению закупок, комиссии по приемке результатов исполнения контракта, согласительных и иных комиссий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственного (муниципального) учреждения, государственного (муниципального) предприятия, в служебные полномочия которого входит принятие решений и выполнение действий управленческого, хозяйственного и финансового характера, связанных с воздействием на конкуренцию (19,6 %);

- руководитель (заместитель руководителя, руководитель структурного подразделения) хозяйствующего субъекта (коммерческой или иной организации, индивидуальный предприниматель, использующий свой организационно-правовой статус, физическое лицо, осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, использующее свой профессиональный статус), в служебные полномочия которого входит принятие решений и выполнение действий управленческого, хозяйственного и финансового характера, связанных с воздействием на конкуренцию (41,4 %);

- работник хозяйствующего субъекта (коммерческой или иной организации), в служебные полномочия которого входит принятие решений и выполнение действий управленческого, хозяйственного и финансового характера, связанных с воздействием на конкуренцию (1,1 %).

Коррупционные преступления, посягающие на конкуренцию, могут совершаться с прямым и косвенным умыслом, и для их уголовно-правовой квалификации мотивы и цели не имеют значения. В ходе исследования получены данные, что субъекты преступлений рассматриваемой категории действуют из

корпоративной и личной заинтересованности как корыстного, так и некорыстного характера.

Типичная корпоративная корыстная мотивация – получение дополнительной прибыли и использование ее для нужд хозяйствующего субъекта (53,85 %) – пересекается с личной заинтересованностью на получение имущественной выгоды при распределении указанной прибыли (85,71 %). Изъятие последней происходит как под видом операций законного характера, таких как установление заработной платы, надбавок и премий, так и незаконного (передача денежных средств представителям органов государственной власти, местного самоуправления и т. п.). Некорыстный мотив заключается в стремлении лица обеспечить занятие хозяйствующим субъектом привилегированного положения (17,07 %), оказании ему неправомерного предпочтения (24,39 %), создании другим хозяйствующим субъектам препятствий (29,27 %) при подготовке и принятии управленческих, хозяйственных и финансовых решений (действий), связанных с воздействием на конкуренцию, а также извлечении выгод неимущественного характера отдельным лицом (53,85 %).

В структуре способа коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, выделяются подготовка, совершение и сокрытие. Типичными способами подготовки являются:

- создание хозяйствующего субъекта (организации, индивидуального предпринимателя, лица, осуществляющего профессиональную и иную деятельность) субъектом, его родственниками и близкими;
- координация отдельных видов деятельности или участие в управлении хозяйствующим субъектом;
- фиктивное выполнение требований, установленных антимонопольным законодательством, законодательством о закупках и др.

Типичные способы совершения коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, делятся на две обобщенные группы: заключение картельного соглашения (картеля) и заключение иных соглашений, ограничивающих конкуренцию.

Обязательными признаками картельного соглашения являются установленные в ходе расследования возможность наступления или факты ограничения конкуренции, указанные в ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Наиболее распространенные способы сокрытия коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию:

- заключение «задним числом» договоров исполнительного органа юридического лица доверительного управления, передачи имущества и т. п. в целях придания статуса подконтрольности хозяйствующим субъектам;
- разработка «задним числом» нормативных правовых и иных актов в целях придания правомерности ранее принятым решениям и выполненным действиям управленческого, хозяйственного и финансового

характера, связанным с незаконным воздействием на конкуренцию;

- удаление с компьютерных носителей информации, указывающей на заключение соглашений, ограничивающих конкуренцию, и других обстоятельств.

К обстановке коррупционного преступления, посягающего на конкуренцию, относятся не только время и место совершения, но и временные, объемные, продуктовые, географические границы и иные характеристики товарного рынка, товара, торгов или сферы деятельности, в которой совершается преступление.

Результатом взаимодействия вышеуказанных элементов криминалистической характеристики в точке события коррупционного преступления, посягающего на конкуренцию, являются идеальные и материальные следы, особенности образования и собирания которых становятся важной составляющей методики расследования.

Структура методики расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, включает:

- следственные ситуации, возникающие при расследовании дел о коррупционных преступлениях, посягающих на конкуренцию;
- планирование расследования по делам о коррупционных преступлениях, посягающих на конкуренцию;
- тактические комплексы следственных и иных действий при расследовании коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию.

Исходя из ключевых условий, определяющих следственные ситуации, нами выделены следующие их виды на первоначальном этапе расследования:

- по источнику информации – уголовное дело возбуждено по материалам оперативно-розыскной деятельности, по заявлению потерпевшего гражданина (организации), по сообщению контрольно-надзорных и иных органов, по сообщению антимонопольных органов;
- по наличию подозреваемого – лицо, подозреваемое в совершении преступления, установлено или не установлено;
- по кругу субъектов – преступление совершено только представителями хозяйствующих субъектов, преступление совершено представителями хозяйствующих субъектов и органов государственной власти, органов местного самоуправления и т. п.;
- по форме личного противодействия подозреваемого (обвиняемого) – подозреваемый (обвиняемый) сотрудничает со следствием и дает правдивые показания, дает ложные показания (показания, противоречащие материалам, собранным в ходе расследования, предварительной проверки), отказывается от дачи показаний.

Одной из типичных следственных ситуаций при расследовании коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, является возбуждение уголовного дела по сообщению антимонопольных

органов в отношении подозреваемых – представителей хозяйствующих субъектов, дающих ложные показания.

В частных методиках расследования коррупционных преступлений и преступлений в сфере экономической деятельности используются различные подходы и основания для построения версий¹. Особенностью выдвижения общих версий по уголовным делам о коррупционных преступлениях, посягающих на конкуренцию, является необходимость отражения в них наличия (отсутствия) события преступления и его «эпизодности». Исходя из анализа следственной практики по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории, выдвигаются следующие общие версии:

1. Преступление не совершалось: имеет место оговор, ошибочная трактовка правомерных действий или гражданско-правовые (административно-правовые) отношения.

2. Совершено только коррупционное преступление (я), посягающее на конкуренцию, указанное в материале проверки (заявлении, сообщении).

3. Указанное в материале проверки (заявлении, сообщении) преступление совершено в совокупности с аналогичными или другими преступлениями (является эпизодом преступной деятельности).

Схема разработки плана расследования коррупционного преступления, посягающего на конкуренцию, следующая: анализ следственной ситуации – выдвижение следственных версий – определение вопросов, подлежащих выяснению, – определение мероприятий, следственных и процессуальных действий – разработка отдельных тактических комплексов – составление плана расследования и вспомогательных документов планирования.

В совокупности с общепринятыми вспомогательными документами планирования, отражающими структуру преступной группы и схему преступной деятельности, нами рекомендовано составление:

- перечня служебных полномочий, используемых субъектами для посягательства на конкуренцию, с указанием пунктов и разделов актов, должностных инструкций, других документов, которыми они предусмотрены;

- хронологического перечня решений, действий и оформленных документов субъектов с указанием нарушенных положений нормативных правовых актов антимонопольного законодательства;

- схемы поведения (стратегии) участников картельного соглашения на торгах, при заключении, ис-

полнении и оплате договоров, изменении цен (надбавок, тарифов) и т. п.;

- схемы коррупционных, служебных, родственных и иных связей между представителями различных хозяйствующих субъектов, органов государственной власти, органов местного самоуправления и т. п.;

- схемы взаимодействия и расположения структурных подразделений, объектов и имущественных комплексов, схемы документооборота (товарооборота) хозяйствующих субъектов, органов государственной власти, органов местного самоуправления и т. п.;

- перечня потерпевших граждан, организаций, органов и уровней бюджетов с указанием обобщенного и детализированного размера причиненного ущерба;

- перечня участников картельного соглашения с указанием обобщенного и детализированного размера извлеченного дохода.

При планировании расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, целесообразно составление отдельного плана (программы) для реализации тактических комплексов «определение причиненного ущерба (извлеченного дохода)», «доказывание картельного сговора», «установление вида заинтересованности», «преодоление противодействия».

Анализ проблем и недостатков расследования уголовных дел о коррупционных преступлениях, посягающих на конкуренцию, позволяет рекомендовать для разрешения типичных следственных ситуаций проведение вышеуказанных тактических комплексов. Например, в составе тактического комплекса «определение причиненного ущерба» при наличии потерпевшего хозяйствующего субъекта возможно сочетание следующих следственных и иных процессуальных действий:

- осмотр (выемка) в потерпевшем хозяйствующем субъекте контрактов (договоров) и коммерческих предложений на поставку товаров, работ, услуг (далее – ТРУ); заявок и иной документации торгов, указывающей на конечную цену ТРУ; писем, приказов (договоров, соглашений) об установлении надбавок (наценок) на ТРУ и т. п.

- допрос руководителей и работников потерпевшего хозяйствующего субъекта по условиям установления и размерам конечной цены ТРУ; по стратегии участия в торгах, формирования предложений и снижения (увеличения) цены ТРУ;

- получение справок от хозяйствующего субъекта о размерах фактических и плановых затрат на поставку ТРУ, приобретение сырья и материалов, производственных и иных мощностей, хозяйственных и иных объектов;

- получение заключения от антимонопольного органа о размере причиненного ущерба в результате посягательства на конкуренцию с детализацией по каждому потерпевшему хозяйствующему субъекту;

- проведение судебно-бухгалтерских и иных экономических экспертиз для определения размера

¹ См., например: Догонов А. Е. Особенности расследования преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2013. С. 17; Крюков В. В. Методика расследования должностных преступлений коррупционной направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 11; Мозговая Д. А. Расследование подлога документов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 16–17.

ущерба, причиненного каждому потерпевшему хозяйствующему субъекту.

Подводя итоги, необходимо отметить, что сложность расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, обусловлена различными причинами. Доказывание таких обстоятельств, как размер причиненного ущерба (извлеченного дохода), особенностей картельного сговора, сговора представителей хозяйствующих субъектов и органов государственной власти (органов местного самоуправления и т. п.) является обязательным условием по данным уголовным делам.

Результатом методики расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, являются научно обоснованные рекомендации по планированию и проведению тактических комплексов проверочных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий по направлениям «определение причиненного ущерба (извлеченного дохода)», «доказывание картельного сговора», «установление вида заинтересованности», «преодоление противодействия».

Библиографический список

1. Даниловская А. В. Об уголовной ответственности за сговоры на торгах / А. В. Даниловская, А. П. Тенишев // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98). – С. 119–131.
2. Догонov А. Е. Особенности расследования преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Е. Догонov. – Ростов-на-Дону, 2013. – 24 с.
3. Земскова Е. Н. Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Земскова. – Москва, 2018. – 296 с.
4. Крюков В. В. Методика расследования должностных преступлений коррупционной направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Крюков. – Челябинск, 2011. – 26 с.
5. Мозговая Д. А. Расследование подлога документов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. А. Мозговая. – Москва, 2013. – 28 с.
6. Муссов М. Г. Расследование коррупционных преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук / М. Г. Муссов. – Москва, 2011. – 423 с.
7. Шмонин А. В. Актуальные проблемы криминалистической методики: учеб. пособие / А. В. Шмонин. – Москва, 2010. – 208 с.
8. Шмонин А. В. Методика расследования преступлений / А. В. Шмонин. – Москва, 2006. – 209 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Danilovskaya A. V. Ob ugovolnoj otvetstvennosti za sgovory na torgah / A. V. Danilovskaya, A. P. Tenishev // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. – № 1 (98). – С. 119–131.

2. Dogonov A. E. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s vosprepyatstvovaniem zakonnoj predprinimatel'skoj ili inoj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / A. E. Dogonov. – Rostov-na-Donu, 2013. – 24 s.

3. Zemskova E. N. Rassledovanie prestuplenij v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd: dis. ... kand. yurid. nauk / E. N. Zemskova. – Moskva, 2018. – 296 s.

4. Kryukov V. V. Metodika rassledovaniya dolzhnostnyh prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / V. V. Kryukov. – Chelyabinsk, 2011. – 26 s.

5. Mozgovaya D. A. Rassledovanie podloga dokumentov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / D. A. Mozgovaya. – Moskva, 2013. – 28 s.

6. Mussov M. G. Rassledovanie korrupcionnyh prestuplenij v sfere ekonomiki: dis. ... kand. yurid. nauk / M. G. Mussov. – Moskva, 2011. – 423 s.

7. Shmonin A. V. Aktual'nye problemy kriminalisticheskoy metodiki: uchebnoe posobie / A. V. Shmonina. – Moskva, 2010. – 208 s.

8. Shmonin A. V. Metodika rassledovaniya prestuplenij / A. V. Shmonin. – Moskva, 2006. – 209 s.

Особенности первоначального этапа расследования незаконной рубки лесных насаждений

Мосина Светлана Вячеславовна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: Svetlana-p-v@mail.ru

Андроник Наталья Ауреловна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: Natali376@mail.ru

В настоящей статье рассмотрены некоторые особенности первоначального этапа расследования незаконных рубок лесных насаждений, проанализированы тактические особенности осмотра места происшествия на различных этапах, тактика допроса. Исследован правоприменительный опыт, выявлены недостатки при проведении следственных действий.

Ключевые слова: незаконная рубка; осмотр места происшествия; лесные насаждения; лесничий.

Features of the initial stage of investigation of illegal logging of forest stands

Mosina Svetlana Vyacheslavovna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

Andronik Natalya Aurelovna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

This article discusses some of the features of the initial stage of investigation of illegal logging of forest stands, analyzes the tactical features of inspection of the scene at various stages, and the tactics of interrogation. The law enforcement experience has been studied, and shortcomings in conducting investigative actions have been identified.

Key words: illegal logging; inspection of the scene; forest stands; forester.

Территории Российской Федерации, где сосредоточены лесные массивы, включая особо ценные хвойные породы деревьев, все чаще подвергаются преступным посягательствам, связанным с незаконной рубкой лесных насаждений, переработкой, перевозкой леса и лесоматериалов, в том числе «варварскими» способами. Так, по данным ГИАЦ МВД России в 2018 г. процентный показатель выявленных преступлений, связанных с незаконным производством лесозаготовок, составил 34,1 %, в 2019 г. – 36,6 %¹. Указанная динамика свидетельствует о наличии тенденции к увеличению числа преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений. Вместе с тем следует отметить низкий уровень раскрываемости таких преступлений, а также наличие практики при-

нятия решений о прекращении уголовного дела на стадии предварительного расследования.

Недостаточные показатели раскрываемости данного вида преступлений обусловлены низким качеством проведения следственных действий как на первоначальном, так и на последующем этапах расследования, а также отсутствием надлежащего взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства.

Очевидно, что качество и своевременность проведения следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, определяет его полноту и объективность и влияет на принятие итогового решения по всему уголовному делу.

Следует отметить, что первоначальный этап при расследовании рассматриваемых преступлений, как

¹ См.: Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф>.

и преступлений любого другого вида, характеризуется недостатком имеющихся доказательств в распоряжении следователя (дознателя) и оперативной информации.

На первоначальном этапе особое внимание следует уделить анализу сложившейся следственной ситуации, что позволяет выдвинуть первоначальные следственные версии и провести их своевременную проверку уголовно-процессуальными средствами. Так, как правило, выдвигаются следующие версии: во-первых, о наличии факта незаконной рубки лесных насаждений, во-вторых, о личности предполагаемого преступника.

На первоначальном этапе для проверки следственных версий эффективно проводить осмотр места происшествия.

Осмотр места происшествия при незаконной рубке лесных насаждений является неотложным и обязательным следственным действием, направленным на выдвижение версий исходя из материальной обстановки, а в дальнейшем и на закрепление доказательств. Осмотр производится в соответствии со ст. 176–177 УПК РФ.

Основная задача осмотра места происшествия – это раскрытие и расследование преступлений.

Исходя из специфики данного вида преступлений, следует выделить частные задачи осмотра места незаконной рубки:

- 1) изучение и фиксация обстановки места незаконной рубки, определение ее границ, вида рубки (сплошная, выборочная) с целью выяснения обстоятельств совершения преступления;
- 2) установление обстоятельств, отражающих объективную сторону преступления (время, способ совершения рубки, действия преступников на месте незаконной рубки, их количество, использование ими специальной техники при совершении преступления);
- 3) изъятие следов, которые в дальнейшем будут иметь неоспоримое доказательственное значение;
- 4) выявление обстоятельств, способствующих совершению преступления.

При получении информации о незаконной рубке лесных насаждений оперативный дежурный отдела полиции принимает меры к незамедлительному выезду следственно-оперативной группы на место происшествия.

Рассмотрим наиболее важные аспекты подготовительного этапа. Во-первых, на подготовительном этапе до выезда на место происшествия руководитель следственно-оперативной группы должен позаботиться о наличии необходимой документации и технико-криминалистических средствах. Так, И. А. Фомина отмечает, что во время подготовки к осмотру места незаконной рубки необходимо иметь в наличии план лесосеки, технологические карты, составленные с учетом всех особенностей лесосеки: рельефа, грунта, формы, размера¹. Данная документация будет

способствовать ориентированию на местности, установлению завизированных рубок. Во-вторых, учитывая специфику расследования уголовных дел данной категории и исходя из географических, климатических условий региона, необходимо предусмотреть до выезда определенные меры безопасности, например, наличие средств защиты от клещей, комаров.

Главной особенностью осмотра места происшествия по делам данной категории является обязательное участие в качестве специалиста лесничего или лесника, в чьем ведении находится обход (участок лесного массива), где была совершена незаконная рубка деревьев. Это вызвано тем, что только с его помощью целесообразно проводить измерение диаметра незаконно срубленных деревьев. В противном случае в протоколах о лесонарушении, составляемых лесниками, и протоколе осмотра места происшествия, составляемом следователем (дознателем), будут расхождения. Без участия лесника или лесничего, на участке которого произошла незаконная рубка, следователь (дознатель) едва ли сможет грамотно и без ошибок определить квартал, литер, выдел участка незаконной рубки, время совершения преступления и т. д. Именно он даст полную характеристику леса: какие имеются породы деревьев; какие именно спилены; есть ли заболевания у лесных насаждений (гнили, трещины на спиленных деревьях); имеются ли на стволах маркировочные обозначения, каково их значение, способы рубки; в зимнее время года – есть ли живые почки на ветвях деревьев. Именно лесничий поможет следователю (дознателю) овладеть специальной терминологией, необходимой при описании лесных насаждений, а также лесоматериалов. Авторы М. А. Васильев, К. В. Степанюгин полагают неверной практику, когда к осмотру места происшествия сотрудники полиции приглашают лесника из того же лесничества, т. к. последний является заинтересованной стороной².

На подготовительном этапе по прибытию на место происшествия следователь (дознатель) первоначально должен определить границы осмотра места происшествия и способ его производства. Для точного определения границ необходимо пригласить лиц, обнаруживших место незаконной рубки лесных насаждений. Возможно, участки располагаются разрозненно, соответственно необходимо территорию разделить на сектора и поочередно провести осмотр каждого участка.

При определении места расположения участка предполагаемой незаконной рубки обязательно проводятся измерения расстояния от его границ до деляночных столбов, лесных просек, а также иных ориентиров: автомобильных, железных дорог, терри-

рубки лесных насаждений по материалам регионов Восточной Сибири: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 100.

² См.: Васильева М. А., Степанюгин К. В. Первоначальный этап расследования незаконных рубок лесных насаждений (по материалам Дальневосточного региона России): монография. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2015. С. 78.

¹ См.: Фомина И. А. Методика расследования незаконной

торий организаций, отдельно стоящих зданий, линий электропередач.

Осмотр пней производится последовательно с измерением их диаметра, высоты, с указанием на схеме их местоположения. Описывается их состояние, наличие в них гнилей, трещин, плодовых тел (грибов). С целью пересчета все пни нумеруются. При осмотре поврежденных деревьев, стоящих на корню на расстоянии 1, 3 метра (на уровне груди), от корневой шейки дерева мерной вилкой производятся замеры диаметров их стволов. С участием специалистов измеряются высота деревьев, размеры повреждений, описывается их характер¹.

К протоколу осмотра места происшествия прилагаются схемы, которые помогают лучше уяснить изложенное в протоколе. Как правило, это схема общего характера участка местности и отдельных участков, отражающих места незаконной рубки. На план-схеме расположение пней отражается с помощью условных знаков, например цифровых. Поврежденные деревья можно изобразить в виде определенных кружков с указанием направления их падения в виде стрелок. Кроме того, при обследовании территории осматриваются оставшиеся от рубки сучки и вершины деревьев. Другой важной особенностью осмотра места происшествия является необходимость изъятия спилов с пней, обнаруженных на месте рубки, а также опилок.

От полноты, объективности проведенного осмотра места происшествия зависит качество расследования. Так, в находящимся в производстве Следственного Отдела МО МВД России «Сысертский» деле осмотра места происшествия проведены следователем, в них «отражено общее количество пней, схема к протоколу не составлена, не отражено, с какого пня изъят спил»². При расследовании аналогичного уголовного дела при проведении осмотра места происшествия в протоколе не зафиксированы существенные для уголовного дела обстоятельства: замеры диаметра каждого пня, его высота, местоположение, не составлена схема места происшествия, чем нарушены требования п. 1, 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, что выразилось в непринятии достаточных мер по установлению места преступления, в неустановлении характера и размера вреда, причиненного преступлением, что, в свою очередь, повлекло возвращение прокурором уголовного дела для производства дополнительного расследования³. Данные примеры правоприменительной практики свидетельствуют о том, что в результате некачественного проведения следственных действий расследование по уголовным делам весьма затруднительно.

Важным доказательством являются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего (представителя потерпевшего). Допросы необходимо проводить своевременно, в кратчайшие сроки с целью быстрого закрепления доказательств, во избежание противодействия лиц и изменения показаний.

Так, по уголовному делу, возбужденному по факту незаконной рубки лесных насаждений, сумма ущерба составила более 1 млн рублей. Допрошенные свидетели пояснили, что следы транспортного средства с места незаконной рубки вывели на базу, расположенную по адресу: г. Арамил, Свердловской области. В ходе предварительного следствия была проведена судебная трасологическая экспертиза, по результатам которой спилы, изъятые с места происшествия в квартале № 8, выдел № 3 ГКУ СО «Сысертское лесничество» Кашинского участкового лесничества, участок Двуреченский, и изъятые с древесины на базе в г. Арамил, составляли ранее одно целое, данный вывод подтвержден в ходе проведения дендрохронологической судебной экспертизы. На месте происшествия задержан лесовоз, на который впоследствии был наложен арест. Однако непринятие следователем своевременных мер, направленных на раскрытие этого преступления и закрепление доказательств, полученных в ходе доследственной проверки, несвоевременное проведение допросов собственника транспортного средства, собственника базы (спустя два месяца после возбуждения уголовного дела) привели к утере возможности к установлению всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также установлению причастности данных лиц к совершению преступления.

Положительный результат допроса во многом зависит от того, насколько грамотно и эффективно следователь будет использовать специальные знания и методы допроса для получения полных и правдивых показаний.

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что не всегда в полном объеме устанавливаются все обстоятельства произошедшего при расследовании уголовных дел данной категории, несвоевременно проводятся необходимые следственные действия, направленные на закрепление доказательственной базы (проверка показаний на месте, следственный эксперимент, предъявление для опознания лиц, предметов), не принимаются достаточные меры к возмещению ущерба, не проводятся весь комплекс оперативно-разыскных мероприятий. Что влияет на качество расследования и, соответственно, затрудняет установление причастности лица к совершенному преступлению, доказательства или опровержения преступного умысла лица.

Так, изучение уголовного дела СО МО МВД России «Алапаевский» показало, что согласно заключению экспертов спилов с пней, изъятых с места незаконной рубки, и спилов с сортимента, изъятые с пилорамы, находящейся в пользовании К., ранее составляли

¹ См.: Методические рекомендации МВД РФ. М., 2016. 28 апреля.

² Обзор судебной практики Свердловского областного суда за 2017 г. URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru>.

³ См.: Обзор судебной практики Свердловского областного суда за 2017 г. URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru>.

единое целое. Однако в ходе предварительного следствия следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия, направленные на проверку версии К. (древесина, находящаяся в распоряжении, приобретена законно), не проводились, следовательно ограничилась лишь направлением поручения в орган дознания. При этом документы, имеющие значение для дела не изымались, обыск по месту жительства К. не проводился, лица, с которыми заключены договоры подряда на заготовку древесины, не допрошены¹.

По уголовному делу по обвинению Д. в совершении незаконной рубки в особо крупном размере на сумму 392 002 рубля в ходе предварительного следствия установлено, что обвиняемым при совершении преступления использовались транспортные средства: автомашина «КАМАЗ», принадлежащая К., трактор Т-40 – собственник Г., однако арест на данные транспортные средства не наложен, уголовное дело направлено в суд².

Вместе с тем, как показывает судебная практика, используемая при совершении преступлений техника находится у виновных в аренде и в дальнейшем по приговору суда возвращается владельцам, которые повторно передают ее в аренду, в том числе лицам, осуществляющим незаконную рубку леса.

Так, приговором Слободо-Туринского районного суда Свердловской области по обвинению П. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ – незаконная рубка, совершенная в особо крупном размере – изъятый трактор МТЗ-80 возвращен законному владельцу Х.³

Таким образом, можно сделать вывод о том, что некачественное проведение следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, достаточно распространенное явление, что в первую очередь обусловлено отсутствием надлежащего уровня взаимодействия между субъектами, осуществляющими предварительное расследование и оперативно-разыскную деятельность. Вместе с тем следует отметить, что рекомендации по организации отдельных следственных действий, приведенные в настоящей статье, направлены на повышение качества расследования рассматриваемых преступлений. Основным условием планирования конкретного следственного действия выступает специфика способа совершения самого преступления, который определяет характеристику конкретной следственной ситуации.

Библиографический список

1. Васильева М. А. Первоначальный этап расследования незаконных рубок лесных насаждений (по материалам Дальневосточного региона России): мо-

нография / М. А. Васильева, К. В. Степанюгин. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2015. – 156 с.

2. Методические рекомендации МВД России. – Москва, 2016. – 28 апреля.

3. Обзор судебной практики Свердловского областного суда за 2017 г. – URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru>.

4. Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф>.

5. Фомина И. А. Методика расследования незаконной рубки лесных насаждений по материалам регионов Восточной Сибири: дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Фомина. – М., 2011.

Bibliograficheskij spisok

1. Vasil'eva M. A. Pervonachal'nyj etap rassledovaniya nezakonnyh rubok lesnyh nasazhdenij (po materialam Dal'nevostochnogo regiona Rossii): monografiya / M. A. Vasil'eva, K. V. Stepanyugin. – Habarovsk: RIO DVYUI MVD Rossii, 2015. – 156 s.

2. Metodicheskie rekomendacii MVD Rossii. – Moskva, 2016. – 28 aprelya.

3. Obzor sudebnoj praktiki Sverdlovskogo oblastnogo suda za 2017 g. – URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru>.

4. Sostoyanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://mvd.rf>.

5. Fomina I. A. Metodika rassledovaniya nezakonnoj rubki lesnyh nasazhdenij po materialam regionov Vostochnoj Sibiri: dis. ... kand. yurid. nauk / I. A. Fomina. – M., 2011.

¹ См.: Обзор судебной практики Свердловского областного суда за 2017 г. URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru>.

² Там же.

³ Там же.

Некоторые особенности раскрытия и расследования преступных инсценировок

Хамидуллин Руслан Сибатуллоевич,
Уральский государственный юридический
университет, кандидат юридических наук
e-mail: 46006@bk.ru

Автор рассматривает вопросы, связанные с расследованием преступных инсценировок. В статье обозначены некоторые проблемы выявления инсценировок с целью сокрытия следов преступления или с иной корыстной целью. Обозначены версии, выдвигаемые при расследовании преступных инсценировок, предложены алгоритмы действий, направленные на их проверку.

Ключевые слова: преступная инсценировка; версии; расследование преступлений; алгоритм действий следователя; криминалистическая тактика; расследование пожара; криминалистическая техника.

Some features of disclosure and investigation of criminal scenes

Hamidullin Ruslan Sibagatulloevich,
Ural State Law University,
Candidate of Law

The author considers issues related to the investigation of criminal dramatizations. The article outlines some problems in revealing staging in order to hide the traces of a crime or for any other selfish purpose. The versions put forward during the investigation of some types of criminal dramatizations are indicated, the algorithms for actions aimed at checking the put forward versions are proposed.

Key words: criminal re-enactment; versions; investigation of crimes; algorithm of actions of the investigator; forensic tactics; fire investigation; forensic technology.

Проблема раскрытия и расследования преступных инсценировок не теряет своей актуальности и в настоящее время. Анализ следственной практики показал рост количества преступлений, связанных с инсценировками. Так, по данным Российского Союза Автостраховщиков в 2019 году в связи со страховыми мошенничествами путем инсценировок в правоохранительные органы подано более 8,1 тыс. заявлений страховыми компаниями, по 1,6 тыс. из них возбуждены и расследовались уголовные дела¹. Известно, что инсценировки страховых случаев с целью получения денежных выплат от компании являются серьезной проблемой, с которой правоохранительные органы осуществляют борьбу. Кроме того, необходимо отметить, что инсценировки, как правило, носят латентный характер и практически невозможно установить точное количество таких преступлений. В связи с чем криминалисты рекомендуют на первоначальном этапе расследования таких преступлений выдвигать и проверять версию инсценировки какого-либо события наряду с другими версиями. Так, при

осмотре мест происшествия и проведении других следственных действий необходимо обращать особое внимание на «негативные обстоятельства», способствующие выявлению и разоблачению инсценировок. Также путем постоянного осмысления с точки зрения науки криминалистики и правоприменительной практики можно попытаться решить проблему. Для чего стоит обозначить существующий арсенал тактико-криминалистического обеспечения деятельности следователя по раскрытию и расследованию преступных инсценировок, проанализировав следственную практику.

Прежде стоит определиться с понятийным аппаратом. Под инсценировкой в соответствии со Словарем русского языка С. И. Ожегова понимается изображение чего-либо с целью воздействия на материальную обстановку, создания ложных представлений у лица². Из определения следует, что инсценировать можно любое событие и не всегда оно может быть связано с преступлением. В данной статье рассмотрим понятие инсценировки с точки зрения криминалистической

¹ См.: Российский Союз Автостраховщиков [Электронный ресурс]. URL: <https://autoins.ru>.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 1970. С. 245.

науки, а именно то, как инсценировка может способствовать совершению преступления или являться способом сокрытия следов.

Наглядно демонстрирует инсценировку следующий пример из следственной практики. Неподалеку от города Красногорска Московской области грибник на берегу реки обнаружил повешенным на дереве тело мужчины, о чем сообщил правоохранительным органам. На место происшествия выехала следственно-оперативная группа. В ходе осмотра установлено, что труп мужчины, на вид 35–40 лет, висит на дереве повешенным на веревке с петлей на шее. Кроме того, на месте происшествия обнаружена пустая бутылка с характерным запахом спиртного, следы обуви и следы крови. Труп одет в черный деловой костюм, в кармане которого найден железнодорожный билет на имя погибшего с выездом в 4 утра следующего дня. При осмотре трупа судебно-медицинский эксперт обратил внимание следователя на имеющиеся на теле следы побоев, а также сообщил, что странгуляционная борозда свидетельствует о том, что мужчина не оказывал сопротивление при повешении, и предположил, что он мог находиться в бессознательном состоянии или в сильном алкогольном опьянении. Учитывая сложившуюся следственную ситуацию, следователь выдвинул три версии:

- 1) совершен суицид;
- 2) совершено убийство;

3) совершена инсценировка суицида с целью сокрытия убийства.

Приоритетной стала версия об инсценировке, о чем свидетельствовало отсутствие на месте происшествия предсмертной записки, обнаруженные следы обуви, принадлежащие нескольким людям, купленный билет на поезд и следы побоев на теле трупа. В ходе предварительного следствия данная версия полностью нашла свое подтверждение.

Пример демонстрирует то, как преступники с целью сокрытия убийства инсценируют самоубийство для направления следствия по ложному пути и избегания наказания. Кроме того, в данном примере ярко выражено значение негативных обстоятельств, с помощью которых и удалось следователю прийти к выводу об инсценировке.

Первое обстоятельство – мужчина купил билет и собирался уезжать из города – говорит о том, что он за ранее не планировал самоубийство. Второе – на месте происшествия обнаружены следы других людей – свидетельствует о том, что в момент наступления смерти рядом с погибшим находилось несколько человек. Третье – следы крови и побои на теле жертвы – говорят о конфликте и драке, предшествовавшей указанному событию. В совокупности негативные обстоятельства и не вписывались в версию о самоубийстве¹.

¹ См.: Приговор Красногорского городского суда от 11 августа 2012 г. по делу № 1-54/13 [Электронный ресурс]. URL: <https://krasnogorsk.mo.sudrf.ru>.

Следует также разграничивать понятие инсценировки с понятием фальсификации, несмотря на то, что могут иметься схожие признаки. Фальсификация охватывает не только изменения в материальной обстановке, но и активную деятельность, направленную на формирование ложных впечатлений (например, дача ложных показаний или предоставление видеопленки аудиозаписей с искажением событий). Словарь русского языка С. И. Ожегова определяет, что фальсифицировать – значит подделать, исказить с целью выдать за подлинное, настоящее. Таким образом, в результате проведенного анализа понятий можно сделать вывод, что понятие фальсификации шире, чем понятие инсценировки.

В теории криминалистики инсценировка понимается как создание искусственной картины какого-либо события. В большинстве случаев инсценировка представляет собой способ сокрытия какого-либо преступления, например, присвоения или растраты, совершенных материально-ответственными лицами. Иногда к инсценировкам прибегают для сокрытия действий, не являющихся преступными. Допустим, один из членов семьи, растративший совместное имущество, общие денежные средства, инсценирует кражу с взломом².

Как мы отметили, одним из самых сложных для выявления способов сокрытия преступления является инсценировка. Для установления действительности происшедшего события, а также виновных в совершении преступления лиц от следователя требуются профессиональные знания, мастерство и опыт раскрытия подобных преступлений.

Так, особую сложность вызывает расследование пожаров частных домов, где обнаруживаются сильно обгоревшие тела людей, по которым достаточно сложно, а иногда и невозможно установить, наступила ли смерть в результате воздействия температуры или имеет место убийство с инсценировкой пожара. Дополнительную сложность в установлении всех обстоятельств и проверки версии инсценировки пожара с целью скрыть следы убийства вызывают последствия тушения. Пожарные расчеты, прибыв на место происшествия, приступая к тушению, обрабатывают место происшествия водой и специальной пеной, что зачастую уничтожает следы. Кроме того, в результате их действий по разбору завалов, обрушений, проникновения в помещения остается множество следов не относящихся к событию преступления, что создает дополнительную сложность в раскрытии и расследовании таких преступлений.

Приведем пример, в Челябинской области в пожарную часть одного из населенных пунктов в 3 часа ночи поступило сообщение о пожаре в коттедже, пожарные расчеты прибыли на место происшествия в 4 часа, на месте уже работала добровольная пожарная бригада, к моменту начала тушения двухэтажное здание практически полностью выгорело, задачей

² См.: Драпкин Л. Я. Криминалистика. М.: Юрайт, 2013. С. 146.

пожарных явилось предотвратить распространение огня на соседние здания. Наутро в ходе разбора завалов сгоревшего и обрушенного здания пожарные обнаружили сильно обгоревшие фрагменты костных останков человека, после чего на месте уже работала следственно-оперативная группа Следственного комитета России. В результате проведенного осмотра места происшествия обнаружены и изъяты сильно обгоревшие костные останки, принадлежащие двум разным людям, кроме того, следов, явно указывающих на криминальный характер наступления смерти, обнаружено не было. Останки были направлены на судебно-медицинскую экспертизу, которая не смогла дать конкретного ответа на вопрос о причине наступления смерти, в заключении указывался вероятностный вывод о том, что смерть наступила в результате воздействия высоких температур.

Таким образом, в данной следственной ситуации следователь на первоначальном этапе расследования выдвинул три версии относительно произошедшего события:

- 1) произошел несчастный случай;
- 2) совершена инсценировка пожара с целью скрыть убийство;
- 3) совершен поджог с целью убийства.

В подобных ситуациях планировать расследование необходимо, исходя из выдвинутых версий с учетом проведения следующих основных мероприятий:

1. Имеет смысл провести повторный осмотр места происшествия с привлечением специалистов-пожаротехников с целью установления новых обстоятельств и следов.

2. По изъятым останкам назначить судебно-медицинскую и генетическую экспертизу. Также необходимо назначение пожаротехнической экспертизы (установление причины возгорания) и других.

3. Провести подворно-поквартирный обход для установления свидетелей и очевидцев, камер наружного наблюдения и т. п.

4. Допросить:

а) свидетеля, сообщившего о возгорании, а также других лиц, имеющих отношение к расследуемому событию;

б) сотрудников МЧС и лиц, принимавших участие в тушении.

5. Признать потерпевшими и допросить предполагаемых родственников погибших.

6. Получить образцы ДНК для сравнительного исследования.

7. Назначить и провести генетическую экспертизу с целью установления личности погибших.

8. Сделать запрос о лицах, зарегистрированных и проживающих по адресу пожара.

9. Сделать запрос у участкового уполномоченного полиции информации о характеристике лиц, проживающих по данному адресу.

10. Получить информацию об абонентах и абонентских устройствах, зарегистрированных в районе расположения сгоревшего здания в момент пожара.

11. Установить местонахождение абонентов и доставить их следователю для допроса.

12. Допросить абонентов, находившихся в данном районе в момент пожара.

Проведение данного комплекса мероприятий даст криминалистически значимую информацию, исходя из которой можно определить приоритетную версию произошедшего.

По данному же уголовному делу: в ходе следствия удалось установить личности погибших, а также подозреваемого, который дал признательные показания о том, что распивал спиртные напитки совместно с погибшими и в результате конфликта нанес обоим несколько ударов ножом, после чего, симитировав утечку газа, инсценировал пожар. Идентифицировать подозреваемого удалось по абонентскому устройству, действовавшему в момент совершения преступления в сгоревшем коттедже и продолжавшему действовать после происшествия по другому адресу. Умелое использование данной информации следователем при допросе подозреваемого позволило получить явку с повинной и признательные показания.

Кроме того, при установлении лица, совершившего преступление, необходимо проверить его на причастность к совершению других аналогичных преступлений. Не секрет, что существует большая вероятность совершения преступлений ранее судимыми лицами. В таком случае разъяснение преимуществ особого порядка уголовного судопроизводства при признании вины обвиняемым или заключения досудебного соглашения о сотрудничестве может способствовать раскрытию и расследованию других эпизодов. В наиболее сложных следственных ситуациях с множеством фигурантов и эпизодов целесообразно проводить тактическую операцию «Привлечение лица к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения», подробнее с данной тактической операцией можно ознакомиться в ранее изданной статье¹.

Таким образом, правильно выдвинутые версии относительно события произошедшего и грамотные действия по их отработке, а также умелое использование тактических операций и приемов, как правило, приводят к раскрытию преступления.

Библиографический список

1. Данные Российского Союза Автостраховщиков за 2019 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://autoins.ru> (дата обращения: 20 января 2020 г.).
2. Драпкин Л. Я. Криминалистика / Л. Я. Драпкин. – Москва: Юрайт, 2013.
3. Образцов В. А. Криминалистика: учебник / В. А. Образцов. – Москва: Юрист, 2014.

¹ См.: Хамидуллин Р. С. Понятие и содержание тактической операции «Привлечение подозреваемого (обвиняемого) к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (41). С. 149–156.

4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва: ИТИ Технологии, 1970.

5. Приговор Красногорского городского суда от 11 августа 2012 г. по делу № 1-54/13 [Электронный ресурс]. – URL: <https://krasnogorsk.mo.sudrf.ru>.

6. Хамидуллин Р. С. Понятие и содержание тактической операции «Привлечение подозреваемого (обвиняемого) к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве» / Р. С. Хамидуллин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 3 (41). – С. 149–156.

Bibliograficheskij spisok

1. Dannye Rossijskogo Soyuza Avtostrahovshchikov za 2019 god [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://autoins.ru> (data obrashcheniya: 20 yanvarya 2020 g.).

2. Drapkin L. YA. Kriminalistika / L. YA. Drapkin. – Moskva: Prospekt, 2016.

3. Obrazcov V. A. Kriminalistika: uchebnik / V. A. Obrazcov. – Moskva: YUrist, 2014.

4. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov. – Moskva: ITI Tekhnologii, 1970.

5. Prigovor Krasnogorskogo gorodskogo suda ot 11 avgusta 2012 g. po delu № 1-54/13 [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://krasnogorsk.mo.sudrf.ru>.

6. Hamidullin R. S. Ponyatie i sodержanie takticheskoy operacii «Privlechenie podozrevaemogo (obvinyaemogo) k sotrudnichestvu putem zaklyucheniya dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve» / R. S. Hamidullin // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2017. – № 3 (41). – С. 149–156.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 343.1

О применении заключения под стражу в Республике Беларусь и в законодательстве иных государств – участников Содружества Независимых Государств

Алекперов Руслан Ракбер оглы,
Академия МВД Республики Беларусь
e-mail: ruselalekperov@gmail.com

Проведен сравнительно-правовой анализ применения меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь и иных государств – участников Содружества Независимых Государств. Сделан вывод о необходимости реформирования законодательства Республики Беларусь в части порядка применения вышеуказанной меры пресечения.

Ключевые слова: заключение под стражу; мера пресечения; подозреваемый; обвиняемый; санкционирование; суд; сроки.

About the application of detention in the Republic of Belarus and in the legislation of other CIS member states

Alekperov Ruslan Rakber ogly,
Academy of the Ministry
of the Interior of the Republic of Belarus

This article provides a comparative legal analysis of the application of preventive measures in the form of detention on remand criminal procedure legislation of the Republic of Belarus and other member states of the Commonwealth of Independent States. Based on the study, it was concluded that it is necessary to reform the legislation of the Republic of Belarus regarding the application of the above preventive measure.

Key words: detention; preventive measure; suspect; accused; authorization; court; time limits.

Существование СССР обусловило формирование отдельной семьи социалистического права, которая как романо-германская правовая семья и семья общего права имела свои характерные, идентифицирующие черты. Распад вышеуказанного государственного образования в 1991 г. поставил бывшие советские республики, до этого имевшие единое правовое поле, перед вопросом разработки собственного национального законодательства и интеграции в ту или иную правовую семью. 8 декабря 1991 г. Республикой

Беларусь (далее – Беларусь) Российской Федерацией (далее – Россия) и Украиной подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (далее по тексту – Соглашение)¹. В настоящее время в состав данной организации помимо указанных входят 8 государств-участников: Азербайджанская Респуб-

¹ См.: Соглашение о создании Содружества Независимых Государств // Исполнительный комитет СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=176> (дата обращения: 1 апреля 2020 г.).

ка (далее – Азербайджан), Республика Армения (далее – Армения), Республика Казахстан (далее – Казахстан), Кыргызская Республика (далее – Кыргызстан), Республика Молдова (далее – Молдова), Республика Таджикистан (далее – Таджикистан), Туркменистан, Республика Узбекистан (далее – Узбекистан)¹. В Соглашении предусмотрена норма, согласно которой государство – участник Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) обязуется соблюдать общепризнанные международные нормы о правах человека и народов. Более того, в соответствии с ч. 1 ст. 2 Устава СНГ данная обязанность провозглашена целью этой межгосударственной организации². Статья 20 указанного правового акта презюмирует сотрудничество стран СНГ в правовой сфере, которое способствует сближению их национального законодательства. Это, на наш взгляд, говорит о необходимости интеграции в рамках национальных законодательств норм права, в том числе и тех, которые регламентируют применение заключения под стражу.

В связи с вышеизложенным актуальным является вопрос исследования опыта применения указанной меры пресечения в досудебном производстве в странах СНГ с целью повышения эффективности этого процессуального действия в Беларуси и выработки соответствующих норм. Для этого следует провести сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства каждого из государств – участников СНГ по следующим детерминантам: субъект, уполномоченный применять, продлевать и обжаловать заключение под стражу; основания и условия применения данной меры пресечения; обстоятельства, учитываемые при ее избрании; процессуальный статус лица, которого возможно взять под стражу; сроки применения – т. е. элементам, входящим в состав процессуальной формы мер принуждения³.

Правовой основой применения заключения под стражу в государствах – участниках СНГ являются соответствующие уголовно-процессуальные кодексы⁴.

Анализ данных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что в Беларуси органы уголовного преследования обладают самыми широкими полномочиями в части применения меры пресечения в виде заключения под стражу в досудебном производстве. В частности, согласно ч. 2 ст. 119 УПК Беларуси решение о применении этой меры пресечения на стадии предварительного расследования принимают прокурор, его заместитель, Председатели Следственного комитета и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (лицами, исполняющими их обязанности), органы дознания либо следователи с санкции прокурора или его заместителя. Согласно ч. 1 ст. 154 и ч. 1 ст. 159 УПК Туркменистана рассматриваемая мера пресечения применяется по постановлению дознавателя или следователя, которое санкционируется прокурором. В остальных государствах – участниках СНГ заключение под стражу применяется только по решению органа судебной власти. Существуют определенные различия в порядке принятия решения о применении данной меры пресечения на стадии предварительного расследования. В частности, в Казахстане (ст. 148 УПК), Кыргызстане (ч. 3 ст. 108 УПК) и Украине (ч. 4 ст. 176 УПК) вопрос взятия лица под стражу разрешается следственным судьей. В остальных государствах – участниках СНГ заключение под стражу применяется судом. При этом для принятия вышеуказанного решения следственным судьей или судом необходима подача в их адрес соответствующего ходатайства органа уголовного преследования.

Типичными для всех государств – участников СНГ являются основания применения исследуемой меры пресечения, когда лицо может совершить следующие

Республики Казахстан // ИС «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852#pos=3;-88 (дата обращения: 1 апреля 2020 г.); Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики // ИС «Континент. Законодательство стран СНГ». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=36313326#pos=6;-142 (дата обращения: 2 апреля 2020 г.); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова // ИС «Континент. Законодательство стран СНГ». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729#pos=6;-142 (дата обращения: 2 апреля 2020 г.); Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 2 апреля 2020 г.); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // ИС «Континент. Законодательство стран СНГ». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 2 апреля 2020 г.); Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана // ИС «Континент. Законодательство стран СНГ». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31344376#pos=128;-64 (дата обращения: 2 апреля 2020 г.); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан // ИС «Континент. Законодательство стран СНГ». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30421101#pos=6;-142 (дата обращения: 2 апреля 2020 г.); Уголовно-процессуальный кодекс Украины // ИС «Континент. Законодательство стран СНГ». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения: 2 апреля 2020 г.).

¹ См.: Государства – участники Содружества Независимых Государств // Исполнительный комитет СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/page/182> (дата обращения: 2 апреля 2020 г.).

² См.: Устав Содружества Независимых Государств // Исполнительный комитет СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180> (дата обращения: 2 апреля 2020 г.).

³ См.: Кудин Ф. М. Теоретические основы принуждения в советском уголовном судопроизводстве. Свердловск, 1987. С. 268–269.

⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // ИС «ЭталонOnline». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295> (дата обращения: 1 апреля 2020 г.); Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики // ИС «Континент. Законодательство стран СНГ». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 1 апреля 2020 г.); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения // БД «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 1 апреля 2020 г.); Уголовно-процессуальный кодекс

действия: скрыться от органов, ведущих уголовный процесс; воспрепятствовать производству по уголовному делу и рассмотрению его судом; продолжить заниматься преступной деятельностью. Также в ряде государств – участников СНГ, как и в Беларуси, основанием взятия лица под стражу является тяжесть ряда инкриминируемых преступлений, в совершении которых оно подозревается или обвиняется (ч. 2 ст. 136 УПК Казахстана, ч. 1 ст. 111 УПК Таджикистана, ч. 2 ст. 154 УПК Туркменистана, ч. 5 ст. 176 УПК Украины). В Узбекистане эта мера уголовно-процессуального принуждения применяется при наличии обоснованного предположения о том, что лицо может скрыться от органов дознания, предварительного следствия и суда по одной лишь опасности некоторых инкриминируемых ему преступлений (ч. 2 ст. 236 УПК). В остальных УПК государств – участников СНГ не предусмотрено такого основания, что с точки зрения соблюдения принципа презумпции невиновности является более правильным.

Анализ уголовно-процессуального законодательства исследуемых государств позволяет дифференцировать их на две группы по процессуальному статусу лиц, к которым возможно применение исследуемой меры пресечения в досудебном производстве:

1. Государства, в которых заключение под стражу может применяться к подозреваемым и обвиняемым (ч. 1 ст. 126 УПК Беларуси, ч. 1 ст. 147 УПК Казахстана, ч. 1 ст. 116 УПК Кыргызстана, ч. 1 ст. 108 УПК России, ч. 1 ст. 111 УПК Таджикистана, ст. 146 УПК Туркменистана, ст. 239 УПК Узбекистана, ст. 183 УПК Украины). Заметим, что в некоторых из указанных государств заключение под стражу также применяется к подсудимым. В некоторых из них предусмотрены специальные условия для применения заключения под стражу к подозреваемым. Первым таким условием является установление срока для обязательного предъявления обвинения при применении меры пресечения. В Беларуси он составляет 10 суток с момента применения меры пресечения либо фактического задержания подозреваемого, а при подозрении в совершении ряда преступлений – в течение 20 суток с момента фактического задержания (ст. 118 УПК). В России предусмотрено аналогичное требование о десяти-суточном сроке для предъявления обвинения. Одновременно допускается 45-суточный срок для предъявления обвинения при подозрении в совершении некоторых преступлений (ст. 100 УПК России). Статья 149 УПК Туркменистана также предписывает необходимость предъявления обвинения в течение 10 суток с момента применения меры пресечения или фактического задержания лица. Похожее условие содержит и ч. 1 ст. 139 УПК Казахстана, согласно которой при применении мер пресечения без предъявления лицу постановления о квалификации деяния оно должно быть объявлено лицу в течение 10 суток либо 30 суток при совершении некоторых преступлений. Вторым условием является нормативная закреплённость исключительности применения мер пресечения, в том

числе и заключения под стражу, в отношении подозреваемого. Это положение содержится в ст. 100 УПК России и ст. 149 УПК Туркменистана, а также ч. 2 ст. 239 УПК Узбекистана (кроме того, в этом государстве допускается применение заключения под стражу только к задержанному подозреваемому).

2. Государства, в которых заключение под стражу применяется только к обвиняемым (ч. 3 ст. 154 УПК Азербайджана, ч. 2 ст. 135 УПК Армении, ч. 2 ст. 176 УПК Молдовы). Однако ч. 3 ст. 155 УПК Азербайджана содержит положение о том, что заключение под стражу может быть применено к лицу, которое нарушило условия ранее примененной меры пресечения, что не исключает ее избрания в отношении подозреваемого.

Считаем, что применение мер пресечения, в том числе и заключения под стражу, только к обвиняемому в значительной степени усложняет процесс расследования уголовного дела. В этой ситуации при наличии оснований для их применения в отношении подозреваемого органы уголовного преследования оказываются в безвыходном положении, т. к. вынуждены в ускоренном порядке предъявлять лицу обвинение, что может причинить вред объективности и полноте расследования уголовного дела. В подтверждение нашего мнения можно привести результаты проведенного анкетирования представителей органов уголовного преследования, а также суда. По поводу необходимости закрепления в нормах УПК Беларуси положения о том, что мера пресечения в виде заключения под стражу может применяться только в отношении обвиняемых, большинство из них высказалось против этого (71,4 % прокуроров, 88,3 % следователей, 52,9 % судей). Однако большая часть адвокатов (79,2 %), а также лиц, содержащихся под стражей (76,6 %), высказались за указанное изменение. Полярность мнений представителей органов уголовного преследования и адвокатов, лиц, содержащихся под стражей, можно объяснить тем, что они преследуют разные интересы в уголовном процессе. Более того, вышеизложенные эмпирические сведения могут указывать на то, что применение исследуемой меры пресечения, по мнению адвокатов и лиц, содержащихся под стражей, в отношении подозреваемых не всегда целесообразно и обоснованно, в связи с чем исключение применения заключения в отношении этих участников уголовного процесса является возможностью разрешения этой проблемы. Несмотря на это, считаем, что в данном случае частный интерес подозреваемых, обвиняемых не должен ставиться превыше публичного интереса, заключающегося в необходимости соблюдения принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, закреплённого в ст. 18 УПК Беларуси. С другой стороны, положение об исключительности применения мер пресечения в отношении подозреваемого заслуживает определенного внимания. Во-первых, производство этой юридической процедуры в отношении этих лиц возможно.

Во-вторых, практика применения мер пресечения к подозреваемым и обвиняемым, лицам, имеющим разный процессуальный статус, должна различаться, чему и соответствует критерий исключительности.

Условия применения заключения под стражу разнообразны по своему содержанию и имеют как общие, так и отличительные черты. Одно из условий применения этой меры пресечения к лицам – возможное максимальное уголовное наказание за инкриминируемое преступление. В государствах – участниках СНГ, как правило, в качестве такового является лишение свободы на определенные сроки: свыше 1 года (ч. 2 ст. 135 УПК Армении); свыше 2 лет (п. 1 ч. 3 ст. 155 УПК Азербайджана, ч. 1 ст. 126 УПК Беларуси, ч. 1 ст. 111 УПК Таджикистана, ч. 1 ст. 154 УПК Туркменистана); свыше трех лет (ст. 108 УПК России, ч. 2 ст. 176 УПК Молдовы), свыше 5 лет (ч. 1 ст. 147 УПК Казахстана, ч. 1 ст. 116 УПК Кыргызстана). Особо следует выделить дифференцированный подход законодателей Украины и Узбекистана в части осуществления вышеуказанного условия применения заключения под стражу. В соответствии с ч. 2 ст. 183 УПК Украины условиями для применения заключения под стражу, находящимися в тесной связи друг с другом, выступают наличие судимости у лица, к которому применяется исследуемая мера пресечения, возможное уголовное наказание за вменяемое преступное деяние, а также иные обстоятельства. Таковыми являются: наказание в виде штрафа свыше 3 000 необлагаемых налогом минимумов доходов граждан, если доказано, что подозреваемый, обвиняемый нарушили условия ранее примененной меры пресечения либо не внесли сумму залога; наказание в виде лишения свободы до трех лет, если лицо ранее было судимо и доказано, что оно скрылось от органов уголовного преследования и суда, препятствовало производству по уголовному делу либо поставлено в известность о подозрении в совершении другого преступления (аналогичное условие распространяется на ранее не судимых лиц по преступлениям, за которые предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы до пяти лет); наказание в виде лишения свободы свыше пяти лет, если лицо ранее не судимо; наказание в виде лишения свободы свыше трех лет, если лицо ранее судимо. В УПК Узбекистана уголовное наказание как условие для применения заключения под стражу различается в зависимости от наличия вины по инкриминируемому преступлению – по виновному срок лишения свободы должен быть свыше трех лет, по неосторожному – пяти лет (ч. 1 ст. 242). Отметим, что уголовно-процессуальное законодательство государств – участников СНГ допускает исключения из вышеуказанного условия. В частности, УПК Азербайджана допускает применение заключения под стражу к лицам, обвиняемым в преступлениях, за которые предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы до двух лет с целью пресечения уклонения от органа, осуществляющего уголовный процесс (п. 2 ч. 3 ст. 155 УПК). По УПК Беларуси заключение под стражу избирается в отношении лиц,

подозреваемых или обвиняемых в менее тяжких преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности и преступлениях, за которые предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы до двух лет, если они не имеют постоянного места жительства на территории нашего государства или не установлена их личность (ч. 1 ст. 126 УПК Беларуси). Кроме того, данная мера пресечения применяется независимо от вменяемого преступления и предусмотренного за него наказания, если лицо скрылось от органов уголовного преследования или суда (ч. 1 ст. 126 УПК Беларуси). Аналогичные исключения предусмотрены в законодательстве Казахстана (ч. 1 ст. 147 УПК), Кыргызстана (ч. 2 ст. 116 УПК), Таджикистана (ч. 1 ст. 111 УПК), Туркменистана (ч. 1 ст. 154 УПК), Узбекистана (ч. 2 ст. 242 УПК). Следует отметить, что отсутствие постоянного места жительства в Казахстане не может быть единственным условием для взятия лица под стражу (ч. 1-1 ст. 147 УПК). Нарушение ранее примененной меры пресечения (в Казахстане также учитывается нарушение меры процессуального принуждения) в этих странах является исключением из рассматриваемого условия. Более того, в Казахстане перечень исключений расширен следующими: подозрение в совершении преступления в составе организованной группы или преступного сообщества; наличие судимости за ранее совершенное тяжкое или особо тяжкое преступление; у органов уголовного преследования имеются данные о продолжении лицом преступной деятельности. В Узбекистане заключение под стражу также применяется без учета этого условия, если преступление совершено в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Следующим условием для избрания заключения под стражу является невозможность применения более мягкой меры пресечения. Оно предусмотрено в УПК Кыргызстана, Молдовы, России, Украины (ст. 116, 185, 108, 183 соответственно). Полагаем, что указанное условие позиционирует заключение под стражу как исключительную в системе мер пресечения. Учитывая, что эта мера уголовно-процессуального принуждения является самой строгой, считаем, что такой подход зарубежного законодателя представляется положительным. Заметим, что существование данного положения, на наш взгляд, устраняет необходимость закрепления условия о том, что заключение под стражу применяется к подозреваемым только в крайних случаях. Это можно аргументировать тем, что анализируемое условие в целом придает применению заключения под стражу исключительный характер, дублировать который в отношении подозреваемых, полагаем, не является целесообразным.

При применении заключения под стражу в государствах – участниках СНГ, как и в Беларуси, учитываются определенные обстоятельства. Их перечень многообразен и различается в зависимости от национального законодательства по степени конкретизации. В Беларуси одним из обстоятельств является характер подозрения и обвинения (ч. 2 ст. 117 УПК

Беларуси). Под ним понимается категория преступления, в котором лицо подозревается или обвиняется, уголовное наказание за его совершение, признание подозреваемым или обвиняемым в одном либо нескольких преступлениях, способ совершения преступления и т. п.¹ В других странах СНГ похожим обстоятельством является тяжесть вменяемого преступления (п. 1 ч. 2 ст. 155 УПК Азербайджана, п. 1 ч. 1 ст. 138 УПК Казахстана, ч. 3 ст. 176 УПК Молдовы, ст. 99 УПК России, ст. 148 УПК Туркменистана, п. 2 ч. 1 ст. 178 УПК Украины, ст. 238 УПК Узбекистана). Личность лица, к которому применяется заключение под стражу, как обстоятельство предусмотрено во всех рассматриваемых УПК. Следует подчеркнуть, что УПК Украины данное обстоятельство изложено более содержательно, т. к. в ст. 178 предусмотрены репутация подозреваемого, обвиняемого, наличие у них судимостей, соблюдение ими ранее примененных мер пресечения. УПК Азербайджана также учитывает совершение лицом преступления, избрание мер пресечения и другие существенные обстоятельства в прошлом (п. 3 ч. 2 ст. 155). Семейное положение учитывается во всех исследуемых УПК, при этом в некоторых из них конкретизируется наличие иждивенцев (Азербайджан, Армения, Казахстан, Молдова), что, на наш взгляд, имеет немаловажное значение при решении вопроса о применении заключения под стражу, т. к. оно связано с последующим возложением на государство расходов по обеспечению членов семьи, оставшихся без попечения лица, взятого под стражу. Большинство государств – участников СНГ учитывают имущественное положение лица при применении к нему меры пресечения (за исключением Кыргызстана, России, Туркменистана, Узбекистана), при этом УПК Молдовы конкретизирует его доходами, владением недвижимым имуществом и иной собственностью.

Возраст и состояние здоровья как обстоятельство, учитываемое при применении мер пресечения, закреплены во всех исследуемых УПК. В законодательстве Беларуси отсутствует нормативное закрепление перечня заболеваний, при которых содержание лица под стражей недопустимо. Российский законодатель закрепил его в постановлении Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3². Полагаем, что данный подход является рациональным, т. к. способствует защите прав и законных интересов лица, взятого под стражу, реализации конституционного права на охрану не только его здоровья, но и лиц, содержащихся совместно с ним в одном помещении, и должностных лиц, обеспечивающих режим в местах содержания под стражей.

Помимо перечисленных в ч. 2 ст. 117 УПК Беларуси обстоятельств, уголовно-процессуальное законодательство стран СНГ учитывает и иные факторы. Так,

к ним можно отнести значимость имеющихся доказательств совершения подозреваемым, обвиняемым общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом; наличие сообщения лицу о подозрении в совершении другого уголовного правонарушения; размер имущественного ущерба, в причинении которого подозревается, обвиняется лицо; размер дохода, в получении которого в результате совершения уголовного правонарушения подозревается, обвиняется лицо, а также весомость имеющихся доказательств, которыми обосновываются соответствующие обстоятельства; наличие риска продолжения или повторения противоправного поведения, в том числе и риска летальности, создаваемым подозреваемым или обвиняемым, в связи с его доступом к оружию (ст. 178 УПК Украины); наличие или отсутствие примирения с потерпевшим, близким родственником или его правопреемником; возмещение ущерба, причиненного в результате преступления (п. 4 ч. 2 ст. 155 УПК Азербайджана); пол лица, в отношении которого избирается мера пресечения (ч. 3 ст. 135 УПК Армении).

Касательно сроков заключения под стражу, следует отметить, что ввиду того, что в большинстве государств – участников СНГ вопрос взятия лица под стражу во время досудебного производства входит в компетенцию судебных органов, продление сроков применения этой меры пресечения также входит в их компетенцию. Как правило, судебный орган осуществляет это по ходатайству органа, осуществляющего предварительное расследование уголовного дела, либо прокурора. Заметим, что в Беларуси срок заключения под стражу на досудебных стадиях продлевается органом судебной власти по истечении 18 месяцев содержания лица под стражей, а также в связи с необходимостью ознакомления с материалами уголовного дела и для экстрадиции лица в Беларусь. Это осуществляется судьей Верховного суда Беларуси по ходатайству Генерального прокурора Беларуси, поданному на имя Председателя Верховного суда Беларуси (ч. 9–11 ст. 127 УПК Беларуси).

Начальный срок содержания лиц под стражей в большинстве государств – участников СНГ составляет два месяца (в Молдове – 30 дней, в Узбекистане – 3 месяца, в Украине – 60 дней). При этом предельные сроки действия меры пресечения отличаются друг от друга. Заметим, что в Азербайджане предусмотрен дифференцированный подход к начальным срокам содержания лиц под стражей: по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, он составляет два месяца, небольшой тяжести – три месяца, тяжким и особо тяжким – четыре месяца (ч. 1 ст. 158 УПК). «Привязка» сроков применения заключения под стражу к категории инкриминируемого преступления, на наш взгляд, в некоторой степени придает этой юридической процедуре «карательные» свойства. Считаем, вне зависимости от категории инкриминируемого общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, начальный

¹ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь. Минск, 2014. С. 311–312.

² См.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109436 (дата обращения: 1 апреля 2020 г.).

срок для применения этой меры пресечения должен быть единым (как правило, 2 месяца), по истечении которого его можно продлить, что в большей степени способствует обеспечению прав и свобод подозреваемых и обвиняемых. Заметим, что по результатам проведенного анкетирования по поводу установления в УПК Беларуси дифференциации сроков применения заключения под стражу в зависимости от категории инкриминируемого преступления против высказалось 62,2 % прокуроров, 65,8 % следователей.

Предельный срок содержания лиц под стражей во время досудебного производства (за исключением случаев необходимости их продления в связи с ознакомлением обвиняемого с материалами уголовного дела при завершении предварительного расследования и по причине экстрадиции лица) в Беларуси по менее тяжким преступлениям составляет 6 месяцев, по тяжким и особо тяжким – 18 месяцев (ст. 127 УПК Беларуси). В соответствии со ст. 158 УПК Туркменистана предельный срок содержания лиц под стражей составляет 1 год, однако допускается его продление до 1,5 лет по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. В Азербайджане предельный срок содержания лица под стражей в досудебном производстве зависит от категории вменяемого преступления. Как правило, в любом случае по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, он составляет 3 месяца, небольшой тяжести – 7 месяцев, тяжким преступлениям – 10 месяцев, особо тяжким – 13 месяцев (ч. 7 ст. 159 УПК). В Армении действие этой меры пресечения при досудебном производстве не должно превышать 1 года либо максимального срока лишения свободы, предусмотренного уголовным законом за преступление, в случае, когда он меньше 1 года (ст. 138 УПК). В Кыргызстане предельный срок содержания лиц под стражей до передачи уголовного дела в суд составляет 12 месяцев (ст. 117 УПК). В Казахстане этот срок составляет 9 месяцев, если лицу вменяется совершение преступления средней тяжести и тяжкого преступления, 18 месяцев – при вменении особо тяжкого преступления, преступления в составе преступной группы, иных террористических и (или) экстремистских преступлений (ст. 151 УПК). Интересным моментом является положение УПК Молдовы, согласно которому совокупный предельный срок заключения лица под стражу на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса не должен превышать 12 месяцев (ст. 186 УПК). В России и в Таджикистане подобно Беларуси предельный срок взятия лица под стражу по преступлениям средней тяжести составляет 6 месяцев, однако по тяжким преступлениям он составляет не 18, а 12 месяцев, а по особо тяжким – 18 месяцев (ст. 109, ст. 112 соответствующих УПК). Статья 245 УПК Узбекистана устанавливает самый низкий предельный срок содержания лица под стражей в досудебном производстве в СНГ – 7 месяцев независимо от категории вменяемого преступления. В Украине предельный срок нахождения лица под стражей до передачи уго-

ловного дела в суд составляет 6 месяцев по преступлениям небольшой и средней тяжести, 12 месяцев – тяжким и особо тяжким (ст. 197 УПК).

Уголовно-процессуальное законодательство Беларуси допускает подачу жалобы на применение исследуемой меры пресечения вышестоящему прокурору или в суд, решение которого возможно опротестовать в вышестоящую судебную инстанцию (ст. 139, 143–145, 147-1 УПК Беларуси). Согласно ст. 113 УПК Туркменистана обжалование решений прокурора, в том числе и санкционирование заключения под стражей, осуществляется через вышестоящего прокурора, последующий судебный контроль за применением данного средства принуждения отсутствует. В остальных государствах – участниках СНГ обжалование вышеуказанного процессуального действия осуществляется судебной инстанцией в апелляционном или кассационном (Молдова и Таджикистан) порядке либо вышестоящей судебной инстанцией (Казахстан).

В нормах УПК Беларуси отсутствует возможность применения меры пресечения, альтернативной заключению под стражу. В большинстве государств – участников СНГ она предусмотрена. В зависимости от того, какие меры пресечения предусмотрены в их УПК, представляется возможным разделить их на следующие группы: Армения, Казахстан, Украина (предусмотрен только залог); Азербайджан, Молдова, Россия и Узбекистан (предусмотрен залог и домашний арест). В России и Молдове также предусмотрены соответственно запрет определенных действий и временное освобождение под судебный контроль. Считаем, что наличие мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, является целесообразным и рациональным, т. к. содействует реализации неприкосновенности лица, его прав и основных свобод от правовых ограничений, даже если они являются законными, а также способствует позиционированию этой меры уголовно-процессуального принуждения как исключительной, применяемой только в случае действительной необходимости.

Что касается применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в ст. 432 УПК Беларуси содержится императивное требование, согласно которому при решении вопроса об избрании в отношении них мер пресечения следует в каждом случае обсуждать вопрос о применении меры пресечения в виде отдачи таких лиц под присмотр. Аналогичное требование содержится в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызстана (ч. 3 ст. 451), Молдовы (ч. 1 ст. 477), России (ч. 2 ст. 423), Таджикистана (ч. 1 ст. 427), Туркменистана (ч. 2 ст. 516). Ряд государств – участников СНГ, в отличие от Беларуси, предусматривает дополнительные гарантии относительно взятия таких лиц под стражу. К ним можно отнести следующие требования: исключительность применения (ч. 2 ст. 434 УПК Азербайджана, ч. 3 ст. 541 УПК Казахстана, ч. 1 ст. 451 УПК Кыргызстана, ч. 2 ст. 477 УПК Молдовы, ч. 2 ст. 427 УПК Таджикистана, ч. 2 ст. 516 УПК Туркменистана, ч. 2

ст. 492 УПК Украины); предельный срок содержания несовершеннолетних под стражей ниже, чем предельный срок действия этой меры пресечения, применяемой в обычном порядке (Азербайджан, Казахстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан); применение заключения под стражу в отношении несовершеннолетних возможно только при вменении им совершения тяжких и особо тяжких преступлений (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Украина). В Азербайджане также предусмотрено избрание заключения под стражу в отношении несовершеннолетних при расследовании насильственных преступлений небольшой тяжести, в Молдове – по тяжким насильственным преступлениям, а также особо тяжким и чрезвычайно тяжким преступлениям.

Таким образом, проведенный сравнительно-правовой анализ применения заключения под стражу в Беларуси и остальных государствах – участниках СНГ позволяет сделать следующие выводы. Вхождение вышеперечисленных государств в состав СССР предопределило формирование их единого правового поля в рамках социалистической правовой семьи. После 1991 г. каждое из этих государств, обретя независимость, вошло в состав СНГ, сотрудничество в рамках которого предполагает правовую интеграцию. Несмотря на это, уголовно-процессуальное законодательство Беларуси существенно отличается от иных государств – участников СНГ в части применения заключения под стражу и в меньшей степени предусматривает правовые средства «сдерживания» государства от ограничения прав и свобод уголовно преследуемого лица. Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет выделить следующие отличительные черты применения заключения под стражу в Беларуси и иных государствах – участниках СНГ:

1. Применение заключения под стражу только по решению суда. В Беларуси суд применяет эту меру пресечения только на судебных стадиях уголовного процесса.

2. В Беларуси и ряде других государств – участников СНГ в качестве основания применения этой меры пресечения выступает тяжесть ряда инкриминируемых подозреваемому, обвиняемому преступлений. Кроме того, в некоторых законодательствах обоснованное подозрение и обвинение в совершении преступления – основание для применения мер пресечения.

3. В ряде государств – участников СНГ закреплено исключительность применения заключения под стражу в отношении лиц, подозреваемых в совершении общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом. Кроме того, в определенных государствах срок возможного лишения свободы как условие для применения заключения под стражу отличается в зависимости от того, что вменяется лицу – совершение умышленного преступления либо преступления по неосторожности.

4. Применение заключения под стражу только ввиду невозможности применения более мягких мер пресечения, а также наличие перечня заболеваний, при которых содержание лица под стражей невозможно. В Беларуси такие положения отсутствуют.

5. Дифференциация начальных сроков действия применения заключения под стражу в зависимости от категории инкриминируемого преступления. В Беларуси вне зависимости от категории общественно опасного деяния, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, начальный срок действия этой меры пресечения единообразен – 2 месяца.

6. Закрепление залога и домашнего ареста в качестве мер пресечения, альтернативных заключению под стражу. В Беларуси эти меры пресечения не являются таковыми по отношению к заключению под стражу.

7. По сравнению с Беларусью применение заключения под стражу в отношении несовершеннолетних лиц более гуманно, т. к. предельные сроки содержания таких лиц под стражей короче, а также избрание этой меры пресечения возможно только по тяжким и особо тяжким преступлениям.

На наш взгляд, некоторые вышеуказанные положения необходимо использовать при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства Беларуси в части применения заключения под стражу: а) закрепить судебное санкционирование заключения под стражу; б) исключить из ч. 1 ст. 126 УПК тяжесть ряда инкриминируемых преступлений как основания для применения этой меры пресечения; в) включить в УПК положение о том, что заключение под стражу применяется в случае невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения; г) разработать перечень заболеваний, при которых содержание лиц под стражей исключено; д) предусмотреть залог и домашний арест в качестве мер пресечения, альтернативных заключению под стражу; е) смягчить порядок применения исследуемой меры пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Библиографический список

1. Государства – участники Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. – URL: <http://www.cis.minsk.by/page/182> (дата обращения: 2 апреля 2020 г.).
2. Кудин Ф. М. Теоретические основы принуждения в советском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук / Ф. М. Кудин. – Свердловск, 1987. – С. 408–442.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик и др.; под науч. ред. М. А. Шостака. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2014. – 1230 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Gosudarstva – uchastniki Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv [Elektronnyj resurs] // Ispolnitel'nyj komitet Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. – URL: <http://www.cis.minsk.by/page/182> (data obrashcheniya: 2 aprelya 2020 g.).

2. Kudin F. M. Teoreticheskie osnovy prinuzhdeniya v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... d-ra yurid. nauk / F. M. Kudin. – Sverdlovsk, 1987. – S. 408–442.

3. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Respubliki Belarus' / N. I. Andrejchik i dr.; pod nauch. red. M. A. SHostaka. – Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus', 2014. – 1230 s.

Рецидив преступлений в институте множественности уголовных правонарушений по законодательству Республики Казахстан

Балгожина Майгуль Егеубаевна,
Карагандинская академия МВД Республики Казахстан
имени Б. Бейсенова, доктор философии
e-mail: maigul.balgozhina@mail.ru

В данной статье рассматривается уголовно-правовая конструкция рецидива преступлений как одна из форм множественности уголовных правонарушений по законодательству Республики Казахстан.

Автор, изучая формы множественности в контексте действующего уголовного законодательства, делает некоторые выводы по совершенствованию отдельных положений рецидива преступлений.

Ключевые слова: рецидив преступлений; множественность уголовных правонарушений; неоднократность; совокупность.

Relapse of crimes at the institution of the multiplicity of criminal offenses under the legislation of the Republic of Kazakhstan

Balgozhina Maigul Egeubaevna,
Karaganda Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov,
Doctor of Philosophy

This article discusses the criminal law construction of relapse offenses as one of the forms of the multiplicity of criminal offenses under the legislation of the Republic of Kazakhstan.

The author, studying the forms of plurality in the context of the current criminal law, draws some conclusions on the improvement of certain provisions of the recidivism.

Key words: relapse of crimes; multiplicity of criminal offenses; frequency; aggregate.

Полная уголовно-правовая характеристика рецидива преступлений невозможна без его комплексного исследования в институте множественности уголовных правонарушений. Только комплексное исследование правовых явлений отвечает основам научной методологии, способствует совершенствованию теоретического и законодательного определения соответствующих уголовно-правовых явлений, уточнению терминологии, устранению диспропорций уголовно-правовой репрессии, а также пробелов в выделении конкретных форм множественности.

Изучение форм множественности в контексте действующего уголовного законодательства обладает особой актуальностью. Во-первых, по причине деления уголовных правонарушений на преступления и уголовные проступки, во-вторых, по существенным изменениям конструкции рецидива преступлений. Именно отсутствие комплексного исследования института множественности при реформе уголовного законодательства привели к ряду упущений и недоработок, о которых будет сказано в настоящей статье.

Рецидив преступлений является одной из форм множественности, причем, исходя из современной его трактовки, наименее многочисленной по объему правоприменения. Фактически же множественность уголовных правонарушений характеризуется самыми различными случаями совершения одним лицом более одного уголовного правонарушения, по каждому из которых имеются законные основания привлечения к уголовной ответственности.

Несмотря на иногда появляющиеся в теории уголовного права предложения о включении непосредственно в текст уголовного закона понятия «множественность уголовных правонарушений», данный термин в уголовном законе отсутствует и его разработка относится исключительно к теоретической сфере. В контексте действующего уголовного законодательства вопросы множественности уголовных правонарушений на данный момент комплексно не изучались, недостаточно их было и в рамках предшествующего уголовного закона.

Традиционно в науке уголовного права характерными признаками множественности уголовных пра-

вонарушений признаются следующие: 1) лицом единолично или в составе группы лиц совершается два или более самостоятельных уголовных правонарушения; 2) совершенные уголовные правонарушения могут быть по конструкции оконченными или неоконченными; 3) уголовные правонарушения, входящие в множественность, могут быть совершены лицом как в качестве исполнителя соответствующего уголовного правонарушения, так и посредством выполнения иной функциональной роли соучастника уголовного правонарушения; 4) как минимум по двум уголовным правонарушениям сохраняются уголовно-правовые последствия и отсутствуют процессуальные препятствия к привлечению данного лица (группы лиц) к уголовной ответственности не менее чем по двум из совершенных уголовных правонарушений.

Итак, под множественностью уголовных правонарушений принято понимать правовые ситуации, при которых одно и то же лицо одним действием (бездействием) или последовательным совершением двух или более действий (бездействий) совершает два и более самостоятельных уголовных правонарушения, подпадающих под признаки одного и того же либо различных составов уголовных правонарушений, либо когда данное лицо совершает новое уголовное правонарушение после факта осуждения (при рецидиве преступлений в случаях, предусмотренных законодательством) при условии, что не менее, чем по двум из данных уголовных правонарушений не погашены уголовно-правовые последствия и отсутствуют процессуальные препятствия к возбуждению уголовного дела.

В уголовно-правовой науке приводятся различные определения множественности уголовных правонарушений. Так, А. А. Рождествина под множественностью преступлений понимает совершение одним лицом нескольких преступлений, каждое из которых предусмотрено уголовно-правовой нормой и сохраняет свое уголовно-правовое значение¹. И. В. Кушнир полагает, что под множественностью преступлений следует понимать совершение одним лицом нескольких преступлений, каждое из которых предусмотрено уголовно-правовой нормой и сохраняет свое уголовно-правовое значение². В более поздних работах цитируемый автор определяет множественность как совершение одним и тем же лицом одновременно или последовательно двух и более преступлений, каждое из которых способно влечь самостоятельные уголовно-правовые последствия. По мнению В. С. Комиссарова, множественность преступлений – это совершение лицом двух или более преступлений, когда по крайней мере по двум из них не исключается возможность привлечения к уголовной ответственности³.

¹ См.: Рождествина А. А. Уголовное право: общая часть. М.: Аллель, 2009.

² См.: Кушнир И. В. Уголовное право [Электронный ресурс]. М., 2010. URL: na5/13-85.htm.

³ См.: Комиссаров В. С. Уголовное право Российской Феде-

Фактически следует констатировать, что далеко не каждая форма повторности уголовных правонарушений получила законодательное закрепление в той или иной форме множественности уголовных правонарушений. Причем, в действующем уголовном законе таких «неучтенных» форм повторности стало значительно больше, чем в предыдущем. И данная ситуация сложилась больше частью именно по причине изменения законодательной конструкции рецидива преступлений. В частности, в настоящее время неучтенными оказались многочисленные ситуации, когда лицо, имеющее судимость за преступление небольшой или средней тяжести, вновь совершает умышленное преступление любой категории тяжести (в том числе тяжкое или особо тяжкое). Также за рамками множественности, имеющей уголовно-правовое значение, остались случаи совершения лицом, имеющим судимость за тяжкое преступление, нового тяжкого или особо тяжкого преступления, если ранее данное лицо было осуждено к наказанию, не связанному с лишением свободы либо было осуждено условно. Следует признать, что это достаточно серьезное упущение в уголовно-правовом учете объективно существующей повторности уголовных правонарушений.

В науке уголовного права устоялась позиция, что совершение одним и тем же лицом двух или более уголовно наказуемых деяний свидетельствует о большей криминогенной направленности лица, в действиях (бездействии) которого устанавливаются признаки той или иной формы множественности уголовных правонарушений⁴. Вместе с тем данное утверждение не может быть признано безоговорочно. Если в отношении рецидива преступлений, в особенности в его современной трактовке, и неоднократно уголовных правонарушений данное утверждение является практически безусловным, то в отношении совокупности уголовных правонарушений оно может оказаться спорным. Так, при неоднократности уголовных правонарушений сам факт повторного совершения тождественного уголовного правонарушения свидетельствует о достаточно существенной криминогенной направленности лица, однако она все-таки должна признаваться на порядок ниже, нежели при рецидиве преступлений, поскольку в последнем случае имеет факт сохранения криминальной активности после реализации исправительного воздействия наказания в виде лишения свободы. Что же касается совокупности уголовных правонарушений, то, например, идеальная совокупность уголовных правонарушений может в ряде случаев и не свидетельствовать о повышенной степени общественной опасности лица по сравнению с совершением одного уголовного правонарушения. Напротив, реальная совокупность, представляя собой разновидность повторности уголовных правонарушений, свидетельствует о повышенной степени общественной опасности

рации. М., 2012.

⁴ См.: Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Уголовное право: учебник. М.: Юрист, 1999.

лица, в чьих действиях она устанавливается. В данной ситуации налицо самостоятельное формирование вины по отношению к факту совершения каждого в отдельности уголовного правонарушения, входящего в совокупность. Несмотря на то обстоятельство, что данный вопрос не входит в предмет нашего исследования, полагаем, что невключение законодателем реальной совокупности уголовных правонарушений в перечень обстоятельств,отягчающих уголовную ответственность и наказание, является необоснованным.

На наш взгляд, при классификации форм множественности и определении их большей или меньшей степени общественной опасности необходимо исходить из установления наличия (отсутствия) признака повторности при совершении двух и более уголовных правонарушений. Фактически в современной законодательной трактовке только идеальная совокупность уголовных правонарушений не обладает признаком повторности, поскольку в данной ситуации мы имеем дело с фактом совершения одним деянием (действием или бездействием) двух и более уголовных правонарушений, предусмотренных различными статьями Особенной части уголовного закона. В большинстве же своем все формы множественности уголовных правонарушений образуются именно по признаку повторности совершения уголовно наказуемых деяний в различных вариациях, образуемых тем или иным набором дополнительных признаков. Причем в качестве повторности можно обозначить как множественность, предусмотренную уголовным законом, так и находящуюся за рамками его регламентации. В частности, к разновидностям повторности уголовных правонарушений, учтенных действующим уголовным законом, на наш взгляд, относятся:

1. Неоднократность уголовных проступков, которая имеет место только в случае совершения тождественного уголовного проступка.

2. Неоднократность преступлений, которая может включать исключительно преступные деяния, предусмотренные одной статьей или частью статьи Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан¹, поскольку в соответствии со ст. 12 УК РК совершение уголовного проступка и преступления не образует неоднократности.

3. Реальная совокупность уголовных правонарушений, которая образуется при совершении уголовного проступка и преступления, предусмотренного одной и той же статьей уголовного закона в различной последовательности (те случаи, которые не подпадают под понятие неоднократности).

4. Реальная совокупность однородных уголовных правонарушений, предусмотренных различными частями одной статьи (кроме случаев, указанных в третьем пункте).

5. Реальная совокупность разнородных уголовных правонарушений, предусмотренных различным статьями Особенной части УК РК.

6. Легальный рецидив преступлений, т. е. совершение тяжкого или особо тяжкого преступления лицом, судимым за тяжкое или особо тяжкое преступление, ранее осуждавшимся к наказанию в виде лишения свободы.

К неучтенным в уголовном законе, но фактически имеющим место разновидностям повторности уголовных правонарушений следует отнести:

1. Неоднократное совершение уголовного правонарушения, если за один из двух фактов совершения соответствующего тождественного уголовного правонарушения лицо было осуждено или освобождено от уголовной ответственности.

2. Совершение лицом двух уголовных правонарушений, предусмотренных различными статьями или частями одной статьи, в отношении одного из которых лицо было осуждено или освобождено от уголовной ответственности. В данной ситуации, как и в указанной в предыдущем пункте, возможны случаи совершения повторных уголовных правонарушений в период отбывания наказания за одно из составляющих повторность уголовных правонарушений, а равно в период пробационного контроля при условном осуждении. Подобные ситуации иногда дают теоретикам основания для утверждения существования такой формы множественности уголовных правонарушений, как совокупность приговоров.

3. Неучтенный рецидив преступлений, т. е. совершение лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление, нового преступления при отсутствии признаков, указанных в ст. 14 УК РК². Если ранее в редакции уголовного закона 1997 г. к неучтенному рецидиву относились фактически только случаи так называемого «неосторожного рецидива», а также рецидива преступлений, совершенных лицом до достижения совершеннолетия³, то действующая редакция ст. 14 УК РК исключает следующие фактические виды рецидива: 1) совершение повторного умышленного уголовного правонарушения любой категории тяжести лицом, имеющим судимость за преступление небольшой или средней тяжести; 2) совершение преступления небольшой или средней тяжести лицом, имеющим судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление; 3) совершение лицом, имеющим судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, нового тяжкого или особо тяжкого преступления, если за одно из них оно не осуждалось к реальному лишению свободы.

Среди выделенных нами неучтенных уголовным законом разновидностей повторности уголовных правонарушений особый интерес представляют именно неучтенные формы повторности при фактическом рецидиве преступлений. Все три сконструированные нами варианта неучтенного законодателем

² См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] (ред. от 11 января 2020 г.) // СПС «Эділет» (дата обращения: 19 марта 2020 г.).

³ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан: практическое пособие. Алматы: Норма-К, 1997. 168 с.

рецидива преступлений (ранее рассматриваемые в качестве легального рецидива) представляют собой достаточно общественно опасные формы повторности уголовных правонарушений, которые в настоящее время не учтены законодателем и лишены адекватной уголовно-правовой реакции. В связи с чем возникает существенный дисбаланс в современной законодательной трактовке форм множественности. Так, в соответствии со ст. 54 УК РК неоднократность уголовных правонарушений (наряду с рецидивом и опасным рецидивом преступлений) признается обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность и наказание. Вместе с тем неоднократность уголовных правонарушений, как ранее нами уже указывалось, обладает все-таки меньшей степенью общественной опасности, поскольку к лицу, в действиях которого устанавливается неоднократность уголовных правонарушений, не применялись еще меры исправительного воздействия. Поэтому говорить о стойкой криминальной направленности лица, возможно, преждевременно. В случаях же с неучтенным фактическим рецидивом преступлений имеет место ситуация, когда к лицу, уже имеющему судимость за ранее совершенное преступление, нет законодательных оснований для применения повышенных мер уголовно-правовой репрессии. По нашему мнению, данное положение вещей лишено логики, а тенденция гуманизации отечественного уголовного законодательства реализована недостаточно точно. Таким образом, мы полагаем, что данная форма повторности должна быть учтена в действующем уголовном законе.

В теории уголовного права нередко выделяют только две формы множественности уголовных правонарушений – повторность и идеальную совокупность уголовных правонарушений, поскольку, по мнению исследователей, только эти две формы множественности обладают специфическими признаками. Иными словами, если при идеальной совокупности уголовных правонарушений повторность отсутствует (лицо одним деянием выполняет два или более самостоятельных состава), то при всех иных разновидностях (неоднократность, рецидив, реальная совокупность) имеет место именно повторность.

Повторность совершения уголовных правонарушений является определенной системой устойчивых связей, имеет своеобразную структуру, состоящую из тождественных, однородных и разнородных уголовных правонарушений, и имеет свои способы выражения в уголовном законе. Содержание данной формы множественности наряду с идеальной совокупностью преступлений может быть выражено лишь путем законодательного определения тех или иных способов. Исследователи условно предлагают выделять повторность, предусмотренную в Общей части УК РК, и повторность, предусмотренную в Особенной части УК РК¹. Так, по их мнению, Общая часть УК

РК предусматривает положения о возможности признания рецидива преступлений и опасного рецидива преступлений, о совокупности уголовных правонарушений, порядке назначения наказания при совершении нескольких уголовных правонарушений и по нескольким приговорам. Особенная часть УК РК предусматривает повторность в качестве квалифицирующего и необходимого признака отдельных видов уголовных правонарушений. Повторность, предусмотренная нормами Особенной части УК РК, влияет на оценку общественной опасности личности и содеянного, что выражается в квалификации и оказывает воздействие на меру наказания за совершение повторного преступления. В этих случаях санкции соответствующих статей предусматривают более суровое наказание, чем за аналогичное уголовное правонарушение, совершенное впервые. Таким образом, установления норм Особенной части УК РК о повторности уголовных правонарушений распространяются лишь на случаи, прямо предусмотренные законом, что исключает их распространение на другие комбинации повторного совершения уголовного правонарушения. Нормы Общей части УК РК имеют более широкую сферу применения. В частности, учет неоднократности уголовных правонарушений и рецидива преступлений в качестве обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность и наказание (ст. 54 УК РК), предполагает учет данных форм повторности независимо от их включения в тот или иной состав конкретного уголовного правонарушения.

Однако теории уголовного права также известны и иные формы множественности, хотя они и не получили законодательного закрепления, но тем не менее их уяснение является достаточно важным для овладения всем комплексом знаний института множественности. К этим формам относятся: повторность, систематичность и совершение преступлений в виде промысла.

Под систематичностью, в частности, Г. Г. Криволапов понимает «совершение виновным три и более раза тождественных преступлений, выражающих определенную линию его преступного поведения, если ни за одно из этих преступлений оно не подвергалось осуждению». Под совершением преступлений в виде промысла цитируемый автор понимает «такую систематическую преступную деятельность с целью извлечения нетрудового дохода, которая являлась бы для виновного основным или дополнительным, но при этом достаточно существенным источником средств существования»².

Следует указать, что повторность фактически является в большинстве случаев системообразующей формой множественности, характеризующейся различными авторами по-разному. Автору настоящего исследования импонирует позиция А. В. Наумова, который считает, что повторность включает в себя

¹ См.: Жалинский А. Э., Игнатов А. Н., Красиков Ю. А. Уголовное право России. М.: Норма; Инфра-М, 1998.

² Криволапов Г. Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву и установление ее признаков ОВД: учебное пособие. М., 1989. С. 19.

неоднократность преступлений, реальную совокупность и рецидив¹. Согласно теоретической позиции В. П. Малкова и Ю. А. Красикова, множественность уголовных правонарушений фактически образуется из повторности (в форме неоднократности, реальной совокупности и рецидива) и идеальной совокупности². В теории уголовного права выработаны и иные классификации повторности уголовных правонарушений. В частности, отдельные исследователи выделяют повторность тождественных преступлений, повторность однородных преступлений и повторность разнородных преступлений. А рецидив данные авторы относят к иной форме множественности, обладающей собственным специфическим признаком – наличием непогашенной или неснятой судимости³.

Таким образом, при определении форм множественности в теории уголовного права имеются несколько противоположные позиции. Так, одни исследователи рассматривают формы множественности в четырех основных формах: совокупность (идеальная и реальная), неоднократность, повторность и рецидив⁴. Согласно другой распространенной точке зрения, можно выделить лишь две формы множественности: повторность и совокупность преступлений⁵. Следующая группа авторов под множественностью понимает повторность и идеальную совокупность преступлений⁶. Некоторые полагают, что в основе выделения форм множественности должен лежать критерий наличия или отсутствия судимости за ранее совершенное преступление, отсюда выделение двух форм: совокупности уголовных правонарушений и рецидива преступлений⁷. Наконец, имеется теоретическая позиция, согласно которой предлагается различать две формы множественности: повторение и рецидив преступлений⁸. В современных условиях казахстанского уголовного законодательства при условии серьезной реконструкции понятия «рецидив преступлений» наиболее целесообразным является выделение следующих четырех форм множественности: неоднократность уголовных правонарушений; совокупность уголовных правонарушений; рецидив преступлений, совокупность приговоров, – еще

ранее предложенных в уголовно-правовой науке⁹. Данная классификация, несмотря на ее некоторую условность, позволит отнести к формам множественности случаи повторного совершения судимым лицом уголовных правонарушений, которые действующим уголовным законом не отнесены ни к одной форме множественности. Например, совершение лицом, осужденным к ограничению свободы, либо лицом, отбывшим наказание в виде лишения свободы, с непогашенной судимостью за преступление небольшой или средней тяжести любого повторного уголовного правонарушения. При наличии очевидной фактической повторности уголовных правонарушений приведенные ситуации, а также множество иных аналогичных частных случаев не могут являться множественностью уголовных правонарушений в соответствии с предписаниями УК РК. В связи с чем признание совокупности приговоров одной из форм множественности, пусть и не в безупречном формате, позволит надлежащим образом учесть все эти правовые ситуации. Здесь мы не согласимся с мнением исследователей, которые, опровергая возможность выделения совокупности приговоров в качестве формы множественности уголовных правонарушений, аргументируют свою позицию тем, что при совокупности приговоров (как специфическом правиле назначения уголовного наказания) производится акцент на более высокой степени общественной опасности лица, совершающего уголовное правонарушение при неотбытом наказании по предыдущему приговору суда¹⁰. «Множественность преступлений, – пишет Е. А. Борисенко, – следует рассматривать с позиции учения о преступлении, так как именно последнее является структурным элементом множественности, а наказание – это уголовно-правовое последствие содеянного. Признание совокупности приговоров одним из видов множественности преступлений приведет к смешению данных понятий, а также к пересечению различных видов множественности: совокупности преступлений, рецидива и совокупности приговоров»¹¹. Вместе с тем здесь необходимо заметить, что при рецидиве преступлений также имеет место своеобразный учет повышенной степени общественной опасности лица, совершающего повторное тяжкое или особо тяжкое преступление, при наличии непогашенной судимости за ранее совершенное тяжкое или особо тяжкое преступление. Однако рецидив преступлений безоговорочно всеми исследователями определяется именно как форма множественности.

Одной из наиболее проработанных и функциональных в отношении действующего казахстанского уголовного законодательства, на наш взгляд, сле-

¹ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 325.

² См.: Малков В. П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 44–45; Красиков Ю. А. Множественность преступлений (понятие, виды, наказуемость). М., 1988. С. 7.

³ См.: Криволапов Г. Г. Указ. соч. С. 19.

⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 278–319.

⁵ См.: Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений: учебное пособие для вузов по спец. «Правоведение». М.: МГУ, 1984.

⁶ См.: Красииков Ю. А. Указ. соч. С. 7.

⁷ См.: Васильева Е. Г. Формы множественности по действующему уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005.

⁸ См.: Криволапов Г. Г. Указ. соч. С. 17.

⁹ См.: Малков В. П. Указ. соч. С. 44.

¹⁰ См.: Бражник Ф. С. Множественность преступлений – отражение их совокупной общественной опасности // Уголовное право. 2000. № 3. С. 9.

¹¹ Борисенко Е. А. Назначение наказания при множественности преступлений (ст. 68, 69 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

дует признать классификацию В. П. Малкова. Автор учитывает не только формально-юридический, но и социально-правовой аспект, т. е. отталкивается от тезиса, что повторность уголовных правонарушений (в любой ее форме) обладает большей степенью общественной опасности, нежели совершение двух и более уголовных правонарушений посредством одного действия (бездействия). Таким образом, множественность В. П. Малков подразделяет на две формы: идеальная совокупность – совершение двух или более преступлений до осуждения одним деянием; и повторение – совершение двух или более преступлений разными деяниями. Повторение, по мнению автора, в зависимости от ряда особенностей совершения уголовного правонарушения в основном от момента совершения, а также в зависимости от характеристик самих уголовных правонарушений (категории, форма вины) делится на реальную совокупность преступлений, рецидив преступлений, совокупность приговоров и неучтенную законодателем форму, которую можно обозначить как наличие судимости у лица за совершение преступлений, не образующих рецидив¹.

В рамках действующего уголовного законодательства с учетом существующих законодательных реалий определенный интерес может представить и другая классификация форм множественности, предложенная в уголовно-правовой теории. Так, в частности, Т. Г. Черненко в своем исследовании предлагает иную классификацию множественности уголовных правонарушений. По ее мнению, формы должны быть выделены таким образом, чтобы они отражали своеобразие общественной опасности деяний, составляющих множественность уголовных правонарушений, и лиц, чьи деяния образуют множественность уголовных правонарушений. Вследствие чего автором устанавливается в качестве критерия классификации наличие или отсутствие у лица неснятой или непогашенной судимости. Таким образом, она выделяет множественность уголовных правонарушений, при которых все уголовно наказуемые деяния совершены до осуждения за любое из них (в контексте УК РК – неоднократность и совокупность уголовных правонарушений). Подобную форму множественности она именует «множественность, не соединенная с предшествующим осуждением». Другую форму множественности она определяет как «множественность, соединенная с предшествующим осуждением», где последующее уголовное правонарушение совершается лицом, имеющим непогашенную или неснятую судимость за ранее совершенное уголовное правонарушение. К данной форме множественности, по мнению исследователя, следует относить рецидив преступлений и совершение преступления лицом, имеющим судимость, при отсутствии признаков рецидива². Почему мы так подробно остановились на

этой классификации? Если в контексте предыдущего УК РК 1997 г. функциональность данной классификации не представляла особого значения, то в условиях современной легальной конструкции рецидива преступлений она имеет вполне определенный смысл. Дело опять же в том, что слишком большая доля повторных уголовных правонарушений, совершаемых лицом, имеющим судимость, и не подпадающих под признаки рецидива преступлений, находится в настоящее время вне сферы уголовно-правового учета.

В уголовно-правовой теории есть и весьма спорные классификации форм множественности. Так, например, существует точка зрения о наличии только двух форм множественности: идеальной и реальной совокупности. При этом к реальной совокупности исследователи относят неоднократность, систематичность, преступный промысел и рецидив³. Данная классификация имеет право на существование, однако с учетом того обстоятельства, что систематичность и промысел не упоминаются в действующем уголовном законодательстве, она лишена операционности. Систематичность настойчиво выделяют и ряд других авторов, наряду с неоднократностью, совокупностью и рецидивом преступлений. Однако при этом отмечается, что о систематичности как форме множественности необходимо говорить исключительно в контексте Особенной части УК РК, в нормах которой иногда говорится о систематичности тех или иных действий как необходимым условием для реализации уголовной ответственности⁴. Здесь следует заметить, что систематичность действий, указание на которую сейчас казахстанский законодатель особо не использует (хотя данное использование и нельзя полностью исключать), образует все-таки единое уголовное правонарушение, совершаемое посредством повторения аналогичных действий (бездействия). В силу чего к множественности уголовных правонарушений систематичность отнести нельзя.

Анализ действующего уголовного законодательства позволяет сделать вывод, что множественность уголовных правонарушений представляет собой самостоятельный уголовно-правовой институт, включающий совокупность взаимосвязанных уголовно-правовых норм, объединенных особым предметом правового регулирования. Это отношения, возникающие в связи с совершением одним лицом двух и более уголовных правонарушений. Все правовые нормы, образующие институт множественности уголовных правонарушений, имеют различное содержание и функциональное предназначение. Следует согласиться с мнением исследователей, что уголовно-правовые нормы, регламентирующие вопросы

сийскому уголовному праву: дис. ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2001.

³ См.: Калинина Т. А. Формы и виды единого преступления и отграничение их от множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

⁴ См.: Петухов Р. Б. Множественность преступлений по Уголовному кодексу РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

¹ См.: Малков В. П. К вопросу о формах и видах множественности преступлений по уголовному праву России // Уголовное право. 2009. № 1.

² См.: Черненко Т. Г. Множественность преступлений по рос-

множественности уголовных правонарушений, можно разбить на две основные группы. Первую группу норм составляют предписания Общей части уголовного закона, относящиеся к разделу «Уголовное правонарушение» и включающие непосредственно статьи, раскрывающие понятия неоднократности, совокупности уголовных правонарушений, рецидива преступлений. Данные нормы относятся к нормам-дефинициям и их предназначение в том, чтобы максимально точно и непротиворечиво раскрыть каждую форму множественности уголовных правонарушений, установить ее специфические признаки. Что касается второй группы норм, то эти нормы включены в раздел «Наказание» и предусматривают повышенную уголовную ответственность за неоднократность уголовных правонарушений, рецидив и опасный рецидив преступлений, регламентируют вопросы назначения наказания при совокупности уголовных правонарушений, совокупности приговоров, а также при рецидиве преступлений.

Каждая форма множественности, определенная в уголовном законодательстве, имеет свои разновидности, которые также выделяются в теории уголовного права. В связи с тем, что казахстанское уголовное законодательство в рамках института множественности претерпело серьезные изменения, считаем необходимым вкратце осветить эти разновидности.

Итак, неоднократность уголовных правонарушений, которая, как ранее нами было обосновано, сама по себе является разновидностью повторности уголовных правонарушений, согласно предписаниям ст. 12 УК РК, включает две самостоятельные разновидности – неоднократность уголовных проступков и неоднократность преступлений. Причем уголовный закон содержит оговорку о невозможности признания неоднократностью совершение уголовного проступка и преступления, предусмотренного одной статьей. Обращаясь к уголовно-правовой теории, выделяющей такие виды повторности уголовных правонарушений, как специальная (тождественная и однородная) и разнородная повторность, следует отметить, что постепенное развитие казахстанского уголовного закона привело к ограничению неоднократности исключительно специальной тождественной повторностью. На это есть указание уголовного закона – неоднократность имеет место только при совершении деяний, предусмотренных одной статьей или частью статьи Особенной части УК РК. Необходимо также добавить, что в отношении неоднократности уголовных правонарушений (равно как и совокупности) присутствует своеобразная законодательная фикция – неоднократность имеет место только в случае, когда лицо ни за одно из неоднократно совершенных деяний не было освобождено от уголовной ответственности либо осуждено. То есть фактическая и юридически значимая неоднократность уголовных правонарушений – суть не одно и то же.

Совокупность уголовных правонарушений представляет собой практически самую универсальную

форму множественности, поскольку предполагает возможность сочетания различных по характеру и степени общественной опасности деяний. Здесь возможно и сочетание неосторожных и умышленных деяний, деяний, посягающих на различные объекты уголовно-правовой охраны и т. д. При этом отметим дополнительно, что реальная совокупность уголовных правонарушений относится к повторности уголовных правонарушений (которая может быть как однородной, так и разнородной), а идеальная совокупность образует совершенно самостоятельную форму множественности уголовных правонарушений.

В рамках же настоящей статьи особое значение следует отвести уголовно-правовой классификации рецидива преступлений. В казахстанском законодательстве традиционно сложилось, что при классификации рецидива учитывается качественно-количественный критерий, при котором качественная составляющая относится к категориальной принадлежности преступлений, образующих тот или иной вид рецидива, а количественный – к количеству повторно совершаемых деяний лицом, имеющим непогашенную или неснятую судимость.

В рамках ст. 14 УК РК произошло существенное сужение параметров качественно-количественной характеристики рецидива преступлений. Во-первых, категориальная принадлежность деяний, образующих рецидив преступлений, ограничивается тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Во-вторых, учитывая высокую степень общественной опасности тяжких и особо тяжких преступлений, количественный показатель также существенно сократился и представлен значительно меньшей вариативностью. Так, только п. 1 ч. 2 ст. 14 УК РК предусматривает предшествующее двукратное осуждение лица за тяжкое преступление, если данное лицо вновь осуждается за тяжкое преступление для признания опасного рецидива преступлений. Во всех остальных случаях количественный показатель значения не имеет.

Основы теоретических исследований рецидива преступлений были заложены в советский период развития уголовно-правовой науки и во многом восприняты современной законодательной практикой и уголовно-правовой доктриной. Так, еще К. А. Панько в основу разграничения различных видов рецидива (по степени общественной опасности) определил объективный критерий – общественную опасность содеянного, что должно быть выражено не через перечень тех или иных преступлений, а посредством научно обоснованной классификации преступлений по степени их общественной опасности, с учетом кратности их совершения, степени общественной опасности виновного и вида наказания¹. В современную концепцию законодательной классификации рецидива преступлений положены именно данные критерии. На протяжении всего развития учения о

¹ См.: Панько К. А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве. Воронеж, 1988. С. 96.

рецидиве преступлений периодически высказываются точки зрения об отсутствии необходимости какой-либо классификации рецидива. Однако большинство исследователей совершенно верно отмечают, что сведение всех случаев рецидива преступлений в одну безликую группу «рецидив» противоречило бы принципу индивидуализации наказания и тем самым исключило бы дифференцированное применение уголовного наказания и мер исправительного воздействия к различным категориям осужденных в интересах их эффективного исправления и перевоспитания¹.

Тем не менее казахстанский законодатель отказался от глубокой дифференциации видов рецидива преступлений. Фактически, исходя из легального определения рецидива, сформулированного в ст. 14 УК РК, можно выделить только два его вида – простой и опасный рецидив. Функциональность такого выделения в УК РК 2014 г. существенно снижена, по сравнению с УК РК 1997 г. В настоящее время видовая градация рецидива имеет значение только для определения учреждения уголовно-исполнительной системы, в котором осужденное лицо будет отбывать наказание. Во всех остальных случаях указание на рецидив преступлений не имеет отличительных особенностей в отношении простого и опасного рецидива. Так, имеет место абсолютно одинаковое значение рецидива и опасного рецидива как обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность и наказание (ст. 54 УК РК), как основания неприменения условного осуждения (ч. 6 ст. 63 УК РК), как основания неприменения акта амнистии (ч. 2 ст. 78 УК РК), как основания, препятствующего возможности досрочного снятия судимости (ч. 7 ст. 79 УК РК). В отличие от ст. 59 УК РК 1997 г., ст. 59 УК РК 2014 г. не предусматривает положений об установлении предельных минимальных сроков наказания при различных видах рецидива. Считаем, что данное положение вещей, с учетом всех ранее перечисленных моментов, не в полной мере отвечает принципу дифференциации уголовной ответственности и наказания. Ограничение исправительно-карательного воздействия на лицо, допустившее рецидив преступлений, исключительно видом уголовно-исполнительного учреждения, на наш взгляд, является недостаточным. Диапазон санкций уголовно-правовых норм в казахстанском уголовном законе вполне существенный, в связи с чем даже установление предельных минимальных сроков наказания при рецидиве и опасном рецидиве преступлений (как в прежнем УК РК) предоставляет суду значительные возможности для дифференциации уголовного наказания в каждом конкретном случае. Действующая же редакция ст. 59 УК РК носит общий характер, не содержит четких правил учета рецидива и опасного рецидива преступлений при назначении наказания.

Итак, подводя итог теоретическим вопросам, рассмотренным в данной статье, следует сформулировать

следующие выводы:

1. Современный институт множественности уголовных правонарушений в казахстанском уголовном законодательстве претерпел значительные изменения по причине введенной категории «уголовное правонарушение» и кардинального изменения категории «рецидив преступлений». В связи с чем отдельные положения, выработанные уголовно-правовой теорией в рамках института множественности уголовных правонарушений, в настоящее время требуют переосмысления и пересмотра.

2. Наиболее предпочтительной классификацией форм множественности уголовных правонарушений является выделение двух ее основных видов – повторности уголовных правонарушений и идеальной совокупности уголовных правонарушений. При этом к разновидности повторности уголовных правонарушений следует относить неоднократность уголовных правонарушений, реальную совокупность уголовных правонарушений и рецидив преступлений. Такая классификация является методологически верной, поскольку только идеальная совокупность уголовных правонарушений не связана с той или иной формой последовательности выполнения уголовно наказуемых действий. Во всех иных ситуациях имеет место та или иная форма повторности. Во избежание терминологических противоречий в тексте уголовного закона, можно было бы предложить законодательному оформить термин «повторность» и включающие ее разновидности.

3. Учитывая тот факт, что реальная совокупность уголовных правонарушений обладает всеми признаками повторности, ее, наряду с неоднократностью уголовных правонарушений, рецидивом и опасным рецидивом преступлений, следует включить в перечень обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность и наказание.

4. Современная конструкция форм множественности, предусмотренных в тексте уголовного закона, оставляет вне сферы уголовно-правового учета целый ряд повторных уголовных правонарушений, совершаемых лицами, осужденными за предыдущие уголовные правонарушения, при отсутствии признаков рецидива преступлений. В связи с чем необходимо рассмотреть вопрос о законодательном закреплении такой формы множественности, как повторность уголовных правонарушений при отсутствии признаков рецидива. Это, в частности, позволит учесть следующие формы фактической повторности: 1) совершение повторного умышленного уголовного правонарушения любой категории тяжести лицом, имеющим судимость за преступление небольшой или средней тяжести; 2) совершение преступления небольшой или средней тяжести лицом, имеющим судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление; 3) совершение лицом, имеющим судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, нового тяжкого или особо тяжкого преступления, если за одно из них оно не осуждалось к реальному лишению свободы. Кро-

¹ См.: Ефимов М. А., Шкурки В. А. Рецидивная преступность и ее предупреждение. Минск, 1977. С. 11.

ме того, не лишено практического основания решение вопроса о возможности отнесения совокупности приговоров к формам множественности уголовных правонарушений, предлагаемое исследователями.

5. Представляется недостаточно обоснованным отказ казахстанского законодателя от более дифференцированного подхода к определению размера наказания за различные виды рецидива преступлений. Рассматривая в совокупности все предписания действующего уголовного закона, необходимо констатировать, что классификация рецидива практически не учитывается в реализации уголовной ответственности и наказания (за исключением определения вида уголовно-исполнительного учреждения). Установление предельных минимальных сроков наказания за рецидив преступлений и опасный рецидив преступлений, применяемый в предшествующем уголовном законе, представляется более эффективным механизмом реальной индивидуализации уголовного наказания.

Библиографический список

1. Борисенко Е. А. Назначение наказания при множественности преступлений (ст. 68, 69 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Борисенко. – Краснодар, 2006.
2. Бражник Ф. С. Множественность преступлений – отражение их совокупной общественной опасности / Ф. С. Бражник // Уголовное право. – 2000. – № 3.
3. Васильева Е. Г. Формы множественности по действующему уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук / Е. Г. Васильева. – Ставрополь, 2005.
4. Ефимов М. А. Рецидивная преступность и ее предупреждение / М. А. Ефимов, В. А. Шкурки. – Минск, 1977.
5. Жалинский А. Э. Уголовное право России / А. Э. Жалинский, А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. – Москва: Норма; Инфра-М, 1998.
6. Калинина Т. А. Формы и виды единого преступления и отграничение их от множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / Т. А. Калинина. – Москва, 2005.
7. Комиссаров В. С. Уголовное право Российской Федерации / В. С. Комиссаров. – Москва, 2012.
8. Красиков Ю. А. Множественность преступлений (понятие, виды, наказуемость) / Ю. А. Красиков. – Москва, 1988.
9. Криволапов Г. Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву и установление ее признаков ОВД: учебное пособие / Г. Г. Криволапов. – Москва, 1989. – С. 17–19.
10. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – Москва, 1972. – С. 278–319.
11. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений: учебное пособие для вузов по спец. «Правоведение» / Б. А. Куринов. – Москва: МГУ, 1984.
12. Кушнир И. В. Уголовное право [Электронный ресурс] / И. В. Кушнир. – Москва, 2010. – URL: na5/13-85.htm.

13. Малков В. П. К вопросу о формах и видах множественности преступлений по уголовному праву России / В. П. Малков // Уголовное право. – 2009. – № 1.

14. Малков В. П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву / В. П. Малков. – Казань, 1982. – С. 44–45.

15. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А. В. Наумов. – Москва, 1996.

16. Панько К. А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве / К. А. Панько. – Воронеж, 1988.

17. Петухов Р. Б. Множественность преступлений по Уголовному кодексу РФ: дис. ... канд. юрид. наук / Р. Б. Петухов. – Москва, 1999.

18. Прохоров Л. А. Уголовное право: учебник / Л. А. Прохоров, М. Л. Прохорова. – Москва: Юрист, 1999.

19. Рождествина А. А. Уголовное право: общая часть / А. А. Рождествина. – Москва: Аллель, 2009.

20. Черненко Т. Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: дис. ... д-ра юрид. наук / Т. Г. Черненко. – Кемерово, 2001.

Bibliograficheskij spisok

1. Borisenko E. A. Naznachenie nakazaniya pri mnozhestvennosti prestuplenij (st. 68, 69 UK RF): dis. ... kand. yurid. nauk / E. A. Borisenko. – Krasnodar, 2006.
2. Brazhnik F. S. Mnozhestvennost' prestuplenij – otrazhenie ih sovokupnoj obshchestvennoj opasnosti / F. S. Brazhnik // Uголовное право. – 2000. – № 3.
3. Vasil'eva E. G. Formy mnozhestvennosti po dejstvuyushchemu ugovolnomu zakonodatel'stvu: dis. ... kand. yurid. nauk / E. G. Vasil'eva. – Stavropol', 2005.
4. Efimov M. A. Recidivnaya prestupnost' i ee preduprezhdenie / M. A. Efimov, V. A. SHkurki. – Minsk, 1977. – S. 11.
5. ZHalinskij A. E. Uголовное право Rossii / A. E. ZHalinskij, A. N. Ignatov, YU. A. Krasikov. – Moskva: Norma; Infra-M, 1998.
6. Kalinina T. A. Formy i vidy edinogo prestupleniya i otgranichenie ih ot mnozhestvennosti prestuplenij: dis. ... kand. yurid. nauk / T. A. Kalinina. – Moskva, 2005.
7. Komissarov V. S. Uголовное право Rossijskoj Federacii / V. S. Komissarov. – Moskva, 2012.
8. Krasikov YU. A. Mnozhestvennost' prestuplenij (ponyatie, vidy, nakazuemost') / YU. A. Krasikov. – Moskva, 1988. – S. 7.
9. Krivolapov G. G. Mnozhestvennost' prestuplenij po sovetskomu ugovolnomu pravu i ustanovlenie ee priznakov OVD: uchebnoe posobie / G. G. Krivolapov. – Moskva, 1989. – S. 17–19.
10. Kudryavcev V. N. Obshchaya teoriya kvalifikacii prestuplenij / V. N. Kudryavcev. – Moskva, 1972. – S. 278–319.
11. Kurinov B. A. Nauchnye osnovy kvalifikacii prestuplenij: uchebnoe posobie dlya vuzov po spec. «Pravovedenie» / B. A. Kurinov. – Moskva: MGU, 1984. – 181 s.

12. Kushnir I. V. Ugolovnoe pravo [Elektronnyj resurs] / I. V. Kushnir. – Moskva, 2010. – URL: na5/13-85.htm.

13. Malkov V. P. K voprosu o formah i vidah mnozhestvennosti prestuplenij po ugolovnomu pravu Rossii / V. P. Malkov // Ugolovnoe pravo. – 2009. – № 1.

14. Malkov V. P. Mnozhestvennost' prestuplenij i ee formy po sovetskomu ugolovnomu pravu / V. P. Malkov. – Kazan', 1982. – S. 44–45.

15. Naumov A. V. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lekcij / A. V. Naumov. – Moskva, 1996.

16. Pan'ko K. A. Voprosy obshchej teorii recidiva v sovetskom ugolovnom prave / K. A. Pan'ko. – Voronezh, 1988.

17. Petuhov R. B. Mnozhestvennost' prestuplenij po Ugolovnomu kodeksu RF: dis. ... kand. jurid. nauk / R. B. Petuhov. – Moskva, 1999.

18. Prohorov L. A. Ugolovnoe pravo: uchebnik / L. A. Prohorov, M. L. Prohorova. – Moskva: YUrist», 1999.

19. Rozhdestvina A. A. Ugolovnoe pravo: obshchaya chast' / A. A. Rozhdestvina. – Moskva: Allel', 2009.

20. CHernenko T. G. Mnozhestvennost' prestuplenij po rossijskomu ugolovnomu pravu: dis. ... d-ra jurid. nauk / T. G. CHernenko. – Kemerovo, 2001.

Развитие взглядов на использование специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности

Мартынов Артем Олегович,
Академия МВД Республики Беларусь
e-mail: martynauartsiom@gmail.com

Рассматривается хронология зарождения и развития института «сведущих лиц» в оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Выявляются закономерности развития института использования специальных знаний (ИИСЗ), на основании которых прогнозируются дальнейшие тенденции совершенствования указанного института. Обосновывается необходимость в совершенствовании теоретических и практических основ использования специальных знаний в ОРД.

Ключевые слова: сведущие лица; специалист; специальные знания; оперативно-розыскная деятельность.

The development of views on using special knowledge in operational-search activity

Martynau Artsiom Olegovich,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus

The emergence and development chronology of the «competent persons» institution in the operational-investigative activity is considered. The development patterns of the institution of using special knowledge are identified, on the basis of which further improvement trends of this institution are predicted. The necessity of improving the theoretical and practical foundations of using special knowledge in the operational-investigative activity is substantiated.

Key words: specialist; special knowledge; operational-search activity; detective activity.

На территории современной Беларуси возникновение предпосылок для зарождения ИИСЗ в ОРД прослеживается со времен Великого княжества Литовского. В рассматриваемый период ОРД (в современном ее понимании) являлась составляющей уголовного процесса и не выделялась отдельно ввиду того, что меры, принимаемые для установления преступников, не делились на гласные и негласные. Розыск преступников осуществлял «возной». В соответствии с арт. 5–6 разд. 4 Статута Великого княжества Литовского 1566 г. он не только проводил осмотр места происшествия, допрашивал свидетелей, определял размер причиненного вреда, но и при необходимости осуществлял исследования (экспертизы), т. е. выполнял функции специалиста (эксперта)¹.

В Российской империи в XVI–XVIII вв. специалисты в целях правосудия привлекались для проведения осмотров и освидетельствований, однако эта деятельность не регламентировалась законом. Так, например, с начала XVI в. лекари проводили освиде-

тельствования для определения пригодности к военной и иной государственной службе, а уже с начала XVII в. – для установления характера телесных повреждений². С момента признания подлога документов преступлением в 1649 г. в целях установления их подлинности дьяками проводились исследования почерка и осмотры документов, в ходе которых использовались образцы для сравнительного исследования, обращалось внимание на давность письма, внешний вид документа, его реквизиты³. Отдельные правовые предписания по установлению лекарями характера телесных повреждений, являющихся причиной смерти, содержались в арт. 154 Артикула воинского от 26 апреля 1715 г.⁴ Во второй половине XVII в. монахами проводились первые освидетельствования психических состояний.⁵

² См.: Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Ленинград: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1963. С. 5.

³ См.: Там же. С. 17–26.

⁴ См.: Хрестоматия по истории государства и права СССР: дооктябрьский период / Т. Е. Новицкая и др.; под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1990. С. 317–318.

⁵ См.: Крылов И. Ф. Указ. соч. С. 13–15.

¹ См.: Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; редкал.: Т. І. Доўнар і інш. Минск: Тэсей, 2003. С. 100–101.

В 1802 г. было создано Министерство внутренних дел, из которого в 1811 г. выделено Министерство полиции. Основной задачей ведомств являлась борьба с преступностью, а Министерство полиции, помимо этого, осуществляло «тайный надзор за иностранцами в России и исполняло цензурные функции». Для установления и разоблачения преступников использовались личный сыск, «разведопросы», «скрытое наблюдение», «получение сведений из неофициальных источников»¹.

В Российской империи первые упоминания о специалистах появились в Своде законов уголовных 1832 г. (далее – Свод)², в котором перечень источников доказательств был расширен показаниями «сведущих людей». Согласно ст. 943 Свода, «если точное узнавание встречающегося в деле обстоятельства предполагает особенные сведения или опытность в какой-либо науке, искусстве или ремесле, то надлежит истребовать о том показание и мнение сведущих людей, соображаясь с правилами, изложенными в главе об исследовании происшествий и осмотре». Анализ приведенной статьи показывает, что «сведущему лицу», привлекаемому в целях установления обстоятельств уголовного дела, было необходимо обладать либо «особенными сведениями» о чем-либо, либо «опытностью» в какой-либо из упомянутых сфер. При этом результаты использования специальных знаний облекались в форму «показания» или «мнения».

В 1864 г. в России проведена судебная реформа, которая внесла определенный вклад в развитие уголовного процесса. Основные положения использования специальных знаний в оперативной работе нашли свое отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав)³. Так, в ст. 253 Устава предписывалось «удостовериться через дознание: действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка». Инструментарием дознания являлись «розыски», «словесные распросы» и «негласное наблюдение»⁴. В ст. 312 Устава прокурору запрещалось требовать начала следствия без достаточных к тому оснований, а в случае сомнения сведения надлежало собирать посредством «негласного полицейского разведывания»⁵. Таким образом, в результате проведенной судебной реформы 1864 г. стали появляться элементы ОРД как самостоятельного

института.

Одновременно Уставом был введен термин «сведущие лица» взамен используемого в Своде термина «сведущие люди». Так, согласно ст. 325 Устава «сведущих лиц» следовало приглашать «когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-нибудь занятии»⁶. Помимо указанных в ст. 326 Устава врачей, фармацевтов, профессоров, учителей, техников, художников, ремесленников, казначеев и лиц, приобретших особую опытность, в качестве «сведущих лиц» привлекались «переводчики и толмачи» (ст. 410–411), процессуальный статус которых во многом был схож со статусом свидетелей. Примечательно, что в качестве переводчика мог выступать и сам следователь. Изложенное свидетельствует, что с принятием Устава перечень сфер применения специальных знаний расширен не только путем добавления «промысла» к «науке, искусству и ремеслу», имеющихся в Своде, но и путем открытия перечня этих самых сфер. Однако, несмотря на усовершенствование данного института, последний еще не был настолько развит, чтобы применять его для решения задач дознания и следствия дифференцированно.

С некоторыми изменениями и дополнениями Устав просуществовал вплоть до октября 1917 г. После Октябрьской революции 1917 г. в первых декретах советской власти упоминался термин «сведущие лица»⁷.

После образования СССР в 1922 г. ИИСЗ появился в УПК союзных республик. Так, в ст. 63 УПК БССР, принятом в 1923 г., в качестве участника процессуальных отношений, обладающего «специальными познаниями» в науке, искусстве или ремесле, указан только эксперт. Его участие было обусловлено расследованием или рассмотрением дела⁸. Одновременно в ст. 93 УПК БССР 1923 г. упоминается о «предварительной негласной проверке» органами дознания анонимных заявлений. Иных положений в части осуществления «негласных проверок» УПК БССР 1923 г. не содержал.

В УПК Белорусской ССР 1960 г. эксперт по-прежнему являлся единственным участником уголовного процесса, обладающим «специальными познаниями». При этом согласно ст. 72 УПК Белорусской ССР 1960 г. «специальные познания» в науке, технике, искусстве или ремесле могли использоваться не только экспертом, но и «иными специалистами», а также «любым лицом, обладающим необходимыми познаниями для дачи заключения».

⁶ Там же. С. 153.

⁷ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры, 1917–1954 гг.: сборник документов / сост. Л. Н. Гусев; под ред. С. А. Голунский. М.: Госюриздат, 1955. С. 41, 66.

⁸ См.: УПК БССР 1923 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: [http://pravo.by/lmgPravo/pdf/UPK_BSSR_1923_\(izmenen_do_1927\).pdf](http://pravo.by/lmgPravo/pdf/UPK_BSSR_1923_(izmenen_do_1927).pdf) (дата обращения: 13 апреля 2020 г.).

¹ Полубинский В. И. Уголовный розыск в России: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2006. С. 48–50.

² См.: Свод законов уголовных // Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. СПб.: Типография II отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии, 1832. Т. 15.

³ См.: Российское законодательство X–XX веков: тексты и комментарии / под общ. ред. О. И. Чистякова // Судебная реформа / отв. ред. Б. В. Виленский. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8. С. 118–251.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Там же. С. 151.

Специалист как участник уголовного процесса появился только в 1966 г. с принятием норм, регламентирующих его участие в производстве следственных действий. Так, согласно ст. 1281 УПК специалист был обязан участвовать в производстве следственного действия, используя свои «специальные знания» и навыки, для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств¹. Однако, какие знания специалиста следовало считать специальными и чем его «специальные знания» отличались от «специальных познаний» эксперта, не указывалось.

Параллельно с этим в соответствии со ст. 116 УПК органу дознания предписывалось для установления преступника «принимать оперативно-розыскные меры», уведомляя при этом следователя о результатах².

С момента приобретения независимости Республика Беларусь начала создавать свою правовую базу. Так, в частности, в ноябре 1992 г. был принят Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»³. Именно с принятием данного Закона ИИСЗ впервые появился непосредственно в нормативном акте, регламентирующем ОРД. Ст. 5 указанного Закона предусматривала использование для решения задач ОРД помощи должностных лиц и «специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными познаниями». Стоит отметить, что данные положения содержались и в принятом девятью месяцами ранее Законе Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности Российской Федерации». По нашему мнению, появление специалиста непосредственно в ОРД было связано в том числе с возникшей необходимостью обеспечения использования специальных знаний не только для всестороннего, полного и объективного расследования преступлений, но и для их выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия, а также решения иных задач ОРД.

Изучение и анализ имеющихся проблем в оперативно-розыскной практике обусловили принятие в 1999 г. новой редакции Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴. Данный

нормативный правовой акт более широко определил оперативно-розыскные мероприятия, обозначил права и обязанности органов, осуществляющих ОРД, гарантии соблюдения прав и свобод граждан при осуществлении указанной деятельности и т. д. Однако правовые нормы, регламентирующие привлечение специалиста в ОРД, остались практически неизменными: содержащиеся в ст. 11 новой редакции Закона положения об участии специалиста в ОРД фактически дублировали предыдущую редакцию. Вместе с тем взамен термина «специальные познания» употреблен другой – «специальные знания». В обеих редакциях Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (1992 г. и 1999 г.) упомянутые дефиниции раскрыты не были.

25 января 2016 г. вступил в действие Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности»⁵. Третья редакция основного нормативно-правового акта Республики Беларусь в сфере ОРД содержала ряд новелл и усовершенствований. Изменения в действующей редакции Закона коснулись и правовой регламентации деятельности специалиста в ОРД. Статьей 10 Закона регламентированы права и обязанности граждан, обладающих специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, привлекаемых к участию в оперативно-розыском мероприятии в качестве специалиста. Расширение в Законе прав и обязанностей специалиста было связано, помимо прочего, с созданием в Республике Беларусь Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь в 2013 г., ввиду чего и возникла необходимость в регламентации порядка привлечения специалистов для участия в оперативно-розыскных мероприятиях и организации взаимодействия между ведомствами.

В научной литературе проблемы использования специальных знаний в ОРД широко не освещались. Отдельные положения рассматривались в работах В. М. Аتماжитова, Р. С. Белкина, В. Г. Боброва, Г. И. Грамовича, Н. И. Порубова, В. Ч. Родевича, Е. Р. Россинской, И. Л. Хромова, А. Ю. Шумилова, А. В. Яскевича и других. Однако приведенные научные труды, посвященные проблемам использования специальных знаний, освещали отдельные вопросы расследования определенных категорий преступлений, применения определенных видов специальных знаний, осуществления действий на этапах расследования. Проведенные исследования внесли свой вклад в развитие и совершенствование рассматриваемого института,

представителей 24 июня 1999 г., одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. (текст Закона по состоянию на 2 января 2012 г.). Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2012.

⁵ Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности»: принят Палатой представителей 26 июня 2015 г., одобрен Советом Республики 30 июня 2015 г. (вступает в силу 25 января 2016 г.). Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2016.

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: утв. Законом Республики Беларусь 29 декабря 1960 г., введен в действие с 1 апреля 1961 г. (с изм. и доп. по состоянию на 25 октября 1998 г.) // СЗ БССР. 1961. № 1. Ст. 5. Минск: Амалфея, 1998.

² См.: УПК БССР 1960 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://pravo.by/imgPravo/pdf/UPK_BSSR_1960.pdf (дата обращения: 13 апреля 2020 г.).

³ Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» // Указы Президента и постановление правительства Республики Беларусь по некоторым вопросам деятельности и социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел / сост. Г. И. Иванов, А. Г. Иванов. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1997.

⁴ Закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-3 «Об оперативно-розыскной деятельности»: принят Палатой

однако существует ряд вопросов, которые не были в полной мере решены и требуют научного изучения.

В настоящее время в Республике Беларусь в нормативных документах отсутствует определение понятия «специальные знания». Вопросы привлечения специалиста для участия в оперативно-розыскных действиях, привлечения в качестве специалиста организации (юридического лица) также остаются дискуссионными.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- на территории современной Беларуси зарождение ИИСЗ датируется XVI в. Использование специальных знаний постепенно расширялось по мере развития общества и государства, внедрения достижений науки, совершенствования законодательства;
- непосредственно в ОРД понятие «специалист» появилось с принятием в 1992 г. Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»;
- в настоящее время существует необходимость в совершенствовании не только теоретических основ использования специальных знаний в ОРД, но и их практических составляющих.

Библиографический список

1. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры, 1917–1954 гг.. сборник документов / сост. Л. Н. Гусев; под ред. С. А. Голунский. – Москва: Госюриздат, 1955. – 635 с.
2. Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе / И. Ф. Крылов. – Ленинград: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1963. – 214 с.
3. Полубинский В. И. Уголовный розыск в России: монография / В. И. Полубинский. – Москва: ВНИИ МВД России, 2006. – 156 с.
4. Свод законов уголовных // Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. – Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии, 1832. – Т. 15. – 561 с.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; редкал.: Т. І. Доўнар і інш. – Мінск: Тэсей, 2003. – 350 с.
6. Хрестоматия по истории государства и права СССР: дооктябрьский период / Т. Е. Новицкая и др.; под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. – Москва: Юрид. лит., 1990. – 478 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Istoriya zakonodatel'stva SSSR i RSFSR po ugovnomu processu i organizacii suda i prokuratury, 1917–1954 gg.. sbornik dokumentov / sost. L. N. Gusev; pod red. S. A. Golunskij. – Moskva: Gosyurizdat, 1955. – 635 s.
2. Krylov I. F. Sudebnaya ekspertiza v ugovnom processe / I. F. Krylov. – Leningrad: LGU im. A. A. Zhdanova, 1963. – 214 s.
3. Polubinskij V. I. Ugolovnyj rozysk v Rossii:

monografiya / V. I. Polubinskij. – Moskva: VNII MVD Rossii, 2006. – 156 s.

4. Svod zakonov ugovolnyh // Svod zakonov Rossijskoj Imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy. – Sankt-Peterburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1832. – T. 15. – 561 s.

5. Statut Vyalikaga knyastva Litoŭskaga 1566 goda / T. I. Doŭnar, U. M. Satolin, YA. A. YUho; redkal.: T. I. Doŭnar i insh. – Minsk: Tesej, 2003. – 350 s.

6. Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava SSSR: dooktyabr'skij period / T. E. Novickaya i dr.; pod red. YU. P. Titova, O. I. CHistyakova. – Moskva: YUrid. lit., 1990. – 478 s

Некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства Республики Казахстан в борьбе с экстремизмом

Райбаев Даулет Кумарбекович,
Карагандинская академия МВД Республики Казахстан
имени Б. Бейсенова, доктор философии
e-mail: doul_zare4ka@mail.ru

В данной статье рассматриваются вопросы совершенствования правового обеспечения противодействия экстремизму в Республике Казахстан.

Анализ новых уголовно-правовых конструкций в отношении экстремистских преступлений позволил автору статьи выработать ряд предложений и рекомендаций по совершенствованию действующего уголовного законодательства Республики Казахстан.

Ключевые слова: противодействие экстремизму; унификация; уголовные правонарушения экстремистской направленности; бланкетный характер; диспозиции норм.

Some issues of improving the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan in the fight against extremism

Raybayev Daulet Kumarbekovich,
Karaganda Academy of the Ministry of internal Affairs
Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov
Doctor of philosophy

This article discusses the issues of improving the legal support for countering extremism in the Republic of Kazakhstan.

The analysis of new criminal legal structures in relation to extremist crimes allowed the author to develop a number of proposals and recommendations for improving the current criminal legislation of the Republic of Kazakhstan.

Key words: countering extremism; unification; extremist criminal offenses; blanket character; dispositions of norms.

Вопрос совершенствования правового обеспечения противодействия экстремизму в Республике Казахстан остается крайне актуальным и после вступления в силу нового Уголовного кодекса Республики Казахстан¹, включившего значительное количество обновленных уголовно-правовых конструкций, направленных на противодействие данному общественно опасному явлению. Скорее, более справедливым будет утверждение о том, что изменения в уголовном законе порождают новые проблемы определения (конкретизации, унификации) значительного количества аспектов, сопряженных с совершением уголовно наказуемых действий экстремистского характера.

Единственный специальный законодательный акт Республики Казахстан, регламентирующий вопросы противодействия экстремизму, – Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III «О противо-

действию экстремизму»² имеет существенные противоречия с новыми уголовно-правовыми предписаниями. В ст. 1 указанного Закона, содержащей основные понятия, используемые в данном нормативно-правовом акте, внесены только несколько изменений после вступления в силу действующего Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК). Впоследствии из видов финансирования экстремистской или террористической деятельности Законом Республики Казахстан от 16 ноября 2015 г. № 403-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам благотворительности»³ была исключена спонсорская

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК (ред. от 11 января 2020 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Эділет» (дата обращения: 19 марта 2020 г.).

² Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III «О противодействии экстремизму» (ред. от 1 марта 2017 г.) // СПС «Эділет» (дата обращения: 19 марта 2020 г.).

³ Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 г. № 403-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам благотворительности».

помощь. В других вопросах корреляция предписаний Закона о противодействии экстремизму (далее – Закон) и УК РК выражена весьма слабо и порождает целый ряд вопросов.

Во-первых, выделение в тексте Закона трех видов экстремизма представляется автору статьи недостаточно верным. В частности, разжигание социальной, сословной розни данный Закон относит к разновидностям политического экстремизма, что с учетом сложностей в определении социальной группы (а тем более, сословия) является необоснованным. Критерии определения признаков социальной группы настолько неточны, что, по нашему мнению, позиции исследователей, полагающих необходимым исключить указание на социальную принадлежность и социальную рознь из определения экстремистских действий, следует признать обоснованными. Фактически же наука и практика претворяют в жизнь гораздо больше разновидностей экстремистских проявлений, нежели определены в анализируемом законодательном акте.

Во-вторых, в упомянутом Законе религиозный экстремизм определяется как «разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан». В данном контексте имеет место полное противоречие пониманию экстремизма в действующем уголовном законодательстве. Здесь следует сразу оговориться, что непосредственно термин «экстремизм» в тексте уголовного закона упоминается, но отсутствует его определение в ст. 3 УК РК. Таким образом, в тех составах, где используется понятие «экстремизм» (в частности, в ст. 258, ст. 405 УК РК), следует предположить бланкетный характер диспозиций соответствующих норм, предполагающий обращение к положениям других нормативно-правовых актов, в данной ситуации – к разъяснениям Закона о противодействии экстремизму. Соответственно, религиозный экстремизм следует трактовать в той интерпретации, которая представлена в анализируемом специальном законодательном акте. И здесь возникают вполне ощутимые сложности следующего характера. Среди объектов посягательства религиозного экстремизма называются жизнь, здоровье, нравственность, права и свободы граждан¹, иными словами, общественные отношения, обеспечивающие реализацию охраняемых законом социальных ценностей². Анализ перечня экстремистских преступлений, приведенного в п. 39 ст. 3 УК РК, показывает, что большинство из перечисленных объектов посягательства не имеют отношения к приведенному в специальном Законе перечню. В частности, если жизнь, здоровье, права и свободы могут, по крайней мере, выступать в

качестве дополнительных объектов религиозно-экстремистских преступлений, определенных перечнем п. 39 ст. 3 УК РК, то нравственность как объект религиозно-экстремистских преступлений в настоящее время никак не обозначена в уголовном законе.

Полагаем, что данное расхождение требует соответствующей корректировки. Основной мотив экстремистских преступлений фактически указан в п. 6 ч. 2 ст. 54 УК РК, содержащей перечень обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность и наказание – «совершение уголовного правонарушения по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды». Данный мотив в разных интерпретациях встречается в значительном количестве статей Особенной части. Например, в п. 11 ч. 2 ст. 99 УК РК «Убийство» и п. 8 ч. 2 ст. 106 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» он звучит как «по мотиву социальной, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды», а в п. 3 ч. 2 ст. 314 УК РК «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» – «по мотиву национальной, расовой или религиозной ненависти или вражды». Таким образом, в уголовном законе отсутствует необходимое единообразие, что неизбежно снижает его эффективность. Вследствие чего необходимо приведение формулировки данного квалифицирующего мотива экстремистского (в том числе и религиозно-экстремистского) характера к единому варианту формулировки в тексте уголовного закона.

Здесь также следует отметить, что ст. 314 УК РК «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», где также предусмотрен экстремистский мотив его совершения, как раз и посягает на отношения общественной нравственности, о чем упоминает ст. 1 Закона о противодействии экстремизму. Таким образом, возникает вопрос: соответствует ли действующая редакция УК РК (а именно перечень экстремистских преступлений) общегосударственной политике понимания и противодействия экстремистским проявлениям? К какой группе следует относить ряд уголовных правонарушений, в которых в качестве квалифицирующего признака предусматривается экстремистский мотив совершения по мотивам социальной, национальной, расовой или религиозной ненависти или вражды? По нашему мнению, данная группа деяний также должна быть обособлена и ее экстремистский характер должен быть обозначен. Полагаем, эта группа уголовных правонарушений должна быть названа «уголовные правонарушения экстремистского характера» и включена наряду с понятием «экстремистские преступления» в ст. 3 УК РК. Кроме того, считаем, что данная группа уголовно-наказуемых деяний экстремистского характера может быть оформлена аналогичным перечневым способом, включая все составы уголовных правонарушений, где в качестве квалифицирующего признака включен указанный экстремистский мотив. Следует отметить, что такого рода подход отнесения деяний к квалифицированным экстремистским мотивам к

¹ См.: Уголовное право. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М.: Юристъ, 1996.

² См.: Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 218.

преступлениям экстремистской направленности сохраняется, в частности, в российском уголовном законодательстве¹.

В-третьих, дополнительным аргументом к формулированию отдельного перечня уголовных правонарушений экстремистской направленности является криминализация отдельных административных деликтов в разряд уголовных проступков. Так, ст. 183 УК РК предусматривает состав уголовного проступка, регламентирующего ответственность за дачу разрешения на публикацию в средствах массовой информации экстремистских материалов, направленных на разжигание национальной, родовой, расовой, социальной и религиозной вражды, пропагандирующих сословную исключительность и преследующих иные экстремистские цели, указанные в диспозиции данной статьи. Сразу следует обратить внимание опять-таки на нарушение последовательности и единообразия формулировки экстремистского мотива, а также на употребление достаточно сомнительного термина «сословная исключительность», который в совокупности с другими, ранее упомянутыми нами терминами и понятиями еще более усложняет категориальный аппарат уголовно-правовой характеристики экстремистских проявлений. Кроме того, необходимо констатировать, что данное уголовно наказуемое деяние, определенное законодателем как уголовный проступок (хоть и с максимальными сроками и размерами соответствующих уголовных наказаний), непосредственно сопряжено с экстремистской преступностью, что, по нашему мнению, должно быть отражено в тексте уголовного закона. В связи с чем полагаем, что в ранее предложенный нами дополнительный перечень уголовных правонарушений экстремистского характера должен быть включен и данный состав уголовного правонарушения. Все это в совокупности позволит в большей степени охватить все уголовно-правовые меры противодействия экстремистской, в том числе и религиозно-экстремистской, преступности.

В-четвертых, иные положения Закона о противодействии экстремизму и уголовное законодательство Республики Казахстан требуют детальной унификации терминологии, употребления единых понятий и их дефиниций. Так, термин «экстремизм», как было указано выше, должен быть доработан и в единообразном варианте включен в оба нормативно-правовых акта. Следует выработать стройные и функциональные определения таких понятий, как «экстремистская подготовка», «экстремистская деятельность», «вербовка», и целого ряда других терминов и понятий (в том числе оценочного порядка), определение которых отсутствует и в Законе о противодействии экстремизму, и в УК РК.

Ранее, описывая объективные признаки религиозно-экстремистской преступности, указывалось на

необходимость конкретизации (максимальной детализации) многих оценочных понятий соответствующих составов уголовных правонарушений. Разработка стройного понятийно-категориального аппарата для антиэкстремистского законодательства Республики Казахстан должна учитывать филологические, теологические, исторические, культурологические, социологические и иные аспекты религиозного и иных видов экстремизма. Кроме того, правоприменительная практика нуждается в единообразных правилах квалификации, разграничения соответствующих составов экстремистских преступлений, реализации уголовной ответственности и назначения наказания за их совершение. Так сложилось, что в большинстве стран постсоветского пространства по-прежнему особое значение придается актам официального толкования, издаваемым высшими судебными инстанциями. Верховный Суд Республики Казахстан также дает разъяснения в специальном нормативном постановлении, касающемся уголовной ответственности и наказания за террористические и экстремистские преступления², в котором п. 17 посвящен экстремистским преступлениям, где раскрываются такие же понятия, что и в Законе о противодействии экстремизму.

Несмотря на существенные отличия в понятийном аппарате и способах криминализации преступлений экстремистской направленности, сложившиеся к настоящему времени в Республике Казахстан и Российской Федерации, считаем возможным обратить внимание на отдельные положительные моменты постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»³, концепция которых в адаптированном варианте может быть воспринята и в условиях казахстанской законодательной и правоприменительной практики: четкое корреспондирование с международно-правовыми стандартами и конвенциями по вопросам противодействия экстремизму в преамбуле постановления; установление правил квалификации и разграничения составов экстремистских преступлений; акцентирование внимания и разъяснения мотива преступлений экстремистской направленности; расшифровка и детализация объективных признаков экстремистских преступлений; специальные оговорки в отношении недопустимости ограничения свободы высказываний и выражения своих мыслей, в частности о том, что «критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех слу-

² См.: Нормативное постановление верховного суда от 8 декабря 2017 г. № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по применению законодательства о террористических и экстремистских преступлениях».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: <http://base.garant.ru/58202247>.

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18 февраля 2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.

чаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц», и некоторые другие вопросы.

Анализ новых уголовно-правовых конструкций в отношении экстремистских преступлений позволил автору статьи выработать ряд предложений и рекомендаций по совершенствованию действующего уголовного законодательства Республики Казахстан.

Определенный вопрос с точки зрения законодательной логики вызывает норма ст. 24 УК РК «Приготовление к преступлению и покушение на преступление». Так, согласно ч. 2 ст. 24 УК РК уголовная ответственность наступает за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению, а также за приготовление к террористическому преступлению. Согласно ч. 4 ст. 24 УК РК уголовная ответственность наступает за покушение на преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое преступление, а также за покушение на террористическое преступление. В данном контексте возникают следующие вопросы. Во-первых, по какому критерию законодатель обособленно выделяет именно террористические преступления, отказываясь от аналогичной оговорки в отношении экстремистских преступлений? Анализ по категориальной принадлежности всех террористических и экстремистских преступлений, выделенных законодателем, показывает, что данные разновидности посягательств имеют в общей совокупности примерно равную степень общественной опасности (формально определенную в санкциях соответствующих уголовно-правовых норм). Все террористические и экстремистские преступления (за исключением экстремистского преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 405 УК РК) относятся к категории тяжких и особо тяжких. Кроме того, перечни террористических и экстремистских преступлений не являются полностью обособленными и имеют совпадения по некоторым составам уголовных правонарушений (п. 30, 39 УК РК). Стоит также отметить, что большинство уголовно-правовых конструкций указывают на равнозначные специальные положения в отношении реализации уголовной ответственности за экстремистские и террористические преступления. И наконец, в чем заключается логика приведенных выше законодательных установлений ст. 24 УК РК, если все террористические преступления категориально, исходя из установлений ст. 11 УК РК, являются тяжкими или особо тяжкими? Следует констатировать, что в данном случае имеет место избыточность текста уголовного закона, выступающая одним из серьезных нарушений законодательной техники¹.

Соответственно, наиболее верное решение в данной ситуации – изменение содержания ч. 2 и ч. 4 ст. 24 УК РК путем исключения специальной оговорки в

отношении террористических преступлений.

С другой стороны, здесь также следует принять во внимание «дух уголовного закона», концептуальную мысль казахстанского законодателя, который, пусть и ошибочно с точки зрения законодательной техники, но обоснованно в контексте реализации основных направлений современной уголовной политики, произвел попытку указать на повышенную степень общественной опасности соответствующих деяний, исходя из их характерологической специфики. Полагаем, что такое акцентирование соответствующего уголовно-правового инструментария является вполне обоснованным.

Вместе с тем следует откорректировать соответствующие уголовно-правовые конструкции в нужном направлении. Учитывая вышеприведенную аргументацию относительно логически неверной редакции ч. 2 и ч. 4 ст. 24 УК РК, считаем возможным компенсировать данный недочет за счет корректировки другой нормы Общей части УК РК – ст. 56 УК РК «Назначение наказания за неоконченное преступление». Полагаем, что изменение редакции ч. 2, 3 указанной статьи позволит более точно и целесообразно отразить позицию законодателя в отношении особых условий уголовной ответственности за экстремистские и террористические преступления. По нашему мнению, в ч. 2, 3 ст. 56 УК РК при указании на размер наказания за приготовление к преступлению и покушение на преступление следует включить специальную оговорку в отношении террористических и экстремистских преступлений.

Итак, подводя итог приведенным выше рассуждениям, считаем возможным сформулировать следующие выводы:

1. Редакция ч. 2 и ч. 4 ст. 24 УК РК является логически неверной и морфологически избыточной, по причине чего требует корректировки – исключения специального указания на террористические преступления.

2. Формулирование специальных условий уголовной ответственности в отношении только террористических преступлений, исходя из концепции современной уголовной политики Республики Казахстан и приблизительной категориальной идентичности составов экстремистских и террористических преступлений, автору настоящей статьи представляется необоснованным.

3. В целях придания действующим уголовно-правовым конструкциям логической завершенности, считаем необходимым изменить редакцию ч. 2, 3 ст. 56 УК РК и изложить ее следующим образом:

– ч. 2 ст. 56 УК РК: «Срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление, за исключением террористических и экстремистских преступлений»;

– ч. 4 ст. 56 УК РК: «Срок или размер наказания за

¹ См.: Рарог А. И. Пробелы и избыточность в российском уголовном законе // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. № 2. С. 108.

покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление, за исключением террористических и экстремистских преступлений».

Следует также обратить внимание на стилистические ошибки в тексте уголовного закона, касающиеся предмета нашего исследования. В частности, в п. 6 ч. 2 ст. 54 УК РК «Обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность и наказание» имеет место формулировка «совершение уголовного правонарушения по мотиву национальной, расовой и религиозной ненависти или вражды». Здесь необходима определенная корректировка текста уголовного закона путем включения стилистических изменений в указанную морфологическую единицу текста: «совершение уголовного правонарушения по мотиву национальной, расовой или религиозной ненависти либо вражды...». Данная формулировка более точно отражает альтернативность указанного перечня.

Аналогичные стилистические изменения должны быть включены и в редакцию ст. 183 УК РК: формулировка «дача разрешения на публикацию в печать и других средствах массовой информации сведений и материалов, направленных на разжигание национальной, родовой, расовой, социальной и религиозной вражды...» также должна быть изменена посредством замены перечислительного союза «и» на альтернативный союз «или».

Автор статьи также полагает, что перечень общественно опасных посягательств экстремистского толка, сформулированный в п. 39 ст. 3 УК РК, должен быть распространен и на ч. 1 ст. 404 УК РК, поскольку объективные признаки данного посягательства, непосредственно указанные в этой части статьи, в полной степени отвечают признакам посягательств религиозно-экстремистского толка: сопряженность с насилием над гражданами, побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных деяний. В связи с чем позиция законодателя, ограничившего перечень экстремистских преступлений только ч. 2 и ч. 3 ст. 404 УК РК, нам представляется неаргументированной и, видимо, объясняется повышенным динамизмом современного уголовного законодательства, всегда сопряженного с негативными сопутствующими факторами в вопросах законодательной техники. Дополнительным обоснованием нашей позиции является следующее обстоятельство: даже если предположить разнородность объективных признаков деяний, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 404 УК РК (хотя данное обстоятельство также, на наш взгляд, является спорным и формулировка составов ст. 404 УК РК нуждается в доработке), редакция ч. 3 ст. 404 УК РК при ее логическом и филологическом толковании свидетельствует о том, что данный состав экстремистского преступления является сопряженным как с ч. 1, так и с

ч. 2 ст. 404 УК РК. В связи с чем непонятна позиция законодателя, который активное участие в деятельности общественного объединения, указанного в ч. 1 ст. 404 УК РК, относит к экстремистским преступлениям, а непосредственно создание и руководство данным общественным, религиозным объединением либо партией не включает в соответствующий перечень. Полагаем, что данное несоответствие носит явный характер и требует корректировки положений уголовного закона.

Учитывая выводы, полученные в ходе исследования признаков субъекта религиозно-экстремистских преступлений, считаем также необходимым дополнить перечень ч. 2 ст. 15 УК РК, называющий уголовные правонарушения, за которые уголовная ответственность наступает с 14-летнего возраста, указанием на ст. 182, 259 и 260 УК РК.

Библиографический список

1. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. – Москва: Юрист, 1996.
2. Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Бурковская. – Москва, 2007.
3. Рарог А. И. Пробелы и избыточность в российском уголовном законе / А. И. Рарог // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2009. – № 2.

Bibliograficheskij spisok

1. Uголовное право. Osobennaya chast' / pod red. B. V. Zdravomyslova. – Moskva: YUrist', 1996. – 454 s.
2. Burkovskaya V. A. Kriminal'nyj religioznyj ekstremizm: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie osnovy protivodejstviya: dis. ... kand. yurid. nauk / V. A. Burkovskaya. – Moskva, 2007. – S. 218.
3. Rarog A. I. Probely i izbytochnost' v rossijskom ugovolnom zakone / A. I. Rarog // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal. – 2009. – № 2.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 343.31

Противодействие терроризму в воздушном пространстве в России и Германии: сравнительно-правовой аспект*

Романовский Владислав Георгиевич,
Пензенский государственный университет
e-mail: up406@mail.ru

В статье представлена правовая оценка возможного уничтожения воздушного судна, захваченного террористами и используемого в качестве орудия нападения на мирные объекты. Анализируется зарубежный опыт правового регулирования подобных ситуаций. В частности, выделены правовые позиции, изложенные в постановлении Федерального Конституционного Суда Германии, согласно которым нормы Закона об авиационной безопасности, предоставившие право военным сбивать мирные самолеты, захваченные террористами, были признаны не соответствующими основному закону Федеративной Республики Германия.

Ключевые слова: терроризм; противодействие; самолет; права человека; воздушная среда.

Counterterrorism in the airspace in Russia and Germany: comparative legal aspect

Romanovsky Vladislav Georgievich,
Penza State University

The article provides a legal assessment of the possible destruction of an aircraft captured by terrorists and used as an instrument of attack on peaceful objects. The foreign experience of legal regulation of such situations is analyzed. In particular, the legal positions set forth in the Decree of the Federal Constitutional Court of Germany, according to which the norms of the Aviation Security Law, which provided the military with the right to shoot down peaceful aircraft captured by terrorists, were recognized as not conforming to the basic law of Germany, were highlighted.

Key words: terrorism; countermeasures; aircraft; human rights; air.

Террористические организации все чаще для совершения своих преступных действий прибегают к использованию различных технических средств. Подобная тактика позволяет достигнуть целого ряда негативных для жизни общества и государства целей. Во-первых, происходит дискредитация технических средств, используемых в мирных целях. Во-вторых, у граждан при их использовании появляется неконтролируемый страх. В-третьих, это позволяет нанести максимальный урон (в том числе, если цель – человеческие жертвы). Напомним, самый масштабный теракт в мире, совершенный 11 сентября 2001 г., унес человеческих жизней гораздо больше, чем налет более 300 самолетов на авиабазу в Перл-Харборе.

Атака на Всемирный торговый центр с использованием самолетов показала, что актуальность усиления мер безопасности с каждым годом повышается. Контролирующие мероприятия должны охватывать не только территории аэропортов, которые и так находятся в зоне повышенного внимания. Угон и подрыв самолета в небе, к сожалению, – распространенная тактика террористических организаций. Но правоохранительные органы всех стран мира осознают, что даже максимальный контроль может дать определенные сбои, когда захват авиатранспортного средства – трагическая реальность. В этом случае возникает ряд вопросов по поводу возможных действий, направленных на предотвращение атаки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

В статье 7 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 18 марта 2020 г.) «О противодействии терроризму»¹ устанавливаются специальные правила пресечения терактов в воздушной среде. В их развитие принято Положение о применении оружия и боевой техники Вооруженными Силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или пресечения такого террористического акта, утвержденное постановлением Правительства РФ от 6 июня 2007 г. № 352 (в ред. постановления Правительства РФ от 7 декабря 2011 г. № 1013)². Приведенные нормативные акты допускают уничтожение воздушного судна, используемого в качестве средства совершения террористической атаки, даже если на его борту находятся пассажиры.

Аналогичные нормы появились в законах о противодействии терроризму, принятых в странах СНГ, но гораздо позже российского правила и только в рамках внесения дополнений в существующие законы. Так, Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом»³ был дополнен Законом Республики Беларусь от 26 октября 2012 г. № 435-З (ст. 8-1). Статьи 14-2 и 14-3 были включены в текст Закона Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-І «О противодействии терроризму»⁴ благодаря Закону Республики Казахстан от 8 января 2013 г. № 63-V. В их развитие указом Президента Республики Казахстан от 6 февраля 2015 г. № 998 утверждена Инструкция о порядке применения Вооруженными Силами Республики Казахстан оружия, боевой техники и специальных средств для пресечения актов терроризма в воздушном пространстве, во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе Республики Казахстан, при обеспечении безопасности мореплавания. Кстати, следует поддержать опыт Республики Казахстан, согласно которому упомянутая Инструкция утверждена указом Президента. В нашей стране тоже логичнее было, если упомянутое Положение от 6 июня 2007 г. утверждалось также указом Президента России, который в соответствии с Конституцией РФ является Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил страны. В соответствии с иными актами, распределяющими кураторство профильных министерств, Министерство обороны подчиняется Президенту России.

Статья 7 Федерального закона «О противодействии терроризму» описывает две возможные ситуации, при которых допускается уничтожение воздушного судна: а) отсутствие реагирования на команды о прекращении бесконтрольного полета; б) наличие достоверной информации об использовании само-

лета в террористических целях. В обоих случаях условиями применения оружия на поражение выступает наличие реальной опасности гибели людей либо наступления экологической катастрофы. Реальность наступления указанных последствий является обязательным условием, в противном случае (даже если самолет захвачен террористами) оружие и боевая техника на поражение не применяется. Порядок принятия окончательного решения разрабатывается Министерством обороны России. По-видимому, данный документ носит секретный характер, поскольку официально он опубликован не был. Следует понимать, что уничтожение любого самолета несет в себе определенные политические риски. Уничтожение боевого иностранного воздушного судна (даже при осуществлении им крайних провокационных действий) выступает «*casus belli*» – «поводом к войне». Уничтожение мирного судна (к тому же если оно с пассажирами на борту) приведет к серьезным последствиям мирового масштаба. Эти обстоятельства вводят дополнительные негласные правила, согласно которым принятие окончательного решения принимается высшими должностными лицами государства. Косвенным подтверждением может служить сюжет в документальном фильме об организации Олимпиады в 2014 г., в котором Президент России В. В. Путин обрисовал похожую ситуацию, когда ему доложили о захвате самолета, летевшего в Стамбул, и его возможном подлете к городу Сочи. Информирование Главы государства происходило незамедлительно⁵.

11 сентября 2001 г. после совершенных терактов Президент США Дж. Буш-младший информировался о подлете «подозрительного» самолета. Тогда глава государства подписал специальный приказ об уничтожении самолета в случае необходимости, но экипаж, узнав о трагических событиях, развернул самолет для возвращения в собственную страну⁶. Кстати, если упоминать США, ни ранее, ни в настоящее время в этой стране не принимался нормативный акт, определяющий возможность уничтожения самолета в случае его опасности для граждан или государственных объектов. В 2001 г. был принят Закон об авиационной и транспортной безопасности (The Aviation and Transportation Security Act, 2001⁷), но он установил лишь ряд профилактических мер, направленных на недопущение захвата самолета террористами (жесткий досмотр пассажиров в зоне контроля аэропорта (вплоть до использования мобильных полиграфов для проведения экспресс-опроса), передача списка пассажиров в правоохранительные органы для

¹ СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

² СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2921.

³ Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом». URL: <http://kgb.by/ru/zakon77-3>.

⁴ Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1999. № 19. Ст. 649.

⁵ См.: Путин рассказал о «захвате» лайнера перед открытием Олимпиады в Сочи. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/03/2018/5aa5133d9a79472c7ad0c5fc>.

⁶ См.: Буш приказал сбить пассажирский самолет, вылетевший из Испании в США 11 сентября. URL: <https://www.newsru.com/world/30apr2004/sbit.html>.

⁷ См.: The Aviation and Transportation Security Act, 2001. URL: https://www.tsa.gov/sites/default/files/aviation_and_transportation_security_act_atsa_public_law_107_1771.pdf.

предварительного изучения, внедрение службы авиационных маршалов, уполномоченных на ношение оружия)¹.

В европейских странах правовая основа крайней формы противодействия терроризму в воздушном пространстве также строится на принципе «умолчания». В законодательных актах отсутствуют нормы, аналогичные статье 7 российского Федерального закона «О противодействии терроризму». Исключением выступает только Федеративная Республика Германия (далее – ФРГ), где в 2005 г. был принят Закон об авиационной безопасности – *Luftsicherheitsgesetz* (*LuftSiG*)². § 13–15 указанного Закона определяют возможность нейтрализации воздушных инцидентов. § 13 посвящен оказанию дополнительной помощи полицейским службам со стороны Вооруженных Сил Германии в целях обеспечения авиационной безопасности. Здесь следует учитывать федеративные отношения между центральным правительством и органами власти земель, являющихся частью ФРГ. Представлена специальная ссылка на ст. 35 Основного закона Германии, допускающего централизацию управления. § 14 определял порядок применения оружия в отношении авиатранспорта – допускалось уничтожение самолета при соблюдении двух условий: 1) воздушное судно будет использовано против человеческих жизней; 2) единственное средство предотвращения опасности. Дать санкцию (п. 4 § 14) на уничтожение самолета мог только министр обороны, либо министр, уполномоченный федеральным правительством.

Принятию закона предшествовало общественное обсуждение в Бундестаге, на котором присутствовали ведущие ученые-юристы Германии, заинтересованные министры и должностные лица (включая представителя Военно-воздушных Сил Германии). Полный отчет-протокол находится в открытом доступе³, что позволяет проследить логику принятия правил, а также уровень поднимаемой проблематики. Обращает внимание, что большая часть дискуссии была посвящена не самой возможности уничтожения захваченного самолета, а соблюдению конституционных требований к участию Вооруженных Сил в операциях внутри страны (носящих полицейский, а не военный характер). Единственным, кто задал вопрос о возможном нарушении принципа нерушимости достоинства, закрепленного Основным законом Германии, был политик левых убеждений Ганс-Кристиан Штребеле (член Партии зеленых), известный тем, что в 70-х гг.

прошлого столетия защищал членов RAF, за что отсидел 10 месяцев в тюрьме. Но даже в своем вопросе-выступлении Г.-К. Штребеле не стал развивать тему, лишь обозначив проблему. Ответ был дан профессором Университета Оснабрюка Й. Ипсенем, который, в большей мере, напоминал реплику. Вкратце: вопрос уже решен, а задача парламента – принять нужный закон. Профессор Университета Триера Г. Робберс вывел свою формулу: государство уполномочивает военных не потому, что оно этого хочет, а потому, что вынуждено пойти на этот шаг. Показательно, что юридическая общественность в целом восприняла Закон об авиационной безопасности положительно. В ходе обсуждения не озвучивались отрицательные отзывы, полагавшие неконституционность вводимых правил.

Несмотря на полученный результат и прохождение в парламенте, практически сразу после принятия, Закон Германии об авиационной безопасности был оспорен в Федеральном Конституционном Суде Германии. Авторами жалобы были шесть граждан, среди которых были политики (в том числе Буркхард Хирш – бывший вице-президент Федерального бундестага), адвокат и капитан воздушного судна. Правительства земель Бавария и Гессен представили заключение, поддержавшее доводы заявителей. 15 февраля 2006 г. Федеральным Конституционным Судом было вынесено Постановление⁴, в котором § 14.3 Закона об авиационной безопасности был признан не соответствующим Основному закону ФРГ, а именно ст. 1 (ч. 1), закрепляющей неприкосновенность достоинства человека и ст. 2 (ч. 2), закрепляющей право на жизнь. Суд поддержал ключевые доводы заявителей, посчитав, что предоставленное право Военно-воздушным Силам не может быть основано лишь на полномочиях парламента регулировать наиболее значимые сферы общественных отношений⁵. Необходимо также соблюдение иных конституционных требований. Базовые тезисы, изложенные в Постановлении от 15 февраля 2006 г., заключаются в следующем:

1. Конституционная обязанность государства защищать жизнь каждого человека вытекает из принципа неприкосновенности человеческого достоинства, закрепленного в ст. 1 Основного закона Германии. Не допускается любое обращение к человеку, ставящее под сомнение его статус как субъекта права.

2. Пассажиры и экипаж самолета, будучи захваченными в качестве заложников, не могут влиять на свою судьбу. Такая же беззащитность возникает и по отношению к действиям государства, принявшего решение сбить самолет. Будучи принесенными в жертву ради спасения других, граждане лишаются ценности жизни для самих себя.

3. Существует серьезный риск принятия ошибочного решения. Принятия решение будет происходить

¹ См.: Dempsey P. S. Aviation Security: The Role of Law in the War Against Terrorism // *Columbia Journal of Transnational Law*. 2003. Vol. 41. № 3. P. 649. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1799387.

² См.: *Luftsicherheitsgesetz* (*LuftSiG*). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/luftsig/LuftSiG.pdf>.

³ См.: Protokoll № 15/35. Sitzung. Öffentliche Anhörung am 26. April, 2004. URL: http://webarchiv.bundestag.de/archive/2007/0206/ausschuesse/archiv15/a04/Oeffentliche_Anhoerungen/Anhoerungen_2/Protokoll.pdf.

⁴ См.: BVerfG, Urteil des Ersten Senats vom 15. Februar, 2006. URL: http://www.bverfg.de/e/rs20060215_1bvr035705.html.

⁵ См.: Романовская О. В. Ограничения права на жизнь при пресечении террористических актов в воздушной среде // *Экономика, педагогика и право*. 2017. № 3. С. 2.

в экстремально сжатые сроки, при которых вряд ли можно будет соблюсти принципы пропорциональности и соразмерности принимаемых крайних мер степени опасности появившейся угрозе.

4. Недопустимо использовать аргумент, согласно которому каждый пассажир, приобретая билет и садясь в самолет, дает гипотетическое согласие на распоряжение собственной жизнью. Недопустим и аргумент о предрешенности судьбы заложников в случае использования террористами самолета в качестве орудия нападения. Конституционная защита распространяется на каждого человека вне зависимости от продолжительности его жизни. Тем более государство не может отказаться от обязанности защищать жизнь своих граждан.

5. Основной закон Германии не предусматривает обязанностей солидарности – пожертвовать собой ради спасения других граждан.

Федеральный Конституционный Суд данное решение утвердил единогласно. В зарубежной юридической литературе было дано множество комментариев. Аргументация касалась как поддержки решения органа конституционного контроля, так и обвинений в спекулятивности многих аргументов. Согласие с доводами строилось на общем посыле, что жизнь человека не должна приравниваться к статистической единице и подсчете числа спасенных и числа погибших: «Риск будущих преступлений – риск общества, но не конкретных лиц»¹.

Р. Познер (судья в США, активно публикующийся по проблемам современной демократии) выдвинул целую концепцию «строго не соблюдаемых абсолютных формальных запретов», приведя в обоснование ситуацию с захваченным самолетом². Его книга с громким заглавием «Не пакт о самоубийстве» обосновывает, что в критических ситуациях для жизни общества и государства необходимо находить «прагматический баланс между личной свободой и общественной безопасностью». Суть теории заключается в том, что содержание прав человека изменчиво под давлением различных факторов, в которых первостепенное значение придается терроризму. После публикации указанной книги последовали обвинения Р. Познера в утилитаризме, но суть его концепции заключается в другом. Требование баланса между правами человека и безопасностью – изменчивая переменная. Как только повышается ставка в обеспечении одного из элементов, это затрагивает отношение к другому. Р. Сегев, критикуя данный подход, при этом указал, что Р. Познер предлагает постоянное уравнивание

интересов, что наиболее четко наблюдается в деятельности судов³. В рамках подобного подхода возможность уничтожения воздушного судна допустима с учетом необходимости обеспечения баланса – безопасности общества, жизни большего числа граждан.

Постановление Федерального Конституционного Суда не вызвало энтузиазма у военных. Практически сразу после оглашения решения министр внутренних дел В. Шойбле обвинил орган конституционного контроля в создании угрозы внутренней безопасности⁴. Министр обороны Ф.Й. Юнг пошел еще дальше, объявив, что в необходимом случае самолет, угнанный террористами, будет сбит⁵. М. Ледиг считал, что таким решением Суд лишь усилил мотивацию террористов, так и не защитив право на жизнь, закрепленное в Основном законе⁶.

Решение Конституционного Суда ФРГ привело к корректировке закона, благодаря которой были исключены полномочия министра обороны – вынесение приказа Военно-воздушным силам об уничтожении самолета, используемого как оружие в террористических целях. Пункт 1 § 14 Закона об авиационной безопасности в настоящее время допускает только следующие меры в отношении самолета, захваченного террориста: выход на связь, приказ о принудительном приземлении, открытие предупредительного огня. Решение остается за летчиком, который должен сделать выбор, исходя из соразмерности и пропорциональности меры выявленной угрозе. О ситуации в незамедлительном порядке должен быть проинформирован министр обороны Германии.

Анализируя опыт Германии, можно суверенностью отметить, что практически любое государство в ситуации с самолетом, захваченным террористами, будет действовать, исходя из складывающейся ситуации. Даже если в законодательстве не определены полномочия Военно-воздушных Сил по уничтожению воз-

¹ Hörnle T. Hijacked Airplanes: May They Be Shot Down? // *New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal*. 2007. Vol. 10. № 4. P. 582–612. URL: https://www.jstor.org/stable/10.1525/nclr.2007.10.4.582?seq=1#page_scan_tab_contents.

² См.: Posner Richard A. *Not a Suicide Pact: The Constitution in a Time of National Emergency* (Inalienable Rights). Oxford University Press, 2006. 171 p. URL: <http://bookre.org/reader?file=744758>.

³ См.: Segev R. Balancing, Judicial Review, and Disobedience: Comments on Richard Posner's Analysis of Anti-Terror Measures (Not a Suicide Pact) // *Israel Law Review*. 2009. Vol. 42. № 2. P. 234–247. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/israel-law-review/article/balancing-judicial-review-and-disobedience-comments-on-richard-posners-analysis-of-antiterror-measures-not-a-suicide-pact/C936D83048000228B0060CC1D4E515B8>.

⁴ См.: Leicht J. German Constitutional Court strikes down Aviation Security Act // *World Socialist Web Site*. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2006/02/germ-f28.html>.

⁵ См.: Jung: Entführtes Flugzeug notfalls ohne Gesetz abschießen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2007. Sept., 16. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/terrorabwehr-jung-entfuehrtes-flugzeug-notfalls-ohne-gesetz-abschiessen-1464394.html>.

⁶ См.: Ladiges M. Comment – Oliver Lepsius's Human Dignity and the Downing of Aircraft: The German Federal Constitutional Court Strikes Down a Prominent Anti-terrorism Provision in the New Air-transport Security Act // *German Law Journal*. 2007. Vol. 8. № 3. P. 307–310. URL: https://static1.squarespace.com/static/56330ad3e4b0733dcc0c8495/t/56b8636922482eb67e22a4b0/1454924650384/GLJ_Vol_08_No_03_Ladiges.pdf.

душной цели решение будет принято на основе оценки баланса интересов и принципов соразмерности и пропорциональности. Военный летчик выполнит тот приказ, который будет ему отдан политическим руководством. Именно поэтому законодательством многих стран умалчивает по поводу конкретных действий, их последовательности и процедуры оформления. В случае возникновения конфликта он будет перенесен в политическую плоскость, где ответственность будет наступать для лица, отдавшего приказ, а не для летчика, нажавшего на спусковой крючок. Российское законодательство в заявленной части пошло отчасти на провокационный шаг, упорядочив те вопросы, которые в большинстве случаев регулируются политическими обычаями и общими положениями о соразмерности вреда и пользы. С другой стороны, это определенный посыл террористическим организациями: их преступная цель не будет достигнута любой ценой. Представители правоохранительных органов многих стран мира признают, что подобные нормы могут сохранить многие жизни мирных граждан. В то же время приведенные нормы Федерального закона «О противодействии терроризму» актуализируют общую дискуссию о соотношении конституционных ценностей – права человека и безопасность общества и государства – применительно к критическим ситуациям, когда стандартные решения могут не срабатывать. Найти «легкое решение» в таких обстоятельствах весьма сложно, поэтому спецслужбы мира нацелены на предотвращение подобных терактов, а не принятие решений, на весах которых будут жизни конкретных людей.

Библиографический список

1. Dempsey P. S. Aviation Security: The Role of Law in the War Against Terrorism / P. S. Dempsey // *Columbia Journal of Transnational Law*. – 2003. – Vol. 41. – № 3. – P. 649. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1799387.
2. Hörnle T. Hijacked Airplanes: May They Be Shot Down? / T. Hörnle // *New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal*. – 2007. – Vol. 10. – № 4. – P. 582–612. – URL: https://www.jstor.org/stable/10.1525/nclr.2007.10.4.582?seq=1#page_scan_tab_contents.
3. Ladiges M. Comment – Oliver Lepsius's Human Dignity and the Downing of Aircraft: The German Federal Constitutional Court Strikes Down a Prominent Anti-terrorism Provision in the New Air-transport Security Act / M. Ladiges // *German Law Journal*. – 2007. – Vol. 8. – № 3. – P. 307–310. – URL: https://static1.squarespace.com/static/56330ad3e4b0733dcc0c8495/t/56b8636922482eb67e22a4b0/1454924650384/GLJ_Vol_08_No_03_Ladiges.pdf.
4. Leicht J. German Constitutional Court strikes down Aviation Security Act / J. Leicht // *World Socialist Web Site*. – URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2006/02/germ-f28.html>.
5. Posner Richard A. Not a Suicide Pact: The Constitution in a Time of National Emergency (Inalienable Rights) /

Richard A. Posner. – Oxford University Press, 2006. – 171 p. – URL: <http://bookre.org/reader?file=744758>.

6. Segev R. Balancing, Judicial Review, and Disobedience: Comments on Richard Posner's Analysis of Anti-Terror Measures (Not a Suicide Pact) / R. Segev // *Israel Law Review*. – 2009. – Vol. 42. – № 2. – P. 234–247. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/israel-law-review/article/balancing-judicial-review-and-disobedience-comments-on-richard-posners-analysis-of-antiterror-measures-not-a-suicide-pact/C936D83048000228B0060CC1D4E515B8>.

7. Романовская О. В. Ограничения права на жизнь при пресечении террористических актов в воздушной среде / О. В. Романовская // *Экономика, педагогика и право*. – 2017. – № 3.

Bibliograficheskiy spisok

1. Dempsey P. S. Aviation Security: The Role of Law in the War Against Terrorism / P. S. Dempsey // *Columbia Journal of Transnational Law*. – 2003. – Vol. 41. – № 3. – R. 649. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1799387.
2. Hörnle T. Hijacked Airplanes: May They Be Shot Down? / T. Hörnle // *New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal*. – 2007. – Vol. 10. – № 4. – R. 582–612. – URL: https://www.jstor.org/stable/10.1525/nclr.2007.10.4.582?seq=1#page_scan_tab_contents.
3. Ladiges M. Comment – Oliver Lepsius's Human Dignity and the Downing of Aircraft: The German Federal Constitutional Court Strikes Down a Prominent Anti-terrorism Provision in the New Air-transport Security Act / M. Ladiges // *German Law Journal*. – 2007. – Vol. 8. – № 3. – R. 307–310. – URL: https://static1.squarespace.com/static/56330ad3e4b0733dcc0c8495/t/56b8636922482eb67e22a4b0/1454924650384/GLJ_Vol_08_No_03_Ladiges.pdf.
4. Leicht J. German Constitutional Court strikes down Aviation Security Act / J. Leicht // *World Socialist Web Site*. – URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2006/02/germ-f28.html>.
5. Posner Richard A. Not a Suicide Pact: The Constitution in a Time of National Emergency (Inalienable Rights) / Richard A. Posner. – Oxford University Press, 2006. – 171 r. – URL: <http://bookre.org/reader?file=744758>.
6. Segev R. Balancing, Judicial Review, and Disobedience: Comments on Richard Posner's Analysis of Anti-Terror Measures (Not a Suicide Pact) / R. Segev // *Israel Law Review*. – 2009. – Vol. 42. – № 2. – R. 234–247. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/israel-law-review/article/balancing-judicial-review-and-disobedience-comments-on-richard-posners-analysis-of-antiterror-measures-not-a-suicide-pact/C936D83048000228B0060CC1D4E515B8>.
7. Romanovskaya O. V. Ogranicheniya prava na zhizn' pri presechenii terroristicheskikh aktov v vozdushnoy srede / O. V. Romanovskaya // *Ekonomika, pedagogika i pravo*. – 2017. – № 3.

Правовые основы противодействия джихад-туризму*

Романовский Георгий Борисович,
Пензенский государственный университет,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: up406@mail.ru

В статье анализируется опыт зарубежных стран (в первую очередь, Великобритании и Франции) по противодействию «туризму» в террористических целях, получившему специальный термин «джихад-туризм». Законодательство зарубежных стран предусматривает введение дополнительных ограничений на выезд за пределы государства, а также установление мер полицейского контроля. Предлагается использовать данный опыт и внести дополнительное основание ограничения права на свободу передвижения за пределы Российской Федерации для лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности.

Ключевые слова: туризм; террор; свобода передвижения; ограничения; противодействие терроризму.

Legal framework for countering jihad tourism

Romanovsky Georgy Borisovich,
Penza State University, Doctor of Law, Professor

The article analyzes the experience of foreign countries (primarily Britain and France) in countering «tourism» for terrorist purposes, which has received a special term as «jihad-tourism». Legislation of foreign countries provides for the introduction of additional restrictions on travel outside the state, as well as the establishment of police control measures. It is suggested that this experience be used and additional grounds for restricting the right to freedom of movement beyond the Russian Federation for persons suspected of involvement in terrorist activities.

Key words: tourism; terror; freedom of movement; restrictions countering terrorism.

Правовые основы индустрии определены Федеральным законом от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»¹. Наша страна выступает не только «поставщиком» туристов за рубеж, но и сама является привлекательной для современной туристической индустрии. Открытость мирового пространства, возможность быстро перемещаться с одной точки в другую, активное развитие цифровых и информационных технологий способствует не только позитивным процессам: росту экономического благосостояния, снижению социального противостояния, нивелированию стереотипов (расовых, национальных предрассудков). Как и, практически, любое достижение, приведенные факторы используются в деструктивных целях.

Терроризм является международной угрозой, а борьба с ним – забота каждого цивилизованного государства. Следует констатировать, что открытость границ, главная цель которой развитие и обеспечение международного гражданского обмена, где туризм занимает ключевое место, используется террористами в своих интересах.

Во-первых, туристические объекты являются благодатной мишенью для совершения терактов. Достигается несколько целей: 1) пострадавшими могут стать граждане различных государств (при этом урон можно нанести гражданам того государства, которое сложнее атаковать в силу его особой защищенности); 2) наносится урон туристической индустрии государства (а это для многих стран значимая статья доходов); 3) максимальное информационное распространение (затрагиваются интересы многих государств). Совершенные теракты всегда негативно оценивались Всемирной туристской организацией (ЮНВТО)². Как отмечает П. Н. Кобец: «Терроризм соответствует человеческой среде в туризме». Автор поясняет: «Риск и опасность происходят из самого сектора туризма, из

² См., например: Tourism opens our hearts and our minds: UNWTO Secretary-General at ITB Berlin. URL: <http://media.unwto.org/press-release/2017-03-08/tourism-opens-our-hearts-and-our-minds-unwto-secretary-general-itb-berlin>; World Committee on Tourism Ethics condemns hideous terrorist attacks in Paris / <http://ethics.unwto.org/news/2015-11-17/world-committee-tourism-ethics-condemns-hideous-terrorist-attacks-paris>.

¹ СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

учреждений, человеческого окружения, физической среды, самого путешественника (гостя страны), если он не заботится о своей собственной безопасности и защите или включается в незаконную деятельность»¹.

Во-вторых, туризм является прикрытием для свободного перемещения лиц, вовлекаемых в террористическую сеть. И здесь также можно наблюдать разноречивые опасности. Под личиной свободы передвижения в благополучные страны могут попадать лица, получившие боевой опыт в специальных лагерях подготовки и на полях военных действий (сейчас это – Афганистан, Сирия, Ирак, Ливия). Именно «джихад-туристами» назвал заместитель министра обороны РФ Александр Фомин террористов, которые перемещаются из Сирии в Европу и другие страны². Туризм является и прикрытием для вербовки сторонников террористических организаций для отправки в те страны, в которые вряд ли можно будет попасть без раскрытия истинной цели.

Долгое время страны Западной Европы и США снисходительно относились к такому явлению. Главное, чтобы такие «туристы» не участвовали в атаках на граждан этих стран. Более того, сам терроризм оценивался неоднозначно многими представителями европейской политики и культуры. Напомним, с представителями террористической организации RAF – Rote Armee Fraktion – встречался французский философ Жан-Поль Сартр. Адвокатом так называемого «первого поколения» RAF в ходе судебного разбирательства был Отто Шилли (в 1998 – 2005 гг. – министр внутренних дел Германии). С RAF связан был и другой термин – «немецкая осень», характеризующий желание перемен в политике Германии³.

Изменение международных отношений привело к тому, что именно представители «западного мира» стали объектами охоты для современных террористов. Отрезвление произошло после того, как были озвучены официальные цифры иностранных наемников, участвующих в сражениях на стороне Исламского государства (запрещенного в России). В декабре 2015 г. был опубликован доклад компании «The Soufan Group»⁴, согласно которому от 27 до 31 тыс. иностранцев из 86 стран мира присоединились к террористическим организациям, действующим на территории Сирии и Ирака. Особое место в докладе уделяется тому факту, что от 20 до 30 % иностранцев возвращаются к себе на родину, но уже имея опреде-

ленную специальную подготовку.

В России данная проблема не сразу вышла на первые полосы средств массовой информации. Определенным открытием стала история студентки философского факультета МГУ Варвары Карауловой, выехавшей в Турцию для участия в деятельности террористической организации «Джебхат ан-Нусра» (запрещена в России). Она свободно выехала в Турцию, и если бы не родительский «переполох», также свободно пересекла бы границу с Сирией и влилась в террористическую организацию. На уровне дипломатических усилий Караулова была возвращена в Москву, хотя она являлась совершеннолетней, дееспособной, дающей полный отчет своим действиям. Заявление родителей у нас не является основанием ограничения права на свободу передвижения совершеннолетнего гражданина. В последующем это, правда, не спасло ее от уголовного преследования, но уже после того, как она продолжила общение со своим вербовщиком. В декабре 2016 г. она была приговорена к лишению свободы – 4,5 годам в колонии общего режима (ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 Уголовного кодекса РФ).

Чуть позже проявилась история со Светланой Ухановой, жительницей Саратовской области, которая также поддавшись уговорам, решила выехать на территорию террористического халифата, прихватив с собой ребенка от первого брака. Она была задержана турецкими властями, поскольку выезд в Сирию осуществляла по поддельным документам⁵. Медийный «шум» поднял бывший супруг, требовавший возвращения дочери, записавший даже публичное обращение с просьбой о содействии к Главе Чеченской Республики Рамзану Кадырову. Усилия были не напрасны, 27 июля 2017 г. дочь была возвращена отцу.

После этих событий тема выезда российских граждан для участия в террористической деятельности за рубежом неоднократно поднималась как в средствах массовой информации, так и на различных уровнях публичной власти. Так, Президент России В. В. Путин в интервью Оливеру Стоуну признал наличие значительного числа наемников из России среди сторонников Исламского государства. Всего по оценке Президента – около четырех тысяч россиян. Примерно такая же цифра озвучена и в мае 2019 г. МВД России⁶. На протяжении уже нескольких лет наша страна принимает меры к эвакуации тех граждан, которые, будучи членами семей активных боевиков, непосредственно не принимали участия в преступной деятельности. Так, в ноябре 2017 г. спецборт из Сирии в Грозный доставил более 40 граждан стран СНГ, чьи родственники оказались среди боевиков⁷. Происходит также поиск боевиков, их репатриация в Россию

¹ Кобец П. Н. О проблеме безопасности и защиты в туризме в условиях середины второго десятилетия XXI столетия // Туризм: право и экономика. 2017. № 1. С. 9–11.

² См.: «Джихад-туристы» перемещаются из САР в Европу и Азию, заявили в Минобороны. URL: <https://ria.ru/world/20180404/1517888536.html>.

³ См.: Herf J. An Age of Murder Ideology and Terror in Germany, 1969–1991. URL: <http://faculty.history.umd.edu/JHerf/GHIterror4ms.pdf>.

⁴ Foreign Fighters. An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. URL: http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2015/12/TSG_ForeignFightersUpdate3.pdf.

⁵ См.: РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20170714/1498479225.html>.

⁶ См.: Степанов А. МВД подсчитало, сколько россиян находится в лагерях боевиков // Российская газета. 2019. № 111. 19 мая.

⁷ См.: Баранов А. Сирия – Грозный: долгая дорога домой. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2953841>.

для привлечения к уголовной ответственности. В 2018 г. глава МВД В. Колокольцев сообщил, что таких в течение года около 70 «репатриантов» было возвращено в Россию из разных стран¹.

Аналогичные проблемы поднимаются и в иных странах постсоветского пространства. Например, только в Казахстане за 4 года (2014–2017 гг.) спецслужбы предотвратили выезд 440 граждан на территорию, контролируемую Исламским государством. Более 500 граждан находятся там по настоящее время (только 390 детей), 96 из которых – активные участники боевых операций. На январь 2018 г. вернулось 125 человек, 57 из них были привлечены к уголовной ответственности за участие в деятельности террористической организации².

Подобные процессы происходят и в Западной Европе, что вызывает наибольшую обеспокоенность. Большинство выходцев из относительно благополучных семей, значительная часть – молодежь, которая обучалась в университетах, получала высшее образование. Например, в 2017 г. в Бельгии были подведены итоги числалца, внесенных в полицейскую базу в связи с подозрением в связях с террористами. Оказалось – около 19 тыс. человек, из которых 2200 человек потенциально готовы к совершению терактов³.

В целях предотвращения «джихад-туризма» в европейских странах в уголовное законодательство были включены специальные составы преступлений, предусматривающие ответственность за участие в террористической организации за рубежом. Долгое время классикой уголовного законодательства считалось его распространение по определенным канонам – во времени, в пространстве и по кругу лиц. Так, лицо, не являющееся гражданином России, совершившее преступление на территории другого государства, если оно не было направлено против интересов Российской Федерации и граждан России, не может быть привлечено к ответственности по законодательству нашей страны. Другая страна могла настаивать на выдаче преступника. Возможно заключение специальных (или универсальных) международных договоров, в которых могли бы быть оговорены специальные правила привлечения к ответственности. Осознание всеобщей опасности международного терроризма привело к тому, что значительное число стран внесло коррективы в данный принцип, введя уголовную ответственность за участие в террористической организации вне привязки к гражданству и месту совершения преступления. Показательно в данном аспекте

законодательство США, которое вообще не разграничивает национальные юрисдикции, допускает привлечение к ответственности любое лицо, прямо или косвенно покусившееся на интересы государства или его граждан⁴. Не указываем на то, что помещение заключенных в специальную тюрьму в Гуантанамо вообще не регулируется федеральными официальными правилами, а только секретными инструкциями.

А. Г. Волеводз справедливо подчеркивает, что российское законодательство не использует термин «иностранный боевик – террорист», не предусматривает в отношении данного субъекта специальный состав преступления. Подобные обстоятельства усложняют процесс доказывания по существующим составам и их вменения пойманым иностранцам. А. Г. Волеводз отмечает: «В этих условиях можно представить себе, сколь сложно собирать доказательства и осуществлять доказывание деяний, таких как прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), участие в деятельности террористической организации (ст. 205.5 УК РФ), совершенных за рубежом и практически исключающих полноценное международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. Именно этим объясняется невысокая результативность расследования таких дел, а предупредительный потенциал существующего уголовно-правового запрета вряд ли может быть признан оптимальным»⁵. Подобное мнение находит в российской юридической науке общую поддержку⁶.

Европейское законодательство идет также по пути установления превентивных запретов. Наиболее жесткое: французские законы, принятые после серии терактов в 2015 г. (от 22 марта 2016 г. № 2016-339 «О противодействии и борьбе с невоспитанностью, против преступлений в сфере общественной безопасности и общественного транспорта»⁷; от 3 июня 2016 г. № 2016-731 «Об усилении борьбы с организованной преступностью, терроризмом и их финансированием, а также о повышении эффективности и гарантий уголовного судопроизводства»⁸); законодательство Ве-

¹ См.: Россия возвращает воевавших в Сирии боевиков на родину // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191030/1560411922.html>.

² См.: Комитет национальной безопасности обновил данные о «боевиках-возвращенцах», прибывших на родину из «горячих» точек. URL: <https://ru.sputniknews.kz/society/20180126/4392217/knb-obnovil-dannye-overnuvshih-sya-v-kazahstan-boevikah.html>.

³ См.: Бельгия замедленного действия. URL: <http://russalon.su/2017/09/16/belgiya-zamedlennogo-dejstviya>.

⁴ См.: Романовская О. В. Акт о свободе: ограничения прав человека в США в целях противодействия терроризму // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 3.

⁵ Волеводз А. Г. Уголовно-правовое противодействие деятельности иностранных боевиков-террористов // Уголовное право. 2016. № 6. С. 18–26.

⁶ См.: Харитонов С. С. О некоторых вопросах квалификации и назначения наказаний за преступления террористической направленности // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 9. С. 59–66; Авдеев В. А., Авдеева О. А. Преступность террористического характера и экстремистской направленности в РФ: состояние и тенденции правового регулирования // Российский судья. 2018. № 8. С. 18–23 и др.

⁷ Legifrance – Le service public de l'accès au droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032282279&categorieLien=id>.

⁸ Legifrance – Le service public de l'accès au droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032627231&categorieLien=id>.

ликобритании (Terrorism Prevention and Investigation Measures Act 2011¹; Counter-Terrorism and Security Act 2015²). Кстати, британский Акт 2015 г. прямо обозначен как документ, нацеленный на предотвращение выезда собственных граждан в Сирию и Ирак.

Приведенные нормативные акты имеют схожие положения в части установления дополнительных ограничений на выезд-въезд в государство. Отличием выступает лишь форма установления ограничений. Если в Великобритании обязательно решение суда, то во Франции контроль устанавливается решением министра внутренних дел, а уже оно может быть обжаловано в судебном порядке.

Какие угрозы учитывают указанные нормативные акты:

1. Выезд собственных граждан на территории, контролируемые террористическими организациями (как для непосредственного участия в боевых действиях, так и для прохождения обучения, инструктажа, выполнения поручений, дополнительной идеологической обработки).

2. Возвращение собственных граждан после пребывания на территории, контролируемой террористическими организациями. Даже если отсутствуют достоверные данные об участии в какой-то конкретной противоправной деятельности, сам факт пребывания вызывает определенные подозрения.

3. Въезд иностранных граждан (как проживавших на территориях, контролируемых террористическими организациями, так и временно пребывавших там для получения специального инструктажа) как по туристическим визам, так и с использованием статуса беженца.

Подчеркнем, что в каждом случае основанием введения ограничительных мер выступают именно подозрения, поскольку конкретные данные об участии в преступной деятельности приводят к возбуждению уголовного дела и привлечению к уголовной ответственности.

Разберем каждый указанный пункт.

1) Выезд гражданина на территорию, контролируемую террористической организацией, не является каким-то одномоментным шагом. Ему предшествует определенная идеологическая обработка. С учетом демократических свобод, создающих основу, к сожалению, и для деструктивных инициатив, деятельность многих религиозных центров (а именно сейчас они находятся в поле надзора со стороны спецслужб с учетом религиозного фактора в развитии террористических идей) весьма далека от пропаганды духовной пищи. Это признается и полицейскими службами, и политиками, и юридической общественностью. Контакты с такими центрами в любом случае отслежи-

ваются. По ним можно судить о предрасположенности того или иного человека к влиянию извне. Кроме того, данные граждане «обкатываются» на определенных мероприятиях (пикетах в поддержку задержанных, распространении литературы, массовых шествиях, агитационных собраниях и др.). Как только полицейские службы получают сведения о возможном (подчеркнем – возможном) выезде гражданина на территорию, где ведутся боевые действия, в отношении него вводятся ограничения: запрет на выезд из страны, аннулирование загранпаспорта, принудительная смена места жительства (места работы или учебы), введение контроля финансовых операций, контроль телефонного и электронного общения.

2) В случае возвращения с территорий, где активно ведется деятельность террористических организаций, допускается задержание лица при пересечении границы. Допускается фотографирование, дактилоскопирование, взятие генетических образцов. В этом случае также гражданин ставится под полицейский контроль: определяется его место жительства с обязательным уведомлением органов внутренних дел; определяется обязательность устройства на работу; запрет на посещение определенных мест и общественных мероприятий; аннулирование документов для выезда за пределы государства; разрешительный порядок выезда за пределы муниципального образования места жительства. Предусматривается также принудительное возвращение на родину, включая контролируемое перемещение под надзором полицейских сил.

3) Въезд иностранных граждан, подозреваемых в участии в террористической организации, как правило, завершается при пересечении государственной границы. После обязательного фотографирования и дактилоскопирования Франция и Великобритания запрещает въезд таким лицам. Полученные въездные документы аннулируются. Допускается лишение полученного гражданства. В Великобритании вводится такая превентивная мера как временное изъятие паспорта (на срок до 14 дней). В это время лицо не задерживается и может находиться на территории Соединенного Королевства в течение всего срока хранения документов. 14-дневный срок дан для проведения необходимых проверочных мероприятий³.

Во Франции присутствует поощрительная мера. В случае согласия на участие в специальной программе восстановления гражданских ценностей возможно снятие мер полицейского контроля.

Порядок выезда (въезда) из Российской Федерации определяется Федеральным законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»⁴. Право на выезд из России, являясь эле-

¹ См.: Terrorism Prevention and Investigation Measures Act 2011. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/23/pdfs/ukpga_20110023_en.pdf.

² См.: Counter-Terrorism and Security Act 2015. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/6/pdfs/ukpga_20150006_en.pdf.

³ См.: Counter-Terrorism and Security Bill. Privacy Impact Assessment. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/378941/Privacy_Impact_Assessment_MASTER_COPY.pdf.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

ментом конституционного права на свободу передвижения, может быть подвергнуто допустимым ограничениям, предусмотренным ст. 15 упомянутого закона. Оснований ограничений не много – всего восемь. Ни одно из них не связано с подозрением в участии в террористической деятельности.

Статья 2 Закона устанавливает базовый принцип: «Гражданин Российской Федерации не может быть ограничен в праве на выезд из Российской Федерации иначе как по основаниям и в порядке, предусмотренным настоящим Федеральным законом». Это означает, что дополнительные ограничения могут быть введены только путем изменения Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Борьбе с терроризмом посвящен Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹. Одним из принципов противодействия терроризму выступает приоритет мер предупреждения терроризма. Однако данный закон практически не содержит профилактических мер, ограничиваясь лишь провозглашением указанного принципа. Закон, в большей мере, определяет меры реагирования государства и общества на уже состоявшийся террористический акт.

Однако следует поддержать взвешенные призывы об усилении полномочий правоохранительных органов по введению конкретных превентивных мер в отношении лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности, нацеленных на джихад-туризм. В указанном аспекте необходимо использовать зарубежный опыт и внести дополнительное основание в ст. 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» – право гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации может быть временно ограничено в случаях, если он: подозревается в осуществлении террористической деятельности в порядке и на основаниях, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии терроризму».

Соответственно, Федеральный закон «О противодействии терроризму» необходимо дополнить соответствующими полномочиями органов Федеральной службы безопасности России.

Приведенные предложения по изменению российского законодательства носят дискуссионный характер и могут быть обсуждены юристами, политиками и иными общественными деятелями в юридической печати.

Библиографический список

1. Авдеев В. А. Преступность террористического характера и экстремистской направленности в РФ: состояние и тенденции правового регулирования / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева // Российский судья. – 2018. – № 8. – С. 18–23.

2. Волеводз А. Г. Уголовно-правовое противодействие деятельности иностранных боевиков-террористов / А. Г. Волеводз // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 18–26.

3. Кобец П. Н. О проблеме безопасности и защиты в туризме в условиях середины второго десятилетия XXI столетия / П. Н. Кобец // Туризм: право и экономика. – 2017. – № 1. – С. 9–11.

4. Романовская О. В. Акт о свободе: ограничения прав человека в США в целях противодействия терроризму / О. В. Романовская // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 65–71.

5. Харитонов С. С. О некоторых вопросах квалификации и назначения наказаний за преступления террористической направленности / С. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах. – 2019. – № 9. – С. 59–66.

Bibliografickij spisok

1. Avdeev V. A. Prestupnost' terroristicheskogo haraktera i ekstremistskoj napravlenosti v RF: sostoyanie i tendencii pravovogo regulirovaniya / V. A. Avdeev, O. A. Avdeeva // Rossijskij sud'ya. – 2018. – № 8. – С. 18–23.

2. Volevodz A. G. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie deyatel'nosti inostrannyh boevikov-terroristov / A. G. Volevodz // Ugolovnoe pravo. – 2016. – № 6. – С. 18–26.

3. Kobec P. N. O probleme bezopasnosti i zashchity v turizme v usloviyah serediny vtorogo desyatiletia XXI stoletiya / P. N. Kobec // Turizm: pravo i ekonomika. – 2017. – № 1. – С. 9–11.

4. Romanovskaya O. V. Akt o svobode: ogranicheniya prav cheloveka v SSHA v celyah protivodejstviya terrorizmu / O. V. Romanovskaya // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. – 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 65–71.

5. Haritonov S. S. O nekotoryh voprosah kvalifikacii i naznacheniya nakazaniya za prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti / S. S. Haritonov // Pravo v Vooruzhennyh Silah. – 2019. – № 9. – С. 59–66.

¹ СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИХ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

УДК 342, 343

Права человека и полицейский надзор за лицами, освобожденными условно-досрочно

Гончаров Денис Юрьевич,
Уральский государственный экономический
университет, Уральский юридический институт
МВД России, доктор юридических наук, доцент
e-mail: goncharov_d@mail.ru

Рублев Андрей Геннадьевич,
Крымский филиал Российского
государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
e-mail: andrewrublev@bk.ru

Рассмотрены некоторые особенности обеспечения конституционных прав граждан в сфере административного надзора за лицами, освобожденными из учреждений исполнения наказаний условно-досрочно. В статье делается вывод о целесообразности передачи части полномочий полиции в отношении освобожденных условно-досрочно, за которыми установлен административный надзор, из органов внутренних дел в уголовно-исполнительную инспекцию Министерства юстиции Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционные права; административный надзор; полиция; органы внутренних дел; уголовно-исполнительная инспекция; условно-досрочное освобождение.

Human rights and police supervision of persons released on parole

Goncharov Denis Yurievich,
Ural State University of Economics,
Ural Law Institute of the Ministry of the
Interior of Russia, Doctor of Law, Associate professor

Rublev Andrey Gennadievich,
Crimean branch of the Russian State University
of Justice, Candidate of Law

Some features of ensuring the constitutional rights of citizens in the sphere of administrative supervision of persons released from prison institutions on parole are considered. The article concludes that it is expedient to transfer some of the police powers in relation to parolees who are subject to administrative supervision from the internal Affairs bodies to the criminal Executive Inspectorate of the Ministry of justice of the Russian Federation..

Key words: constitutional rights; administrative supervision; police; internal Affairs bodies; criminal Executive inspection; parole.

Конституция как писанный документ и как правовой механизм в целом выполняет в социуме целый ряд функций. Главная из них – сделать упорядоченными и предсказуемыми фундаментальные публично-властные отношения между человеком, обществом и государством¹.

Сегодня в России происходит реформирование всех институтов власти с учетом имплементации общепризнанных стандартов прав человека и гражданина. Для того чтобы соответствующее реформирование было успешным, ставится первоочередная задача реализации изменений, направленных на совершенствование нормативно-правовых основ функционирования механизма государства. Следующим шагом должна стать оптимизация организационного обеспечения функционирования государственных органов: ведь одним из препятствий в развитии правового государства в России является нередко откровенно низкий уровень деятельности аппарата, выполняющего функции государства.

Между тем понимание природного характера прав и свобод человека освобождает лицо от чрезмерной зависимости от государства, дает возможность защитить собственные права от любых посягательств. Такие права человека, как право на жизнь, честь и достоинство, неприкосновенность личности, свобода совести, мнений, убеждений, право на частную жизнь, служат необходимыми условиями существования человека в гражданском обществе. Органы внутренних дел призваны служить обществу путем обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина, противодействия правонарушениям и преступлениям.

При этом подготовка сотрудников полиции должна быть направлена на приобретение ими практических знаний, умений и навыков в сочетании с воспитанием их в духе уважения к естественным правам человека, осознания своей роли в их защите, а также в предотвращении нарушений конституционных прав граждан, поскольку надлежащий уровень соблюдения прав человека в полицейской деятельности пока окончательно не достигнут.

Кроме того, конституционные права осужденных согласуются с уточнением единственно возможных законных ограничений, необходимых для защиты общественных интересов, прав и свобод других лиц, поддержания общественного порядка и безопасности. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 30 октября 2003 г. № 15-П отметил, что публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том

числе прав и законных интересов других лиц². Эта позиция отражена и в Европейской конвенции о правах человека: определенные свободы могут подвергаться ограничениям, если последние представляют собой меры, необходимые в демократическом обществе для национальной безопасности, общественной безопасности, порядка и предупреждения преступлений, защиты репутации или прав других лиц³.

Правовое положение поднадзорных лиц в действующем законодательстве формулируется исходя из конституционного положения человека и гражданина в обществе и государстве. В этом контексте деятельность правоохранительных органов четко определена, при этом в правовом государстве «защита прав других» не может быть ложным оправданием введенных ограничений.

К примеру, правоспособность поднадзорного не отличается от правоспособности любого другого лица, находящегося на свободе. Вместе с тем для ранее судимых лиц присутствуют некоторые установленные законом ограничения в возможности фактического осуществления принадлежащих осужденным прав (например, права выбора места жительства)⁴.

Деятельность органов государственной власти должна быть направлена, прежде всего, на обеспечение реализации конституционных норм, создание эффективной системы наказания за их нарушения и в том числе на успешную реинтеграцию осужденных лиц в общество, а также защиту прав потерпевших по возмещению ущерба от преступлений. Правовые способы реализации конституционных гарантий прав и свобод российских граждан в сфере полицейского надзора за лицами, освобожденными из мест принудительного содержания, состоят в использовании административно-правового и судебного-правового способа, кроме того, как эффективное средство выделим прокурорский надзор.

К примеру, конституционно-правовые гарантии обеспечения трудовых прав могут быть реализованы через обеспечение права на труд и его защиту. Однако, несмотря на декларированные конституционно-правовые гарантии, на сегодняшний день есть вопросы, связанные с соблюдением этих прав и свобод лиц,

² См.: Постановление КС РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с запросом группы депутатов ГД и жалобами гр. С.А.Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова». URL: <http://study.garant.ru/#/document/12132995/paragraph/148/highlight>.

³ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 3 декабря 2019 г.).

⁴ См.: Рыбаков В. В. Имущественные права лиц, осужденных к лишению свободы [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Российская государственная библиотека; Всероссийская государственная налоговая академия Министерства финансов. М., 2006. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003277196> (дата обращения: 19 ноября 2019 г.).

¹ См.: Ескина Л. Б. Конституция России: стабильность и развитие // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 5 (65). С. 2.

освобожденных из мест изоляции от общества¹.

Среди наиболее нарушаемых конституционных прав лиц, освобожденных из мест лишения свободы, выделяются права, которые отражают ухудшение социально-экономического положения: право на жилище, право на социальное обеспечение, право на образование, право на труд, но преобладает все-таки право на справедливый суд, а также право на неприкосновенность частной и семейной жизни.

Кроме того, к лицам, находящимся под административным надзором, применяются подчас некоторые необоснованные ограничения свободы передвижения, запрещения посещения мест проведения массовых мероприятий, которые создают условия, провоцирующие сотрудников полиции на возможные нарушения законности при их контроле за их исполнением², несмотря на то, что каждому, кто законно находится на территории страны, гарантируется свобода передвижения, свободный выбор места жительства. Эти ограничения вызваны стабильным ростом повторных криминальных проявлений, который вынудил законодателя возродить³ после забвения институт административного надзора⁴. При этом актуальность рассматриваемых вопросов растет, о чем свидетельствует современное правотворчество⁵, меняется и значение ресоциализации лиц, освобожденных из мест изоляции от общества. Изложенные проблемы требуют актуальных подходов к их решению в законодательной и практической деятельности.

В этой дискуссии присутствует ряд сложных кон-

цепций, к примеру, административные ограничения – это не наказания, а потому должны применяться только ограничения, соразмерные тем конституционно защищаемым целям, ради которых административный надзор вводится (см. определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 2876-О, от 19 июля 2016 г. № 1676-О и постановление Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»).

В сфере административного надзора законодатель использует отечественный опыт, возможно, упуская из виду, что компетенция уголовно-исполнительной инспекции Минюста в Российской Империи и в советское время входила в ведение подразделений МВД (инспекция исправительных работ и трудоустройства). При этом в настоящем статусе службы полиции не имеют широких возможностей современных подразделений указанной инспекции Минюста России. Между тем административный надзор за условно-досрочно освобожденными лицами сегодня осуществляют только органы внутренних дел.

Нередко в процессе анализа реализации административного надзора мы констатируем проблемы, связанные с его низким качеством и слабой эффективной деятельностью органов внутренних дел по объективным причинам. Так, Уголовно-исполнительным кодексом РФ и подзаконными нормативными актами вопросы контроля за условно-досрочно освобожденными не урегулированы, четко регламентирован лишь контроль за условно осужденными.

В Положении об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативе их штатной численности, утвержденном постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729, контроль за поведением условно-досрочно освобожденных не включен в перечень задач инспекций. В соответствии с п. 26 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. «О полиции» осуществлять контроль (надзор) за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них судом запретов и ограничений, обязана полиция.

При этом иногда освобожденные условно-досрочно из мест лишения свободы лица «теряются» от административного надзора. Рассмотрим следующую реальную пример, чтобы понять, что подразумевается под постановкой самой исследуемой проблемы. «После нахождения в колонии в установленном адресе прибытия осужденный П. (как лицо, «подпадающее» под административный надзор) не появился, имея неотбытый срок наказания 4 года (это была его пятая судимость). В отделе полиции об условно-досрочном освобождении осужденного П. стало известно из письма Уполномоченного по правам человека по области. Ранее по названному адресу он не проживал, запросы о возможности проживания осужденного по указанному адресу из исправитель-

¹ См., например: Решение Альметьевского городского суда (Республика Татарстан) от 7 июня 2017 г. по делу № 2А-1885/2017 (Антипенко В. В., Ванюшин Я. Л., Галкин В. А. Комментарий к Федеральному закону от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [Электронный ресурс] / под ред. Н. А. Агешкиной. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС «Гарант», 2018) (дата обращения: 30 сентября 2019 г.).

² См.: Холманский В. И., Стульнова Т. В. Проблемы правового и организационного характера, возникающие в работе участковых уполномоченных полиции по исполнению федерального законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 52–53.

³ Впервые институт административного надзора закреплён в советское время Указом Президиума ВС СССР от 26 июля 1966 г.: «Положение об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

⁴ См.: Сергеев Д. Н. Правовая природа постпенитенциарного административного надзора // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-postpenitentsiarnogo-administrativnogo-nadzora> (дата обращения: 9 октября 2019 г.).

⁵ См.: Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13 декабря 2019 г.).

ного учреждения не поступали, также сотрудники полиции не были проинформированы о предстоящем освобождении данного осужденного. Проведенная участковым уполномоченным полиции проверка показала, что людям, проживающим в указанной квартире, П. не знаком. В настоящее время личный состав отдела ориентирован на установление местонахождения П.»¹.

Кроме того, нельзя не отметить и другие существующие проблемы: при назначении административного надзора в отношении осужденного, отбывшего основное наказание в виде лишения свободы и отбывающего дополнительное в виде ограничения свободы, надзор начинается с момента окончания отбывания ограничения свободы. Есть ли смысл назначать административный надзор в этом случае? Дублирование контроля будет явно лишним и несоразмерным, будет восприниматься как третье наказание (после отбывших наказаний последовательно – основного наказания в виде лишения свободы на определенный срок и дополнительного в виде ограничения свободы)².

При этом еще в 2009 г. в научной литературе предлагалось на уголовно-исполнительные инспекции Минюста России в качестве основных возложить организационные, координационные, контрольные и ресоциализационные функции, возбуждение, проведение и прекращение надзорной деятельности, ведение надзорного производства, а к компетенции полицейских структур – непосредственное проведение гласных и негласных надзорных мероприятий, главным образом по месту жительства поднадзорных лиц³.

На основании изложенного полагаем целесообразным дополнить ч. 1 ст. 54 УИК РФ, а именно: уголовно-исполнительной инспекции следует поручить наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных законом. И, соответственно, предлагаем изложить п. 1 ст. 1 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» в следующей редакции: «1) административный надзор – осуществляемое органами внутренних дел и уголовно-испол-

нительной инспекцией наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с настоящим Федеральным законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом».

Конкретные нормы, регулирующие порядок административного надзора, особенности изменения компетенции в сфере постпенитенциарного контроля следует предусмотреть в ведомственных приказах ФСИН России и МВД России по передаче определенной части полномочий сотрудников полиции по постановке на учет, контролю и сбору материалов в отношении лиц, за которыми установлен административный надзор, из органов внутренних дел в уголовно-исполнительную инспекцию.

Таким образом, превентивное действие административного надзора в отношении условно-досрочно освобожденных должно строиться посредством индивидуальной профилактики поднадзорных в целях защиты государственных и общественных интересов с участием подразделений МВД России и ФСИН России. В свою очередь, одним из приоритетных результатов совершенствования административного надзора необходимо считать обеспечение конституционных прав потерпевших от преступлений, поскольку уклонение от исполнения наложенных судом обязательств ведет к отсутствию возможности добиться взыскания даже относительно небольших сумм.

Действительно, неотъемлемой стадией осуществления права на судебную защиту является право на то, чтобы вступившее в законную силу решение суда было правильно и своевременно исполнено. Судя по обращениям граждан, есть еще определенные проблемы и с правовой осведомленностью граждан, и с доступом к правосудию, и с реализацией права на справедливый суд, но они не идут ни в какое сравнение с теми проблемами, с которыми сталкиваются граждане на этапе реализации права на исполнение судебного решения, без которого теряет всякий смысл предыдущая цепочка⁴.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что предложенные меры приведут к единообразному подходу подразделений МВД России и Минюста России к своим полномочиям, качественному обмену между ними информацией, а также в результате будет выработан действенный механизм контроля за исполнением судебных актов, возлагающих на осужденных установленные ограничения и запреты.

Между тем отметим особое значение гарантий доступа всех освобожденных лиц к социальным правам, а также к схемам интеграции в общество. Особенно

¹ Постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 26 февраля 2019 г. № 1681-ПЗС «О докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Свердловской области в 2018 году» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 9 августа 2019 г.).

² См.: Сергеев Д. Н. Правовая природа постпенитенциарного административного надзора // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-postpenitentsiarnogo-administrativnogo-nadzora> (дата обращения: 9 октября 2019 г.).

³ См.: Редько Н. Л. Персонифицированный полицейский надзор: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 6–7.

⁴ См.: Постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 26 февраля 2019 г. № 1681-ПЗС «О докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Свердловской области в 2018 году» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 9 августа 2019 г.).

важно обеспечить осужденного жильем в первые дни освобождения. Потенциалом в механизме реализации конституционных прав в исследуемых правоотношениях являлось бы создание в стране службы с компетенцией по профессиональной интеграции поднадзорных лиц. Направлением деятельности такой службы могло бы стать развитие общественных работ, профессиональной подготовки для тех, кто находится под надзором, с целью обеспечения лучшей реинтеграции осужденных в общество.

Библиографический список

1. Ескина Л. Б. Конституция России: стабильность и развитие / Л. Б. Ескина // Журнал конституционного правосудия. – 2018. – № 5 (65).
2. Редько Н. Л. Персонифицированный полицейский надзор: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Л. Редько. – Челябинск, 2009.
3. Рыбаков В. В. Имущественные права лиц, осужденных к лишению свободы [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Рыбаков // Российская государственная библиотека; Всероссийская государственная налоговая академия Министерства финансов. – Москва, 2006. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003277196> (дата обращения: 19 ноября 2019 г.).
4. Сергеев Д. Н. Правовая природа постпенитенциарного административного надзора / Д. Н. Сергеев // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-postpenitentsiarnogo-administrativnogo-nadzora> (дата обращения: 9 октября 2019 г.).
5. Холманский В. И. Проблемы правового и организационного характера, возникающие в работе участковых уполномоченных полиции по исполнению федерального законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы / В. И. Холманский, Т. В. Стульнова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 3 (71). – С. 52–53.

Bibliograficheskij spisok

1. Eskina L. B. Konstituciya Rossii: stabil'nost' i razvitiye / L. B. Eskina // Zhurnal konstitucionnogo pravosu-diya. – 2018. – № 5 (65). – S. 2.
2. Red'ko N. L. Personificirovannyj policejskij nadzor: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / N. L. Red'ko. – Chelyabinsk, 2009. – 23 s.
3. Rybakov V. V. Imushchestvennye prava lic, osuzhdennyh k lisheniyu svobody [Elektronnyj resurs]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / V. V. Rybakov // Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka; Vserossiyskaya gosudarstvennaya nalogovaya akademiya Ministerstva finansov. – Moskva, 2006. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003277196> (data obrashcheniya: 19 noyabrya 2019 g.).
4. Sergeev D. N. Pravovaya priroda postpenitentsiarnogo administrativnogo nadzora / D. N. Sergeev // Aktual'nye problemy rossijskogo pra-

va. – 2014. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-postpenitentsiarnogo-administrativnogo-nadzora> (data obrashcheniya: 9 oktyabrya 2019 g.).

5. Holmanskij V. I. Problemy pravovogo i organizacionnogo haraktera, vznikayushchie v rabote uchastkovykh upolnomochennykh policii po ispolneniyu federal'nogo zakonodatel'stva ob administrativnom nadzore za licami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody / V. I. Holmanskij, T. V. Stul'nova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – № 3 (71). – S. 52–53.

Отдельные вопросы соблюдения права граждан на неприкосновенность жилища при исполнении сотрудниками полиции своих обязанностей

Савраскин Сергей Николаевич,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: savraskinsn@yandex.ru

Статья раскрывает специфику и возможные проблемы при соблюдении полицией права граждан на неприкосновенность жилища, определяет права и обязанности полиции при проникновении в жилище, а также последствия для сотрудников полиции при нарушении ими права граждан на неприкосновенность жилища.

Ключевые слова: законодательство; жилище; полиция; права; обязанности; неприкосновенность; пределы.

Separate issues of observance of the right of citizens to inviolability of the dwelling at execution by police officers of the duties

Savraskin Sergey Nikolaevich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article reveals the specifics and possible problems in the observance by the police of the right of citizens to inviolability of the home, defines the rights and duties of the police in entering the home, as well as the consequences for police officers in violation of the right of citizens to inviolability of the home.

Key words: legislation; housing; police; rights; duties; inviolability; limits.

«Мой дом – моя крепость», как принято говорить, и это многое объясняет в плане значимости для общества проблемы возможного вторжения в нашу собственность. Законодательством (и международным, и отечественным) предусмотрено право граждан на неприкосновенность жилища. Но понятно, что ни одно право не является абсолютным: если в соседней квартире кого-то убивают, полиция просто обязана вмешаться (в том числе ворваться, сломав замок), именно для этого в конечном итоге она существует. Как же соблюсти баланс между правом граждан на неприкосновенность их жилья и обязанностями силовых структур, чей профессиональный долг зачастую требует ограничений наших прав и свобод? Вопрос на самом деле дискуссионный, и в данной работе мы попробуем с ним разобраться.

Вопросы толкования терминов «жилище» и «неприкосновенность жилища» обсуждались не только в сфере уголовно-процессуального и оперативно-разыскного, но также и гражданского, конституционного, международного права, им была дана оценка высшими судами Российской Федерации. Теоретическую базу исследования составили труды российских

ученых и практиков. Особо можно отметить работы таких авторов, как Т. Ю. Вилкова, С. Д. Долгинов, В. П. Карлов, Л. О. Красавчикова, А. С. Лизунов, А. А. Юнусов, С. Н. Мамедов, В. А. Новиков, Л. А. Нудненко, И. А. Одношенин и многих других. Эмпирической основой исследования стали примеры судебной и оперативно-разыскной практики (в том числе международной практики), в которых ставились вопросы неприкосновенности жилища.

Право граждан на неприкосновенность жилища зафиксировано во всех основополагающих документах и российского, и международного характера. Так, например, аналогичное положение имеется в ст. 12 Декларации прав человека¹. Соблюдение данного права – одна из гарантий «автономии гражданского общества в условиях правового государства»².

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. № 67. 5 апреля.

² Нудненко Л. А. Функции конституционных прав и свобод личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства // Государство и право. 2012. № 2. С. 33–41.

Конституция РФ¹ провозглашает нашу страну демократической, устанавливает, что мы правовое государство. В связи с этим естественным продолжением является и ее ст. 25, провозглашающая право человека на неприкосновенность жилища. Это является также логическим следствием уважения частной жизни каждого.

Отметим, что Конституция РФ содержит две статьи, касающиеся вопросов жилища. Статья 25, как уже говорилось, устанавливает неприкосновенность жилища, а ст. 40 – само право иметь жилище и запрет на произвольное лишение кого-то жилья.

Для определения содержания права на неприкосновенность жилища важное значение имеет определение жилища. В соответствии с ч. 2 ст. 15 Жилищного кодекса РФ² (далее – ЖК РФ) «жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства)». В перечень жилых помещений данный кодекс включает: жилой дом, часть жилого дома; квартиру, часть квартиры; комнату. Жилым домом признается индивидуально-определенное здание, состоящее из комнат, а также помещений вспомогательного характера, которые предназначены для удовлетворения людьми своих бытовых и прочих потребностей, связанных с проживанием здесь граждан. Квартира – это, в свою очередь, структурно обособленное помещение в многоквартирном доме, которое обеспечивает возможность прямого доступа к помещениям общего пользования в этом доме и состоит из одной либо нескольких комнат, а также помещений вспомогательного характера, которые предназначены для удовлетворения людьми бытовых и прочих потребностей, связанных с проживанием. Комната – это часть жилого дома либо квартиры, которая предназначена для использования в качестве места непосредственного проживания людей в жилом доме либо квартире (ст. 16 ЖК РФ).

Вместе с тем характеристика жилого помещения по Жилищному кодексу РФ не вполне совпадает с понятием из Уголовного кодекса РФ³ (далее – УК РФ). Согласно УК РФ жилище – это индивидуальный жилой дом вместе с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, а также жилое помещение вне зави-

симости от формы собственности, которое входит в жилищный фонд и пригодно для постоянного либо временного проживания, а также иное помещение либо строение, которое не входит в жилищный фонд, но предназначено для временного проживания (ст. 139 УК РФ).

Анализ приведенных выше положений действующих кодексов, касающихся понятия жилища, позволяет резюмировать, что разница положений ст. 139 УК РФ и ст. 16 ЖК РФ о понятии жилища в том, что Уголовный кодекс РФ понимает под жилищем:

а) также нежилые помещения, а не только жилые (скажем, надворные постройки, которые находятся на территории земельного участка, где стоит жилой дом);

б) помещение либо строение, которое предназначено для временного проживания и не входит в жилищный фонд (гостиницы, хостелы, пансионаты, санатории, дома отдыха и т. п.).

Итак, можно констатировать, что в уголовном законодательстве понятие жилища шире, чем в жилищном.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации⁴ (далее – УПК РФ) понятие жилища аналогично норме, сформулированной в УК РФ, т. е. под понятием «жилище» УПК РФ подразумевает индивидуальный жилой дом вместе с входящими в него жилыми, а также нежилыми помещениями, а равно жилое помещение вне зависимости от формы собственности, которое входит в жилищный фонд и используется для постоянного либо временного проживания, а также прочие помещения либо строения, которые не входят в жилищный фонд, но используются гражданами в целях временного проживания (п. 10 ст. 5 УПК РФ).

Как верно отмечает И. А. Одношвин, различные отрасли права обладают своей спецификой, в связи с чем невозможно сформулировать некое единое, универсальное понятие жилища. Определения, которые мы находим в разных кодексах, являются, таким образом, отражением задач, которые данной отраслью решаются⁵.

В ст. 25 Конституции РФ имеется формула, в соответствии с которой для проникновения в жилище необходимо получить согласие его владельцев – тех, кто проживает в данном помещении. В. М. Харзинова под проживающими в данном помещении лицами предлагает понимать тех, кто постоянно либо временно проживает здесь:

- собственники;
- наниматели помещения по договору социального найма либо аренды;

¹ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2014. № 9. Ст. 851.

² См.: Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 22 января 2019 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

³ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 апреля 2019 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1 апреля 2019 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁵ См.: Одношвин И. А. Понятие «жилище» и его значение для уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1234.

- проживающие вместе с указанными лицами совершеннолетние члены их семей (супруги, дети, родители и т. д.);
- другие родственники, которые не относятся к членам их семей;
- нетрудоспособные иждивенцы;
- опекуны;
- попечители;
- другие лица, вселенные в данное помещение законным образом¹.

Проникновение сотрудников правоохранительных органов в жилые помещения, в другие помещения и на земельные участки, которые принадлежат частным лицам, а также в помещения, на земельные участки и территории, которые занимают юридические лица (исключения: помещения, земельные участки и территории дипломатических представительств и консульских учреждений других государств и представительств международных организаций), возможно только в ситуациях, которые предусмотрены в ст. 15 Федерального закона «О полиции»².

Отметим, что в практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) подобное вмешательство рассматривается как объективно необходимое основание для возможности создания справедливого баланса «между интересами индивидуума и общества в целом»³, так что исключения из установленного принципа неприкосновенности жилища в любом случае предполагают ограничительное толкование, а «необходимость их использования в каждом конкретном случае должна быть четко установлена»⁴.

Надо сказать, что еще шире понятие «жилище» толкуется Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. В некоторых решениях Европейский суд по правам человека обозначил правовую позицию, в соответствии с которой понятие «жилище» может быть применено также и к служебным помещениям, т. к. в ряде областей (в том числе, к примеру, оказание адвокатами юридической помощи населению) заниматься профессиональной деятельностью можно не только в офисах и служебных помещениях, но и дома, со своего обычного места жительства⁵ (и

данная тенденция активно развивается в обществе).

ЕСПЧ относит к вмешательству в неприкосновенность жилища сотрудниками государственных органов следующие основные ситуации:

- вторжение сотрудников органов внутренних дел в жилое помещения с целью устранения конфликта⁶;
- вторжение военнослужащих в жилое помещение для проведения ареста⁷;
- обыск в жилище⁸;
- обыск в офисе адвоката, в т. ч. в целях поиска документов либо информации на электронном носителе⁹.

Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»¹⁰ указанные выше позиции ЕСПЧ должны учитывать при применении российского законодательства. К примеру, содержание прав и свобод, которые предусмотрены нашим внутренним законодательством, должно определяться в соответствии с содержанием аналогичных прав и свобод, установленных ЕСПЧ при применении Конвенции и Протоколов к ней. Так что понятие жилища должно толковаться в соответствии с его значением на международной арене¹¹.

В соответствии с отечественным законодательством условием для ограничения права на неприкосновенность жилища со стороны сотрудников полиции может быть необходимость спасения жизни людей либо их имущества, обеспечение безопасности отдельных людей либо общественной безопасности в моменты массовых беспорядков и при различных чрезвычайных ситуациях.

Некоторые авторы в связи с изложенным высказывают сомнения в том, насколько целесообразны

Т. 1. С. 771–772.

⁶ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 23 сентября 1998 г. по делу «Маклауд против Соединенного Королевства» (McLeod v. United Kingdom) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: § 88 постановления Европейского суда по правам человека от 28 октября 1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (Murray v. United Kingdom) // Европейский суд по правам человека. Т. 2. С. 32–53.

⁸ См.: § 212 постановления Европейского суда по правам человека от 25 февраля 1993 г. по делу «Функе против Франции» (Funke v. France).

⁹ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 22 декабря 2008 г. по делу «Алексян (Aleksanyan) против РФ». Жалоба № 46468/06 // Российская хроника Европейского суда. 2011. № 1. С. 29.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

¹¹ См.: Вилкова Т. Ю. Принцип неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 103–107.

¹ См.: Харзинова В. М. Проблемы производства следственного осмотра // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 1 (19). С. 49.

² Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 1 апреля 2019 г.) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

³ Постановление Европейского суда по правам человека от 9 декабря 1994 г. по делу «Лопез Остра против Испании» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2. С. 69–78.

⁴ Постановление Европейского суда по правам человека от 25 февраля 1993 г. по делу «Функе против Франции» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 788–795.

⁵ См.: § 28, 30 и 31 постановления Европейского суда по правам человека от 16 декабря 1992 г. по делу «Нимитц против Германии» (Niemietz v. Germany) // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М.: Норма, 2000.

нормы, которые позволяют несанкционированно врываться в чье-либо жилье сотрудникам правоохранительных органов даже в ситуации массовых беспорядков либо стихийных бедствий. Как пишет И. Соловьев, «Вроде бы все правильно, но кто определяет, что начались беспорядки или чрезвычайная ситуация?»¹. Он предлагает установить норму, согласно которой полиция обязана действовать столь нестандартным способом только после того, как власти объявили, что начались массовые беспорядки или чрезвычайная ситуация соответственно. Скажем, в случае применения Федерального Конституционного закона «О чрезвычайном положении»² либо при проведении на данной территории контртеррористической операции, либо при введении комендантского часа, объявлении военного положения³.

Условием для несанкционированного проникновения полицейских в жилое помещение является и необходимость задержания граждан, которые подозреваются в совершении того или иного преступления.

Российское законодательство разрешает несанкционированное проникновение в жилое помещение в целях пресечения преступления. К примеру, по одному из дел сотрудники полиции штурмом взяли квартиру, где забаррикадировался некий не совсем адекватный гражданин, взявший в заложники своих же родственников. Мужчина оказался вооружен охотничьим ружьем, при этом он не выдвигал внятных требований и вполне мог начать стрелять и убивать в любой момент⁴.

Также условием для несанкционированного проникновения полицейских в жилое помещение является установление причин и обстоятельств произошедшего несчастного случая. Достаточными данными, которые свидетельствуют о том, что имеется непосредственная угроза жизни людей, могут быть, к примеру, крики с просьбами о помощи или стоны, которые доносятся из одной из квартир, или демонстративная попытка гражданина отравиться бытовым газом либо покончить жизнь самоубийством другим способом, опасным не только для него, но и для окружающих.

Ученые-исследователи обращают внимание, что, кроме перечисленных выше оснований для проникновения сотрудников полиции в жилое помещение без разрешения на то проживающих в данном помещении лиц, существуют также нормы Федерального закона «О полиции», которые закрепляют ряд полномочий полицейских. Данные нормы сформулированы так, что хотя их исполнение в реальности совершенно очевидно предполагает право полицейских врываться

в жилье граждан, однако в самом Федеральном законе об этом зачастую прямо не говорится. К примеру, п. 22 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» дает право полицейским проверять места хранения оружия. Подобные проверки, если учитывать граждан, владеющих огнестрельным охотничьим оружием, как считает Ю. П. Соловей, нельзя провести без осмотра данных мест, а следовательно, и проникновения в жилое помещение, где и должно находиться данное оружие⁵.

Проникновение полицейских в жилое помещение при проведении проверки того, как хранится оружие, Верховным Судом РФ было признано абсолютно законным⁶. Подобная практика, в соответствии с решением Верховного Суда РФ, согласуется со ст. 25 Конституции РФ, которая допускает ограничение права граждан на неприкосновенность их жилья в ситуациях, которые обозначены в федеральных законах⁷.

Сходством анализируемых прав является их абсолютный характер, а также тот факт, что управомоченный субъект в данных случаях – это лицо, которое владеет жилым помещением на законном основании (к примеру, на праве собственности, по договору найма, поднайма и т. п.), т. е. его титульный владелец. Главным отличием права на жилище от права на его неприкосновенность выступает объект указанных прав. В праве на жилище объект – жилище как вещь, некий предмет материального мира, а в праве на неприкосновенность жилища объект – неприкосновенность указанной вещи в качестве нематериального блага, являющегося естественным продолжением неприкосновенности человека и его частной жизни. Все сказанное обусловлено тем, что в ситуации вторжения в жилье ограничению подвергается собственно право на неприкосновенность жилья, а кроме того, возникает угроза неприкосновенности частной жизни человека, сохранности его личной либо семейной тайны⁸. С учетом этого, исследователи в большинстве своем сходятся во мнении, что право на жилище входит в число имущественных прав. Что же касается права на неприкосновенность жилища, то оно считается нематериальным благом, имеющим личный характер.

Попытки различения указанных прав предпринимались неоднократно разными учеными. Интересным, но, конечно, не бесспорным является мнение

¹ Цит. по: Фалалеев М. День закрытых дверей // Российская газета. 2013. 22 января.

² Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

³ См.: Фалалеев М. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ См.: Соловей Ю. П. Вхождение (проникновение) сотрудников полиции в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории как мера государственного принуждения, предусмотренная Федеральным законом «О полиции» // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 17–25.

⁶ См.: Решение Верховного Суда РФ от 20 марта 2002 г. № ГКПИ2002-135 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».

⁷ См.: Нуденко Л. А. Роль полиции в соблюдении права личности на неприкосновенность жилища // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 21–24.

⁸ См.: Вилкова Т. Ю. Указ. соч. С. 103–107.

Б. В. Прасолова: изучая этот вопрос, исследователь подчеркивает, что субъективное право на неприкосновенность жилища появляется всякий раз первоначальным способом в отношении конкретного жилья (в отличие от права на жилище)¹. Представляется не совсем понятным, что именно автор имеет в виду, называя «первоначальным» способ возникновения права на неприкосновенность жилья. Думается, что науке и практике пока не известны ситуации появления личных неимущественных прав «производным» способом. Вероятно, в отношении способов получения права собственности на жилье уместно будет говорить об их первоначальном или производном характере. Затем автор публикует, пожалуй, еще более дискуссионный тезис: «гражданин не может "перенести" с прежнего жилища на новое жилище свое субъективное право на неприкосновенность, поскольку оно утрачивается с момента, когда гражданин покидает прежнее жилище»². В силу закона неприкосновенность жилища принадлежит его титульному владельцу как его личное неимущественное право, оно неотчуждаемо и непередаваемо. До тех пор, пока гражданин является законным владельцем жилого помещения (вне зависимости, покинул человек данное помещение или проживает в нем), гражданин имеет право на неприкосновенность своего жилья.

Мнения, которые высказываются в научных исследованиях касаясь правовой природы права на неприкосновенность жилья не отличаются единообразием, что не способствует однозначному пониманию сущности данного права и его содержания. Так, Л. О. Красавчикова право на неприкосновенность жилища считает неимущественным правом, которое непосредственно связано с имущественным правом на жилое помещение, а также с неимущественной свободой на невозможность произвольного лишения жилья³. В свою очередь, А. М. Эрделевский считает, что действиями, которые нарушают неприкосновенность жилья, могут быть: незаконный обыск, незаконное выселение, вторжение в жилое помещение против воли лиц, проживающих в нем, вхождение в жилище в отсутствие его владельца⁴. Таким образом, оба автора включают в термин «неприкосновенность жилища» недопустимость произвольного лишения жилья, незаконного выселения из жилого помещения, хотя отечественный законодатель произвольное лишение жилья относит к нарушению имущественных прав.

Однако общее понятие «неприкосновенность» можно определить как «свободу от посягательств со

стороны третьих лиц»⁵. Данное понятие можно отнести и к материальным и к нематериальным благам, что зачастую определяет соответствующее право в качестве имущественного (неприкосновенность собственности) или в качестве неимущественного (неприкосновенность частной жизни).

Подытоживая, отметим, что право граждан на неприкосновенность жилища зафиксировано во всех основополагающих документах как российского, так и международного характера. В вопросах понятия «жилище» и «неприкосновенность жилища» нет единообразия, что, несомненно, влечет за собой правовые коллизии на практике.

Суть неприкосновенности жилища в том, что никто не может проникать в чужое жилье против воли его владельцев. Конечно, возможны исключения, которые связаны в основном с деятельностью правоохранительных органов.

До сих пор существуют пробелы в законодательстве и проблемы соблюдения права граждан на неприкосновенность жилища при исполнении сотрудниками полиции своих обязанностей. Во-первых, даже в вопросах понятия «жилище» и «неприкосновенность жилища» нет единообразия, что, несомненно, влечет за собой правовые коллизии на практике. Кроме того, частая проблема возникает тогда, когда место происшествия и жилое помещение, в котором проживает гражданин, совпадают, поскольку законодательные нормы, закрепленные в разных нормативно-правовых актах, в таких ситуациях различаются.

Права и обязанности сотрудников полиции можно определить как допустимые пределы или границы воздействия на предмет ведения. Права полиции носят одновременно также и характер обязанностей, в отличие от прав и обязанностей частных лиц. Сотрудники полиции не в состоянии отказаться от реализации своего права по пресечению преступления или задержанию преступника. Подобный отказ стал бы одновременно невыполнением и обязанностей. Добавим, что такое право, как проникновение в жилище сотрудников полиции, возможно в случаях спасения жизни, имущества, обеспечения безопасности, задержания преступника, пресечения преступления и установления обстоятельств несчастного случая, введения военного или чрезвычайного положения, а также в исключительных случаях, когда осмотр жилища не терпит отлагательств, на основании постановления следователя или дознавателя и с обязательным уведомлением судьи в течение 3 суток после начала следственного действия.

Печален факт, что сотрудниками полиции порой не соблюдается процедура вторжения в чужое жилище, что приводит к нарушению неприкосновенности жилого помещения. Кроме того, появляется при этом и материальный вопрос, если в итоге оказывается, к примеру, что сломана дверь или взломан замок, в ре-

¹ См.: Прасолов Б. В. Неприкосновенность жилища и невозможность его произвольного лишения // Семейное и жилищное право. 2016. № 6. С. 43.

² Прасолов Б. В. Указ. соч. С. 43.

³ См.: Красавчикова Л. О. Жилищное право и личные неимущественные права граждан // Актуальные проблемы жилищного права: сборник памяти П. И. Седугина. М.: Статут, 2003. С. 57.

⁴ См.: Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: Комментарий. М.: БЕК, 2000. С. 132.

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 427.

зультате чего владельцам жилья приходится все это чинить за свой счет. Большим вопросом является и возможность компенсации морального вреда, причиненного вторжением полиции. Вместе с тем если полицейские не занимались спасением человеческой жизни (не для этого произошел взлом), не пропущен срок исковой давности (за которым обязательно надо следить), собрана хорошая доказательственная база и, в частности, доказана причинно-следственная связь между незаконными действиями полиции и причиненным ущербом, то у пострадавших жильцов есть все шансы взыскать сумму ущерба в судебном порядке.

В заключение предлагаем внести ряд предложений по изменению действующего законодательства:

1. Как уже говорилось, когда место происшествия совпадает с жилым помещением, возникает правовая коллизия, поскольку существуют разные правовые нормы на этот счет. Решение данной проблемы видится в нескольких вариантах:

а) упразднить стадию возбуждения уголовного дела, что предлагается некоторыми учеными-процессуалистами;

б) закрепить в УПК РФ возможность проводить сотрудниками полиции осмотр жилого помещения до возбуждения уголовного дела;

в) закрепить в законодательстве, что если местом происшествия является жилище, то действуют нормы, касающиеся жилища, и сотрудники полиции должны руководствоваться принципом его неприкосновенности.

2. В УПК РФ следует закрепить нормы о субъектах, чье согласие является необходимым для внесудебного проведения осмотра в жилом помещении, а также о процессуальной форме получения данного согласия. Думается, что непременно следует указать, что осмотр жилища (даже если оно является местом происшествия) проводится только с согласия проживающих в нем граждан либо на основе решения суда. При этом согласие должны давать совершеннолетние дееспособные проживающие. В противном случае (отсутствие согласия, наличие только несовершеннолетних или недееспособных) на вторжение в чужое жилье необходимо согласие суда.

Таким образом, рассмотренная тема является глубоко практической. Любые правовые коллизии и пробелы в законодательстве немедленно и негативно сказываются на практике. Вместе с тем речь идет, пожалуй, о самом важном и значимом из предметов материального мира для каждого человека – о жилье, о доме. Думается, что при разрешении любых неточностей законодатель всегда должен исходить из приоритета конституционного принципа неприкосновенности жилища.

Библиографический список

1. Вилкова Т. Ю. Принцип неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии / Т. Ю. Вилкова // Ак-

туальные проблемы российского права. – 2015. – № 2. – С. 103–107.

2. Красавчикова Л. О. Жилищное право и личные неимущественные права граждан / Л. О. Красавчикова // Актуальные проблемы жилищного права: сборник памяти П. И. Седугина. – Москва: Статут, 2003.

3. Нудненко Л. А. Роль полиции в соблюдении права личности на неприкосновенность жилища / Л. А. Нудненко // Административное право и процесс. – 2017. – № 10. – С. 21–24.

4. Нудненко Л. А. Функции конституционных прав и свобод личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства / Л. А. Нудненко // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 33–41.

5. Одношвин И. А. Понятие «жилище» и его значение для уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности / И. А. Одношвин // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6.

6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 1999.

7. Прасолов Б. В. Неприкосновенность жилища и невозможность его произвольного лишения / Б. В. Прасолов // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 6.

8. Соловей Ю. П. Вхождение (проникновение) сотрудников полиции в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории как мера государственного принуждения, предусмотренная Федеральным законом «О полиции» / Ю. П. Соловей // Административное право и процесс. – 2012. – № 3. – С. 17–25.

9. Харзинова В. М. Проблемы производства следственного осмотра / В. М. Харзинова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2013. – № 1 (19).

10. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: Комментарий / А. М. Эрделевский. – Москва: БЕК, 2000.

Bibliograficheskij spisok

1. Vilkova T. YU. Princip neprikosновенnosti zhlilishcha v ugovnom sudoproizvodstve: pravovye osnovy, soderzhanie, garantii / T. YU. Vilkova // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2015. – № 2. – S. 103–107.

2. Krasavchikova L. O. Zhlilishchnoe pravo i lichnye neimushchestvennye prava grazhdan / L. O. Krasavchikova // Aktual'nye problemy zhlilishchnogo prava: sbornik pamyati P. I. Sedugina. – Moskva: Statut, 2003.

3. Nudenko L. A. Rol' policii v soblyudenii prava lichnosti na neprikosновенnost' zhlilishcha / L. A. Nudenko // Administrativnoe pravo i process. – 2017. – № 10. – S. 21–24.

4. Nudnenko L. A. Funkcii konstitucionnyh prav i svobod lichnosti v kontekste vzaimodejstviya grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva /

L. A. Nudnenko // Gosudarstvo i pravo. – 2012. – № 2. – S. 33–41.

5. Odnoshevin I. A. Ponyatie «zhilishche» i ego znachenie dlya ugolovno-processual'noj i operativno-rozysknoj deyatel'nosti / I. A. Odnoshevin // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2014. – № 6.

6. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / S. I. Ozhegov, N. YU. SHvedova. – 4-e izd., dop. – Moskva: Azbukovnik, 1999.

7. Prasolov B. V. Neprikosновенost' zhilishcha i nevozmozhnost' ego proizvol'nogo lisheniya / B. V. Prasolov // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. – 2016. – № 6.

8. Solovej YU. P. Vhozhdenie (proniknovenie) sotrudnikov policii v zhilye i inye pomeshcheniya, na zemel'nye uchastki i territorii kak mera gosudarstvennogo prinuzhdeniya, predusmotrennaya Federal'nym zakonom «O policii» / YU. P. Solovej // Administrativnoe pravo i process. – 2012. – № 3. – S. 17–25.

9. Harzinova V. M. Problemy proizvodstva sledstvennogo osmotra / V. M. Harzinova // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 1 (19).

10. Erdelevskij A. M. Kompensaciya moral'nogo vreda: Kommentarij / A. M. Erdelevskij. – Moskva: BEK, 2000.

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

УДК 349.2

Теоретические аспекты определения понятия и структуры трудового спора

Новицкая Мария Валерьевна,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: mariya-nov@mail.ru

В статье осуществлен анализ и соотношение понятий «конфликт», «юридический конфликт», «трудовой спор». Охарактеризованы структурные элементы трудового спора. Обоснована актуальность определения момента возникновения коллективного трудового спора.

Ключевые слова: конфликт; юридический конфликт; трудовой спор; субъект; предмет; объект; процесс; момент возникновения трудовых споров.

Theoretical aspects of definition of concept and structure of labor dispute

Novitskaya Mariya Valeryevna,
Mogilev Institute of the Ministry
of the Interior of the Republic of Belarus

The concepts of «conflict», «legal conflict», «labor dispute» are analyzed in the article. The structural elements of the labor dispute are characterized. The urgency of determining the moment of occurrence of a collective labor dispute is substantiated.

Key words: conflict; legal conflict; labor dispute; subject; object; process; moment of labor disputes.

Конфликт – это реальное, объективно существующее проявление столкновения взглядов, интересов, позиций людей, он выступает индикатором, отражающим эволюцию отношений между отдельными людьми, группами людей, в целом в обществе.

Современные условия развития государства характеризуются значительными изменениями в социально-трудовых отношениях. Мировой экономический кризис 2009–2013 гг. (последствия, которого не удалось преодолеть до сих пор) оказал негативное влияние на функционирование рынка труда, породив волну сокращений рабочих мест, задержки выплаты заработной платы, создав нестабильную ситуацию в сфере занятости, снизив реальные денежные доходы, обострив конфликтность в отношениях между работниками и нанимателями. Изложенное актуализирует необходимость исследования действующего механизма защиты законных прав и интересов работников, поиск путей его совершенствования.

В этой связи представляется целесообразным акцентировать внимание на дефиниции «трудовой спор» как разновидности социальных противоречий в государственно-организованном обществе.

Проблема своевременного разрешения конфликтов в последнее десятилетие находится в поле зрения не только конфликтологов (объектом конфликтологии являются конфликты в целом, а предметом – общие закономерности их возникновения, развития и завершения), но и специалистов в области права, исследующих указанную проблему с точки зрения применения норм права в процессе разрешения либо урегулирования правового спора как разновидности социального конфликта.

Анализ содержания, динамики развития и разрешения юридического конфликта не возможен без уяснения значения этого понятия. Так, слово «конфликт» происходит от латинского слова «conflictus» (столкновение) и обозначает столкновение противо-

положных интересов, взглядов, стремлений; серьезное разногласие, острый спор, влекущие за собой более сложные формы борьбы¹.

Отметим, что в юридической трактовке определение понятия «конфликт» встречается достаточно редко. К примеру, В. Н. Кудрявцев под юридическим конфликтом понимает любой конфликт, в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон, следовательно, субъекты конфликта, их мотивация, объект обладают правовыми признаками, а сам конфликт влечет юридические последствия². Т. В. Худойкина определяет юридический конфликт в узком и широком смысле. В узком смысле под конфликтом понимается «противоборство субъектов права с противоречивыми правовыми интересами, возникшее в связи с применением, изменением, нарушением либо толкованием права», а в широком смысле – «это любой социальный конфликт, имеющий хотя бы один элемент, обладающий юридической характеристикой, который завершается юридическим способом, т. е. юридицируется»³.

Следовательно, юридический конфликт всегда возникает, развивается и разрешается в рамках правового поля. Его объектом выступают законные права и интересы сторон правоотношения. Возникший юридический конфликт можно либо урегулировать посредством взаимовыгодных (взаимоприемлемых) уступок сторон, либо разрешить, руководствуясь правовыми нормами.

Разновидностью юридических конфликтов являются трудовые конфликты, объектом которых выступают трудовые отношения и условия их обеспечения.

Необходимо указать, что современное трудовое законодательство оперирует термином «спор». По определению В. Даля, спор есть «словесное состязание, устное или письменное прение, где каждая сторона, опровергая мнение противника, отстаивает свое»⁴. Схожее определение слова «спор» содержится в Современном словаре русского языка С. И. Ожегова, которое толкуется следующим образом: «словесное состязание, обсуждение чего-нибудь, в котором каждый отстаивает свое мнение, свою правоту; взаимное притязание на владение чем-нибудь, разрешаемое судом»⁵, т. е. именно состязание, а не столкно-

вление. Исходя из приведенных выше определений, очевидно, что спор не предполагает наличия острого противостояния субъектов, здесь речь, скорее, идет о несовпадении точек зрения, столкновении взглядов, а не личностей или коллективов, отсутствует эмоциональный компонент. Кроме того, в конфликтологии одним из оснований классификации конфликтов является острота противоречий между участвующими в нем сторонами, определяющая интенсивность конфликта, согласно которой выделяют конфликты низкой, средней и высокой интенсивности⁶. В рамках темы исследования нас интересуют конфликты низкой интенсивности, протекающие в форме спора между оппонентами. Исходя из этого, можно заключить, что спор и конфликт соотносятся как часть и целое, а законодатель, заменив слово «конфликт» словом «спор», ориентирует стороны на уменьшение накала противостояния, разрешение его правовыми средствами на основе взаимодействия.

Следовательно, на взгляд автора, отказ от применения термина «трудовой конфликт» в современном законодательстве представляется оправданным.

Природу трудовых споров отличает их структура, т. е. совокупность элементов, составляющих объект. Однако, поскольку любой спор (конфликт) – это динамически взаимосвязанная система, процесс, растянутый во времени, то его структура – это совокупность устойчивых связей, обеспечивающих целостность спора (конфликта), функционирование его системы какое-то время в социальном пространстве⁷.

Структуру трудового спора как разновидности юридического конфликта можно представить в виде трех взаимосвязанных составляющих:

Субъекты. Субъектами конфликта могут выступать люди, личности и организации, социальные группы, самоуправляемые общины, органы власти и управления, бизнес-структуры, этносы, партии, государства. Субъектов трудовых споров можно определить в зависимости от вида спора. Так, индивидуальный трудовой спор возникает между работником и нанимателем, а также, как отмечает Н. С. Пилипенко, между нанимателем и лицом, ранее состоявшим в трудовых отношениях с этим нанимателем, или лицом, изъявившим желание заключить трудовой договор с нанимателем и получившим необоснованный отказ в заключении трудового договора⁸.

Сторонами коллективного трудового спора являются наниматель (наниматели, объединения нани-

¹ См.: Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.big-soviet.ru/396/38405/Конфликт> (дата обращения: 16 сентября 2019 г.).

² См.: Юридический конфликт: сферы и механизмы / О. Л. Дубовик, В. Н. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев, А. М. Ларин и др.; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: РАН, 1994. Ч. 2. С. 7.

³ Худойкина Т. В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 1996. С. 25.

⁴ Даль В. И. Толковый Словарь живого великорусского языка / под ред. проф. И. А. Бодуэна дэ Куртэне. 3-е изд., испр. и значительно доп. М.: Товарищество М. О. Вольфа, 1909. Т. 4. С. 459.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. С. 98.

⁶ См.: Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 591.

⁷ См.: Лукин Ю. Ф. Конфликтология: управление конфликтами: Management of the conflicts: учебник для вузов. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2007. С. 121.

⁸ См.: Пилипенко Н. С. Правовое регулирование досудебного рассмотрения индивидуальных трудовых споров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск: Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, 2015. С. 6.

мателей) и работники в лице их представительных органов¹. Представительство в данном случае можно определить как правоотношение, по которому уполномоченные субъекты представляют и защищают интересы лиц, от имени которых они выступают в процессе урегулирования коллективных трудовых споров.

Согласно ст. 355 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси) интересы нанимателя представляет руководитель организации или лица, уполномоченные учредительными документами организации или локальными нормативными правовыми актами этих организаций.

На республиканском, отраслевом, территориальном уровнях представительство интересов нанимателей осуществляется соответствующими объединениями нанимателей. А. А. Войтик указывает, что объединения нанимателей представляют собой некоммерческие организации, создаваемые с целью представительства интересов своих членов в социально-экономической сфере. Организации (союзы, ассоциации) нанимателей призваны формулировать и защищать интересы своих членов прежде всего во взаимодействиях и взаимоотношениях с профессиональными союзами². Однако, несмотря на важность стоящих перед объединениями нанимателей задач, на сегодняшний день специальное законодательство о порядке их создания и функционирования в Республике Беларусь отсутствует. К слову, в России Федеральный закон «Об объединениях работодателей» действует с 2002 г.³ На наш взгляд, принятие подобного нормативного правового акта в Республике Беларусь в рамках углубленной интеграции Беларуси и России выглядит весьма целесообразно, поскольку будет способствовать совершенствованию правоотношения по созданию и обеспечению деятельности объединений нанимателей как субъекта социального партнерства.

Функция представительства интересов работников в Республике Беларусь традиционно выполняется профессиональными союзами. Следует отметить, что согласно ч. 1 ст. 354 ТК Беларуси представительство интересов работников могут осуществлять и «иные

представительные органы работников», которые законодательством не определены. Министерство труда и социальной защиты Республики в письме «О праве на заключение коллективных договоров» от 10 мая 2004 г. № 09-01-09/688 указало, что поскольку актами законодательства не определены полномочия иных представительных органов работников на заключение коллективных договоров, то профсоюзы в настоящее время являются единственными законными представителями работников в коллективно-договорном процессе и, как следствие, в коллективных трудовых отношениях в целом.

Несмотря на то, что сегодня профсоюзы занимают достаточно авторитетную позицию, при осуществлении ими представительской функции в процессе урегулирования коллективных трудовых споров до сих пор имеется ряд неразрешенных проблем, влияющих на эффективность их деятельности:

- недобросовестность нанимателей и руководителей профсоюзного органа. Недобросовестность нанимателя, прежде всего, может выражаться в давлении на профсоюз, вследствие чего роль профсоюза в организации становится номинальной;
- нежелание руководителей профсоюзного органа представлять интересы работников, не являющихся членами профсоюза;
- отсутствие практической возможности представлять интересы работников предприятия (организации), где профсоюз не создан.

Наличие указанных проблемных аспектов деятельности профсоюзов также актуализирует необходимость законодательного закрепления правового статуса альтернативных представительных органов работников, например, трудовых коллективов. Совершенствование национального законодательства в указанной сфере, с одной стороны, будет способствовать развитию демократических процессов на предприятиях (организациях), с другой – позволит повысить уровень защиты работников при возникновении коллективных разногласий.

Предмет. Предметом конфликта, по мнению В. П. Шейнова, является объект противоречащих друг другу или несовместимых притязаний сторон. В качестве предмета может выступать как конкретный объект, некая возможность, так и оценочное утверждение, оспариваемое другими и т. д. Предмет конфликта, как правило, связан с взаимоисключающими целями конфликтующих сторон (или по меньшей мере с целями одной из них)⁴.

С позиции трудового права предмет трудового спора образуют субъективные права, законные интересы и юридические обязанности сторон трудовых правоотношений, которые в силу объективных и субъективных причин не могут быть исполнены или удовлетворены.

Установление предмета трудового спора позволяет правильно определить порядок его урегулирования.

¹ См.: Статья 378 Трудового кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З [Электронный ресурс]: принят палатой представителей 8 июня 1999 г., одобрен Советом Республики Беларусь 30 июня 1999 г. (в ред. Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2019.

² См.: Войтик А. А. Объединения нанимателей в системе социального партнерства в Республике Беларусь // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь: материалы Международной научно-практической конференции. Минск, 21–22 октября 2010 г. / редкол.: гл. ред. И. Н. Колядко и др. Минск: Позитив-центр, 2010. С. 256.

³ См.: Федеральный закон от 27 ноября 2002 г. № 156-ФЗ «Об объединениях работодателей» (в ред. от 28 ноября 2015 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». М., 2019.

⁴ См.: Шейнов В. П. Управление конфликтами: научное издание. СПб.: Питер, 2014. С. 14.

ния. Еще в 1917 г. И. С. Войтинским в контексте классификации трудовых споров на споры, охраняемые правом, и споры, не охраняемые правом (по современной юридической терминологии – споры о праве и споры об интересе), были определены критерии их подведомственности. По его мнению, примирительно-третейскому разбирательству могут подлежать любые трудовые споры, судебному же рассмотрению подлежат только споры о праве.

Спор о праве – это индивидуальный трудовой спор, суть которого состоит в том, что работник требует либо восстановить права, предусмотренные законодательством о труде, соглашениями, локальными нормативными правовыми актами, в том числе трудовым, коллективным договорами, либо устранить препятствия к реализации этих прав.

В соответствии с нормами национального права такие споры рассматриваются комиссиями по трудовым спорам, судами¹. Кроме того, в ТК Беларуси предусматривается возможность для урегулирования подобных споров по соглашению между нанимателем и профсоюзом создавать органы примирения, посредничества и арбитража.

В свою очередь, коллективные трудовые споры – это споры об интересе. Их суть заключается в том, что участники спора (как правило, работники в лице их представительных органов) направляют письменное требование нанимателю об установлении новых или изменении существующих условий труда, а наниматель вправе, но не обязан удовлетворить данное требование. Поскольку охраняемый законом интерес возможно реализовать только через достижение согласия заинтересованных сторон, то возникшие разногласия могут быть урегулированы посредством примирительно-посреднических процедур. В частности, в ч. 4 ст. 379 ТК Беларуси закреплено, что коллективные трудовые споры рассматриваются примирительной комиссией с участием посредника в трудовом арбитраже. При этом рассмотрение коллективного трудового спора примирительной комиссией является обязательным.

Анализ легального определения понятия «коллективный трудовой спор», закрепленного ст. 377 ТК Беларуси, позволяет сделать вывод о том, что наряду со спорами об интересе (разногласия по поводу установления, изменения социально-экономических условий труда и быта работников; по поводу заключения, изменения, дополнения или прекращения коллективных договоров, соглашений) в качестве некоего исключения предусмотрена возможность возникновения разногласий по поводу исполнения коллективных договоров, соглашений, а это не что иное, как спор о праве. Поскольку в данном случае налицо наличие требований о восстановлении нарушенного права, то ни о каком согласии сторон речь вестись не может и применение примирительно-посреднических процедур не целесообразно.

Процесс. По мнению Ю. Ф. Лукина, процесс, динамика конфликта показывают, на какой стадии находится конфликт, как он развивается во времени. Выделяют следующие стадии развития конфликта:

- 1) возникновение противоречия, конфликтная ситуация;
- 2) противоборство, эскалация;
- 3) разрешение конфликта, его завершение².

В рамках статьи будет сделан акцент на первую стадию развития конфликта.

Так, обстоятельством, характеризующим правовое понятие трудового спора, является момент его начала. Закрепление его в законодательстве продиктовано необходимостью придания разрешению спора процессуально-правового характера, когда стороны наделяются определенными правами и обязанностями.

Современное трудовое законодательство не содержит определение понятия «индивидуальный трудовой спор», что приводит к отсутствию объективной характеристики данного правового явления и толкование его в зависимости от определенной авторской позиции. Сегодня в науке трудового права превалирует научная идея, что возникновение спора связано с обращением сторон в юрисдикционный орган.

Так, В. Н. Толкунова указывает, что развитие индивидуального трудового спора проходит несколько ступеней: 1) действие (или бездействие) правообязанного субъекта трудового права по применению нормы трудового законодательства; 2) различие в оценке сторонами действия (или бездействия); 3) попытка сторонами самостоятельного урегулирования спора посредством проведения переговоров; 4) в случае отсутствия согласия в переговорном процессе перенесение разногласий в юрисдикционный орган, что означает возникновение трудового спора³.

Следует оговориться, что в действующем законодательстве Республики Беларусь о порядке разрешения индивидуальных трудовых споров отсутствует указание на то, что стороны обязаны попытаться разрешить возникшее разногласие самостоятельно в переговорном процессе, в частности:

- не установлен запрет на обращение работника в комиссию по трудовым спорам или суд, если он не пытался урегулировать разногласие с нанимателем;
- не закреплены обязанности нанимателя принимать участие в урегулировании разногласий;
- не предусмотрены меры ответственности за отказ в подобном участии.

По-иному в белорусском законодательстве решается вопрос относительно момента возникновения коллективных трудовых споров. Так, в п. 3 Инструкции о порядке учета возникших коллективных трудовых споров и созданных трудовых арбитражей, утверж-

² См.: Лукин Ю. Ф. Конфликтология: управление конфликтами: Management of the conflicts. С. 123.

³ См.: Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / М. О. Буянова и др.; под ред. К. Н. Гусова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. С. 800.

¹ См.: Статья 233 Трудового кодекса Республики Беларусь.

денной постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 10 октября 2013 г. № 101 (далее – Инструкция № 101), закреплено, что моментом возникновения коллективного трудового спора считается дата отказа нанимателя в удовлетворении всех или части требований работников.

Однако согласиться с указанной позицией не позволяет ряд обстоятельств:

1. В ст. 377 ТК Беларуси указано, что «коллективный трудовой спор – неурегулированные разногласия сторон коллективных трудовых отношений». Поскольку урегулированных разногласий не существует, автор приходит к мнению, что таким образом законодатель закрепляет обязанность сторон провести процедуру переговоров посредством предъявления и рассмотрения требований сторон (ст. 379 ТК Беларуси). Данная процедура может расцениваться как предконфликтная стадия коллективного трудового спора, заключающая в себе уникальные возможности сохранения стабильности в сфере социально-трудовых отношений.

2. Закрепленная в законодательстве норма о моменте возникновения коллективного трудового спора, изложенная в п. 3 Инструкции № 101, автоматически констатирует наличие спора. Автор не может согласиться с указанным, т. к., по нашему мнению, само наличие разногласия, а также обращение с требованием к нанимателю еще не говорит о возникновении спора, поскольку, получив ответ нанимателя, работники могут смириться со сложившейся ситуацией и отказаться от защиты своих прав и интересов либо, обсудив доводы нанимателя, согласившись с ними, также отказаться дальнейшего разрешения возникших разногласий.

3. Буквальное толкование изложенной в п. 3 Инструкции № 101 дефиниции дает возможность указать, что возникновение коллективного трудового спора напрямую зависит от действий нанимателя, которому ТК Беларуси отводит десять дней для рассмотрения требования. Однако проблема правовых последствий бездействия нанимателя в норме не разрешена. Кроме того, наличие в ч. 1 ст. 380 ТК Беларуси положения о том, что «при отказе нанимателя... или неуведомлении о своем решении в трехдневный срок создается примирительная комиссия», конституирует существование коллизии между нормой Инструкции № 101 и ТК Беларуси в части определения момента возникновения коллективного трудового спора.

4. Содержание ст. 379 не позволяет разрешить вопрос о том, каковы гарантии работников, в случае если, согласившись с их требованиями, в дальнейшем наниматель их выполнять откажется.

Подводя итог, отметим, что возникновение коллективного трудового спора требует наличие следующей совокупности юридических фактов:

- наличие разногласий по поводу коллективного трудового интереса (права);
- выдвижение и предъявление в установленном законом порядке требований нанимателю;

– наличие письменного отказа нанимателя в удовлетворении всех или части требований работников или неуведомление о своем решении в установленный законодательством срок либо отказ от выполнения договоренностей;

– выражение волеизъявления работников к защите коллективного трудового интереса (права) посредством использования примирительных процедур.

Таким образом, с точки зрения автора, моментом возникновения коллективного трудового спора является дата создания представителями сторон спора примирительной комиссии.

Обобщая результаты проведенного анализа, мы приходим к следующим выводам:

1. Трудовой спор является видом социального конфликта. Он обладает собственной структурой, обусловленной природой данного правового явления. Все структурные элементы спора тесно взаимосвязаны между собой: «изъятие» любого из них либо полностью исключает наличие спора, либо существенным образом трансформирует его характер.

2. Спор и конфликт соотносятся как часть и целое, а законодатель, заменив слово «конфликт» словом «спор», ориентирует стороны на уменьшение накала противостояния, разрешение его правовыми средствами на основе взаимодействия. В связи с этим представляется целесообразным отказ от применения термина «трудовой конфликт» в современном белорусском законодательстве.

3. В целях придания трудовому спору процессуально-правового характера значимым с юридической точки зрения является определение момента его возникновения, с которым автор связывает дату создания представителями сторон спора примирительной комиссии.

Библиографический список

1. Анцупов А. Я. Конфликтология: учебник для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
2. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.big-soviet.ru/396/38405/Конфликт> (дата обращения: 16 сентября 2019 г.).
3. Войтик А. А. Объединения нанимателей в системе социального партнерства в Республике Беларусь / А. А. Войтик // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь: материалы Международной научно-практической конференции. – Минск: Позитив-центр, 2010.
4. Даль В. И. Толковый Словарь живого великорусского языка / В. И. Даль; под ред. проф. И. А. Бодуэна дэ Куртэне. – 3-е изд., испр. и значительно доп. – Москва: Товарищество М. О. Вольфа, 1909. – Т. 4.
5. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / М. О. Буянова и др.; под ред. К. Н. Гусова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2008.
6. Лукин Ю. Ф. Конфликтология: управление конфликтами: Management of the conflicts: учебник для

вузов / Ю. Ф. Лукин. – Москва: Академический Проект; Гаудеамус, 2007.

7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва: ИТИ Технологии, 2006.

8. Пилипенко Н. С. Правовое регулирование досудебного рассмотрения индивидуальных трудовых споров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. С. Пилипенко. – Минск, 2015.

9. Худойкина Т. В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение: дис. ... канд. юрид. наук / Т. В. Худойкина. – Саранск, 1996.

10. Шейнов В. П. Управление конфликтами: научное издание / В. П. Шейнов. – Санкт-Петербург: Питер, 2014.

11. Юридический конфликт: сферы и механизмы / О. Л. Дубовик, В. Н. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев, А. М. Ларин и др.; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – Москва: РАН, 1994. – Ч. 2.

Bibliograficheskij spisok

1. Ancupov A. YA. Konfliktologiya: uchebnik dlya vuzov / A. YA. Ancupov, A. I. SHipilov. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: YUNITI-DANA, 2004.

2. Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.big-soviet.ru/396/38405/Konflikt> (data obrashcheniya: 16 sentyabrya 2019 g.).

3. Vojtik A. A. Ob»edineniya nanimately v sisteme social'nogo partnerstva v Respublike Belarus' / A. A. Vojtik // Pravovoe obespechenie innovacionnogo razvitiya ekonomiki Respubliki Belarus': materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Minsk: Pozitiv-centr, 2010.

4. Dal' V. I. Tolkovyj Slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka / V. I. Dal'; pod red. prof. I. A. Boduena de Kurtene. – 3-e izd., ispr. i znachitel'no dop. – Moskva: Tovarishchestvo M. O. Vol'fa, 1909. – T. 4.

5. Kommentarij k Trudovomu kodeksu Rossijskoj Federacii / M. O. Buyanova i dr.; pod. red. K. N. Gusova. – 7-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Prospekt, 2008. – 895 s.

6. Lukin YU. F. Konfliktologiya: upravlenie konfliktami: Management of the conflicts: uchebnik dlya vuzov / YU. F. Lukin. – Moskva: Akademicheskij Proekt; Gaudeamus, 2007.

7. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov. – Moskva: ITI Tekhnologii, 2006. – 1200 s.

8. Pilipenko N. S. Pravovoe regulirovanie dosudebnogo rassmotreniya individual'nyh trudovyh sporov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / N. S. Pilipenko. – Minsk, 2015.

9. Hudojkina T. V. YUridicheskij konflikt: dinamika, struktura, razreshenie: dis. ... kand. yurid. nauk / T. V. Hudojkina. – Saransk, 1996. – 189 s.

10. SHEjnov V. P. Upravlenie konfliktami: nauchnoe izdanie / V. P. SHEjnov. – Sankt-Peterburg: Piter, 2014.

11. YUridicheskij konflikt: sfery i mekhanizmy / O. L. Dubovik, V. N. Kudryavcev, S. V. Kudryavcev, A. M. Larin i dr.; отв. ред. V. N. Kudryavcev. – Moskva: RAN, 1994. – CH. 2.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

УДК 340.12

Полицейский надзор как мера обеспечения чрезвычайного правового режима исключительного положения в оценке российских полицейстов конца XIX – начала XX века

Козинникова Екатерина Николаевна,
Санкт-Петербургский университет МВД России
e-mail: katerina_kozinnikova@mail.ru

В статье осуществлен анализ положений полицейско-правовой теории, нашедших отражение в наследии ученых Российской империи конца XIX – начала XX в., о полицейском надзоре как действенной мере обеспечения чрезвычайного правового режима исключительного положения. Проанализированы взгляды видных российских полицейстов на чрезвычайное законодательство о полицейском надзоре и практику применения полицейского надзора на территории Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: полицейское право; полицейский надзор; принудительные меры; гласный полицейский надзор; негласный полицейский надзор; чрезвычайный правовой режим; исключительное положение; положение усиленной охраны; положение чрезвычайной охраны; В. М. Гессен; И. Т. Тарасов.

Police supervision as a measure to ensure an emergency legal regime exceptional position in the assessment of Russian representatives of police law late XIX – early XX century

Kozinnikova Ekaterina Nikolaevna,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia

The article analyzes the provisions of the police-legal theory, which are reflected in the theoretical heritage of scientists of the Russian Empire in the late XIX and early XX centuries, about police supervision as an effective measure to ensure the emergency legal regime of exceptional status. The article analyzes the views of prominent Russian police officers on the emergency legislation on police supervision and the practice of applying police supervision on the territory of the Russian Empire in the late XIX and early XX centuries.

Key words: police law; police supervision; compulsory measures; public police supervision; secret police supervision; emergency legal regime; exceptional situation; state of reinforced security; state of emergency protection; V. M. Gessen; I. T. Tarasov.

Поиск оптимальных моделей полицейской системы современного российского государства и механизма осуществления полицейской деятельности в XXI в. выступает важной детерминантой развития в российской юридической науке самостоятельной

сферы знаний – полициеведения¹. Свидетельством

¹ См.: Нижник Н. С. Полицистика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России // Российская полиция: три века служения Отечеству: сборник статей юбилейной Международной научной конференции: в 2 ч. / под ред. В. Л. Кубышко. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. Ч. 1. С. 221.

роста интереса к проблемам организации и функционирования полиции со стороны ученых и общественности являются научные конференции, посвященные теоретико-правовым аспектам функционирования полицейских систем и историко-правовым закономерностям развития полиции России, а также многочисленные научные издания, в которых анализируется место полиции в механизме государства и рассматриваются отраслевые аспекты полицейской деятельности. Важное место среди исследований, посвященных полиции, в последнее время занимают работы, рассматривающие становление и развитие полицейско-правовой теории¹, выступавшей концептуальной основой деятельности полиции имперской России.

Исследования, проведенные учеными, позволяют констатировать, что реализация внутренних функций государства в области обеспечения условий безопасности и благосостояния населения без организации специализированных органов, осуществляющих свою компетенцию в этой области общественных отношений, невозможна. В качестве органа, деятельность которого связана с решением огромного количества разнообразных вопросов в сфере внутреннего управления государством, выступала полиция.

Институционализация полиции в европейских странах и России относится к XVII–XVIII вв. Органы полиции превратились в важнейший субъект механизма государства, осуществляющий реализацию государственных функций, играющий важную роль в обеспечении правопорядка, создании благоприятных условий для жизни, здоровья членов общества, для охраны и защиты их интересов.

Основным направлением деятельности полиции на всех этапах ее исторического развития являлось обеспечение правопорядка. Правопорядок – состояние упорядоченности общественных отношений,

основанное на праве и законности², одновременно является и целью правового регулирования, и фактическим результатом правового регулирования, и оценкой выполнения своих функций государственными органами, и результатом соблюдения законности всеми субъектами права³. Правопорядок отражает не только степень упорядоченности общественных отношений, но и качество деятельности государственных органов, в том числе и органов полиции.

Особую угрозу правопорядку несут в себе чрезвычайные – выбивающиеся из общего порядка – ситуации, периодически возникающие на различных этапах исторического развития практически всех государств. Чрезвычайные ситуации могут быть связаны с внешними (войны, природные катаклизмы) и внутренними (общественно-политические преобразования, экономические кризисы) факторами. Они не позволяют регулировать общественные отношения в обычном порядке ординарной системой норм и правил, в связи с чем государство вынуждено применять меры чрезвычайного правового регулирования.

Чрезвычайное правовое регулирование – вид правового регулирования, правовое воздействие на общественные отношения в экстремальных условиях с помощью исключительных правовых средств в целях обеспечения безопасности и восстановления порядка и организованности в общественной жизни, при котором ограничивается или отменяется действие общих правовых принципов и норм⁴. Чрезвычайное правовое регулирование является обоснованной исключительной мерой для преодоления возникших для безопасности общества и государства угроз и применяется при введении чрезвычайного правового режима, который представляет собой особый вид правовых режимов, отличающийся рядом специфических характеристик, в числе которых: экстраординарность; ситуативность; правоограничительный характер, отражающий наличие совокупности применяемых запретов, обязываний, ограничений; существенное сужение статуса граждан и организаций, расширение компетенции специальных органов власти⁵.

Правоограничительный характер чрезвычайного правового режима предполагает возможность использования мер, ограничивающих конституционные права и свободы граждан и организаций; введение дополнительных административно-правовых обязан-

¹ См.: Матвеев С. П. Полицейская деятельность как объект научных исследований российских ученых-полицистов // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 145–152; Нижник Н. С. Полицейское государство – социоюридический феномен: характеристика сущностных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 123–130; Тарасов Н. К. Российская полицистика конца XIX – начала XX века об основаниях и пределах применения мер государственного принуждения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 51–60; Егоров Н. Ю. Административная юстиция как средство обеспечения прав и свобод личности (опыт анализа теоретического наследия И. Т. Тарасова) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 10–17; Козинникова Е. Н. Цензура как предмет полицейско-правовой теории в Российской империи конца XIX – начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 18–23; Пирожок С. С. Теоретико-методологические детерминанты концепции социального государства Роберта фон Моля // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 37–45.

² См.: Нижник Н. С., Семенова О. В., Карчевская Н. И., Стоцкий А. П., Бялт В. С. Теория государства и права: учебное наглядное пособие / под ред. Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. С. 225–226.

³ См.: Майоров В. М. Роль полиции в обеспечении правопорядка // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1 (4). С. 95.

⁴ См.: Шмидт Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2014. С. 8.

⁵ См.: Шмидт Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 81.

ностей и запретов. При этом органы власти, деятельность которых направлена на обеспечение данного режима, наделяются специальными, дополнительными чрезвычайными полномочиями. В число органов власти, на которые возлагаются полномочия по обеспечению чрезвычайного правового режима и ликвидации обстоятельств, послуживших причиной его введения, в различных странах (в том числе и в Российской Федерации) входит полиция.

В условиях построения правового государства важнейшим направлением деятельности государства становится совершенствование законодательства с целью достижения наибольшего соответствия правовых предписаний потребностям общественного развития, а также совершенствование системы государственного управления с целью достижения наиболее эффективной связи между субъектами и объектами государственного управления и повышения эффективности применяемых при этом управлении методов. События настоящего времени, связанные со сложной эпидемиологической обстановкой во всем мире, подтвердили теоретический вывод о том, что угрозы безопасности государства могут проявляться в различных формах, обусловили применение чрезвычайного правового регулирования общественных отношений и актуализировали проблемы поиска оптимальных моделей эффективного механизма управления государством в экстремальных условиях.

В условиях комплексного анализа данных вопросов большое значение приобретает ретроспективное исследование практики государственного управления в экстремальных условиях и уже накопленного опыта введения на территории государства чрезвычайного правового режима. Ретроспективный анализ деятельности полиции, а также выявление теоретических основ многообразия полномочий полицейских органов, среди которых особое место занимает возможность применения в отношении лиц мер принуждения, может способствовать определению направлений и средств развития в России эффективного государственного управления при возникновении экстраординарных ситуаций. Обязательным при этом является обращение к национальным правовым традициям, учет специфики исторического развития отечественного государства и достижений российской политико-правовой мысли.

Несмотря на то, что экстраординарные ситуации различной степени сложности по тем или иным причинам возникали в нашей стране на разных исторических этапах ее развития, официально **чрезвычайный правовой режим** впервые был введен на территории Российской империи в 1881 г. Указом «Об издании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны»¹.

¹ Именной, данный Сенату, высочайший указ от 4 августа 1881 г. «Об издании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и

Введение чрезвычайного правового режима в некоторых местностях Империи стало ответной реакцией власти на крайне нестабильную общественно-политическую ситуацию, сложившуюся в России в конце XIX в.² Половинчатость и непоследовательность реформ, проведенных во второй половине XIX в., не в полной мере изменивших старые принципы общественного устройства; нежелание и неспособность власти реагировать на происходящие изменения путем изменения формы правления в сторону конституционной монархии и расширения политических прав и свобод населения; наличие сословного деления, не соответствующего фактическим общественным отношениям; обострение противоречий между существовавшим механизмом государственной власти и качественно новыми общественными отношениями, складывавшимися в экономической и социальной сферах, – все это вело к неизбежным кризисным проявлениям, выражавшимся, как правило, в радикальных формах общественного недовольства: активизации революционных организаций, методом борьбы которых все чаще становились террористические акты. После гибели императора Александра II в результате одного из таких террористических актов стало очевидно, что безопасность государственного строя находится под непосредственной угрозой и что устранить ее обычными правовыми средствами возможным уже не представляется.

Чрезвычайный правовой режим Российской империи назывался **исключительным положением**. Его осуществление предполагало возможными две формы: положение усиленной охраны и положение чрезвычайной охраны. «Преступные посягательства против государственного строя или безопасности частных лиц и их имущества»³ являлись основанием для объявления положения *усиленной охраны*; в случае же приведения «населения известной местности в тревожное настроение»⁴ должно было быть объявлено положение *чрезвычайной охраны*. Чрезвычайный правовой режим исключительного положения был временной мерой: максимальный срок, на который закон предусматривал его введение в форме усиленной охраны, – 1 год, в форме чрезвычайной охраны – 6 месяцев. По истечении данного срока при необходимости режим мог быть продлен.

«Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 авгу-

объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. (далее – ПСЗ РИ-3). Т. I. Ст. 383. С. 283–284.

² См.: Биюшкина Н. И. Ограничения и запреты в развитии цензурного законодательства Российской империи второй половины XIX века // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 90–94.

³ Высочайше утвержденное от 14 августа 1881 г. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» // ПСЗ РИ-3. Т. I. Ст. 350. С. 262.

⁴ Там же.

ста 1881 г.¹ содержало общие положения, касающиеся введения, продления, прекращения чрезвычайного правового режима исключительного положения, а также устанавливало круг субъектов, ответственных за организацию и обеспечение его действия. Детальная регламентация режима началась после его введения принятием многочисленных нормативных правовых актов, в частности, конкретизирующих деятельность субъектов, обеспечивавших реализацию режима, составивших впоследствии систему чрезвычайного законодательства Российской империи.

Чрезвычайный правовой режим исключительного положения в Российской империи имел ряд особенностей:

- официально данный режим был объявлен временной мерой, но ежегодное его продление в течение более 20 лет привело к тому, что фактически он стал постоянной характеристикой жизни государства;
- исключительное положение официально вводилось лишь на отдельных территориях Российской империи и никогда не объявлялось действующим на территории всей страны, однако анализ реалий жизни государства в конце XIX – начале XX в. позволяет сделать вывод о том, что территория всей Российской империи фактически находилась в исключительном положении в большей или меньшей степени;

- одним из главных субъектов обеспечения режима исключительного положения являлась полицейская власть, получившая для этого широкий круг полномочий.

Вопросы деятельности полиции, тесно связанной с ограничением правового статуса населения в чрезвычайных условиях, стали предметом исследовательского интереса известных российских правоведов-полицистов: В. М. Гессена, И. Т. Тарасова, Н. Н. Белявского, М. К. Палибина, которые предпринимали попытки определить направления повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти² и особое внимание при рассмотрении деятельности полиции в условиях чрезвычайного правового режима исключительного положения уделили использованию меры государственного принуждения – полицейского надзора.

После принятия «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г. в целях его конкретизации и детализации Министерство внутренних дел разработало два подзаконных нормативных правовых акта «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распо-

ряжению административных властей»³ и «Положение о негласном надзоре»⁴.

В. М. Гессен, анализируя законодательство о *полицейском надзоре*, выделил его *виды*:

- надзор, назначенный судебным приговором;
- негласный полицейский надзор;
- надзор, предусмотренный Уставом о предупреждении и пресечении преступлений⁵;
- полицейский надзор, предусмотренный «Положением о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей».

В. М. Гессен⁶ отмечал, что осуществление полицейского надзора требовало учета его специфики, на основании которой могли быть выделены различные формы надзора:

1) *подследственный надзор*, учреждаемый до рассмотрения дела судебными органами (подследственный надзор – «особый надзор полиции» – являлся мерой предупредительной, учреждался за каждым обвиняемым в преступлении любой степени тяжести для пресечения каких-либо попыток обвиняемого уклониться от следствия и суда⁷. Данный вид надзора устанавливался в отношении обвиняемого судом по ходатайству должностного чина полиции, проводящего дознание по делу, о чем обвиняемому объявлялось под расписку с одновременным изъятием документов на жительство. Общая полиция следила за тем, чтобы подследственный жил в указанном месте жительства и в любой момент мог быть доставлен к тому лицу, распоряжением которого был учрежден надзор);

2) *судебный надзор*, устанавливаемый по приговору суда (судебный надзор являлся мерой карательной, устанавливаемой по приговору суда. Устанавливался решением суда на определенный срок за лицами, уже отбывшими наказание в виде тюремного заключения. Лицу, отбывшему наказание, предоставлялось право выбора местности, в которой он хотел бы отбывать срок полицейского надзора. Это было необходимо для того, чтобы исключить возможность пребывания данной категории лиц в тех местностях

³ Высочайше утвержденное от 12 марта 1882 г. «Положение о полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению административных властей» // ПСЗ РИ-3. Т. II. Ст. 731. С. 84–87.

⁴ Положение «О негласном полицейском надзоре»: утв. 1 марта 1882 г. // Террор и агентура в Российской империи. 1861–1917: сборник документов, материалов, воспоминаний / авт.-сост. Н. Д. Литвинов. Воронеж, 2007. С. 109–114.

⁵ См.: Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 14.

⁶ См.: Гессен В. М. Административное право / соч. проф. В. М. Гессена. СПб., 1903; Он же. Исключительное положение. СПб., 1908; Он же. Теория правового государства // Политический строй современных государств. СПб., 1912. С. 33–67.

⁷ См.: Высочайше утвержденный от 20 ноября 1864 г. «Устав уголовного судопроизводства» // ПСЗ РИ-2. Т. XXXIX. № 41476. С. 215–306.

¹ Там же.

² См.: Егоров Н. Ю. О модели эффективно функционирующих органов исполнительной власти в полицейском государстве (по работам И. Т. Тарасова) // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 314–318.

Империи, где объявлено исключительное положение или на тех территориях, где их пребывание могло быть признано Министерством внутренних дел вредным¹. В месте отбывания надзора лицо прикреплялось к исполнительному чину полиции, которому передавались имеющиеся документы на прибывшего, в том числе выписка из приговора суда, в силу которого он подвергался ограничению прав и надзору полиции². Ограничение прав поднадзорных заключалось в наличии у полиции полномочий по наблюдению за поведением и местожительством поднадзорных, проверке их нахождения дома в ночные часы, производству при необходимости обысков в их жилище, недопущению участия поднадзорных в общественных собраниях);

3) *административный надзор*, назначаемый правительственной властью без вмешательства суда (административный надзор, как и особый надзор полиции, выступал мерой предупредительной, однако утверждался без участия суда – министром внутренних дел по ходатайству представителей непосредственно административной власти: губернаторов, чинов полиции, военных начальников. Целью надзора было предупреждение и пресечение нарушения общественного спокойствия, порядка, благочиния, личной и имущественной безопасности. Установление данного вида надзора всегда было сопряжено с административной высылкой лица на срок от одного года до пяти лет в местности Российской империи, которые не были объявлены на исключительном положении (административный надзор мог быть установлен за лицом и без административной высылки, по месту проживания поднадзорного лица, если оно не входило в список запрещенных территорий). Как правило, под данную меру попадали лица, чье пребывание признавалось вредным в местностях, в которых устанавливался режим исключительного положения. Правовое положение поднадзорного предполагало изъятие у него всех документов о его личности, запрет на выезд с определенной ему для проживания территории, а также запрет на занятие определенными видами деятельности, в числе которых: педагогическая, любая публичная деятельность, содержание типографий, библиотек и фотомастерских (равно как и служба в таковых), торговля книгами, содержание трактирных и питейных заведений, служба в органах государственной власти. Данный список не был исчерпывающим – административной власти в лице губернаторов предоставлялась возможность широкого

усмотрения: поднадзорному могло быть запрещено занятие любой деятельностью, если таковая представлялась, по мнению властей, опасной для общественного порядка и спокойствия).

Анализируя содержание административного надзора, профессор И. Т. Тарасов отмечал, что законодательно он является придатком – «добавочной мерой безопасности» – к административной высылке, предусмотренной «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Фактически же административный надзор – тяжкое наказание (отсутствие у административных властей границ усмотрения в отношении ограничения правового статуса поднадзорных на практике часто приводило к ущемлению практически всех возможных прав личности). Тем не менее среди позитивных последствий принятия «Положения о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей»³ И. Т. Тарасов видел то, что власть опубликовала этот нормативный правовой акт и довела до всеобщего сведения факт принятия во внимание и обязанностей, и прав поднадзорных.

Возможность установления административного надзора по постановлению Особого совещания МВД без привлечения суда профессор М. К. Палибин рассматривал в контексте того, что данный вид надзора назначался в отношении лиц, чьи деяния не попадали под определение преступных, и носил исключительно предупредительный характер⁴.

Административный полицейский надзор, как констатировал В. М. Гессен, – это особенность российской действительности, в западноевропейских странах надзор полиции устанавливался как дополнительная карательная мера по приговору суда. Сам по себе полицейский надзор в Российской империи, существуя в трех формах (подследственной, судебной и административной), в форме административной применялся редко, чаще всего выступая неизбежным дополнительным придатком наиболее строгих наказаний, назначаемых по приговору суда⁵. Исходя из содержания административного надзора, В. М. Гессен относил его к полномочиям полиции принудительного характера.

Иная ситуация обстояла с *негласным полицейским надзором*. До 1882 г. осуществление негласного полицейского надзора регламентировалось различными внутренними циркулярами МВД⁶. 1 марта

¹ См.: Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров от 21 февраля 1886 г. «Об ограничении права выбора места жительства для лиц, находящихся под надзором полиции по судебным приговорам» // ПСЗ РИ-3. Т. VI. № 3535. С. 83.

² См.: Положение «О негласном полицейском надзоре»: утв. 1 марта 1882 г. // Террор и агентура в Российской империи. 1861–1917: сборник документов, материалов, воспоминаний / авт.-сост. Н. Д. Литвинов. Воронеж, 2007. С. 109–114.

³ Высочайше утвержденное от 12 марта 1882 г. «Положение о полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению административных властей» // ПСЗ РИ-3. Т. II. Ст. 731. С. 84–87.

⁴ См.: Биюшкина Н. И. Юридическое закрепление процедуры негласного надзора и наблюдения в российском полицейском праве 80-х – 90-х гг. XX в. // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 79–82.

⁵ См.: Гессен В. М. О правовом государстве. СПб., 1906. С. 23.

⁶ См.: Матвеев А. В. Наружное наблюдение как средство борьбы с революционным терроризмом в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2018. № 12.

1882 г. «Положение о негласном надзоре» было утверждено министром внутренних дел, введено внутренним циркуляром МВД и не было опубликовано.

Негласный полицейский надзор учреждался Департаментом полиции или по его непосредственному усмотрению в отношении «политически неблагонадежных лиц» (четкого определения данного понятия в законодательстве Российской империи не содержалось). К политически неблагонадежным лицам относили: студентов, исключенных из высших учебных заведений; лиц, возвращенных из административной ссылки и освобожденных от гласного полицейского надзора; лиц, отбывших тюремное заключение за совершение государственного преступления. Нормальным сроком негласного надзора в «Положении о негласном надзоре» обозначен срок – два года. После данного срока негласный надзор в отношении лица прекращался в порядке, предусмотренном «Положением о негласном надзоре».

Несмотря на то, что «Положение о негласном надзоре» было документом для служебного пользования, в свободном доступе правоведов, не являвшихся чинами полиции, не находилось, ученые характеризовали негласный полицейский надзор как «нормальную форму деятельности полиции, не имеющую принудительного характера»¹, поскольку поднадзорное лицо даже не было в курсе того, что за ним был установлен надзор. В. М. Гессен определял негласный полицейский надзор как предупредительную меру, направленную на предупреждение государственных преступлений посредством секретного наблюдения за лицами сомнительной политической благонадежности², и характеризовал эту предупредительную меру как самую неопределенную.

И. Т. Тарасов высказывал опасение в том, что, поскольку никакого законодательного объяснения, в чем заключается негласный полицейский надзор, в отношении кого и на какой срок он устанавливается, нет, то на практике он может превратиться в совершенно бесполезные для порядка меры³. Н. Н. Белявский отмечал, что отсутствие законодательного закрепления положений негласного надзора неминуемо приведет к полной его зависимости от дискреционной власти администрации⁴.

Анализ нормативных актов и материалов делопроизводства Министерства внутренних дел Российской империи, которые хранятся в архивах и характеризуют осуществление негласного надзора в конце XIX – начале XX в., позволяет сделать вывод о том, что полицейский надзор являлся важным инструментом в процессе обеспечения функционирования чрез-

вычайного правового режима исключительного положения и широко применялся в Российской империи на протяжении всего его действия, особенно в преддверии важных государственных событий (например, коронация императора).

Российские полицейисты признавали важность полицейского надзора, относя его к нормальным методам работы полиции и положительно оценивая законодательное его закрепление в конце XIX в., однако большинство из них обращали внимание на то, что даже в условиях действия на территории государства чрезвычайных правовых режимов содержание данной меры должно быть закреплено законом, а реализация норм закона – исключать какое-либо усмотрение местных административных властей. Ситуация, при которой предупредительная мера, имеющая целью недопущение совершения деяний, опасных для государственной и общественной безопасности, на практике становится наказанием за даже подозрение в «политической неблагонадежности», полицейистами считалась недопустимой. Широкое применение полицейского надзора в условиях общественно-политической нестабильности Российской империи конца XIX – начала XX в. отечественные государствоведы признавали оправданным. Но его применение, наряду с другими мерами, предпринятыми государственной властью с целью стабилизации общественно-политической обстановки, оказалось недостаточным для сохранения существовавшего государственного строя. В Российской империи созрели предпосылки для перемен сущностного характера.

Библиографический список

1. Биюшкина Н. И. Ограничения и запреты в развитии цензурного законодательства Российской империи второй половины XIX века / Н. И. Биюшкина // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 90–94.
2. Биюшкина Н. И. Юридическое закрепление процедуры негласного надзора и наблюдения в российском полицейском праве 80-х – 90-х гг. XX в. / Н. И. Биюшкина // Социум и власть. – 2011. – № 3 (31). – С. 79–82.
3. Гессен В. М. Административное право / Соч. проф. В. М. Гессена. – СПб., 1903
4. Гессен В. М. Исключительное положение / В. М. Гессен. – СПб., 1908
5. Егоров Н. Ю. Административная юстиция как средство обеспечения прав и свобод личности (опыт анализа теоретического наследия И. Т. Тарасова) / Н. Ю. Егоров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 10–17.
6. Егоров Н. Ю. О модели эффективно функционирующих органов исполнительной власти в полицейском государстве (по работам И. Т. Тарасова) / Н. Ю. Егоров // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский универ-

С. 43–47.

¹ Гессен В. М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 26.

² Там же.

³ См.: Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1891. Вып. 1. С. 124.

⁴ См.: Белявский Н. Н. Полицейское право (административное право). 2-е изд. Юрьев, 1910. С. 76.

ситет МВД России, 2018. – С. 314–318.

7. Козинникова Е. Н. Цензура как предмет полицейско-правовой теории в Российской империи конца XIX – начала XX века / Е. Н. Козинникова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 18–23.

8. Майоров В. М. Роль полиции в обеспечении правопорядка / В. М. Майоров // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 1 (4). – С. 95–98.

9. Матвеев С. П. Полицейская деятельность как объект научных исследований российских ученых-полицистов / С. П. Матвеев // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 1. – С. 145–152.

10. Нижник Н. С. Полицистика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России / Н. С. Нижник // Российская полиция: три века служения Отечеству: сборник статей юбилейной Международной научной конференции: в 2 ч. / под ред. В. Л. Кубышко. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – Ч. 1. – С. 220–240.

11. Нижник Н. С. Теория государства и права: учебное наглядное пособие / Н. С. Нижник, О. В. Семенова, Н. И. Карчевская, А. П. Стоцкий, В. С. Бялт; под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016.

12. Пирожок С. С. Теоретико-методологические детерминанты концепции социального государства Роберта фон Моля / С. С. Пирожок // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 37–45.

13. Тарасов Н. К. Российская полицистика конца XIX – начала XX века об основаниях и пределах применения мер государственного принуждения / Н. К. Тарасов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (84). – С. 51–60.

14. Шмидт Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретические аспекты: монография / Т. Н. Шмидт. – Москва: Юрлитинформ, 2017.

15. Шмидт Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Т. Н. Шмидт. – Барнаул, 2014.

Bibliograficheskij spisok

1. Biyushkina N. I. Ogranicheniya i zaprety v razvitii cenzurnogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX veka / N. I. Biyushkina // YUridicheskaya tekhnika. – 2018. – № 12. – С. 90–94.

2. Biyushkina N. I. YUridicheskoe zakreplenie procedury neglasnogo nadzora i nablyudeniya v rossijskom policejskom prave 80-h – 90-h gg. HKH v. / N. I. Biyushkina // Socium i vlast'. – 2011. – № 3 (31). – С. 79–82.

3. Gessen V. M. Administrativnoe pravo / soch. prof. V. M. Gessena. – SPb., 1903

4. Gessen V. M. Isklyuchitel'noe polozenie / V. M. Gessen. – SPb., 1908

5. Egorov N. YU. Administrativnaya yusticiya kak sredstvo obespecheniya prav i svobod lichnosti (opyt

analiza teoreticheskogo naslediya I. T. Tarasova) / N. YU. Egorov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 1 (85). – С. 10–17.

6. Egorov N. YU. O modeli effektivno funkcioniruyushchih organov ispolnitel'noj vlasti v policejskom gosudarstve (po rabotam I. T. Tarasova) / N. YU. Egorov // Rossijskaya policiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyj resurs]: materialy yubilejnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 300-letiyu rossijskoj policii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2018. – С. 314–318.

7. Kozinnikova E. N. Cenzura kak predmet policejsko-pravovoj teorii v Rossijskoj imperii konca XIX – nachala XX veka / E. N. Kozinnikova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 1 (85). – С. 18–23.

8. Majorov V. M. Rol' policii v obespechenii pravoporyadka / V. M. Majorov // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2015. – № 1 (4). – С. 95–98.

9. Matveev S. P. Policejskaya deyatel'nost' kak ob'ekt nauchnyh issledovanij rossijskih uchenyh-policeistov / S. P. Matveev // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2015. – № 1. – С. 145–152.

10. Nizhnik N. S. Policeistika: osnovnye etapy razvitiya policejsko-pravovoj teorii v Rossii / N. S. Nizhnik // Rossijskaya policiya: tri veka sluzheniya Otechestvu: sbornik statej yubilejnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2 ch. / pod red. V. L. Kubysheko. – Moskva: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2019. – CH. 1. – С. 220–240.

11. Nizhnik N. S. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe naglyadnoe posobie / N. S. Nizhnik, O. V. Semenova, N. I. Karchevskaya, A. P. Stockij, V. S. Byalt; pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2016.

12. Pirozhok S. S. Teoretiko-metodologicheskie determinanty koncepcii social'nogo gosudarstva Roberta fon Molya / S. S. Pirozhok // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 1 (85). – С. 37–45.

13. Tarasov N. K. Rossijskaya policeistika konca XIX – nachala XX veka ob osnovaniyah i predelah primeneniya mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya / N. K. Tarasov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 4 (84). – С. 51–60.

14. SHmidt T. N. CHrezvychajnoe pravovoe regulirovanie: obshcheteoreticheskie aspekty: monografiya / T. N. SHmidt. – Moskva: YUrlitinform, 2017.

15. SHmidt T. N. CHrezvychajnoe pravovoe regulirovanie: obshcheteoreticheskoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk / T. N. SHmidt. – Barnaul, 2014.

Нормативные правовые акты Сената в период правления Павла I: виды, соотношение, характеристика

Момотова Екатерина Павловна,
Нижегородская академия МВД России
e-mail: momet@mail.ru

В статье анализируются нормативные правовые акты Сената, принятые в период правления Павла I. Рассматриваются документы, исходившие от должностных лиц и императора, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи.

Ключевые слова: Павел I; нормативные правовые акты; виды нормативных правовых актов; Полное собрание законов Российской империи; Сенат.

Normative legal acts of the Senate during the reign of Paul I: types, ratio, characteristics

Momotova Ekaterina Pavlovna,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of Russia

The article analyzes the normative legal acts of the Senate adopted during the reign of Paul I. the documents issued by officials and the Emperor, published in the Complete collection of laws of the Russian Empire, are Considered.

Key words: Paul I; normative legal acts; types of normative legal acts; Complete collection of laws of the Russian Empire; Senate.

Император Павел I ставил перед собой цель разобрать нерешенные дела прошлых лет, а также упорядочить процесс государственного управления в соответствии со своими представлениями, что он и начал активно реализовывать с момента своего восшествия на престол. Император проводил своего рода проверку и переоценку тех преобразований и достижений в области государственного устройства, которые были осуществлены его матерью, Императрицей Екатериной Великой¹.

Сенат был подвергнут реформированию. 13 декабря 1796 г. Император Павел I утвердил новое положение о Сенате. Согласно принятому закону увеличивалось число департаментов, почти вдвое выросла численность сенаторов (с 46 до 90) и почти втрое (с 272 до 782) – сотрудников Сената, вводились также новые правила и формы делопроизводства. Из компетенции Сената было исключено военное управление, но расширены его функции в сфере государственно-правового и контрольно-ревизорского управления. Сенату поручалось составление некоторых законопроектов, участие в подготовке и проведении нового

административного деления и губернского устройства, решение дел по дворянскому и местному самоуправлению, разработка вопросов, связанных с таможней, торговлей, улучшением промыслов, фабрик и заводов, наблюдение за безопасностью и благосостоянием народа, за положением сословий и т. д.

В деятельности Сената произошла прежде всего структурная перестройка. Павел I постарался более четко оформить функциональную структуру Сената вследствие накопившихся нерешенных дел и неравномерности их распределения между департаментами: Первый департамент стал отвечать за казенные и сословные дела, Второй – ведал гражданскими делами, Третий и Четвертый – административными, Пятый – уголовными. Кроме того, для ускорения решения накопившихся дел было создано три временных департаментов: Первый временный департамент заведовал казенными и сословными делами, Второй – гражданскими, Третий – межевыми. До 1800 г. дела по жалобам временных департаментов рассматривались Общим собранием Сената, затем было создано Общее собрание временных департаментов Сената. Дела в Общем собрании решались не единогласно, как ранее, а большинством голосов. В случае равенства голосов они поступали на Высочайшее рассмотрение. Также на Высочайшее рассмо-

¹ См.: Соколов Д. В. Эволюция структуры и функций Правительствующего Сената в Российской империи (1711–1917 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2019. С. 65–68.

трение дела поступали, если генерал-прокурор призывал решение Сената не соответствующим закону.

В компетенции Сената существенных реорганизаций не наблюдается. К его ведению были отнесены следующие вопросы: 1) публикация и разъяснения законодательных актов, а также надзор за их исполнением; 2) организация государственной службы; 3) общие вопросы государственного управления; 4) судебные дела (гражданские, уголовные и политические).

Участие Сената в законодательстве в царствование Павла I проходило на тех же основаниях, что и ранее: Сенат подготавливал законопроект, представлял его на Высочайшее утверждение, после чего он мог быть утвержден и приобретал статус закона. Однако самостоятельное законотворчество Сената было ограничено. Особенно это заметно в тех делах, когда Сенат рассматривал готовые законопроекты. В этом случае он только проверял аргументацию текста и соответствие его законодательной практике и имеющимся прецедентам. В соответствии с Указом от 4 января 1797 г. было предписано «вносить» в Сенат «все именные указы, кроме секретных», «те только, которые по связи дел до сведения его принадлежать могут»¹.

Оставаясь высшим правительственным органом, Сенат рассматривал огромное количество дел, причем делал это преимущественно самостоятельно, без участия государя и без вмешательства генерал-прокурора.

Несколько меньшей стала компетенция Сената в судебной сфере, т. к. произошло усиление судейской власти монарха. Значительная часть дел стала восходить к государю в порядке ревизионном и апелляционном².

Исходя из ранее подсчитанного количества нормативных правовых актов, регулирующих работу Сената, можно отметить, что всего в деятельности этого государственного органа за период правления Императора Павла I было издано свыше тысячи указов. Именных указов, данных Сенату, было 376, Именных указов, объявленных Сенату генерал-прокурором, – 103, Сенатских указов – 429 и Сенатских указов в отношении конкретных должностных лиц – 81. Учитывая тот факт, что выше нами были упомянуты такие акты, как Именные указы, объявленные Сенату генерал-прокурором, мы остановимся на анализе остальных наименований нормативных правовых актов.

Именных указов, данных Сенату в 1796 г., было – 40, в 1797 г. – 108, в 1798 г. – 79, в 1799 г. – 75, в 1800 г. – 64 и в 1801 г. – 10; Сенатских указов: на год начала правления – 10, в 1797 г. – 67, в 1798 г. – 130,

в 1799 г. – 75, в 1800 г. – 124 и в заключительный период правления – 23; Сенатских указов в отношении конкретных должностных лиц: в первый год – 1, в 1797 г. – 14, в 1798 г. – 23, в 1799 г. – 21, в 1800 г. – 16 и в 1801 г. – 6.

Учитывая тот факт, что направление сенатской работы в рассматриваемый период было одним из самых объемных в аспекте количества издаваемых нормативных правовых актов, хотелось бы отметить, что условно направления законодательной деятельности данного органа делились на регулирование вопросов:

- городов, губерний;
- населения в сословий Российской империи;
- органов и организаций, находящихся в ведомстве Сената;
- финансово-материальной составляющей.

И что характерно именно для законодательства Павла I, чаще указы одного направления издавались по 2–3 подряд. Если рассматривать законодательство Сената по предложенной нами классификации и по годам правления Императора Павла I, то начать следует с самого объемного направления законотворчества – регулирования деятельности, реорганизации, введения, ликвидации органов и организаций, находящихся в ведомстве Сената, а также деятельности должностных лиц. Вся система государственных учреждений должна была стать лишь механизмом реализации верховной воли монарха. Главным становилось четкое определение правового статуса и функций каждого государственного органа и стремление подчинить деятельность административной системы букве закона³.

В 1796 г. в данной сфере было подписано 24 акта. Глобальным указом были восстановлены три коллегии, существующие до 1775 г., к их ведомству были отнесены некоторые учреждения, такие как Горное училище, Нерчинские заводы и другие. Именными указами восстанавливались: судопроизводство в Малороссии, присутственные места, в частности в Выборгской и Курляндской губерниях, – на их решения разрешалось подавать апелляции. В ведомство Берг-коллегии переходил надзор над горными заводами и Ассигнационным банком, упразднен был ранее действующий банк горной экспедиции. Были упразднены Псковская и Вологодская межевые конторы. Межевым конторам предписывались обязательства решать представленные от землемеров спорные планы. Отменяя указ матери, Павел упразднил Комитет со всеми от него зависящими местами, учрежденный при высочайшем дворе, оставив действовать при нем только Счетную экспедицию для разбора и расчета государственных долгов.

Одним из самых громких указов Императора стал № 17.654, предписывающий генерал-прокурорам вносить в Сенат для рассмотрения узаконения, оканчиваемые прежде в Уложенной комиссии и определяющие состав чиновников для составления книги

¹ См.: Памятники российского права: учебно-научное пособие: в 35 т. Т. 7. Памятники права в период правления Павла I / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 61–63.

² См.: Куанчалева Л. Ш. Правовые основы работы Сената при императоре Павле I // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11-7. С. 51–54.

³ См.: Куанчалева Л. Ш. Указ. соч.

законов. Регулировался штат медицинских чиновников в Медицинской коллегии. Несколькими указами учреждались экспедиция государственных конских заводов и особое управление под непосредственным ведением Сената в Ораниенбаумском дворце, открывались Берг- и Мануфактур-коллегии, при Берг-коллегии возобновляли работу военной роты, Тульский оружейный завод переходил в ведомство военной коллегии.

Декабрьскими указами 1796 г. предписывалось исполнение протоколов, подписанных трем сенаторам. В присутственных местах от заседаний освобождались на первые три дня Светлого праздника Рождества Христова, а 50 % сенаторов могли отлучаться для отдыха в свободное от заседаний время.

В 1797 г. в направлении реорганизации органов Сената было подписано свыше 60 актов. При Сенате учреждался ряд новых органов и организаций: главная соляная контора в Москве; Коммерц-коллегия в Санкт-Петербурге; департамент для Римско-католических юстицских дел при юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел; особая экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранных поселенцев и сельского домоводства при Сенате; экспедиция для свидетельства таможенных счетов с приложением ее штата; училище земельного битого строения; Надворный суд в Волынской губернии; комиссия для разбора в земском архиве бумаг и документов, находящихся в городе Мишаре; а также должности прокуроров в межевых канцеляриях и конторах и новые штаты Нижегородской и Низовской соляных контор.

Восстанавливалось обучение юнкеров канцелярскому делопроизводству и прочим наукам при Сенате и коллегиях; возобновляла работу Берг-контора в Москве, определялось число ее чиновников. В Сенат направлялись уголовные дела из палат на основании Высочайше утвержденного доклада. Открывались временные департаменты Сената; придворная канцелярия со своими придворными чинами и должностями; главная соляная контора; Берг-контора в Москве; канцелярия главного правления заводов; Саратовская контора опекунов иностранных поселенцев; заседания Камер-коллегии.

Были уничтожены: монетная экспедиция в Москве; комиссии и конторы по приложенному списку, а дела их распределялись по разным местам; главная таможенная канцелярия; находящиеся при экспедиции государственных доходов экспедиции повинной и соляной частей, а в Москве – Камер-коллежского департамента; определялись приставы при казенных винных и соляных магазинах. Устраивался департамент для Римско-католических юстицских дел.

Претерпевали изменения присутственные места Эстляндской и Лифляндской губерний, изменялись штаты и чины Курляндской губернии, чиновники должны были исполнять свои обязанности с благопристойностью и рачением, в Сенат в 31-дневный срок доставлялись рапортами сведения об исполне-

нии указов, после упразднения присутственных мест истребовались образцовые ассигнации. Со стороны губернских правлений было повышенное внимание в отношении успешного решения дел в присутственных местах.

В 1798 г. деятельность органов и организаций регламентировалась более чем 70 нормативными правовыми актами. Учреждались следующие органы: Департамент для ведения дел по водяным коммуникациям под ведомством Сената; правления для Олонецкого и Кронштадтского заводов; Казанская губернская гимназия; ратуши в городах Выборгской губернии: Нейшлоте, Кексгольме и Сердоболе, был переименован Вильмандstrandский Камперский суд в ратушу; инвалидная команда для удержания в должном повиновении и устройстве колодников, работающих на Тобольских винокурных заводах; в городе Шенкурске вместо магистрата – ратуша; временный департамент – в межевой канцелярии.

Открывались: учетная и страховая конторы при государственном Ассигнационном банке; Мануфактур-контора в Москве; департамент водяных коммуникаций; правление Олонецких и Кронштадтского литейных заводов; правление Луганского литейного завода; удельные экспедиции в губерниях: Санкт-Петербургской, Московской, Смоленской, Тамбовской, Архангельской, Костромской, Казанской, Вятской и Орловской. Упразднялся особый Магистрат для российских купцов в Одессе.

Доставлялись рапорта в Сенат: об исполнении указов и ежемесячных ведомостей о неисполненных указах; о получении указов и количестве узаконений Присутственных мест; об исполнении каждого указа в отдельности. Ведомости, списки содержали сведения: в каком положении находятся дома Духовных училищ; послужные списки о классных чиновниках, воинских чинах, следующих к отставке или исключению из губернских рот и штатных команд; о рекрутах в инспекторскую экспедицию из губернских правлений; об определяемых по Высочайшим приказам в губернские роты и штатные команды обер-офицерах и другие. Удельным экспедициям предписывалось зависеть от начальников губерний, вице-губернаторов и казенных палат, где они учреждены. Указы Сената указывалось исполнять моментально, особенно те, которые имеют своим основанием Высочайшие повеления. Межевой канцелярии предписывалось во всех случаях наблюдать законный порядок и «не позволенной себе власти не присваивать».

В 1799 г. открывались Временный департамент Межевой канцелярии и два департамента комиссии по снабжению столичного города Москвы припасами. Предписывалось государю-наследнику присутствовать в Сенате, а генерал-провиантмейстеру – в первом департаменте Сената. Таких должностных лиц, как обер-провиантмейстер и канцелярские чины, оставляли при Белорусской казенной палате; прикомандировывали чиновников на упраздненные ранее казначейские места; в некоторые города

назначали городничих и определяли размер их жалования; на уездных казначеев не возлагалось никаких свыше должностей казенными палатами; губернаторам предписывалось способствовать отапливанию гарнизонных школ по требованию комендантов; избирались кандидаты и Сенаторы в обеих столицах для осмотра в Империи всего принадлежащего по гражданской части; чиновников из палат представляли в Сенат к награждению чинами через губернаторов; при президенте Коммерц-коллегии назначались директор канцелярии, секретарь и два писца.

Существенно изменилось количество канцелярских служащих. Всего канцелярия Сената располагала должностями 521 служащего. По сравнению с последним годом правления Екатерины II, когда канцелярия департаментов Сената насчитывала 272 человека, в 1797 г. личный состав Сената увеличился почти втрое, достигнув цифры 782¹.

В 1800 г. было издано около 60 указов в рассматриваемой сенатской сфере. Обобщая их, можно отметить основные преобразования. Учреждались и открывались: особый департамент при Камер-коллегии для окончания дел по старым откупам и поставкам, после чего данный департамент открывался и действовал не при коллегии, а индивидуально; в Новгородской губернии – комиссия для разбора жалоб о неправильном отбирании земель в Крыму под ведомством Новороссийского военного губернатора; торговая страховая контора с приложением её правил; второй департамент при московском уездном суде с определением к ним по два секретаря. Подтверждалось: всем присутственным местам по посылаемым из Сената указам присылать рапорта в срок; межевой канцелярии по просьбам землемеров и других чинов не увольнять без требования присутственных мест; списки о службе чиновников ежегодно доставлять в Сенат к 1 октября; по требованию одной палаты решение другой не отменять.

Предписывалось: межевым канцеляриям и конторам именовать находящихся в их ведомстве землемеров и учеников – первых старшими, а вторых – младшими со значением класса по их чинам, не преступать к образованию не подчиненных им мест; Земским судам, смотрителям, определенным от Департамента водяных коммуникаций, оказывать со своей стороны законную помощь; Казенным палатам для объявления решительных межевых правительственных определений поверенных и казенных поселян к себе не вызывать, а перепоручать это Земским судам. Также Казенным палатам необходимо было уравнивать казенных крестьян землями и отводить их каждому селению; попечительствовать касательно взыскания запущенных недоимок по подрядам и откупам; производить дела на гербовой бумаге, касающиеся займов сумм. В Сенат доставлялись ведомости в установленной форме о преступниках из губерний по окончании каждой трети года. Регламентировалось укомплектование рабочими людьми фабрик и заводов. В 1801 г. в

ведомство президента Берг-коллегии был отдан Монетный департамент, рудоприскаательные партии и Горный корпус.

Несмотря на расширение состава Сената и создание при нем указанных выше учреждений его роль в управлении сократилась. За период царствования Павла I правовой статус Сената не был определен законодательно. Сенату отводилась роль хранителя законов и связующего звена между законодателем и подданными. Через Сенат проходили все Высочайшие указы, а также важнейшие распоряжения коллегий².

Такое направление работы Сената, как урегулирование вопросов населения Российской империи, в том числе сословных, было отражено более чем в 30 нормативных правовых актах. В 1796 г. самым первым Указом Сенату Император отменил сентябрьский указ, принятый матерью перед смертью, о наборе с 500 душ по 5 рекрутов.

Именным указом, данным Сенату, сыновьям, рожденным спустя 5 месяцев после смерти отца, предоставлялось право наследовать его имущество и родовую фамилию.

К евреям у Императора было особое отношение. Так, сенатским указом купцам-евреям не воспрещалось сменять места жительства с Могилевских на Новгородские губернии. Правительство больше не обладало компетенцией присвоения дворянского достоинства и выдаче грамот без Высочайшего позволения. Высочайшей резолюцией на приговор Сената были назначены главный виновный и соучастники в деле о похищении сумм из заемного банка. Прекращались самовольные переходы с места на место в губерниях, а вместе с тем и регулирование штрафов за наем и удержание беглых людей. Крестьян более не записывали в ряды купечества, а возникающие между ними споры разбирались в нижних расправах. Малолетние по достижении ими совершеннолетия допускались к апелляции на решения, вынесенные в отношении них в детском возрасте.

В 1797 г. одним из наиболее актуальных вопросов в работе с населением стало составление общего гербовника дворянских родов, дворянам необходимо было предоставить дипломы в губернское правление или в герольдию для скорейшего окончания Российского гербовника, затем для внесения в общий гербовник дворянский родов доставлялись сведения о них. Губернские правления вправе были замещать места, освободившиеся до выборов дворянства и купечества. Дворяне, гильдейские граждане, священники и дьяки телесно наказывались за уголовные преступления. Например, поручик Федосеев был наказан отдельным указом за разглашение, что помещичьи крестьяне станут казенными.

В упраздненных городах купечество и мещанство оставалось при своих прежних промыслах. Регулировались права астраханского армянского общества, записавшихся в российское купечество, унич-

¹ См.: Куанчалева Л. Ш. Указ. соч.

² См.: Куанчалева Л. Ш. Указ. соч.

тожался греческий дивизион, состоящий из греков и албанцев. Указом проходил набор рекрутов с 500 по 3 человека. По решениям нижних судебных мест невозможно было исключить крестьян из казенного ведомства. На утверждение Сената предоставлялись сведения о крепостных и мастеровых казенного ведомства, которые желали бы записаться в купечество или мещанство.

В 1798 г. было подписано около 40 указов, содержащих меры по совершенствованию отдельных вопросов социальной политики. Основные из них затронули вопросы оценки дворовых людей и безземельных крестьян при взыскании с помещиков казенных и партикулярных долгов по их работе и доходу, получаемому с них; причисления в мещанское и купеческое состояние посылаемых в Сибирь на поселение с дозволением Сената и с оставлением места жительства в пределах своего края; открытия главного начальства государственного вспомогательного банка для дворянства; дозволения покупки крестьян к заводам и фабрикам и отбирания их в казну в случае уничтожения таких заведений; неупотребления поселян в земские повинности; отпуска паспортных листов из уездных казначейств в ратуши заштатных городов для раздачи мещанам; утверждения второй части общего гербовника дворянских родов; выдачи паспортов заочно находящимся в отлучках купцам, мещанам и крестьянам с взиманием пошлины за двухгодичные паспорта и изменением их формы; отдачи земель, выше города Кизляра лежащих, вышедшим из Дербента армянам.

В 1799 г. в части гербовника дворянского рода произошла конфирмация и была утверждена четвертая его часть. В Нижнеземские суды прибавлялись заседатели и содержались за счет сумм дворянских имений. Без Высочайшего утверждения не проходивших службу дворянских детей нельзя было записывать в статскую службу. Предписывалось проводить дворянские выборы в уездные места и губернские предводители.

Крестьянам временно предоставлялось право производить мелочную торговлю платежей в казну акциза; помещичьи крестьяне отдавались в рекруты без зачета за самовольное похищение казенного леса; предписывалось наказывать их за перевоз беглых за границу; по делам удельных поселян с помещичьими и казенными крестьянами исполнялись решения совместно с удельными экспедициями. Утверждались правила и преимущества, дарованные Екатериной II Нахичеванскому армянскому обществу. Производился набор рекрутов с 350 душ по одному человеку.

В 1800 г. около 40 указов регламентировали вопросы жизнедеятельности народа Российской империи. В частности, доказавшие дворянство, представлялись на рассмотрение в герольдию; принадлежавших им же крестьян предписывалось не исключать из однодворческого оклада; в каждом уезде содержалась дворянская родословная книга; утверждена была пятая часть общего гербовника дворянских родов

Российской империи. Регулировались вопросы семейного наследственного права, раздел имущества. Был отменен рекрутский набор на 1800 г. Урегулировались множественные вопросы крестьянства. В 1801 г. издавались правила наделения и уравнивания казенных крестьян землями; без Высочайшего повеления на подписание грамоты на дворянское достоинство не предоставлялись.

Утверждались направления деятельности, регулирующие статус и основополагающие вопросы городов, губерний, населенных пунктов Российской Империи. В десятку самых первых нормативных правовых актов, данных Сенату Павлом I, вошли волеизъявления о закреплении статуса города за Гатчиной и Павловском. Нововозведенный литейный завод Екатеринославской губернии в Донецком уезде переходил в ведомство Берг-коллегии. Ораниенбаумский дворец со всеми приписными к нему мызами, деревнями и прочими селениями и угодьями переходил в собственность государя-наследника, цесаревича, Великого Князя Александра Павловича. В соответствии с указами № 17.634 и № 17.633 государство делилось на губернии, а пахотные рекрутские участки предписывалось не делить на десятки.

В 1797 г. было подписано более 50 нормативных правовых актов в данном направлении деятельности. Наиболее значимыми указами, касающимися городского управления, было предписано уездным городам Саратову и Оренбургу стать губернскими. В Саратовской губернии была приостановлена раздача казенных земель. Определялись: таможенные инспектора в губерниях Выборгской, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Литовской, Подольской, Волынской и Новороссийской; градоначальники в пограничных городах Новороссийской губернии: в Дубоссарах, Бориславе и Одессе под именем градских комиссаров; в Псковской губернии сверх положенных по штату четырех городничих прибавлялись еще двое с определением им жалования. Доставлялись списки в Сенат о губернских и уездных землемерах из их губернских правлений ежегодно к октябрю месяцу. В Санкт-Петербург присылались апелляционные жалобы; назначалось время начала службы в немецкой церкви реформаторского исповедания; все деревни Петергофского ведомства переходили из ведомства Санкт-Петербургской казенной палаты в прежнее состояние; по числу уездов в губернии оставалось 7 уездных судов. Объединялось несколько губерний в одну, некоторые населенные пункты переходили в ведомства городов, обозначались границы городов и губерний, определялись права и преимущества городских жителей, переименовывались города.

В 1798 г. указами было определено административно-территориальное деление города Казань на 3 части; уездов Эстляндской губернии – на дистрикты, прибавлялись Гакенрихтеры; уездов Тамбовской, Нижегородской, Симбирской и Саратовской губерний со вновь вошедшими от бывшей Пензенской губернии частями с положением городам. В Санкт-

Петербурге открывалось городское правление, и сравнивалось оно по праву подачи апелляции с коллегиями и палатами; казенные леса не отдавались в партикулярные руки, воспрещалось переправлять через Санкт-Петербургский и Архангельский порты бревна для отпуска за границу; в пользу городского дохода собирались средства с привозимых к порту товаров, судов с хлебом и с отдаваемых в наем лавок и домов; дорожной частью управляла Казенная палата, в которой присутствовал главный надзиратель над дорогами, прикладывался штат чиновников для строения дорог в Санкт-Петербургской губернии. Штатное командование в губерниях снабжалось лекарственными средствами. Устанавливался порядок судопроизводства в Белорусских губерниях. Учреждалась цензура при Радзивилловской таможне для губерний Волынской, Подольской и Минской. Предписывались дополнительные условия и дополнения кондиций в контракт на поставку вина в Калужскую и Смоленскую губернии; разрешался выпуск от порта Астраханского и через таможни Кизлярскую, Моздокскую, Оренбургскую и Троицкую иностранной монеты, железа, меди, олова и разного хлеба.

В 1799 г. около 30 указов регламентировали вопросы городов и губерний. Важным указом губернии разделялись на 8 частей для удобного объезда и осмотра Сенаторами, каждому из них назначались прогонные и на канцелярские расходы суммы, Высочайше утверждались пункты, служащие в наставление и руководство им. В портах учреждалась цензура на ввоз книг, газет и иных сочинений, также цензура утверждалась в Вильне. Отдельным указом регламентировалось открытие Московского городского правления. Двумя указами даровались льготы жителям Подольской и Волынской губерний, пострадавшим от заразной болезни. Начальствующим в губерниях приказывалось не выходить за пределы своих должностей.

В Киевской губернии определялся порядок производства дел в присутственных местах и распределялись укоренившиеся в ней беглые солдаты. Правовое положение армян оставалось прежним, как и возможность строиться и основывать город на месте, где ранее находились старые Можары. В некоторых губерниях уничтожались таможни и заставы. Из Архангельской губернии разрешалось отпускать за море пшеницу. Губерниям, в которых суды и расправы существовали на основании своих древних прав, запрещалась смертная казнь. Из городских правлений Санкт-Петербурга и Москвы отсылались поступающие в департамент гражданские юстицские дела, пошлины и другие канцелярские сборы казенных палат ежемесячно.

В 1800 г. 25 указов регламентировали вопросы губернских и городских правлений. Появлялась необходимость губернских правлений ежемесячно рапортовать в Сенат о назначенных на поселение в Сибирь отставных солдатах, преступниках и помещичьих людях. Один из указов касался неотправленных

нарочных из губернских правлений в уезды с предписаниями о рекрутском наборе. В вопросе заготовки для штатных команд провианта губернские правления и казенные палаты действовали на основании изданных ранее положений. Контроль над сборами процентных денег с купеческих капиталов и поступлением их в казну вовремя возлагался на губернские правления. Регламентировался ввоз и вывоз товаров через губернии, порты, границы. Предписывалось нахождение главного правления Российско-Американской компании в Санкт-Петербурге, в Иркутске учреждалась подведомственная ему контора. В 1801 г. указывалось: губернаторам и губернским правлениям немедленно исполнять требования удельной экспедиции; казенное селение переименовывалось в город.

Финансовые и материальные вопросы являются одними из основополагающих в любом государстве. В 1796 г. было велено доходы с губерний передавать в государственный бюджет. Состоявшая при высочайшем дворе Экспедиция Именным указом, данным Сенату, была переименована и нацелена на разбор внутренних долгов Счетной экспедиции. Следом за этим был издан указ, один из немногих, который Император решил оставить в силе после смерти своей матери, регламентирующий продажу казенных поросших земель частным людям. Отменен был сбор податей хлебом с поселения, взамен этого была установлена сумма в размере 15 копеек за каждый четверик. С правлений всех губерний и наместничеств необходимо было подтверждение, что они в ведомостях, доставляемых в провиантский департамент, показывали реальные цены провианта и фуража. Контроль этих сведений велся исправниками и городничими земских судов в справках, которые доставлялись ими полкам. В канцелярии генерал-прокурора необходимо было нахождение еще четырех делопроизводителей, сверх прежнего числа чиновников. На них, а также канцелярских служителей выделялось по 8 тысяч рублей ежегодно в дополнение к прежним суммам из штатных казначейств. Купцам и мещанам, пользующимся крестьянскими землями, необходимо было выплачивать подати.

В собственность Императрицы Марии Федоровны был пожалован Красносельский дворец с прилегающими к нему мызами, деревнями и прочими селениями и угодьями с дальнейшим переходом их в ведомство города Павловска. Правителям наместничеств выдавались столовые деньги с момента вступления их в должность и по последний день нахождения в ней. В Санкт-Петербургской губернии по-прежнему содержалась почта, но денежные сборы с поселения, установленные для этого ранее, подверглись отмене. Распространялся Указ от 23 июня 1794 г., подписанный предшественницей Императора Павла I, его матерью. С купечества, записанного в гильдиях, собиралось по 1 % от 100 объявленных капиталов на купцов-евреев и взыскивалась двойная подать с людей христианского исповедания.

В 1797 г. в работе Сената было подписано свыше 60 финансовых указов. Ими регулировались вопросы пособия, прибавки сумм и определения жалованья военных губернаторов, чиновников, отправляющихся в Сенат Москвы, необходимых в оба конца денег; флотских офицеров, отправленных для осмотра и описи казенных лесов; пенсионных чинов; прокуров межевой канцелярии; духовных цензоров.

Во внешней политике Сенат регулировал финансовые вопросы в аспекте дозволения привоза ко всем российским портам на нейтральных судах французских вин, масел и прочих товаров из Франции, товаров из Голландии и о взимании пошлин с них. Привозились аптекарские материалы. Взимались пошлины иностранной золотой и серебряной монетой с привозных товаров, а рижский и курляндский порт в выплате и размере пошлин оставались на старых условиях до издания нового тарифа. Распространялся новый тариф на все российские таможни, исключая Астраханскую, Оренбургскую, Тобольскую, Иркутскую губернии, и определялся сбор пошлин полновесными ефимками – серебряными монетами, привозимыми иноземцами. Также пресекался подлог в платеже проезжей пошлины с отпускаемых иностранными купцами в Россию товаров.

Штрафы, пени, поборы также регламентировались некоторыми указами Сената. Штрафовались просители за тяжбы, подкрепленные лишь одной ябедой. Штрафовались и взимались пени за укрывательство или водворение военных дезертиров. Определялся сбор на продовольствие полковых подъемных лошадей со всех губерний и поселян войска Донского в подушный оклад по 15 копеек с души и возвышался за клеймение карт, установленный в пользу Воспитательного дома, запрещался ввоз иностранных карт.

Именным указом № 18.278, данным Сенату, с дворянских имений собирались особые суммы на содержание судебных мест губерний; на счете городов содержалась городская полиция; повышался подушный оклад; на купеческие капиталы прибавлялись 1/2 процента, а на мещан – по 50 копеек; накладывалась оброчная накладка на казенных крестьян; возвышались цены на гербовую бумагу и паспорта; восстанавливалась гербовая бумага для векселей и особая бумага для пересылки документов в чужие края; печатные пошлины в таможнях и сложение недоимок по 1797 г.

Финансовое законодательство Сената 1798 г. сосредоточило в себе как один из основных вопросов сборы: взносов по 30 рублей за копию с дворянских гербов, для просителей и в доказательство о дворянстве; денег на содержание подъемных лошадей при войсках и о причислении этих сборных денег к общим государственным доходам; двойной – с судов, приходящих Вышневолоцкими каналами; ежегодно в Литовской губернии депутатских сеймов для выбора поветовых чинов; денег с дворянских имений на содержание Присутственных мест; сумм, положенных на содержание городских полиций, хранения их и употребления под контролем начальников губерний;

с 500 душ – по одному рекруту во всем государстве. Учреждались: особая контора для внешних казенных переводов платежей и комиссий и форпосты для удержания ввоза и вывоза запрещенных товаров. Происходило взыскание: недоимочных рекрутов и денег вместо них, а в случае неисполнения этого – на счет губернаторов и казенных палат посылки нарочных; недоимок вместо отлучившихся из города купцов – с их поручителей; денег за награждение чинами и за напечатание патентов, и отсылке их сенатской типографии.

Стал разрешен ввоз в Россию иностранной золотой и серебряной монеты и этих металлов в слитках через Полангенскую таможню. Предписывалось присылать из казенных палат в экспедицию ежемесячные ведомости о доходах, расходах и о государственных доходах. Был разрешен пропуск иностранцев в Россию для торговли. Апелляционные деньги, оставшиеся от упраздненных Присутственных мест, причислялись к государственным суммам.

В 1799 г. свыше 30 указов касалось финансовой направленности законодательства Сената. Ими взимались: деньги на госпиталь из жалования у казначейств, определяемых по дорожному сбору; казенные недоимки с боярских имений; с азиатцев, производящих торговлю при Астраханских портах, также на Азовском и Черном морях, денег с цены товаров; казенная недоимочная подать; деньги из жалования за повышение в чинах; за испорченную и упрощенную гербовую бумагу; с откупщиков, неисправных в платеже, – откупной суммы через продажу имения, представленного от них в залог; пошлины с товаров на Ишимской и Иртышской линиях по изданному Оренбургской торговле тарифу о сумме на содержание таможенных домов и служителей с утверждением штатов всем таможням и заставам; деньги за выдачу подорожных с доставлением к государственному казначею отчетов. В губерниях утверждались фискалы. Казенным палатам предписывалось проверять ежегодные отчеты магистратуры о доходах и расходах, устанавливался порядок платежа податей.

Вотчинному департаменту прибавлялась сумма на жалование военной команды и на канцелярские расходы. Учреждалась комиссия для взыскания средств в доход с казенных имений в Курляндской губернии. Выплачивались пенсии отставным унтер-офицерам и рядовым из общих государственных доходов. Было отменено увеличение сбора с купеческих капиталов, переходящих им по наследству. Устанавливалась действительность духовных завещаний, написанных не на гербовой бумаге, отменялся сбор пошлин с цены завещаемых недвижимых имений. Выделялись суммы уездным врачам для объезда селений и вдовам всех убитых на войне штаб- и обер-офицеров, их несовершеннолетним детям.

В 1800 г. финансовая составляющая законодательства Сената регламентировала взимание пошлины: с барок и других судов по их величине; с отпускаемой за моря смолы сверх положенной по тарифу; с леса

– из доходов лесного департамента; с привозных и отпускных товаров в Кяхтинской таможне и Цурухайтуевской таможенной заставе; с покупаемых имений той же монетой, за какую имение покупается; со всех жалуемых земель в тех местах, в каких будут дарованы грамоты и указы; полупроцентных денег за неплатеж откупной суммы в срок; с наследников купеческого имения – 1 % с капитала, объявленного купцами при их жизни, а не с оставшегося после смерти их имения.

Устанавливались взносы: откупных денег, содержащими питейных сборов в начале месяца и ими самими в откупную сумму медной монетой не больше третьей части. Отпускались суммы: положенные на расходы межевых контор в начале каждого года; 10 000 рублей на расходы Мануфактур-коллегии ежегодно; на воинский департамент из числа ассигнуемых по государству. Вводились увеличения жалований генерал-прокурорам, обер-священникам и толмачам. На момент окончания правления, в 1801 г., предписывалось: Военной и Адмиралтейств-коллегии принимать в свое ведомство остающиеся в казенных палатах денежные суммы от ежегодных расходов по военным местам; присылать вексельные листы, следующие к уничтожению в Мануфактур-коллегию; доставлять ведомости из казенных палат в соляную контору о соли и деньгах; взыскивать за гербовую бумагу по 30 копеек за лист при вычете денег за повышение чинов; не принимать банковские билеты в платеж крепостных пошлин.

В свое царствование Павел I испытывал все большие трудности, пытаясь контролировать разные ветви государственного управления. Сенат в царствование Павла I не приобрел самостоятельного значения, выступая в качестве одного из помощников императора. Сфера его деятельности постепенно сужалась. Назревала необходимость сенатской реформы, которая прежде всего должна была решить вопросы как о функциях самого Сената, так и о распределении полномочий между ним и другими государственными учреждениями¹.

Хотелось бы обратить внимание на расширенную судебную миссию Сената и регламентацию работы по реорганизации судов Российской империи. Несколькими указами регулировалась работа полицейского и церковного ведомств. И, как мы уже отметили в начале статьи, в контексте законотворчества Сенат затрагивал четыре наиболее частых законодательно регулируемых сферы, играющих в целом существенную роль.

Библиографический список

1. Куанчалева Л. Ш. Правовые основы работы Сената при императоре Павле I / Л. Ш. Куанчалева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 11-7.

2. Памятники российского права: учебно-научное пособие: в 35 т. Т. 7. Памятники права в период правления Павла I / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Р.

Л. Хачатурова. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 397 с.

3. Соколов Д. В. Эволюция структуры и функций Правительствующего Сената в Российской империи (1711–1917 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Соколов. – Нижний Новгород, 2019. – 261 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kuanchaleeva L. SH. Pravovye osnovy raboty Senata pri imperatore Pavle I / L. SH. Kuanchaleeva // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2015. – № 11-7.

2. Pamyatniki rossijskogo prava: uchebno-nauchnoe posobie: v 35 t. T. 7. Pamyatniki prava v period pravleniya Pavla I / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. R. L. Hachaturova. – Moskva: YUrlitinform, 2014. – 397 s.

3. Sokolov D. V. Evolyuciya struktury i funkcij Pravitel'stvuyushchego Senata v Rossijskoj imperii (1711–1917 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk / D. V. Sokolov. – Nizhnij Novgorod, 2019. – 261 s.

¹ См.: Куанчалева Л. Ш. Указ. соч.

Государственные организации в механизме (аппарате) современного российского государства: вопросы теории и практики

Плетников Виктор Сергеевич,
Уральский государственный
юридический университет,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: pvs80@mail.ru

Плетникова Мария Сергеевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: maka.pletnikova@mail.ru

В статье предложено современное видение места и роли государственной организации в механизме (аппарате) государства. Поднят вопрос понятия «государственная организация» и вытекающие из его определения проблемы. Современная отечественная юриспруденция, действующее законодательство закрепляют за данным субъектом иные функции, нежели были предложены советской юриспруденцией. Авторы демонстрируют это, используя диалектическую и системную методологию с элементами юридической герменевтики, опираясь на сравнительно-правовой метод, на примере государственных организаций современной России.

Ключевые слова: государство; российское государство; государственная организация; механизм (аппарат) государства; орган государства.

State organizations in the mechanism (apparatus) of the modern Russian state: issues of theory and practice

Pletnikov Victor Sergeyevich,
Ural State Law University,
Candidate of Law, Associate professor

Pletnikova Maria Sergeyevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate professor

The article proposes a modern vision of the place and role of the state organization in the mechanism (apparatus) of the state. The issue of the concept of «State organization» and the problems arising from it was raised. Modern domestic jurisprudence, the current legislation establishes different functions for this subject than were proposed by Soviet jurisprudence. The author demonstrates this by using dialectical and systemic methodology with elements of legal hermeneutics, based on a comparative-legal method, on the example of state organizations of modern Russia.

Key words: state; Russian State; state organization; mechanism (apparatus) of the state; body of the state.

Механизм (аппарат) государства олицетворяет государство, представляет собой его реальное материализованное воплощение¹. Органы государственной власти, органы государства, государственные учреж-

дения, государственные организации и государственные предприятия являются элементами механизма государства². Самым проблемным институтом меха-

¹ См.: Плетников В. С., Шабуров А. С., Плетникова М. С. Аппарат управления экономикой в механизме российского государства: монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2008. С. 9.

² См.: Ямпольская Ц. А. Органы советского государственного управления в современный период. М.: Академия наук СССР, 1954. 228 с.; Хесин Б. Л. Механизм современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 200 с.; Фетюков Ф. В. Взаимодействие государства и

низма с точки зрения определения содержания и, как следствие, правового регулирования является государственная организация. Если учитывать, что научные теоретико-правовые исследования данной проблемы проводились еще в 1989 г.¹, фактически можно утверждать, что проблема является неразработанной.

Сегодня термин «организация» в теоретической юриспруденции используется как минимум в двух значениях: первое обозначает субъектность соответствующего образования, второе – определенную организационно-правовую форму. При рассмотрении государственной организации в первом значении любое «образование», обладающее правосубъектностью и созданное («связанное») государством, может именоваться государственной организацией. Именно таким образом, например, поступила Л. А. Морозова при описании звеньев механизма (аппарата) государства². Второе значение, вкладываемое в содержание понятия организации, значительно ограничивает круг субъектов. Организационно-правовых форм, содержащих в своем наименовании термин «организация», не так много. В Гражданском кодексе Российской Федерации указаны общественные организации, религиозные организации. В принципе и все. Ни одна из предложенных организационно-правовых форм не может быть напрямую привязана к государству. Обратившись к видовому делению юридических лиц, предложенному также в гражданском законодательстве России, отметим большое количество образований, именуемых организациями: коммерческие корпоративные организации, некоммерческие корпоративные организации, некоммерческие унитарные организации. И здесь нет организаций, связанных / созданных государством. Но одна из проблем Гражданского кодекса Российской Федерации заключается в его несистемности по ряду параметров. Так, анализ правовых установлений, регламентирующих организацию и функционирование некоммерческих организаций, в частности Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ³, позволяет утверждать, что в отечественном законодательстве присутствуют государственные организации в форме государственных корпораций (ст. 7.1) и государственных компаний (ст. 7.2). При обращении к Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ⁴ можем говорить о существовании в

России еще и публично-правовых компаний, функционирующих как государственные организации.

Анализируя природу государственных корпораций, государственных компаний, публично-правовых компаний, следует принимать во внимание все те особенности, которые обусловлены их гражданско-правовой характеристикой. Но поскольку нас, прежде всего, интересует место и роль государственных организаций в механизме (аппарате) государства, определение организационных начал модели современного российского государства, будем к ним обращаться лишь по мере необходимости.

Итак, каждый из обозначенных субъектов создается государством и фактически действует в его интересах, например:

- государственная корпорация Ростех «является юридическим лицом, созданным Российской Федерацией» (ч. 1 ст. 2) с целью содействия «разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции» (ч. 1 ст. 3)⁵;

- государственная компания «Российские автомобильные дороги» «создается и действует в целях оказания государственных услуг и выполнения иных полномочий в сфере дорожного хозяйства с использованием федерального имущества» (ст. 4)⁶;

- публично-правовая компания «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства» «создан в целях реализации государственной жилищной политики, направленной на повышение гарантии защиты прав и законных интересов граждан»⁷.

Второй характерной особенностью государственной организации, которая вытекает даже уже из предложенных характеристик, является то, что ее функционирование прямо или косвенно направлено на сферу хозяйствования, она осуществляет организацию, координацию экономической деятельности, отдельных сфер в интересах значительного круга лиц. В качестве примера можно, например, указать, что Ростех координирует деятельность субъектов высокотехнологического производства (ч. 1 ст. 3)⁸, Агент-

гражданского общества: монография. М., 2017.

¹ См.: Крупчан А. Д. Социалистическая государственная организация: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Киев: Институт государства и права, 1989.

² См.: Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2009. С. 131.

³ См.: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

⁴ См.: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4169.

⁵ См.: Федеральный закон от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» // СЗ РФ. 2007. № 48 (ч. II). Ст. 5814.

⁶ См.: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 145-ФЗ «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3582.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 2017 г. № 1231 «О публично-правовой компании «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства» // СЗ РФ. 2017. № 42. Ст. 6169.

⁸ См.: Федеральный закон от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» // СЗ РФ. 2007. № 48 (ч. II). Ст. 5814.

ство по страхованию вкладов обеспечивает функционирование системы страхования вкладов (ч. 1 ст. 15)¹, Российский экологический оператор организует обращение с твердыми коммунальными отходами (п. 3)². Иные субъекты не являются исключением в данной части.

Также государственные организации призваны координировать работу значительного количества субъектов, деятельность которых находится в круге интересов соответствующей организации. Сегодня государством создано значительное количество государственных предприятий; в отдельные сферы, имеющие серьезное значение для общества в целом, допущены негосударственные субъекты, количество которых также значительно. Для того чтобы обеспечить системность их деятельности, способствовать качественному повышению ее эффективности, государство учреждает соответствующие государственные организации. Так, уже упомянутая государственная корпорация Ростех содействует организациям, в которых корпорация имеет возможность влиять на принимаемые этими субъектами решения (ч. 1 ст. 3). Как указывал в 2009 г. начальник Правового департамента Государственной корпорации Ростех В. В. Кудашкин, на момент создания корпорации государство передало ей «пакеты акций подлежащих акционированию 185 ФГУПов... В 185 ФГУПах находятся 2500 земельных участков, 20 700 зданий и сооружений»³. Аналогичная ситуация складывается в отношении любой государственной корпорации. Организация и деятельность государственной компании «Российские автомобильные дороги» построены по тому же принципу, что и в государственных корпорациях. Она также имеет право создавать коммерческие и некоммерческие организации на территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 4, ч. 1 ст. 5)⁴. Сегодня компания имеет 7 филиалов, организует и координирует деятельность 11 обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ⁵.

¹ См.: Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 52 (ч. I). Ст. 5029.

² См.: Указ Президента Российской Федерации от 14 января 2019 г. № 8 «О создании публично-правовой компании по формированию комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами «Российский экологический оператор»» // СЗ РФ. 2019. № 3. Ст. 234.

³ Кудашкин В. В. Проблема правового регулирования деятельности государственных корпораций в Российской Федерации. 14 декабря 2009 г. URL: <http://www.garant.ru/interview/216075/#ixzz5iaBb8JDp>.

⁴ См.: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 145-ФЗ «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3582.

⁵ См.: Дочерние зависимые организации Автодора. URL: <https://www.russianhighways.ru/about/subsidiaries-affiliates>.

Завершающая характеристика, которая позволит создать целостное представление о природе государственной организации: государственная организация имеет особенную по сравнению с другими субъектами, которые участвуют в хозяйственной деятельности, нормативную основу. Организация создается и функционирует непосредственно по решению органов государственной власти, которыми на нее фактически возлагается осуществление социально значимой функции. Следовательно, и прекращение ее деятельности будет связано с принятием органом государственно-властного решения. При этом примечателен тот факт, что решение, адресованное конкретному субъекту, фактически имеет нормативную природу, обязывая всех участников общественных отношений выполнять волю соответствующей организации. Для пущей важности законодатель не просто создал самостоятельные нормативные предписания, регламентирующие возникновение и функционирование государственных организаций, но еще и поместил в другие нормативные установления требования, связанные с деятельностью данной группы субъектов. Так, например:

– ст. 11 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ⁶ устанавливает «обязанности... работников, замещающих должности в государственных корпорациях, публично-правовых компаниях, иных организациях»;

– ст. 10 Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ⁷ закрепляет «полномочия... Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и иных государственных корпораций в сфере стандартизации» и т. д.

Что немаловажно, соответствующие положения содержатся даже в бюджете Российской Федерации.

Особое место среди всех государственных организаций принадлежит Вооруженным Силам РФ, которые по Федеральному закону от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ⁸ являются государственной военной организацией, составляющей основу обороны Российской Федерации (ч. 1 ст. 10). В данном случае напрямую указывается, что это государственная организация со всеми присущими такого рода субъектам атрибутами.

Подводя итог, укажем, что государственная организация выступает в качестве субъекта:

– который создается государством и фактически действует в его интересах;

– деятельность которого направлена на организацию и координацию экономики (сфер хозяйствования) в интересах значительного круга лиц;

– призванного координировать работу значитель-

⁶ См.: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

⁷ См.: Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3953.

⁸ См.: Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

ного количества субъектов, деятельность которых находится в круге ее интересов;

– который создается и функционирует непосредственно по решению органов государственной власти.

Библиографический список

1. Дочерние зависимые организации Автодора. – URL: <https://www.russianhighways.ru/about/subsidiaries-affiliates>.

2. Крупчан А. Д. Социалистическая государственная организация: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук / А. Д. Крупчан. – Киев: Институт государства и права, 1989. – 210 с.

3. Кудашкин В. В. Проблема правового регулирования деятельности государственных корпораций в Российской Федерации. 14 декабря 2009 г. / В. В. Кудашкин. – URL: <http://www.garant.ru/interview/216075/#ixzz5iaBb8JDp>.

4. Плетников В. С. Аппарат управления экономикой в механизме российского государства: монография / В. С. Плетников, А. С. Шабуров, М. С. Плетникова. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2008. – С. 9.

5. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Эксмо, 2009. – С. 131.

6. Фетюков Ф. В. Взаимодействие государства и гражданского общества: монография / Ф. В. Фетюков. – Москва, 2017. – 160 с.

7. Хесин Б. Л. Механизм современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук / Б. Л. Хесин. – Нижний Новгород, 2001. – 200 с.

8. Ямпольская Ц. А. Органы советского государственного управления в современный период / Ц. А. Ямпольская. – Москва: Академия наук СССР, 1954. – 228 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Dochernie zavisimye organizacii Avtodora. – URL: <https://www.russianhighways.ru/about/subsidiaries-affiliates>.

2. Krupchan A. D. Socialisticheskaya gosudarstvennaya organizaciya: voprosy teorii: dis. ... kand. yurid. nauk / A. D. Krupchan. – Kiev: Institut gosudarstva i prava, 1989. – 210 s.

3. Kudashkin V. V. Problema pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti gosudarstvennyh korporacij v Rossijskoj Federacii. 14 dekabrya 2009 g. / V. V. Kudashkin. – URL: <http://www.garant.ru/interview/216075/#ixzz5iaBb8JDp>.

4. Pletnikov V. S. Apparat upravleniya ekonomikoj v mekhanizme rossijskogo gosudarstva: monografiya / V. S. Pletnikov, A. S. SHaburov, M. S. Pletnikova. – Ekaterinburg: Ural'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2008. – S. 9.

5. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / L. A. Morozova. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Eksmo, 2009. – S. 131.

6. Fetyukov F. V. Vzaimodejstvie gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva: monografiya / F. V. Fetyukov. – Moskva, 2017. – 160 s.

7. Hesin B. L. Mekhanizm sovremennogo rossijskogo gosudarstva: dis. ... kand. yurid. nauk / B. L. Hesin. – Nizhnij Novgorod, 2001. – 200 s.

8. YAmпол'skaya C. A. Organy sovetskogo gosudarstvennogo upravleniya v sovremennyj period / C. A. YAmпол'skaya. – Moskva: Akademiya nauk SSSR, 1954. – 228 s.

Правовая регламентация проведения следственных действий в Своде законов Российской империи

Шкаплеров Юрий Павлович,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: shkaplerov@yandex.ru

В статье рассматривается нормативная регламентация и практика проведения следственных действий в досудебном производстве согласно нормам Свода законов Российской империи. При этом с учетом анализа мнений ученых и практиков XIX в. формулируется вывод о том, что многочисленные проблемы досудебного производства в рассматриваемый период были обусловлены в большей части не несовершенством Свода законов Российской империи, а несоблюдением подавляющим большинством должностных лиц положений законодательства.

Ключевые слова: история права; уголовный процесс; следственные действия; Свод законов Российской империи.

Legal regulation of investigative actions in the Code of laws of the Russian Empire

Shkaplerov Yuri Pavlovich,
Mogilev Institute of the Ministry
of the Interior of the Republic of Belarus,
Candidate of Law, Associate professor

Normative regulation and practice of investigative actions in pre-trial proceedings, according to the norms of the Code of laws of the Russian Empire, is considered in the article. At the same time, taking into account the analysis of the opinions of scientists and practitioners of the 19th century, the conclusion that the numerous problems of pre-trial proceedings in the period under review were mainly caused not by the imperfection of the Code of laws, but by the failure of the vast majority of officials to comply with the provisions of the law, is formulated.

Key words: history of law; criminal procedure; investigative actions; Code of laws of the Russian Empire.

Первая четверть XIX в. для юридической сферы жизни Российской империи характеризовалась наличием длящегося хаоса как в нормативном регулировании общественных отношений, так и в правоприменительной деятельности. Для его преодоления с 1700 по 1804 г. на государственном уровне было создано десять комиссий по систематизации законодательства и ни одна из них не достигла результата. В итоге, в указанный исторический период «юридическая практика неизменно сталкивалась с тем, что никто не мог назвать количество действующих узаконений, ручаться в достоверности того или иного правового акта, на основе которого решались дела в высших государственных учреждениях, не говоря уже о присутственных местах отдаленных губерний. В результате работы последней комиссии М. М. Сперанский в январе 1826 г. представил Императору Николаю I две записки – «Краткое историческое обозрение комиссии составления законов» и «Предложения к окон-

чательному составлению законов». По мнению М. М. Сперанского, необходимо было разобрать весь накопившийся законодательный массив и начать с хронологической инкорпорации российских узаконений. Результатом этой работы должно было стать Полное собрание законов Российской империи. Следующим этапом должна была стать тематическая инкорпорация законодательства России на уровне Свода законов Российской империи (далее – Свод законов), отдельные части которого объединили бы отраслевое законодательство. Такой подход к систематизации законодательства был одобрен, в результате чего в 1832 г. началось издание текста Свода законов, а с 1 января 1835 г. он вступил в юридическую силу¹. Свод законов имел несколько источников, регламентиру-

¹ См.: Кодан С. В. М. М. Сперанский и создание Свода законов Российской империи // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4. С. 90–93.

ющих досудебное производство, а именно: Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г., Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г., Учреждения для управления губерний Всероссийской империи 1775 г. и др.

Том XV Свода законов «Законы уголовные» состоял из двух книг. Книга 2 «Законы о судоустройстве по делам о преступлениях и проступках» являлась непосредственным продолжением Книги 1 «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» и, как не сложно догадаться из их названия, в этих книгах нормативно разделялось уголовное и уголовно-процессуальное право.

Исследователи по-разному оценивали этот источник права. Например, Д. Н. Блудов писал: «Наше уголовное судопроизводство... никогда не подвергалось общему, полному пересмотру и не было предметом особой, систематической законодательной работы. Нынешняя книга вторая XV-го тома Свода законов есть не что иное, как собрание разнородных постановлений, частью оставшихся от древнего нашего законодательства, частью от изданных впоследствии в разные времена, при общих или частных преобразованиях по судебной и административной частям, или же нередко и для разрешения каких-либо частных, или по крайней мере отдельных вопросов. От сего происходит, что сии постановления вообще неполны, не имеют необходимой между собой связи и надлежущего единства, а иногда и противоречат одни другим»¹.

Вместе с тем существовала ранее и существует сегодня иная точка зрения на значение Свода законов, согласно которой его издание «явилось существенным прорывом в правовом развитии России, создало условия для дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений в стране, а также возможности для дальнейшего его упорядочивания, повысило уровень законности в деятельности государственных учреждений и правоприменительной практике, стало основой для изучения российского права и оказало значительное влияние на развитие и становление русской юридической науки и образования. В результате систематизационных работ в развитии юридической техники определилось и получило развитие направление..., связанное с упорядочением законодательства»².

Уголовный процесс, регламентированный в кн. 2 т. XV Свода законов, воплощал в себе модель инквизиционной формы, свойственной для государственно-полицейской системы правления, и характеризовался сословностью, тайностью, письменностью и наличием системы формальных доказательств³.

¹ Блудов Д. Н. Общая объяснительная записка к проекту нового Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам. СПб., 185-?. С. 65.

² Кодан С. В. Указ. соч. С. 95.

³ См.: Тарасов А. В. Реформа предварительного следствия – три века одна проблема // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 463.

В ст. 1 кн. 2 т. XV Свода законов уже четко назывались стадии уголовного процесса: 1) Следствие; 2) Суд; 3) Исполнение приговора.

Досудебное производство, а по терминологии Свода законов – следствие, определялось как «изыскание всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление, и в собрании доказательств к открытию и обличению виновного» (ст. 1 кн. 2 т. XV Свода законов) и являлось прерогативой полиции (ст. 2 кн. 2 т. XV Свода законов). Следствие как процессуальная деятельность осуществлялось в крупных городах следственными приставами. На остальном пространстве империи согласно нормам Положения о земской полиции и Наказа чинам и служителям земской полиции от 1837 г., расследование уголовных дел производили следственные органы земской полиции – стантовые приставы (по большинству преступлений) и земские исправники либо временное отделение Земского суда (по тяжким преступлениям)⁴.

Стоит акцентировать внимание на том, что законодатель в Своде законов разделял следствие на предварительное и формальное. Данное разграничение было не вполне ясным, т. к. основной границей между этими этапами следствия было «постановление подозреваемого в состоянии обвиняемого»⁵, т. е. появление лица, которое вполне уверенно можно было считать совершившим преступление. В связи с чем ученые и практики того времени не могли однозначно аргументировать отличие предварительного следствия от формального⁶.

Общий порядок производства следствия в немалой части регламентировался в гл. 1 «О формальном следствии вообще» разд. III «О формальном следствии» кн. 2 т. XV Свода законов.

Стоит отметить, что названный нормативный акт еще не содержал таких понятий, как следственное или процессуальное действие. Большинство из них (в современном понимании) законодатель называл доказательствами, которыми согласно ст. 197 кн. 2 т. XV Свода законов признавались: 1) собственное признание; 2) письменные доводы; 3) осмотр («личный осмотр следов преступления и вещей, обличающих совершение оно»; 4) показания сведущих людей; 5) показания свидетелей; 6) поварный обыск; 6) очная

⁴ См.: Тарасов А. В. Указ. соч. С. 463.

⁵ Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб.: Типография II отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии, 1841. С. 109.

⁶ См.: Баршев Я. Указ. соч. С. 109–111; Линовский В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М.: ЛексЭст, 2001. С. 128–129; Оболенский И. И. Практическое руководство к производству уголовных следствий, составленное по Своду законов: в 2 ч. М.: Типография Александра Семена, 1855. Ч. 1. Предварительное следствие, или, другими словами, знание. С. 13–14; Стояновский Н. И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. СПб.: Типография Карла Краля, 1852. С. 9–10.

ставка и оговор. В данный перечень также можно добавить «выемку и обыск в домах» (ст. 93–99 кн. 2 т. XV Свода законов).

Речь об осмотре следует начать с того, что термин «осмотр» в Своде законов применялся относительно предварительного следствия. В литературе и на практике в качестве его видов называли «осмотр полицейский», «осмотр сведущих людей», «осмотр медицинский»¹. В свою очередь, «личный осмотр» относился к следствию формальному. Применение термина «личный» означало, что осмотр проводит лично следователь, а не какое-либо другое лицо (например, врач).

В качестве предмета осмотра законом и доктриной назывались «лица, вещи и все обстоятельства преступления, над которыми только возможно наблюдение посредством чувств»². Здесь нужно акцентировать внимание на том, что в Своде законов уже наравне с термином «осмотр» присутствовал и термин «освидетельствование», хотя они не разграничивались. Подтверждением тому служит ст. 1326 Устава врачебного, содержащаяся в т. XIII Свода законов, гласящая: «При возникшем о несправедливости сделанного осмотра подозрении, нужно переосвидетельствование тела»³. Иногда одно и то же процессуальное действие именовалось в одной норме осмотром, а в другой – освидетельствованием⁴. В то же время порой действия, называемые освидетельствованием, фактически являлись экспертизой. Так, согласно ст. 191 кн. 2 т. XV Свода законов: «Глухонемым производится медицинское освидетельствование для удостоверения не подвержены ли они каким-либо особым еще недостаткам, имеющим влияние на умственные и нравственные их способности»⁵.

Говоря об освидетельствовании или медицинском осмотре, следует обратить внимание на то, что в практической деятельности, хотя это и не было предписано законом, при освидетельствовании, связанном с обнажением тела женщины, «для соблюдения приличия и для большего сохранения чувства стыдливости» следователи не приглашали понятых. В таких случаях осмотр (освидетельствование) проводил акушер или другой медицинский работник в присутствии по возможности одной или двух «пожилых женщин»⁶. Подобная практика, получив свое развитие, сегодня закреплена в ч. 4 ст. 206 УПК Республики Беларусь.

Свод законов не требовал от правоприменителя вынесения соответствующего постановления и предъявления его участникам следственного дей-

ствия (исключение составлял осмотр трупа, о чем речь пойдет ниже). Вместе с тем ст. 16, 136 и 140 Уложения о наказаниях предусматривалась ответственность для лиц, отказывающихся выдавать необходимые «к производству уголовного следствия вещественные доказательства» (ст. 210 кн. 2 т. XV Свода законов).

Положения Свода законов закрепили правила, обеспечивающие сохранность вещественных доказательств, изъятых в ходе осмотра. Согласно ст. 74 кн. 2 т. XV Свода законов все обнаруженные в ходе осмотра предметы должны были быть «занумерованы, тщательно уложены, если можно, запечатаны и приобщены к делу с точною оным описью». Причем законодатель данное правило в Своде законов повторял неоднократно⁷. По результатам проведенного осмотра составлялся «журнал за подписанием следователя» (ст. 208 кн. 2 т. XV Свода законов). На практике следователям также рекомендовалось приобщать к делу схемы места происшествия («план месту, на котором содеяно преступление»)⁸.

Особенно подробно в рассматриваемом нормативном акте регламентировался осмотр трупа. В частности, согласно ст. 82 кн. 2 т. XV Свода законов при обнаружении в уезде трупа с признаками насильственной смерти сотские и десятские при участии незаинтересованных лиц из числа старост, церковных служителей и «сторонних людей» были обязаны осмотреть его, «описать бой и раны» и принять меры по обеспечению сохранности тела для его дальнейшего исследования врачом. Нормативный термин «сторонние люди» практики заменяли термином «понятые». При этом одной из целей их участия в осмотре называлась безопасность следователя⁹.

В городах и иных местах, где проблем с привлечением врача к участию в осмотре не было, законодатель при обнаружении трупа с признаками насильственной смерти обязывал полицейские чины проводить медицинский осмотр по правилам, содержащимся в кн. III Устава Врачебного (ст. 79 кн. 2 т. XV Свода законов). Медицинский осмотр трупа или осмотр с участием врача фактически представлял собой судебно-медицинскую экспертизу: он проводился по письменному требованию уполномоченного на то должностного лица, в котором указывались цель исследования и «ясные и определительные вопросы, на которые им отвечать должно» (ст. 80 кн. 2 т. XV Свода законов). По результатам данного осмотра врачом, а не представителем полиции составлялся «акт осмотра тела, свидетельство», являющийся в современном его понимании заключением эксперта и состоявший из введения, исторической части, мнения, заключения (ст. 1318 т. XIII Свода законов «Устав врачебный»)¹⁰. Во введении указывалось, «по чьему именно требованию или предложению осмотр тела был предпри-

¹ Оболенский И. И. Указ. соч. С. 53.

² Линовский В. А. Указ. соч. С. 66–67.

³ Стояновский Н. И. Указ. соч. С. 77.

⁴ См.: Колоколов Е. Правила и формы для производства следствий, составленные Коллежским Советником Е. Колоколовым по Своду законов издания 1857 года. М.: Университетская типография, 1859. С. 19–20.

⁵ Колоколов Е. Указ. соч. С. 63.

⁶ Оболенский И. И. Указ. соч. С. 63–64.

⁷ См.: Колоколов Е. Указ. соч. С. 17–18, 70.

⁸ Оболенский И. И. Указ. соч. С. 56.

⁹ Там же.

¹⁰ Стояновский Н. И. С. 74, 75.

нут; когда и за каким номером написано требование и когда оно получено врачом, объяснив, были ли при оном приложены еще другие для пояснения дела служащие бумаги и какие именно». Затем приводились анкетные данные умершего, положение, в котором было обнаружено тело, объяснялись причина, «по которой таковое вскрытие предпринято; ...где и когда осмотр тела производился». Историческая часть осмотра включала «обстоятельное описание всего хода исследования, со всеми оказавшимися в теле явлениями и признаками, в точно таком порядке, как они найдены, отличая обстоятельно то, что обнаружилось при настоящем исследовании, от того, что известно по рассказам посторонних лиц... или что открылось из присланных по сему делу формальных бумаг». Мнение должно было основываться на том, что «действительно при вскрытии тела найдено согласно правилам судебно-медицинским», а также подтверждаться «достаточными и ясными доказательствами, согласно правилам анатомии, физиологии, патологии и химии, не менее того, и здравым суждением, и заключением, основанным, если можно, на несомненных опытах и наблюдениях классических по сему предмету авторов». Поэтому врач должен был «в сомнительных случаях, где обстоятельства дела не совершенно открыты, лучше признаться в невозможности произвести решительное заключение, нежели затмевать и запутывать дело неосновательным мнением». Заключение содержало «удостоверение, что весь осмотр составлен по самой сущей справедливости и совести, согласно правилам медицины и по долгу службы и присяги». Затем следовало указание на место и время составления документа, а также подпись врача. «Найденные при исследовании тела инструменты, орудия и другие подобного рода вещества, служащие доказательством или объяснением настоящего приключения», должны были быть тщательно уложены, опечатаны и вместе со свидетельством направлены следователю¹.

В доктрине первой половины XIX в. в качестве отдельного вида осмотра назывался «осмотр посредством сведущих людей»². Нормативным основанием для такого мнения выступала ст. 212 «О показаниях сведущих людей» кн. 2 т. XV Свода законов, согласно которой при необходимости применить в досудебном производстве «особенные сведения или опытность в какой-либо науке, искусстве или ремесле» следователь должен был «истребовать о них показание и мнение сведущих людей, соображаясь с правилами, изложенными в главе об исследовании происшествия и об осмотре». На основе анализа данной нормы Свода законов можно говорить о том, что сведущие лица рассматривались как особые свидетели, привлекавшиеся для исследования происшествия и осмотра. При этом в ряде случаев их называли экспертами³. В

качестве сведущих людей могли выступать секретари присутственных мест – для «сличения почерка руки», ювелиры – при определении ценности драгоценных металлов, оружейники – для проверки исправности оружия, слесари – для определения причины повреждения замка и т. п.⁴

Согласно терминологии Свода законов «выемка и обыск в доме» – это наименование единого процессуального действия (хотя в некоторых нормах и применялся только термин «обыск»), поэтому современного юриста такое словосочетание не должно вводить в заблуждение об имевшемся якобы отличии обыска от выемки. Названный нормативный акт уже четко разграничивал фактическое и юридическое основания для проведения обыска и выемки. Фактическим основанием являлись «основательное подозрение» или «ясные доказательства, что в чьем-либо доме скрываются преступники, беглые люди или поличное» (ст. 93 кн. 2 т. XV Свода законов). В качестве юридического основания закон называл письменный приказ (в современном понимании – постановление). Кроме того, интерес представляет законодательное требование о проведении обысков и выемок в «квартирах и домах иностранных Министров... не иначе, как по предварительном сношении с Министерством Иностранных Дел» (ст. 93 кн. 2 т. XV Свода законов), очень похожее по содержанию на ч. 10 ст. 204 УПК Республики Беларусь. В то же время указанная статья Свода законов сохранила и архаичное правило о проведении обыска уполномоченным должностным в присутствии доносителя.

Статья 93 кн. 2 т. XV Свода законов закрепляла требование об обязательном участии при обыске и выемке понятых, однако их количество нормативно не определялось. На практике полицейские следователи приглашали от двух до двенадцати понятых, исходя из того, что двое понятых – это минимальное их количество «для силы показания», но недостаточное в случае заявления отвода одному из них со стороны отсутствующего хозяина дома, в котором проводился обыск⁵. Участниками рассматриваемого следственного действия являлись также депутаты – сословные представители интересов обвиняемого. Исключение из данного правила составляли случаи, «не терпящие отлагательства» (ст. 96 кн. 2 т. XV Свода законов).

В ходе обыска и выемки разрешалось открывать запертые помещения, в том числе против воли хозяина. Однако «выемщики никому не должны [были] чинить убытков, обид и озлобления, и не нарушать общей тишины и спокойствия» (ст. 94, 96 кн. 2 т. XV Свода законов).

Интересны положения Свода законов, предусматривающие ответственность доносителя и «присутственного места» за необнаружение «поличного» или проведение обыска и выемки «без основательного подозрения» согласно ст. 391 Уложения о наказаниях, а также за «последовавшие от того убытки и бес-

¹ См.: Линовский В. А. Указ. соч. С. 72–73.

² Баршев Я. Указ. соч. С. 76–77.

³ См.: Оболенский И. И. Указ. соч. С. 75.

⁴ См.: Оболенский И. И. Указ. соч. С. 75–76.

⁵ Стояновский Н. И. Указ. соч. С. 78

честве на основании правил, означенных в законах гражданских» (ст. 94, 96 кн. 2 т. XV Свода законов).

Других значимых положений, регламентирующих производство обыска и выемки, Свод законов не сохранил. Вместе с тем практические сотрудники при расследовании уголовных дел придерживались следующих правил, в том числе закрепленных сегодня в УПК Российской Федерации и Республики Беларусь: 1) данное процессуальное действие могло проводиться как днем, так и ночью; 2) в ходе обыска изымалось лишь то, что имело отношение к делу; 3) понятия в будущем давали показания «о правильности выемки и обыска»; 4) понятым и лицу, в чьем доме проводился обыск, разъяснялось, «что отыскивается и по какому поводу»¹; 5) при отказе хозяина от присутствия при обыске в его доме, данное следственное действие проводилось без него, но с обязательным участием понятых; 6) хозяевам дома запрещалось покидать его до окончания обыска. Для этих целей следователь мог даже оцепить строение².

В кн. 2 т. XV Свода законов отдельно регламентировался допрос обвиняемого (гл. II «О допросе») и допрос свидетелей (Отделение V гл. III «О показаниях свидетелей»). В качестве свидетеля, согласно ст. 213 кн. 2 т. XV Свода законов, могло быть допрошено «всякое лицо... когда оно имеет здравые физические чувства и рассудок для познания предмета, о котором требуется его свидетельство, и когда нет причины предполагать, что показание его будет не верно». Вместе с тем не подлежали допросу в качестве свидетелей: 1) малолетние, не достигшие пятнадцатилетнего возраста; 2) «безумные и сумасшедшие»; 3) глухонемые; 4) «смертоубийцы, разбойники, воры, люди, портившие тайно межевые знаки, учинившие прежде в суде лживую присягу, склонившие других к ложному свидетельству, изгнанные из государства», публично наказанные за преступления, лишённые всех прав и состояний; 5) свидетельствующие «по слуху от других» (стоит отметить, что сегодня ст. 75 УПК Российской Федерации, в отличие от УПК Республики Беларусь, сохранила прямое указание на признание недопустимыми показаний, основанных «на слухе»); 6) «явные прелюбодеи»; 7) не бывшие у Святого Причастия; 8) отлученные от церкви; 9) «иностранцы, коих поведение не известно» (ст. 215 кн. 2 т. XV Свода законов).

Также не могли быть допрошены в качестве свидетелей по конкретному уголовному делу: 1) «прикосновенные к делу»; 2) находившиеся «с подсудимым в родстве и ближайшем свойстве или в дружбе, или имевшие с ним до того времени вражду, хотя бы потом они помирились»; 3) дети против родителей; 4) отпущенные на волю крестьяне против прежних помещиков и их детей; 5) подкупленные к свидетельству; 6) жены против мужей (ст. 216 кн. 2 т. XV Свода законов); 7) «раскольники» против православных (ст. 217 кн. 2 т. XV Свода законов). Кроме того, крепостные, при-

надлежавшие обвиняемым и «их вольноотпущенные люди, находящиеся у них в услужении и получающие от них пропитание» могли быть допрошены только при отсутствии других свидетелей (ст. 221 кн. 2 т. XV Свода законов).

Во всех названных случаях указанные категории лиц не могли быть допрошены под присягой, что не исключало проведения допроса без нее. Однако присяга законодатель придавал особое значение, о чем речь пойдет ниже.

Процессуальный порядок допроса свидетеля в первой половине XIX в., как и сегодня, начинался с вызова («вытребования») свидетеля для допроса (ст. 223 кн. 2 т. XV Свода законов). При этом явка вызываемого лица была обязательной, а уклонявшиеся от участия в следственном действии могли быть «к тому понуждены и подвергнуты за ослушание наказанию» (ст. 227 кн. 2 т. XV Свода законов). Исключение из этого правила составляли больные и знатные люди, женщины дворянского сословия, которые допрашивались только на дому. Также подобной привилегией обладали воспитанники военно-учебных заведений, допросы которых необходимо было проводить в названных учреждениях (ст. 224 кн. 2 т. XV Свода законов).

Отдельно законодатель отмечал случаи, когда свидетель находился «в такой отдаленности, что ему без великого затруднения явиться» было невозможно. В связи с чем следователь направлял «допросные пункты к местному начальству», которое и проводило допрос по общим правилам, предусмотренным законом (ст. 224, 256 кн. 2 т. XV Свода законов). Чем-то похожее положение содержала и ст. 225 кн. 2 т. XV Свода законов, в соответствии с которой допрос большого количества людей «из одного или нескольких селений» производился по месту их жительства, «дабы не отвлекать их от их домов, занятий и способов пропитания». В примечании к § 61 Наказа чинам и служителям земской полиции данная норма уточнялась: большое количество людей определялось фразой «не менее десяти человек», а «несколько селений» должны были находиться друг от друга на расстоянии «не ближе пяти верст»³.

Для обеспечения права обвиняемого на защиту, а также объективности и правильности показаний явившегося к полицейскому чину свидетеля, последний перед допросом должен был пройти специфическую по меркам сегодняшнего дня процедуру. Во-первых, ему предписывалось «дать очную ставку с обвиняемым». Во-вторых, принести присягу («присягнуть по своей вере»). При этом имелась в виду не очная ставка как отдельное следственное действие, а довольно упрощенная ее вариация: следователю необходимо было задать всего лишь один вопрос свидетелю и один вопрос обвиняемому. У свидетеля, в

¹ Стояновский Н. И. Указ. соч. С. 78

² См.: Оболенский И. И. Указ. соч. С. 79–80.

³ Полное Собрание Законов Российской Империи // Собрание второе: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. с указ. СПб.: Типография II отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1885. Т. 12: в 2 отделениях. Отделение 1. № 9825–10631. 1838. С. 498.

частности, спрашивали: «Обвиняемый тот ли самый человек, о котором он будет показывать?». В свою очередь, обвиняемый должен был пояснить, «не имеет ли он на свидетеля какого подозрения» (ст. 230 кн. 2 т. XV Свода законов). Такая процедура обеспечивала обвиняемому возможность заявить отвод свидетелю до его приведения к присяге. Упустив ее, обвиняемый «уже впоследствии отвести его» не мог, «разве бы узнал какой-либо порок за свидетелем после уже приведения его к присяге». Однако отвод свидетеля принимался только при наличии уважительных причин и доказательств (ст. 230 кн. 2 т. XV Свода законов). Закон не требовал составления по результатам проведения такой очной ставки отдельного документа. В практической деятельности факт его проведения подтверждался подписями обвиняемого и свидетеля в присяжном листе¹ либо составлением следователем акта². При заявлении обвиняемым отвода свидетелю следователь был обязан его рассмотреть и вынести постановление «о том, признается ли отвод уважительным или нет»³. Вместе с тем согласно положению ст. 240 кн. 2 т. XV Свода законов свидетель мог быть допрошен без такой очной ставки или, как писал законодатель, «до предъявления ответа со стороны обвиняемого», когда «свидетель в путь собрался и его возвращение может замедлиться» либо данный участник был серьезно болен и его выздоровление ставилось под сомнение.

Присяга являлась одним из древнейших институтов уголовно-процессуального права, известным еще со времен Русской Правды. Приносить присягу должны были все свидетели, однако от этого обряда освобождались: 1) лица из числа православного духовенства («белое духовенство» и «монашествующие»); 2) члены церкви «Евангелическое братство», прихожанами которой в основной массе являлись немцы; 3) члены секты духоборцев. Кроме того, «истец» и «ответчик» могли по договоренности между собой принять решение об освобождении свидетеля от присяги. В этом случае показания все равно имели такую же юридическую силу, как и показания, данные под присягой (ст. 233–234 кн. 2 т. XV Свода законов). Свидетели присягали согласно канонам своего вероисповедания (ст. 235 кн. 2 т. XV Свода законов). Обязательным условием для присяги было ее принесение в стенах церкви, кирки, синагоги, мечети и т. п.⁴ в присутствии следователя, обвиняемого и истца (при его наличии). При отсутствии поблизости храма свидетели присягали в домах следственных комиссий (ст. 236–237 кн. 2 т. XV Свода законов). По факту принесения присяги следователь составлял присяжный лист, который подписывали все присутствовавшие при этом лица⁵.

¹ См.: Оболенский И. И. Указ. соч. С. 55.

² См.: Стояновский Н. И. Указ. соч. 96.

³ Там же. С. 99.

⁴ См.: Оболенский И. И. Указ. соч. С. 56.

⁵ См.: Стояновский Н. И. Указ. соч. С. 78.

Следует отметить, что большая часть свидетелей в то время неохотно принимала «на себя обязанность свидетельствовать под присягой», в связи с чем следователи сталкивались с большим количеством способов уклонения от нее⁶. Интересно, что, несмотря на прошедшие столетия, желания выступать в качестве свидетелей в уголовном процессе у граждан больше не стало.

После принесения присяги свидетель немедленно допрашивался. При этом в первую очередь допрашивались свидетели со стороны доносителя. Как и сегодня, свидетели по одному делу допрашивались порознь и в отсутствие других участников уголовного процесса (ст. 239, 241, 242 кн. 2 т. XV Свода законов).

Допрос свидетеля начинался «увещанием... дабы он, помня долг присяги, говорил сущую правду, воздержался в показаниях своих от всякого пристрастия, не увеличивал и не уменьшал известные ему обстоятельства, но как что случилось, так бы и показывал» (ст. 243 кн. 2 т. XV Свода законов). Доведение следователем всех известных ему обстоятельств являлось для свидетеля обязанностью. Однако священнослужителям запрещалось свидетельствовать об обстоятельствах, ставших известными им на исповеди (за исключением государственных преступлений), а чиновники были не вправе без разрешения руководства сообщать сведения, составляющие государственную и служебную тайну (ст. 244, 245 кн. 2 т. XV Свода законов).

Вопросы, задаваемые свидетелю, должны были быть краткими и ясными «без околичностей и обстоятельств, к делу не принадлежащих», но у данного участника уголовного процесса нужно было в обязательном порядке уточнить, кто и каким образом принял меры для его участия в расследовании и «не уговаривал ли его кто-либо к свидетельству» (ст. 244, 245 кн. 2 т. XV Свода законов). Также у свидетеля при допросе требовалось узнать, в каких отношениях он находится с лицами, участвующими в производстве по уголовному делу (ст. 250 кн. 2 т. XV Свода законов).

Показания свидетеля подвергались проверке. В частности, когда в показаниях нескольких свидетелей имелись противоречия, между ними проводилась очная ставка. Также «справедливость» их показаний проверялась и другими процессуальными средствами. Аналогичным образом поступал следователь и в тех случаях, когда обвиняемый указывал на неправильность показаний свидетеля (ст. 251, 252 кн. 2 т. XV Свода законов).

Сразу после допроса показания свидетелей записывались в акт, который подписывали свидетель, а также присутствовавшие при этом чиновники и депутаты. В случаях, когда свидетель являлся неграмотным, акт подписывал его «духовный отец» либо «посторонние», которым тот доверял. Интересно, что показания иностранцев записывались «их знаками», т. е. на их родном языке (ст. 253–255 кн. 2 т. XV Свода законов).

⁶ См.: Оболенский И. И. Указ. соч. С. 52–53.

Свидетель нес уголовную ответственность за дачу ложных показаний, отказ от дачи показаний «либо разноречие об одном и том же предмете» (ст. 257 кн. 2 т. XV Свода законов).

Согласно положениям Свода законов очная ставка проводилась «для объяснения противоречий и для взаимного уличения», а также для того, чтобы «удостовериться, что изветчики [ответчики] и свидетели знают тех, которых они заочно обвиняют». В качестве участников рассматриваемого следственного действия закон называл подсудимого, доносителя, свидетеля и «других прикосновенных к делу лиц» (ст. 271 кн. 2 т. XV Свода законов). При этом в отдельных случаях к очной ставке допускались даже лица, не могущие быть допрошенными в качестве свидетелей: родители с детьми и господа со слугами при соучастии в преступлении (ст. 273 кн. 2 т. XV Свода законов).

Статья 274 кн. 2 т. XV Свода законов содержала требование об обязательном проведении очной ставки «оговоренного в соучастии» с «оговорившим его преступником», если один из его участников пребывает «не далее трехсот верст от того места, где производится исследование и суд».

Очная ставка начиналась с вопроса обвиняемому и потерпевшему (свидетелю), рассмотренному выше, и проводилась по общим правилам, относящимся к допросу.

Повальный обыск, регламентированный положениями Свода законов, фактически и юридически представлял собой «письменное опрашивание о поведении прикосновенного к делу лица живущих в соседстве с ним людей»¹, т. е. допрос на месте большого количества лиц и не имел ничего общего с современным обыском. Данное процессуальное действие закон делил на два вида: малый повальный обыск – «когда допрашиваются ближние окольные люди», и большой, состоявший в допросе еще «дальних окольных людей» (ст. 258, 259 кн. 2 т. XV Свода законов).

В ходе повального обыска допросы «обычных людей» проводились с соблюдением всех правил, закрепленных в Своде законов, регламентирующих получение показаний свидетелей: запрет на проведение допроса определенных категорий лиц, принесение присяги и т. п. (ст. 260–263 кн. 2 т. XV Свода законов). Вместе с тем в процессуальной регламентации данного процессуального действия была и определенная специфика. Например, во многом определяющее значение в доказывании тех или иных фактов имело количество допрошенных лиц. Законодатель так прямо и говорил: «По отобрании показаний обычных людей, большинство голосов дает перевес» (ст. 267 кн. 2 т. XV Свода законов).

Для достижения объективности следствия и защиты прав обвиняемого нормативно запрещалось проводить повальный обыск (допрос): 1) нескольких лиц одновременно; 2) в присутствии обвиняемого или

лиц «кои заведывают их делами»; 3) с дачей «обычным людям образцовых писем (то есть указаний о том, что именно они говорить должны)» (ст. 264, 266 кн. 2 т. XV Свода законов). Последний пункт интересен тем, что в нем довольно четко сформулировано требование о запрете задавать наводящие вопросы допрашиваемому лицу, закрепленное сегодня УПК Российской Федерации и УПК Республики Беларусь.

Кроме того, несмотря на отсутствие у обвиняемого возможности заявить отвод «обычным людям», он имел право заявить о наличии у него неприязненных отношений с «окольными людьми», участвовавшими в малом повальном обыске, и требовать проведения большого повального обыска. Также обвиняемый мог заявить, что большая половина участников повального обыска дала ложные показания, и требовать проведения очной ставки между лицами, чьи показания отличаются, а также предъявлять «явные улики несправедливости их показаний» (ст. 265, 268, 269 кн. 2 т. XV Свода законов).

Письменные доводы или письменные доказательства, как отмечалось ранее, в соответствии со ст. 195 кн. 2 т. XV Свода законов наравне с осмотром, допросом и т. п. являлись доказательствами по уголовным делам. В теории их часто называли документами² и определяли как «письменные акты, из которых можно удостовериться в действительности каких-либо обстоятельств»³. Фактически в Отделении II «О письменных доказательствах» гл. III кн. 2 т. XV Свода законов регламентировался порядок выемки и изъятия документов, а также порядок проведения почерковедческой экспертизы (в нынешнем их понимании). В частности, в ст. 199–202 названного нормативного акта устанавливалась обязанность государственных учреждений и физических лиц «представлять к следствию имеющиеся у них бумаги для открытия истины». При этом особо отмечалась необходимость проверять достоверность утверждений различных лиц о том, что истребуемые у них документы утрачены, либо уже кем-то изъят. Для виновных в сокрытии таких документов предусматривалась уголовная ответственность в соответствии со ст. 16, 136 и 140 Уложения о наказаниях.

Относительно процедуры «сличения почерка» стоит отметить, что она довольно подробно регламентировалась в ст. 205 кн. 2 т. XV и ст. 349–352 т. X Свода законов и проводилась в суде комиссией специалистов.

Таким образом, подводя итог, необходимо отметить, что, несмотря на имевшуюся и имеющуюся критику Свода законов, его положения для своего времени во многом были актуальными и прогрессивными. Многочисленные проблемы досудебного производства, свойственные для середины XIX в., были обусловлены в большей части тем, что в практической деятельности многие положения законодательства не соблюдались подавляющим большинством долж-

¹ Орлов Н. Опыт краткого руководства для произведения следствий с показанием приличных узаконений. М.: Университетская типография, 1833. С. 60.

² См.: Баршев Я. Указ. соч. С. 83.

³ Линовский В. А. Указ. соч. С. 108.

ностных лиц. Д. Н. Блудов по этому поводу отмечал: «Нет сомнения, что сии правила, при точном оных исполнении, могли бы иметь весьма полезное влияние на правильное и беспристрастное производство следствий... К сожалению, на практике, оные не достигают своей цели»¹. Как писал В. Я. Фукс, в Российской империи до начала шестидесятых годов XIX в. полиция действовала энергично, «только когда ее деятельность была на виду у начальства... хотя и тут при производстве следствий допускалось корыстное пристрастие»². В свою очередь, интересно, что приведенные примеры правоприменительной деятельности следователей второй четверти – середины XIX в., не соответствующие требованиям Свода законов, в будущем в результате многократного повторения стали нормами поведения, а затем – и нормами уголовно-процессуального права.

Библиографический список

1. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. Баршев. – Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии, 1841. – 326 с.
2. Блудов Д. Н. Общая объяснительная записка к проекту нового Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам / Д. Н. Блудов. – СПб., 185-?.
3. Кодан С. В. М. М. Сперанский и создание Свода законов Российской империи / С. В. Кодан // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – № 4. – С. 89–95.
4. Колоколов Е. Правила и формы для производства следствий, составленные Коллежским Советником Е. Колоколовым по Своду законов издания 1857 года / Е. Колоколов. – Москва: Университетская типография, 1859. – 224 с.
5. Линовский В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский. – Москва: ЛексЭст, 2001. – 240 с.
6. Оболенский И. И. Практическое руководство к производству уголовных следствий, составленное по Своду законов: в 2 ч. / И. И. Оболенский. – Москва: Типография Александра Семена, 1855. – Ч. 1. Предварительное следствие, или, другими словами, знание. – 139 с.
7. Орлов Н. Опыт краткого руководства для произведения следствий с показанием приличных узаконений / Н. Орлов. – Москва: Университетская типография, 1833. – 86 с.
8. Полное Собрание Законов Российской Империи // Собрание второе: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. с указ. – Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1885. – Т. 12: в 2 отделениях. – Отделение 1. – № 9825–10631. – 1838. – С. 498.
9. Стояновский Н. И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству / Н. И. Стояновский. – Санкт-Петербург: Типография Карла Краля, 1852. – 311 с.
10. Тарасов А. В. Реформа предварительного следствия – три века одна проблема / А. В. Тарасов // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 463–468.
11. Фукс В. Я. Суд и полиция: в 2 ч. / В. Я. Фукс. – Москва: Университетская типография, 1889. – Ч. 1. – 282 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Barshev YA. Osnovaniya ugovnogo sudoproizvodstva, s primeneniem k rossijskomu ugovnomu sudoproizvodstvu / YA. Barshev. – Sankt-Peterburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1841. – 326 s.
2. Bludov D. N. Obshchaya ob»yasnitel'naya zapiska k projektu novogo Ustava sudoproizvodstva po prestupleniyam i prostupkam / D. N. Bludov. – 169 s.
3. Kodan S. V. M. M. Speranskij i sozdanie Svoda zakonov Rossijskoj imperii / S. V. Kodan // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2010. – № 4. – S. 89–95.
4. Kolokolov E. Pravila i formy dlya proizvodstva sledstvij, sostavlennye Kollezhskim Sovetnikom E. Kolokolovym po Svodu zakonov izdaniya 1857 goda / E. Kolokolov. – Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1859. – 224 s.
5. Linovskij V. A. Opyt istoricheskikh razyskanij o sledstvennom ugovnom sudoproizvodstve v Rossii / V. A. Linovskij. – Moskva: LeksEst, 2001. – 240 s.
6. Obolenskij I. I. Prakticheskoe rukovodstvo k proizvodstvu ugovnyh sledstvij, sostavlennoe po Svodu zakonov: v 2 ch. / I. I. Obolenskij. – Moskva: Tipografiya Aleksandra Semena, 1855. – CH. 1. Predvaritel'noe sledstvie, ili, drugimi slovami, znanie. – 139 s.
7. Orlov N. Opyt kratkogo rukovodstva dlya proizvedeniya sledstvij s pokazaniem prilichnyh uzakonenij / N. Orlov. – Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1833. – 86 s.
8. Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii // Sobranie vtoroje: s 12 dekabrya 1825 g. po 28 fevralya 1881 g.: v 55 t. s ukaz. – Sankt-Peterburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1830–1885. – T. 12: v 2 otdeleniyah. – Otdelenie 1. – № 9825–10631. – 1838. – S. 498.
9. Stoyanovskij N. I. Prakticheskoe rukovodstvo k russkomu ugovnomu sudoproizvodstvu / N. I. Stoyanovskij. – Sankt-Peterburg: Tipografiya Karla Kralya, 1852. – 311 s.
10. Tarasov A. V. Reforma predvaritel'nogo sledstviya – tri veka odna problema / A. V. Tarasov // YUridicheskaya tekhnika. – 2011. – № 5. – S. 463–468.
11. Fuks V. YA. Sud i policiya: v 2 ch. / V. YA. Fuks. – Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1889. – CH. 1.

¹ Блудов Д. Н. Общая объяснительная записка к проекту нового Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам. С. 68.

² Фукс В. Я. Суд и полиция: в 2 ч. М.: Университетская типография, 1889. Ч. 1. С. 218–219.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.9

Виктимологические особенности коррупционных преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»

Бражин Юрий Юрьевич,
Нижегородская академия МВД России,
e-mail: brazhin.yura@bk.ru

В статье исследуются некоторые виктимологические особенности коррупционных преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». Проведены анализ и оценка основных ситуаций преступного поведения в рассматриваемой области общественных отношений. Автор приходит к выводу о том, что вышеуказанные обстоятельства создают огромные риски для качественного исполнения федеральных проектов.

Ключевые слова: коррупционное поведение; жертва; виктимологическая ситуация; национальный проект.

Victimological features of corruption crimes in the implementation of the national project «Healthcare»

Brazhin Yuri Yuryevich,
Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,

The article explores some victimological features of corruption crimes in the implementation of the national project «Health Care». The analysis and assessment of the main situations of criminal behavior in the considered area of public relations. The author concludes that the above circumstances create enormous risks for the quality execution of federal projects.

Key words: corruption behavior; victim; victimological situation; national project.

В условиях развития современного общества в Российской Федерации коррупция занимает одно из лидирующих мест в системе общего массива преступности. Так, согласно данным статистики ГИАЦ МВД России, за период 2017–2019 гг. зарегистрировано 91 120 преступлений коррупционной направленности, из которых в 2017 г. – 29 634, в 2018 г. – 30 495, в 2019 г. – 30 991¹.

Коррупционные преступления пронизывают все сферы общественной жизни: политическую, экономи-

ческую, социальную и другие. Не стала исключением и область здравоохранения. Наличие постоянных коррупционных проявлений в этой сфере может способствовать возникновению глубочайшего социально-экономического кризиса, который выражается в превышении смертности над уровнем рождаемости, некачественном оказании медицинских услуг, снижении условий жизни населения в целом.

С целью недопущения вышеупомянутых последствий государство в период с 1 октября 2018 г. по 31 декабря 2024 г. реализует национальный проект «Здравоохранение». Его главными целями являются снижение смертности от различного рода заболева-

¹ Статистика и аналитика МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20 мая 2020 г.).

ний, оптимизация работы медицинских организаций, поэтапное проведение профилактических медицинских осмотров и др.

Кроме того, на важность качественной реализации национальных проектов обращает внимание В. В. Путин, который отмечает: «Нам нужно быстрее, не откладывая, решать масштабные социальные, экономические, технологические задачи, перед которыми стоит страна. Их содержание и ориентиры отражены в национальных проектах...»¹.

Обращая внимание на особую важность исследуемых общественных отношений, важно рассмотреть виктимологическую характеристику коррупционных преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». И в данном аспекте, в первую очередь, необходимо обратиться к терминологии, используемой в ходе изучения выбранной темы.

Виктимология (от лат. *victima* – жертва, *logos* – учение, знание) является разделом криминологии, направленным на изучение жертвы преступления. В настоящее время отсутствует законодательное закрепление исследуемого понятия, также нет единого подхода к определению в научной литературе².

Центральным объектом изучения виктимологии является потерпевший, то есть жертва того или иного преступного посягательства.

Так, по мнению Д. Н. Ушакова, «жертва преступления» определяется в более узком смысле как человек, подвергнувшийся чьему-либо насилию, злему умыслу, пострадавший от кого-то, чего-нибудь³.

В. И. Полубинский и А. Л. Ситковский отмечают, что «жертва преступления – понятие более широкое, чем понятие "потерпевший от преступления". Жертва преступления – это всякий человек, понесший моральный, физический или имущественный вред от противоправного деяния, независимо от того, признан он в установленном законом порядке потерпевшим от данного преступления или нет»⁴.

Однако, с точки зрения широкого подхода, жертвой преступления является физическое лицо, которому наносится прямой либо косвенный вред. Более того, жертвой преступной деятельности может стать социальная группа, организация или учреждение. Данной точки зрения придерживаются Д. Кресси, Э. Сазерленд⁵.

По нашему мнению, понятие жертвы коррупционных преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» целесообразно рассматривать в широком смысле. Используемый подход показывает повышенную общественную опасность рассматриваемых деяний: жертвами преступлений, наряду с лицом или группой лиц, всегда выступает общество и государство.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что предметом виктимологической профилактики преступности в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» является жертва коррупционного поведения – физическое или юридическое лицо либо группа лиц, кому был причинен вред в различных формах его проявления.

Особую роль в установлении жертвы коррупционного преступления играет понятие «виктимности», которое, по мнению Б. Мендельсона, означает повышенную способность (повышенные свойства) человека и определенной группы людей (общности людей) становиться при определенных ситуациях жертвами преступлений⁶.

В контексте рассматриваемых преступлений, особенно совершаемых на «частном» уровне «врач – пациент», логично рассмотреть формы и виды виктимности.

Во-первых, следует остановиться на индивидуальной виктимности, то есть способности конкретного человека (физического лица либо представителя юридического лица) ввиду психологических, социальных свойств стать жертвой коррупционного преступления в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». Представляется возможным говорить о возникновении потенциальной ситуации, при которой гражданин в силу личностных качеств либо объективных обстоятельств не может противостоять коррупционному поведению.

Примером может служить пациент, которого положили в больницу, и врач, вместо того чтобы оказывать качественную помощь, умышленно создает условия для получения взятки посредством создания ситуации, при которой невозможно не заплатить. Еще одной иллюстрацией преступного поведения является взаимодействие главного врача поликлиники с иностранным специалистом медицинской организации по вопросу поставки специального оборудования в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение», при которой по аналогии работы с заболевшим существует вероятность совершения коррупционного акта.

Кроме того, разумно говорить и о групповой виктимности, примером которой могут быть пациенты-льготники.

Коррупционная виктимность преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохра-

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 15 марта.

² См.: Мумаев С.-М. С. Понятие виктимологии // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2007. № 2. С. 48–52.

³ См.: Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 1938. С. 860.

⁴ Полубинский В. И., Ситковский А. Л. Теоретические и практические основы криминальной виктимологии: монография. М., 2006. С. 208.

⁵ См.: Клещина Е. Н. Жертва преступления как объект криминологического учения о жертве преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 2. С. 96–98.

⁶ См.: Аракелян К. Н. Возникновение и развитие виктимологии как науки о поведении жертвы: исторический экскурс // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1. С. 70–74.

нение» может быть положительной, отрицательной и нейтральной¹. Данное разделение проводится на основании двух обстоятельств:

- наличие либо отсутствие возможности предвидеть и оценить преступное развитие ситуации, а также то, какие меры предприняты для его недопущения;
- объективное течение создания, развития и реализации преступного намерения (статус жертвы характеризуется активным, провоцирующим поведением либо пассивным).

Рассматривая нейтральное поведение, стоит отметить, что жертва ведет себя невиновно, то есть не создает условия для совершения преступления. Криминальный умысел развивается не по воле пострадавшего, более того, распознать и оказать противодействие не представляется возможным. В рамках оказания медицинских услуг пациенту в силу отсутствия специальных знаний и наличия огромного количества медицинских технологий трудно понять, что из сказанного врачом для него необходимо, а что нет.

При положительном поведении жертва является открытой противоборствующей стороной врача-коррупционера. К примеру, перед проведением тендера одному из его участников делается предложение заплатить определенную сумму для гарантированной победы. Однако честный предприниматель обращается в правоохранительные органы и сообщает о факте склонения к совершению взятки.

Наконец, отрицательная виктимность характеризуется девиантным поведением лица, при котором пациент выступает инициатором преступного намерения, добровольно сообщив о готовности вступить в коррупционные отношения с врачом. Приведем пример из судебной практики: Ленинским районным судом г. Нижнего Новгорода был вынесен обвинительный приговор в отношении гражданки Е., которая дала взятку заведующему психиатрическим отделением № 1 ГБУЗ НО «Психиатрическая больница № 2 г. Н. Новгорода» за совершение последним заведомо незаконных действий, а именно за несвоевременное составление им необходимых медицинских документов в отношении К и выдачу, не имея к тому оснований, направления на медико-социальную экспертизу формы «Номер» для ее супруга К с целью получения последним статуса инвалида, оформления ему пенсии по инвалидности².

Изучая поведение жертвы, следует отметить, что оно во многом зависит от личностных качеств конкретного человека и, в свою очередь, рождает потребность в исследовании детерминант индивидуального криминального поведения. Причинная модель формируется исходя из комплекса различного

рода социально-психологических факторов, объединяясь в единое целое, порождая модель виктимного поведения. На наш взгляд, весь пласт виктимологических детерминант возможно разделить на две группы:

1) совокупность факторов, характеризующих личность с повышенной виктимностью. К данной группе следует отнести особенности воспитания, мировоззрение, социальный статус человека в обществе. Кроме того, рассматривая коррупционные преступления, следует обратить внимание на моральную готовность жертвы к передаче денежных средств медицинскому работнику;

2) комплекс обстоятельств, предшествующих совершению преступления. В данном случае рассматриваются условия, формирующиеся независимо от воли жертвы.

Кроме того, реальная угроза коррупционных преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» заключается в однотипном характере противоправного поведения врачей, которые могут породить развитие массовости преступных проявлений.

Необходимо отметить, что увеличение темпов роста взяточничества в сфере здравоохранения в целом представляет собой угрозу национальной безопасности страны, поскольку противоправная деятельность в рассматриваемой области влечет за собой формирование в сознании граждан постулата о невозможности получить квалифицированную помощь без коррупционных проявлений.

Учитывая вышесказанное, предлагаем следующие меры виктимологической профилактики коррупционных преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение».

Во-первых, выработка антикоррупционного поведения, посредством:

- организации в высших учебных заведениях специальных курсов антикоррупционной направленности для студентов независимо от специализации обучения по повышению их правовой грамотности в рамках реализации национальных проектов;

- систематического информирования потенциальных жертв о проведении государством политики борьбы с коррупцией в сфере здравоохранения, мерах юридической ответственности за совершение преступлений, связанных с ней. Данный способ может быть реализован посредством выпуска специальных видеороликов в сети Интернет, в средствах массовой информации.

Во-вторых, создание дополнительного независимого контролирующего органа на базе министерств здравоохранения в каждом регионе страны, задачей которых явился бы контроль за распределением бюджетных средств, выделяемых на реализацию проекта, а также рассмотрение обращений жертв.

В-третьих, максимальное упрощение процесса сообщения потерпевшими о фактах вымогательства взятки со стороны медицинского персонала, напри-

¹ См.: Развин Я. М. Виктимология коррупции // Виктимология. 2016. № 1 (7). С. 53–55.

² Приговор от 17 октября 2018 г. по делу № 1-287/2018 (Ленинский районный суд, г. Нижний Новгород) // [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru/regular/doc/xUs8GBSjSXb0/ (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

мер, посредством размещения в медицинских учреждениях специальных урн для письменных обращений или создания «горячей линии». Так, в ряде муниципальных учреждений здравоохранения г. Саратова размещены информационные стенды с указанием контактов, куда пациенты могут сообщить о фактах коррупции, вымогательства денежных средств, выдачи листов нетрудоспособности, справок, прохождения диагностических исследований, приема специалиста за плату.

Таким образом, рассмотрев основные ситуации преступного поведения в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», можно отметить, что жертвой могут выступать не только физические, но и юридические лица. Более того, вышеуказанные обстоятельства создают огромные риски для качественного исполнения государственных программ, на реализацию которых выделяются внушительные бюджетные средства.

Библиографический список

1. Аракелян К. Н. Возникновение и развитие виктимологии как науки о поведении жертвы: исторический экскурс / К. Н. Аракелян // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 1. – С. 70–74.
2. Клещина Е. Н. Жертва преступления как объект криминологического учения о жертве преступления / Е. Н. Клещина // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 2. – С. 96–98.
3. Мумаев С.-М. С. Понятие виктимологии / С.-М. С. Мумаев // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. – 2007. – № 2. – С. 48–52.
4. Полубинский В. И. Теоретические и практические основы криминальной виктимологии: монография / В. И. Полубинский, А. Л. Ситковский. – Москва, 2006.
5. Развин Я. М. Виктимология коррупции / Я. М. Развин // Виктимология. – 2016. – № 1 (7). – С. 53–55.
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва, 1938.

Bibliograficheskij spisok

1. Arakelyan K. N. The emergence and development of victimology as a science of victim behavior: a historical excursion / K. N. Arakelyan // Applied Legal Psychology. – 2016. – № 1. – S. 70–74.
2. Kleschina E. N. Victim of crime as an object of the criminological doctrine of the crime victim / E. N. Kleschina // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2010. – № 2. – S. 96–98.
3. Mumaev S.-M. S. The concept of victimology / S.-M. S. Mumaev // Bulletin of the RUDN University. Series: Jurisprudence. – 2007. – № 2. – S. 48–52.
4. Polubinsky V. I. Theoretical and practical foundations of criminal victimology: monograph / V. I. Polubinsky, A. L. Sitkovsky. – Moskva, 2006.
5. Razvin Ya. M. Victimology of corruption / Ya. M. Razvin // Victimology. – 2016. – № 1 (7). – S. 53–55.
6. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the Russian language / D. N. Ushakov. – Moskva, 1938.

Меры профилактического воздействия по предупреждению преступлений в сфере возврата просроченной задолженности

Дубов Егор Игоревич,
Нижегородская академия МВД России
e-mail: egordubov1997@yandex.ru

В статье исследуется проблема использования мер профилактики, направленных на предупреждение совершения преступлений в сфере возврата просроченных платежей по долговым обязательствам. Проведен анализ и дана оценка эффективности существующего механизма в зависимости от субъекта его применения. Также автором были предложены дополнительные средства профилактики, которые способствуют предупреждению преступлений в исследуемой сфере отношений.

Ключевые слова: коллекторская деятельность; возврат просроченной задолженности; профилактические меры; предупреждение преступлений.

Preventive measures to prevent crimes in the field of repayment of overdue debts

Dubov Egor Igorevich,
Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia

The article examines the problem of using preventive measures aimed at preventing the Commission of crimes in the field of repayment of overdue payments on debt obligations. The analysis and evaluation of the effectiveness of the existing mechanism depending on the subject of its application. The author also proposed additional means of prevention that contribute to the prevention of crimes in the studied sphere of relations.

Key words: collection activities; repayment of overdue debts; preventive measures; crime prevention.

В 2019 г. процент просроченных обязательств по долгам в России достиг своего исторического максимума. В настоящее время по данным Центрального Банка России (далее – ЦБ России) объем закрединности россиян в денежном эквиваленте составляет более 16 триллионов рублей¹.

Очевиден тот факт, что чем больше кредитная задолженность граждан, тем динамичнее рост просроченных платежей. В этой связи руководители кредитных организаций несут экономические убытки, что заставляет их искать эффективные способы возврата денежных средств для минимизации ущерба своей деятельности.

Одним из таких способов является сотрудничество с так называемыми «коллекторскими организациями», чья профессиональная деятельность направлена на возврат просроченной задолженности. В настоящее время данная практика в России развита недостаточно профессионально, а также имеет далеко не безупречную репутацию. Об этом свиде-

тельствуют многочисленные случаи использования «взыскателями» незаконных, а порой просто нечеловеческих способов осуществления своей работы².

О необходимости вмешательства государства в процесс регулирования деятельности по возврату просроченной задолженности все чаще стали говорить представители государственных органов, коммерческого сектора и общественности. В 2016 г. Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. И. Матвиенко предложила действовать решительно и бескомпромиссно, заявив, что необходимо прекратить все попытки осуществления взыскания просроченных задолженностей до принятия законодательства, регламентирующего подобную деятельность³.

² См.: В Мурманске проверяют коллекторов, подбросивших должнице мертвую кошку [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/09/14/reg-szfo/v-murmanske-proveriat-kollektorov-podbroshivshih-dolzhnice-mertvuui-koshku.html> (дата обращения: 12 мая 2020 г.).

³ См.: Матвиенко предложила приостановить деятельность коллекторских агентств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/28/01/2016/56aa47739a79473519bd00e5>

¹ См.: Вылегжанина У. Ф. Треть доходов – банку // Российская газета. 2019. 10 сентября.

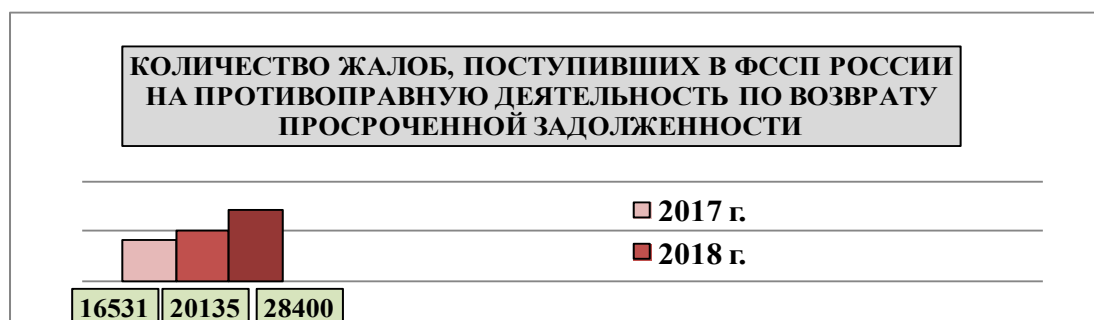

Рис. 1

Позже, в рамках одного из собраний Совета Безопасности РФ, противоправную «коллекторскую» деятельность признали угрозой национальной безопасности страны. Руководителям ЦБ РФ и МВД России было дано поручение относительно организации совместной работы по взаимодействию в рамках обмена информацией о нарушениях, связанных с деятельностью по возврату просроченной задолженности «коллекторскими» организациями¹.

Сложившаяся обстановка, вызвавшая тревогу у граждан, предполагала незамедлительное принятие соответствующего решения со стороны законодательных органов государства. Результатом стал Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон "О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях"»² (далее – Федеральный закон № 230).

Следующим шагом стало решение о создании специального органа, наделенного властными полномочиями по контролю за деятельностью по возврату просроченной задолженности. Таковым в соответствии с постановлением Правительства РФ от 19 декабря 2016 г. № 1402 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном осуществлять ведение государственного реестра юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, и федеральный государственный контроль (надзор) за деятельностью юридических лиц, включенных в указанный реестр»³ стала Феде-

ральная служба судебных приставов России (далее – ФССП России). Также был создан специальный реестр юридических лиц, в который были внесены сведения о юридических лицах, имеющих право на профессиональную деятельность по взысканию просроченных долгов. Ознакомиться с ним можно любому желающему на официальном сайте ФСПП России в разделе «Сервисы»⁴.

Несмотря на все предпринятые государством меры по урегулированию проблем в области взыскания долговых обязательств, обстановка в рассматриваемом секторе остается довольно напряженной. Нами был проведен анализ жалоб, поступивших в ФССП России, который показал, что за последние три года количество обращений, связанных с противоправными действиями со стороны «собираателей» долгов, возросло более чем на 40 %. В 2017 г. таковых было 16 531⁵, к 2018 г. возросло до 20 135, а в 2019 г. и вовсе увеличилось до 28 400⁶ (см. рис. 1).

Все это свидетельствует о том, что на рынке взыскания просроченных платежей продолжает действовать большое количество коллекторских агентств, желающих оставаться вне рамок правового поля (не состоять в реестре) и использовать запрещенные способы взаимодействия с должниками, совершая при этом правонарушения различной степени тяжести. Еще одним аргументом такого вывода можно считать то, что на расширенном заседании коллегии

МВД России за 2018 г. один из рассмотренных вопросов был посвящен повышению эффективности

(дата обращения: 20 мая 2020 г.).

¹ См.: Погорелов Д. В. Проблемы законодательного регулирования коллекторской деятельности // Вестник БелЮИ МВД России. 2016. № 2. С. 62–65.

² Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Российская газета. 2016. № 146. 6 июля.

³ Постановление Правительства РФ от 19 декабря 2016 г. № 1402 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном осуществлять ведение государственного реестра юридических лиц, осуществляющих деятельность

по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, и федеральный государственный контроль (надзор) за деятельностью юридических лиц, включенных в указанный реестр» // СЗ РФ. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7666.

⁴ Сведения, содержащиеся в государственном реестре юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности [Электронный ресурс]. URL: https://fssprus.ru/gosreestr_jurlic (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

⁵ См.: Число жалоб на коллекторов выросло на 74 % [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/746363/tatiana-gladysheva/chislo-zhalob-na-kollektorov-vyroslo-na-74> (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

⁶ См.: Взыскатели собрали жалобы [Электронный ресурс]. URL: <https://napca.ru/publishing/11508> (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

деятельности ведомства по противодействию преступлениям, совершаемым сотрудниками коллекторских организаций¹.

Изучив различные подходы к пониманию сущности «противодействия» преступности, мы пришли к выводу, что часть ученых отождествляют данное определение с такими терминами, как «предупреждение» или «профилактика» совершения преступных деяний², другая часть отрицает их синонимичность³. Для того чтобы раскрыть заявленную тему исследования, нам необходимо самостоятельно определиться с соотношением вышеуказанной терминологии. Говоря о противодействии преступлениям, нельзя не согласиться с мнением А. П. Кузнецова, который в своих трудах отмечает, что выработка государственной политики противодействия преступности с точки зрения научного подхода представляется затруднительной из-за отсутствия общего определения изучаемого понятия⁴. Анализ различных авторских позиций относительно категории «противодействие» преступности⁵ позволил признать удачной попытку толкования С. М. Тимко, который формулирует следующее определение: «...целенаправленная, комплексная, последовательная деятельность государства и общества по предупреждению преступности, выявлению и расследованию совершенных преступных деяний, привлечению виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности и ее реализации, а также по устранению либо минимизации вреда, причиненного отдельными преступлениями и преступностью в целом, посредством реализации

мер правового, информационно-пропагандистского, культурно-образовательного, социального, экономического характера»⁶.

Мы согласны с тем, что понятие «противодействие» преступности шире термина «предупреждение» и последнее является его составной частью. Что касается корреляции «предупреждения» и «профилактики» совершения преступных деяний, то, исходя из ведомственного законодательства, а именно приказа МВД России от 17 января 2006 г. № 19, под предупреждением преступлений понимается «деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением»⁷. В этой связи автор разделяет позицию законодателя, что профилактика, или в нашем случае профилактические меры, понимаются как инструмент осуществления предупредительного процесса.

Название статьи обязывает нас в рамках настоящего исследования сконцентрировать внимание на предупреждении преступлений в сфере возврата просроченной задолженности, проанализировать существующие меры профилактического характера, применяемые не только органами государственной власти, но и общественными организациями, а также сформулировать собственные рекомендации предупредительного характера, направленные на противодействие преступным деяниям в изучаемой сфере. Рассмотрим основные субъекты, осуществляющие профилактику нарушений в сфере возврата просроченной задолженности:

– *ФССП России*. Контроль за актуализацией реестра юридических лиц, имеющих право на осуществление профессиональной деятельности, ведется судебными приставами в соответствии со специально созданным Административным регламентом реализации подобного надзора⁸. В нем установлены сроки и порядок проведения административных действий в отноше-

¹ См.: Решение коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 апреля 2019 г. № 2км/2 «О проблемах выявления и раскрытия преступлений в финансово-кредитной системе», объявленное приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 4 июля 2019 г. № 447.

² См.: Криминология / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. СПб., 1999.

³ См.: Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001.

⁴ См.: Кузнецов А. П. Методологические проблемы государственной политики противодействия налоговым преступлениям: лекция. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001.

⁵ См.: Майстренко М. М. Предупреждение преступлений как форма противодействия преступности // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского конгресса уголовного права. М.: Проспект, 2008; Кутякин С. А. Некоторые аспекты современного состояния разработки понятия «противодействие преступности» в юридической науке и законодательной практике // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 2 (8). С. 40–51; Кабанов П. А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2008.

⁶ Тимко С. А. О сущности понятия «противодействие преступности» // Юрист-Правоведь. 2018. № 1 (84). С. 6–10.

⁷ Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/1355153> (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

⁸ См.: Приказ ФССП России от 30 декабря 2019 г. № 551 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы судебных приставов по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, включенных в государственный реестр» (зарегистрировано в Минюсте России 4 февраля 2020 г. № 57417) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71599172> (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ НАПКА			
Разбор обращений	Оперативное устранение ошибок	Принятие решений по нарушению	Передача обращений в органы власти
Чаще всего ведется путем прослушивания записей переговоров с заемщиком по телефону, которые должны храниться у коллекторских организаций в полном объеме	В частности, звонки по ошибочным контактам заемщика. Необходимо обсуждение, разъяснение ошибок, их оперативное устранение	К нарушителям могут применяться: штраф, обсуждение публичного характера на Общем собрании НАПКА, огласка для средств массовой информации и даже исключение из НАПКА	Одна из самых крайних мер НАПКА, заключающаяся в регулярной передаче информации в ФССП России, ЦБ России, Генеральную прокуратуру и ОВД для привлечения внимания государственных органов к лидерам рейтинга НАПКА по количеству жалоб

нии включенных в реестр организаций, упорядочена последовательность взаимодействия ФССП России с собственными территориальными органами, юридическими и должностными лицами, организациями, задействованными при осуществлении федерального контроля за процессом досудебного взыскания «просрочки». Значимость осуществления рассматриваемого процесса сложно недооценить. Изучение в рамках исследования информационных писем от подразделений органов внутренних дел всех субъектов РФ за 2018 г. и первую половину 2019 г. показало, что в их производстве отсутствуют уголовные дела в отношении лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности как основной вид деятельности и включенных в соответствующий государственный реестр. Таким образом, можем сделать вывод, что внедрение такого реестра было оправданным, кроме того, необходимо дальше совершенствовать это направление для поддержания подобных статистических показателей.

– *Прокуратура РФ.* В 2019 г. сотрудниками прокуратуры, осуществляющими надзор за исполнением законодательства в сфере возврата просроченной задолженности в рамках Федерального закона № 230, было выявлено более 500 фактов его нарушения, для устранения которых было вынесено более 150 представлений. Такое направление деятельности со стороны работников прокуратуры регламентируется ведомственным приказом¹. К административной ответственности на основании постановлений, вынесенных сотрудниками прокуратуры было привлечено 74 лица. Также было принято решение о внесении представлений в адрес руководства некоторых территориальных органов ФССП России за неэффективное осуществление контрольной деятельности за организациями, занимающимися возвратом просроченных долгов в следующих регионах: Ульяновская, Новосибирская, Томская, Рязанская, Магаданская, Вологодская, Свердловская, Белгородская области, Республика Коми, Удмурдская Республика, Приморский

край. Рассматриваемая надзорная деятельность как в отношении представителей юридических лиц, состоящих в государственном реестре, так и в адрес сотрудников ФССП, допускающих безответственное отношение к служебным обязанностям, может являться эффективной мерой предупреждения совершения преступлений в исследуемой сфере².

– *Национальная ассоциация профессиональных коллекторских агентств (далее – НАПКА).* Главная задача ассоциации, как справедливо отмечено на их официальном сайте, – формирование цивилизованного рынка коллекторских услуг, способного обеспечивать эффективный возврат просроченных долговых платежей в экономику государства при соблюдении установленных, с этической точки зрения, норм взыскания. Членами ассоциации был принят Кодекс этики НАПКА³, устанавливающий правила, стандарты и принципы непосредственного взаимодействия с лицами, имеющими просроченную задолженность. Помимо этого, НАПКА также рассматривает полученные жалобы, связанные с нарушением вышеуказанных правил, и может применять следующие меры профилактики⁴ (см. табл. 1).

Отметим, что из числа всех поступающих в НАПКА жалоб в большинстве случаев речь идет о нарушениях коллекторских организаций, не входящих в саму ассоциацию, либо самих кредиторов в лице банковских или микрофинансовых организаций.

– *Органы внутренних дел (далее – ОВД).* Предупреждение и профилактика правонарушений осуществляются ОВД в соответствии с вышеупомянутым приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19, в рамках которого органами дознания проводятся об-

¹ См.: Приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256732> (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

² См.: Прокурорами выявлено свыше 500 нарушений законов в деятельности коллекторских организаций по возврату просроченной задолженности [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1786420> (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

³ См.: Кодекс этики саморегулируемой организации «Национальная ассоциация профессиональных коллекторских агентств» (НАПКА) – Редакция № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://napca.ru/upload/iblock/ee1/ee1bc24612378fb77059c477cfde946d.pdf> (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

⁴ См.: Статистика обращений в НАПКА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.napca.ru/dobro-pozhalovatsya/statistika-obrashcheniy> (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

щие профилактические меры. Так, в 2018 г. и первом полугодии 2019 г. во многих регионах страны силами подразделений участковых уполномоченных полиции проводились доследственные проверки по заявлениям физических лиц о фактах противоправной деятельности по возврату просроченной задолженности. По результатам рассмотренных сообщений о преступлениях в подавляющем большинстве случаев выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления. При этом в производстве находились уголовные дела по факту совершения преступлений при взыскании просроченной задолженности, которые квалифицированы по следующим статьям: «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» (ст. 110¹ УК РФ)¹, «Умышленное причинение вреда здоровью» (ст. 111, 112, 115 УК РФ)², «Нарушение неприкосновенности частной жизни» (ст. 137 УК РФ)³, «Вымогательство» (ст. 163 УК РФ)⁴, «Самоуправство» (ст. 330 УК РФ)⁵ и другие. В то же время официальная статистика состояния преступности, связанная с деятельностью организаций, осуществляющих возврат долгов, не ведется.

Анализ существующих мер профилактического воздействия в зависимости от субъекта их применения, направленных на предупреждение преступности в работе по взысканию просроченных долгов, помог автору сформулировать идеи по совершенствованию данного направления деятельности:

1. В связи с тем, что предупреждением преступлений в указанной сфере занимается большое количество как государственных органов, так и общественных организаций (ФССП России, ОВД, ЦБ России, прокуратуры, НАПКА и другие), целесообразно объединить усилия, выработать дополнительные комплексные меры профилактического характера и нормативно закрепить их в рамках подписания соглашения между всеми участниками предупредительного воздействия.

¹ Приговор от 21 марта 2019 г. по делу № 1-49/2018 // Кунашакский районный суд (Челябинская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V3MHIOSwg3d1/> (дата обращения: 10 мая 2020 г.).

² Приговор от 25 марта 2013 г. по делу № 1-533/2012 // Балаковский районный суд (Саратовская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GAr1NfyRUeQ0/> (дата обращения: 10 мая 2020 г.).

³ Решение № 2-433/2014-2-433/2014-М-377/2014 М-377/2014 от 8 июля 2014 г. // Талицкий районный суд (Свердловская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rZfr9SNMycIK/> (дата обращения: 10 мая 2020 г.).

⁴ Приговор от 21 ноября 2016 г. по делу № 1-278/2016 // Советский районный суд г. Липецка (Липецкая область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/c937YfNyAIQt/> (дата обращения: 10 мая 2020 г.).

⁵ Приговор от 20 ноября 2018 г. по делу № 10-5388/2018 // Челябинский областной суд (Челябинская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4RsZ74kQpMbJ/> (дата обращения: 10 мая 2020 г.).

2. Сфера возврата просроченной задолженности вызывает существенную заинтересованность и у субъектов правотворческого процесса. Так, в декабре 2019 г. Министерство юстиции Российской Федерации подготовило новый законопроект «О деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶. Применительно к тематике нашей статьи интересно предложение по изменению подхода к формированию вышеуказанного государственного реестра, ведением которого сейчас занимается ФССП России. Предлагается включить в него все организации, осуществляющие деятельность по возврату просроченной задолженности, возникшей из финансовых обязательств физических лиц на договорной основе с кредитными и микрофинансовыми организациями, кредитными потребительскими кооперативами, ломбардами и другими. Положительная практика относительно создания различных государственных реестров в нашей стране доказала свое право на существование еще до создания «коллекторского ресурса». В этом может выражаться общегосударственная тенденция по созданию легитимных правил ведения деятельности в различных сферах жизни общества. Мы видим, что появление подобного механизма регулирования, который, с одной стороны, позволяет государству не вмешиваться в деятельность по возврату просроченной задолженности, с другой стороны, контролировать ситуацию с помощью уполномоченного органа в лице ФССП России, положительно сказывается на легитимной сфере возврата просроченной задолженности. Во-первых, согласно ст. 13 Федерального закона № 230 устанавливаются высокие требования к юридическим лицам, стремящимся попасть в реестр. Данная мера предполагалась для того, чтобы организации, не имеющие реальной возможности для осуществления законной деятельности по возврату долгов в качестве основного вида деятельности, самостоятельно приняли решение о ее прекращении. Во-вторых, согласно официальным данным по статистике нарушений, совершаемых в изучаемой сфере, большинство жалоб (более 65 %) поступает на сотрудников организаций, не включенных в специальный реестр⁷. В-третьих, следует учитывать, что создание и ведение подобного реестра оправдало себя отсутстви-

⁶ Проект федерального закона «О деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/11-19/00097204, не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 13 декабря 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=190372#0923591930826241> (дата обращения: 15 мая 2020 г.).

⁷ См.: Количество жалоб на коллекторов увеличилось в 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/society/kolichestvo-zhalob-na-kollektorov-uvelichilos-v-2019-godu/> (дата обращения: 15 января 2020 г.).

ем преступлений, совершаемых представителями коллекторских организаций, входящих в указанный реестр. Включение всех участников рынка «взыскания долгов» и дополнительный государственный контроль могут стать еще более эффективными мерами предупреждения преступности в этой области.

3. Считаю целесообразным рассмотреть вопрос о криминализации деяния, выражающегося в совершении противоправных действия в сфере возврата просроченной задолженности. Наличие специальной нормы для коллекторов может обеспечивать самостоятельный и эффективный предупредительный эффект. К примеру, в КоАП РФ предусмотрена административная ответственность по ст. 14.57 «Нарушение требований законодательства о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности».

Анализ судебной статистики за 2017–2018 гг. позволяет сделать вывод о том, что за это время количество рассмотренных дел выросло более чем в два раза. В 2017 г. такой показатель составил 546 дел, а в 2018 г. – 1200. Лиц, подвергнутых административному наказанию, в 2017 г. – 306, а в 2018 г. – 772. Из них наказаны административным штрафом в 2017 г. – 300, в 2018 г. – 763¹. В этой связи можно предположить, что целесообразно рассмотреть вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности, если оно ранее привлекалось к административной ответственности за однократное нарушение вышеуказанной нормы и совершает его повторно в течение года. Таким образом, речь может идти о применении административной преюдиции.

Библиографический список

1. Алексеев А. И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы / А. И. Алексеев, С. И. Герасимов, А. Я. Сухарев. – Москва, 2001.
2. Бурлаков В. Н. Криминология / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. – Санкт-Петербург, 1999.
3. Вылегжанина У. Ф. Третей доходов – банку / У. Ф. Вылегжанина // Российская газета. – 2019. – 10 сентября.
4. Кabanov П. А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук / П. А. Кabanov. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2008.
5. Кузнецов А. П. Методологические проблемы государственной политики противодействия налоговым преступлениям: лекция / А. П. Кузнецов. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001.

6. Кутякин С. А. Некоторые аспекты современного состояния разработки понятия «противодействие преступности» в юридической науке и законодательной практике / С. А. Кутякин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 2 (8). – С. 40–51.

7. Майстренко М. М. Предупреждение преступлений как форма противодействия преступности / М. М. Майстренко // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского конгресса уголовного права. – Москва: Проспект, 2008.

8. Погорелов Д. В. Проблемы законодательного регулирования коллекторской деятельности / Д. В. Погорелов // Вестник БелЮИ МВД России. – 2016. – № 2. – С. 62–65.

9. Тимко С. А. О сущности понятия «противодействие преступности» / С. А. Тимко // Юрист-Правовед. – 2018. – № 1 (84). – С. 6–10.

Bibliograficheskij spisok

1. Alekseev A. I. Kriminologicheskaya profilaktika: teoriya, opyt, problemy / A. I. Alekseev, S. I. Gerasimov, A. YA. Suharev. – Moskva, 2001.
2. Burlakov V. N. Kriminologiya / pod red. V. N. Burlakova, V. P. Sal'nikova, S. V. Stepashina. – Sankt-Peterburg, 1999.
3. Vylegzhanina U. F. Tret' dohodov – banku / U. F. Vylegzhanina // Rossijskaya gazeta. – 2019. – 10 sentyabrya.
4. Kabanov P. A. Politicheskaya prestupnost': ponyatie, sushchnost', vidy, prichiny, lichnost' politicheskogo prestupnika, mery protivodejstviya (kriminologicheskoe issledovanie): dis. ... d-ra yurid. nauk / P. A. Kabanov. – Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet, 2008.
5. Kuznecov A. P. Metodologicheskie problemy gosudarstvennoj politiki protivodejstviya nalogovym prestupleniyam: lekcija / A. P. Kuznecov. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2001.
6. Kutyakin S. A. Nekotorye aspekty sovremennogo sostoyaniya razrabotki ponyatiya «protivodejstvie prestupnosti» v yuridicheskoy nauke i zakonodatel'noj praktike / S. A. Kutyakin // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2009. – № 2 (8). – S. 40–51.
7. Majstrenko M. M. Preduprezhdenie prestuplenij kak forma protivodejstviya prestupnosti / M. M. Majstrenko // Protivodejstvie prestupnosti: ugovolno-pravovye, kriminologicheskie i ugovolno-ispolnitel'nye aspekty: materialy III Rossijskogo kongressa ugovolnogo prava. – Moskva: Prospekt, 2008.
8. Pogorelov D. V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya kollektorskoj deyatel'nosti / D. V. Pogorelov // Vestnik BelYUI MVD Rossii. – 2016. – № 2. – S. 62–65.
9. Timko S. A. Osushchnosti ponyatiya «protivodejstvie prestupnosti» / S. A. Timko // Yurist'-Pravoved. – 2018. – № 1 (84). – S. 6–10.

¹ См.: Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.apu-npecc.pf/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 12 мая 2020 г.).

К вопросу об оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению и раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке

Иванов Петр Иванович,
Академия управления МВД России,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: Bab13.92Ash@yandex.ru

Шитов Артем Сергеевич,
Академия управления МВД России
e-mail: Bab13.92Ash@gmail.com

В настоящей статье авторами проанализированы особенности оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации по выявлению и раскрытию налоговых преступлений, совершаемых на потребительском рынке, а также проблемы, возникающие при этом. В работе авторами представлены пути решения обозначенных ими проблем.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции; выявление и раскрытие; налоговые преступления.

On the issue of operational and investigative activities of the economic security and anti-corruption units for the detection and disclosure of tax crimes in the consumer market

Ivanov Petr Ivanovich,
**Management Academy of the Ministry of the Interior
of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation,**
Doctor of Law, Professor

Shitov Artyom Sergeevich,
**Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

In this article, the authors analyze the features of operational investigative activities of economic security and anti-corruption units of the internal Affairs bodies of the Russian Federation to identify and disclose tax crimes committed on the consumer market, as well as the problems that arise in this case. In this paper, the authors present ways to solve the problems identified by them.

Key words: operational investigative activities; economic security and anti-corruption units; detection and disclosure; tax crimes.

Потребительский рынок как социально-экономическая система в рыночной экономике, прежде всего, в силу криминализации экономических отношений остро нуждается в обеспечении надежной за-

щиты собственности и его экономических интересов от преступных посягательств¹. Потребительский ры-

¹ Потребительский рынок как важный сегмент российской экономики пока что не считается криминологически «чистым». См. об этом: Иванов П. И., Шитов А. С. Оперативно-

нок¹, обеспечивая первичные потребности общества в жизненно необходимых продуктах, участвует в процессе производства, распределения, обмена и потребления, занимает важное место в экономике страны.

В системе органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) выступают головной службой по организации оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) по выявлению и раскрытию преступлений налоговой направленности. В связи с этим основная нагрузка по решению указанных задач ложится на эти подразделения.

Потребительский рынок со всей его инфраструктурой для этих подразделений выступает как среда их функционирования. В ней они, используя имеющиеся в их распоряжении силы и средства, решают вышеуказанные нами задачи.

Рассматриваемая отрасль экономики включает в себя «организации независимо от их организационно-правовых форм, а также индивидуальных предпринимателей, занимающихся производством товаров для реализации, реализацией товаров по договору купли-продажи, выполнением работ или оказанием по возмездному договору следующих видов услуг: бытовых, транспортных, связи, жилищно-коммунальных, туристических, медицинских, санаторно-оздоровительных, правового характера и прочих, исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд граждан, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности»². Отсюда видно, что потребительский рынок представляет собой сложноструктурное экономическое образование. Каждое отдельно взятое звено системы потребительского рынка с позиции теории ОРД может быть рассмотрено как объект углубленного изучения через призму выявления тех же скрытых факторов, негатив-

розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 58.

¹ В экономической теории потребительский рынок – это совокупность отношений, возникающих между продавцами и покупателями по поводу спроса, предложения и продажи товаров и услуг индивидуального потребления. Эта отрасль экономики состоит из следующих сегментов: рынка товаров потребительского назначения (рынок пищевых продуктов и напитков, рынок непродовольственных товаров, рынок общественного питания), рынка услуг потребительского назначения.

² Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (в ред. от 15 октября 2019 г.) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 7 апреля 2020 г.).

но влияющих на состояние налоговой безопасности, для последующей нейтрализации с использованием негласных сил, средств, методов и мероприятий. При этом весьма важно вскрыть причинно-следственные связи неочевидных факторов.

Нисколько не принижая роль и значение гласно для этого принимаемых мер (административно-правовых, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, криминологических), хотим подчеркнуть, что без применения комплекса оперативно-розыскных мер своевременно выявить и устранить причины и условия, способствующие совершению преступлений налоговой направленности на потребительском рынке, невозможно либо крайне затруднительно. Подтверждением тому служат и результаты судебно-следственной практики.

В связи со сказанным успешное решение указанной задачи нами видится в случае ее рассмотрения через призму оперативно-розыскного противодействия налоговой преступности как деятельности руководителей ОВД и их подразделений ЭБиПК, осуществляемой в соответствии с нормами федеральных законов «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности» в пределах их полномочий, по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию налоговых преступлений, а также по минимизации их последствий посредством использования специальных сил, средств, методов и проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

В рамках настоящей статьи мы оперативно-розыскное противодействие все же рассмотрим в усеченном виде, касаясь лишь вопросов, связанных с выявлением и раскрытием преступлений налоговой направленности. При этом исходим из того, что, с одной стороны, в рамках одной статьи трудно охватить все указанные задачи, с другой – действующая система оценки ориентирует подразделения ЭБиПК, прежде всего, именно на выявление и раскрытие преступлений налоговой направленности.

Более подробно поочередно остановимся на характеристике указанных задач. Забегая вперед, отметим, что под выявлением налоговых преступлений в сфере потребительского рынка нами понимается разновидность деятельности подразделений ЭБиПК, осуществляемая ими в пределах полномочий, определенных федеральными законами «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности», с целью установления наличия в событии или действиях лиц совокупности признаков, указывающих на совершение названного вида преступления, предусмотренного Особенной частью уголовного закона (ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ).

Заметим, что выявление является одной из основных задач ОРД подразделений ЭБиПК, обслуживающих объекты потребительского рынка. К тому же деятельность, направленная на решение указанной задачи, в теории и практике ОРД именуется по-разному, а именно: выявление лиц и фактов, представляющих

оперативный интерес; разведывательно-поисковая работа; оперативно-поисковая работа¹. Более того, эта деятельность отнесена к числу одной из организационно-тактических форм ОРД ОВД. Как нам представляется, такое сочетание рассматриваемого вида деятельности (содержание которой составляют меры организационного и тактического характера) существенно расширяет диапазон ее влияния.

Проведенное нами выборочное исследование показывает, что оперативно-поисковая работа² также нуждается в информационном обеспечении, последнее в современных условиях характеризуют следующие обстоятельства: наличие достаточно большого количества разрозненных розыскных, оперативно-справочных и криминалистических учетов, которые зачастую несовместимы между собой; нерешенность до конца проблемы создания единого информационного пространства для обмена информацией (существующая модель интегрированного банка данных (ИБД)³ не удовлетворяет потребностям подразделений ЭБиПК); неэффективное использование в целях получения первичной информации общедоступных ресурсов сети Интернет, новейших информационных технологий, а также СМИ. Как нам представляется, опубликованные в открытом доступе материалы СМИ, тематические сайты и форумы, новостные ленты – так называемые «веб-серфинг» или мониторинг информационных ресурсов на заданную тему⁴ – все они могут стать источником получения интересующих сведений.

¹ В дальнейшем наряду с использованием полного словосочетания «выявление налоговых преступлений на потребительском рынке» также – оперативно-поисковая деятельность или оперативный поиск.

² При рассмотрении данного вида деятельности традиционно выделяют его понятие, объекты поиска, основные направления поисковой работы, признаки распознавания объектов поиска, способы совершения преступлений (См. об этом: Иванов П. И., Пчелинцев М. Э., Сафиюлина П. Р., Шагабудинов Р. Ш. Выявление и раскрытие налоговых преступлений в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: научно-методическое пособие. М: Изд. Дом Шумиловой И.И., 2008. С. 9–29).

³ ИБД (модель информационного обеспечения ОРД подразделений ЭБиПК ОВД) включает в себя информационные ресурсы (массивы документов, учеты и базы данных, все виды архивов) и информационную инфраструктуру (информационные, компьютерные и телекоммуникационные технологии; информационно-телекоммуникационные структуры; системы средств массовой информации; организационные структуры, обеспечивающие функционирование и развитие ИБД).

⁴ См.: Демянчук Е. В. Мониторинг сети Интернет как мероприятие, проводимое с целью получения оперативно значимой информации // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: труды XIV Международной научной конференции, проведенной 24–25 мая 2005 г. М.: Академия управления МВД России, 2005. С. 199.

Значимую информацию можно почерпнуть в ряде случаев и из социальных сетей – информационного ресурса Интернета в виде специализированной площадки (онлайн-сервиса), предназначенного для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений, для общения людей, объединяющихся в группы по разным критериям: родственники, земляки, коллеги, одноклассники, группы по интересам и прочее.

Между тем в юридической литературе справедливо отмечается, что только 10–15 % сведений из сети Интернет пригодны для использования в исходном виде. Большая часть информации, полученная из информационных ресурсов Интернета, нуждается в последующей тщательной проверке⁵.

Результаты изучения ведомственных нормативных правовых актов, а также научных и учебных работ (диссертаций, монографий, учебников, учебных пособий) свидетельствуют о том, что оперативно-поисковая деятельность подразделений ЭБиПК базируется на признаках⁶, указывающих на подготовку либо совершение налоговых преступлений в изучаемой сфере. По совокупности признаков указанные подразделения определяют противоправный характер действий лиц, их совершающих⁷.

Учитывая множественность признаков, мы для удобства анализа предлагаем классифицировать их в зависимости от степени их взаимосвязи с объектом на три большие группы:

- 1) общие;
- 2) специальные;
- 3) факультативные (вспомогательные).

К числу *общих признаков*, по мнению авторов, следует отнести следующие: недельные связи хозяйствующих структур системы потребительского рынка с членами организованных преступных групп, отслеживающих финансовые потоки; приобретение за короткое время работы лицом, занимающимся предпринимательством и заподозренным в сокрытии полученных доходов (прибыли) от налогообложения, недвижимости (в том числе и за границей), автомобиля престижной иностранной марки и иных

⁵ См.: Доронин А. И. Бизнес-разведка. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Ось-89, 2010. С. 313–314.

⁶ Признаки экономического преступления – любые фактические данные, свидетельствующие о возможности его совершения. Их соотношение со способами преступления можно представить следующим образом: если способ – это система взаимосвязанных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, то признаки – это всего лишь совокупность данных о вероятности совершения деяния.

⁷ Поисковые признаки, указывающие на искусственное «дробление» бизнеса, что особенно характерно для потребительского рынка, нами проанализированы отдельно (См. об этом: Иванов П. И., Шитов А. С. Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 59).

дорогостоящих предметов; наличие у руководителя коммерческой организации, получившей бюджетные средства, непогашенной судимости за совершенное им налоговое преступление, а также лишение права заниматься деятельностью, связанной с осуществлением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных обязанностей вверенной ему организации; принятие руководителем организации решений (заключение сомнительных сделок с аффилированными структурами по продаже имущества), приводящих к преднамеренному банкротству; составление фиктивных первичных учетных документов (подделка подписей, печатей и штампов); несоответствие первичных документов учета и отчетности фактическим результатам финансово-хозяйственной деятельности организации, осуществляемой в системе потребительского рынка.

Наряду с общими признаками подразделения ЭБиПК в своей практической деятельности используют и так называемые специальные, совокупность которых может свидетельствовать о совершенном либо совершаемом преступлении налоговой направленности в рассматриваемой сфере. В эту группу мы относим: использование для осуществления незаконных финансовых операций предприятий и организаций, зарегистрированных на подставных лиц (фирм-однодневок); заключение фиктивных коммерческих сделок с подконтрольными юридическими лицами с целью инициирования процедуры банкротства и завладения имуществом предприятия; умышленное создание перед кредиторами и государством большой задолженности; незаконное обналичивание денежных средств и выведение активов за границу с последующим банкротством организации; внесение в отчетную документацию заведомо ложных сведений об объемах реально выполненных работ по заключенному госконтракту и их стоимости (фальсификация актов выполненных работ); включение в налоговую декларацию заведомо ложных сведений в целях незаконного получения из федерального бюджета денежных средств в качестве возмещения налога на добавленную стоимость.

Наконец, в информационно-аналитической работе, осуществляемой в рамках оперативно-поисковой работы, не менее значимую роль играют *факультативные (вспомогательные) признаки* распознавания налоговых преступлений, совершаемых на объектах потребительского рынка, которые могут не только обогатить содержание имеющихся в распоряжении подразделений ЭБиПК сведений, но и уточнить их либо существенно скорректировать. Такого рода признаками, как правило, являются: неведение бухгалтерской отчетности; факты вымогательства должностными лицами взяток в виде «откатов» за выделение предприятиям, например сферы ЖКХ, бюджетных средств; представление заведомо ложных сведений о хозяйственном положении и финансовом состоянии при заключении кредитного договора; факты незаконного отчуждения имущества, имущественных и

неимущественных прав и денежных средств хозяйствующих субъектов; завышение стоимости приобретенного оборудования, смет на выполненные работы; факты вымогательства денежных средств у участников конкурсов при размещении госзаказов за обеспечение победы или прекращение действий, направленных на срыв конкурсов; факты включения заведомо искаженных данных в акты приемки выполненных работ.

Приведенный перечень признаков, безусловно, неисчерпывающий, ибо могут быть и иные, которые не нашли в нем отражение. Следует отметить, что отдельно взятый признак не всегда указывает на вероятность совершения налогового преступления в рассматриваемой сфере. Поэтому их следует анализировать в совокупности, включая сведения, полученные оперативным путем.

Проведенное нами выборочное изучение показывает, что чаще всего в основу организации поисковой работы могут быть положены две наиболее характерные схемы: «от налоговой декларации – к налогоплательщику», «от налогоплательщика – к налоговому преступлению». В рамках этих схем сотрудники подразделений ЭБиПК основные усилия направляют на своевременное и быстрое изобличение преступников. Для этого они, в соответствии со ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», проводят документирование фактов уклонения от уплаты налогов (сборов), сокрытия объектов налогообложения, являющегося неотъемлемой составной частью процесса раскрытия налоговых преступлений оперативным путем. При этом мы под раскрытием подразумеваем выявление подразделениями ЭБиПК путем использования оперативно-розыскных сил, средств, методов и мероприятий обстоятельств преступления и лиц, его совершивших, установление и проверку фактических данных, подтверждающих противоправную деятельность этих лиц, обеспечение возможности использования полученных данных в качестве доказательств в ходе расследования уголовного дела.

В процессе документирования решается множество задач, в том числе такие, как:

– *получение оперативным путем для дальнейшего углубленного изучения и анализа данных бухгалтерского учета, содержащихся в памяти компьютера.* Использование в процессе анализа данных бухгалтерского учета, хранящихся на машинных носителях информации, имеет положительный эффект, т. к. позволяет всесторонне оценить механизм совершения налогового преступления и оперативно скорректировать отдельные направления его документирования. Полученные электронные документы в последующем могут быть подвергнуты судебно-бухгалтерской экспертизе;

– *установление в механизме преступного деяния способов подготовки, совершения и сокрытия налогового преступления на потребительском рынке.* В целях уклонения от уплаты налогов нередко при-

бегая к таким способам, как занижение дохода и завышение материальных затрат на производство продукции (выполнение работ или оказание услуг), незаконное использование налоговых льгот, использование фирм-однодневок, счетов сторонних (третьих) организаций посредством формирования искусственной дебиторской задолженности, наличных расчетов;

– установление бенефициарных владельцев организаций с целью полного возмещения причиненного материального ущерба бюджету;

– выявление противоправных схем, основанных на «дроблении» бизнеса, криминальной оптимизации налогообложения;

– сбор данных о полном перечне имущества подозреваемых с целью дальнейшего наложения на него ареста;

– задействование сил и средств оперативно-поисковых и оперативно-технических подразделений с целью получения наиболее полной информации, фиксации всех связей, в том числе коррумпированных, установления ранее неизвестных лиц, дополнительных эпизодов преступной деятельности;

– вскрытие фактов сокрытия доходов путем совершения многоходовых финансово-хозяйственных операций с использованием посреднических аффилированных фирм, в том числе зарегистрированных в оффшорных зонах;

– обеспечение выявления фактов легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенных посредством совершения налогового преступления на объектах потребительского рынка;

– сосредоточение основных усилий подразделений ЭБиПК на предупреждении и раскрытии налоговых преступлений, совершаемых в организованной форме;

– своевременное выявление фактов взяточничества и иных коррупционных преступлений, совершаемых высокопоставленными должностными лицами налоговых органов, имеющими широкие полномочия. На это обстоятельство особое внимание обращается и в Платежном плане МВД России по противодействию коррупции на 2018–2020 годы, утвержденном МВД России 30 августа 2018 г. № 1/10044;

– обнаружение и принятие мер по сохранению документов, содержащих следы материального характера, подтверждающие факты уклонения от уплаты налогов (договоры на выполнение работ (оказание услуг), поставку материальных ценностей; учредительные документы предприятия; отчетность предприятия по тем периодам, за которые налоги и страховые взносы не уплачены; платежные документы; договоры с потребителями продукции; документы о движении денежных средств по кассе предприятия за проверяемый период; черновые записи, неофициальная учетная документация, документы с признаками физического подлога (исправления, дописки, подчистки и т. п.)).

– извлечение для целей документирования оперативно значимой информации, концентрируемой на сайтах различных интернет-сервисов, в социальных сетях, мессенджерах, электронной почте, IP-телефонии, в информационных системах, поддерживающих банковские операции, приложения электронной торговли, транспортных перевозок, электронный документооборот.

Как известно, на сегодня в системе МВД России существует 12 оперативных подразделений¹, сотрудники которых в пределах своих полномочий сталкиваются со следами – признаками налоговых преступлений. В то же время взаимодействие с подразделениями ЭБиПК на ведомственном уровне должным образом не регламентировано. Проведение оперативно-розыскных мероприятий и порядок взаимодействия сотрудников оперативных подразделений полиции с подразделениями ЭБиПК регламентируются отдельными нормативными правовыми актами, что вызывает некоторые трудности при решении оперативно-тактических задач, связанных в первую очередь с выявлением и пресечением преступлений налоговой направленности, включая совершаемых на объектах потребительского рынка. Эти трудности отчасти, на наш взгляд, обусловлены отсутствием прямых нормативных предписаний руководителей оперативных подразделений полиции о необходимости участия в выявлении налоговых преступлений и своевременном информировании подразделения ЭБиПК об имеющихся сведениях о подготавливаемых и совершаемых налоговых правонарушениях. Учитывая это, по нашему глубокому убеждению, назрела необходимость разработки единого нормативно-правового акта, закрепляющего порядок информационного взаимодействия подразделений ЭБиПК с другими оперативными подразделениями полиции при обнаружении признаков преступлений налоговой направленности. Направления и формы взаимодействия в нем должны быть максимально увязаны со следующими типичными оперативно-тактическими схемами: «выездная налоговая проверка – возбуждение уголовного дела»; «оперативно-розыскная деятельность – выездная налоговая проверка – привлечение к налоговой ответственности»; «аналитические процедуры налогового органа – оперативно-розыскная деятельность – возбуждение уголовного дела»².

¹ См.: Приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» (в ред. от 1 июля 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 7 апреля 2020 г.). Этим приказом МВД России утвержден Перечень оперативных подразделений системы МВД России, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

² Панов А. Ю. Актуальные вопросы взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и налоговых органов в процессе противодействия налоговым преступлениям // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13. № 2. С. 209–210.

Как показывает проведенное выборочное исследование, результативность оперативно-розыскного противодействия налоговым преступлениям напрямую зависит от качества не только внутриведомственного взаимодействия, но и межведомственного. Здесь речь идет о взаимодействии подразделений ЭБиПК с налоговыми органами¹ при выявлении, предупреждении, документировании, пресечении и расследовании преступлений налоговой направленности, подследственных органам Следственного комитета Российской Федерации (СК РФ). К сожалению, на сегодняшний день на федеральном уровне отсутствует нормативный правовой акт, устанавливающий общий порядок межведомственного взаимодействия и информационного обмена между МВД России и СК РФ при раскрытии и расследовании налоговых преступлений. Территориальные органы МВД России на региональном уровне по своей инициативе, не дожидаясь общероссийского акта, стали принимать на местах в целях повышения эффективности организации деятельности по раскрытию и расследованию налоговых преступлений нормативные правовые акты и не безуспешно. Так, например, в Республике Мордовия (РМ) были приняты совместные приказы:

– приказ Прокуратуры РМ, СУ СК РФ по РМ, МВД по РМ, УФНС по РМ, УФСКН по РМ, УФССП по РМ от 29 марта 2012 г. № 62/38/113/56/41/205 «О создании межведомственной рабочей группы по выявлению, пресечению преступлений и расследованию преступлений в сфере экономики»;

– приказ УФНС по РМ, СУ СК РФ по РМ, МВД по РМ от 30 сентября 2013 г. № 01-08-07/0626/143/472 «О создании межведомственной рабочей группы по взаимодействию налоговых органов, органов внутренних дел, СУ СК в сфере противодействия налоговым преступлениям, в сфере криминального банкротства, незаконной регистрации юридических лиц»;

– приказ СУ СК РФ по РМ, МВД по РМ от 13 апреля 2015 г. № 75/149 «О создании межведомственной рабочей группы по вопросам выявления, предупреждения, документирования, пресечения и расследования преступлений экономической направленности, подследственных органам СК России»;

– приказ МВД по РМ, СУ СК РФ по РМ, УФНС по РМ от 1 июля 2015 г. № 125/275/01-08-07/0380 «Об утверждении порядка взаимодействия СУ СК РФ по РМ, МВД по РМ, УФНС по РМ».

Благодаря тесному взаимодействию и скоординированным действиям, Управление ЭБиПК МВД России по Республике Мордовия в плане противодействия налоговым преступлениям добилось неплохих результатов.

¹ Мы полагаем, что необходимой предпосылкой для повышения эффективности межведомственного взаимодействия является межведомственный нормативный правовой акт. См., например: Приказ МВД России и ФНС России от 29 мая 2017 г. № 317/ММВ-7-2/481@ «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности налоговому органу» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 7 апреля 2020 г.).

В заключение хотели бы подвести некоторые итоги.

Во-первых, проблемы ОРД подразделений ЭБиПК по выявлению и раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке обусловлены совокупностью факторов, в том числе недостаточной разработанностью с учетом современных реалий оперативно-розыскной характеристики налоговых преступлений, совершаемых на потребительском рынке.

Во-вторых, получение первичной информации, ее проверка и использование результатов проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законом в силу целого ряда причин сопровождаются множеством проблем, носящих преимущественно нормативно-правовой, организационный и тактический характер, без решения которых добиться повышения эффективности ОРД по выявлению налоговых преступлений на объектах потребительского рынка невозможно либо крайне затруднительно.

В-третьих, проблемы ОРД подразделений ЭБиПК по раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке, прежде всего, связаны с легализацией материалов, собранных в рамках ДОУ, качеством документирования преступных действий криминально активных лиц и оперативного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел о налоговых преступлениях.

В-четвертых, перспективными направлениями совершенствования ОРД подразделений ЭБиПК по выявлению и раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке выступают: оптимизация модели использования негласных сил, средств и методов в указанных целях; осуществление последующей оперативной проверки сообщений о преступлениях налоговой направленности в рамках ДОУ проведением комплекса ОРМ; принятие действенных мер по обеспечению возмещения причиненного материального ущерба бюджетной системе страны; преодоление противодействия расследованию уголовных дел о налоговых преступлениях посредством применения для этого современных средств и способов.

Библиографический список

1. Демянчук Е. В. Мониторинг сети Интернет как мероприятие, проводимое с целью получения оперативно значимой информации / Е. В. Демянчук // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: труды XIV Международной научной конференции, проведенной 24–25 мая 2005 г. – Москва: Академия управления МВД России, 2005. – С. 197–200.
2. Доронин А. И. Бизнес-разведка / А. И. Доронин. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Ось-89, 2010.
3. Иванов П. И. Выявление и раскрытие налоговых преступлений в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: научно-методическое пособие / П. И. Ива-

нов, М. Э. Пчелинцев, П. Р. Сафиюлина, Р. Ш. Шегабудинов. – Москва: Изд. Дом Шумиловой И.И., 2008.

4. Иванов П. И. Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности / П. И. Иванов, А. С. Шитов // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 1 (54). – С. 57–60.

5. Панов А. Ю. Актуальные вопросы взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и налоговых органов в процессе противодействия налоговым преступлениям / А. Ю. Панов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 207–212.

Bibliograficheskij spisok

1. Demyanchuk E. V. Monitoring seti Internet kak meropriyatie, provodimoe s cel'yu polucheniya operativno znachimoy informacii / E. V. Demyanchuk // Informatizaciya i informacionnaya bezopasnost' pravoohranitel'nyh organov: trudy HIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, provedennoj 24–25 maya 2005 g. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2005. – S. 197–200.

2. Doronin A. I. Biznes-razvedka / A. I. Doronin. – 5-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Os'-89, 2010.

3. Ivanov P. I. Vyyavlenie i raskrytie nalogovyh prestuplenij v sfere proizvodstva i oborota etilovogo spirita, alkohol'noj i spirtosoderzhashchej produkcii: nauchno-metodicheskoe posobie / P. I. Ivanov, M. E. Pchelincev, P. R. Safiyulina, R. SH. SHegabudinov. – Moskva: Izd. Dom SHumilovoj I.I., 2008.

4. Ivanov P. I. Operativno-rozysknoe protivodejstvie nalogovoj prestupnosti: poiskovyie priznaki i ih uchet v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti / P. I. Ivanov, A. S. SHitov // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2020. – № 1 (54). – С. 57–60.

5. Panov A. YU. Aktual'nye voprosy vzaimodejstviya operativnyh podrazdelenij organov vnutrennih del i nalogovyh organov v processe protivodejstviya nalogovym prestupleniyam / A. YU. Panov // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 207–212.

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

УДК 342

Правовое регулирование обеспечения охраны заключенных в пенитенциарных учреждениях НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Гребенщикова Ирина Васильевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: grebenshikova_iv@mail.ru

Статья посвящена вопросам охраны заключенных в годы Великой Отечественной войны. На основе нормативных правовых документов изучены вопросы правового регулирования охраны спецконтингента, рассмотрены этапы ужесточения режима содержания заключенных, а также привлечение иных подразделений к охране заключенных.

Ключевые слова: военизированная охрана; надзорная служба; вспомогательные команды; вахтерская охрана группы содействия; колонии; лагеря; тюрьмы; спецконтингент.

Legal regulation of security prisoners in penitentiary institutions of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)

Grebenschikova Irina Vasilyevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

The article is devoted to the guard of prisoners during the Great Patriotic War. On the basis of the normative legal documents, the issues of legal regulation of the protection of special contingent were studied; the stages of tightening the regime of detention of prisoners, as well as the involvement of other divisions for the guard of prisoners were examined.

Key words: paramilitary security; supervisory service; auxiliary teams; security guards of the assistance group; colonies; camps; prisons; special contingent.

3 июля 1941 года И. В. Сталин по радио произнес программную речь на военный период: «...Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад...»¹. В суровые годы Великой Отечественной войны (далее – война) вся деятельность Советского государства была перестроена на военное время. Не стала исключением и уголовно-исполнительная система. Естественно, что все эти изменения

осуществлялись в соответствии с нормативными правовыми актами – постановлениями, директивами и приказами госорганов и органов НКВД СССР.

Так, еще накануне Великой Отечественной войны приказом НКВД СССР от 29 января 1941 г. № 0097 с 1 января того же года были введены типовые штаты исправительно-трудовых лагерей (далее – ИТЛ) и колоний, в основу которых был положен следующий расчет. В лагерях с численностью военизированной охраны более 3000 человек рядового и младшего начальствующего состава организовывалась охрана 1 категории, от 2000 до 3000 человек – 2 категории, от

¹ Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. 3 июля 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=st_30741.

1000 до 2000 человек – 3 категории, от 500 до 1000 человек – 4 категории, от 100 до 400 человек – 5 категории¹.

Несение гарнизонной, караульной и внутренней службы регламентировалось Уставом гарнизонной службы Красной Армии, введенным в действие приказом НКО СССР от 24 января 1941 г. № 40, Уставом внутренней службы Рабоче-крестьянской Красной Армии, введенным в действие приказом НКО СССР от 21 декабря 1937 г. № 260, Дисциплинарным уставом Красной Армии, введенным в действие приказом НКО СССР от 12 октября 1940 г. № 356, действие которого в отношении военизированной охраны (далее – ВОХР) стало возможным в связи с переводом военизированной охраны исправительно-трудовых колоний (далее – ИТК) на военное положение приказом НКВД СССР от 30 июня 1941 г. № 603, а затем Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1942 г. В данном приказе был указан сравнительный перечень дисциплинарных прав начальствующего состава ВОХР лагерей и колоний НКВД СССР с аналогичным составом Красной Армии – в соответствии с занимаемыми должностями.

Задачи ВОХР во время войны определялись Временными наставлениями по службе военизированной охраны ИТЛ НКВД СССР, утвержденными заместителем НКВД СССР В. В. Чернышевым 4 марта 1939 г.:

- охрана заключённых, находящихся в лагерях, участках (пунктах) и на производстве;
- охрана готовых сооружений, складов общего назначения и основных баз с материальными ценностями;
- конвоирование заключённых на производство и другие участки лагеря и охрана их на месте работы;
- конвоирование заключённых за пределы лагеря;
- борьба с побегами и розыск бежавших заключённых;
- подавление групповых выступлений и неповиновения заключённых².

В соответствии с директивой НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 22 июня 1941 г. № 211 военизированная охрана лагерей была переведена на военное время, а личный состав – на казарменное положение. В связи с началом войны режим содержания заключенных был резко ужесточен: введены 11-часовой рабочий день для особо тяжелых производств и 12-часовой – для всех остальных видов производств; усилена охрана, созданы оперативные и резервные взводы, ударные группы, оперативно-розыскные отряды и заставы³. В конвойных войсках численность личного состава составила 38,3 тысячи человек. Главными слу-

жебными задачами было конвоирование осужденных, военнопленных и лиц, подлежащих депортации; внешняя охрана лагерей военнопленных, тюрем и некоторых объектов, на которых использовался труд спецконтингентов.

За годы войны значительно изменился постоянный кадровый состав пенитенциарных учреждений. Связано это с тем, что из 135 тыс. стрелков ВОХР ГУЛАГ(а) на фронт были отправлены 93 500 человек, то есть 69 % личного состава⁴. Заменяли их негодные к строевой службе инвалиды, пенсионеры и женщины. Кроме того, были отменены все отпуска, рабочий день составлял 14–16 часов для рядового состава и 18 часов для командно-оперативного состава.

В соответствии с приказом НКО от 22 сентября 1941 г. № 312 «О введении новых норм продовольствия для снабжения Красной Армии»⁵ офицерский кадровый состав лагерей НКВД СССР снабжался продовольствием по норме № 3, сержантский и рядовой состав – по норме № 4, вольнонаемный состав – по первой рабочей норме, установленной для данной местности. Исполняющим функции стрелков в декабре 1941 г. выдавалась одна из самых больших норм выдачи хлеба – 800 гр. в день⁶.

Одной из основных задач ГУЛАГ(а) НКВД СССР в годы войны являлась укомплектованность ИТЛ и ИТК заключенными, являющимися рабочей силой строительства важнейших оборонных предприятий. Немаловажной задачей в этот период стала эвакуация всех заключенных с территорий, которые были расположены вблизи зоны военных действий. Необходимо отметить, что многие были эвакуированы на Урал.

Пенитенциарные учреждения стали пополняться в основном осужденными за государственные и иные особо тяжкие преступления. Это, в свою очередь, существенным образом повлияло на уголовно-правовую характеристику заключенных и еще больше осложнило и без того сложную и опасную работу личного состава в местах лишения свободы⁷.

В соответствии с Директивой НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 22 июня 1941 г. № 221 до окончания войны было приостановлено освобождение отбывающих наказание заключенных, особо опасных преступников, осужденных, в основном, по ст. 58 (контрреволюционные преступления) и по ст. 59 (преступления против порядка управления) УК РСФСР 1926 г., иначе говоря, осужденных за политические преступления. Согласно Директиве НКВД СССР и Прокурора СССР от 29 апреля 1942 г. № 185 «Во изменение Директивы НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 22 июня 1941 г. № 221» всех отбывших сроки наказания заключенных оставляли для работы в лагерях НКВД СССР на положении вольнонаемных без права вы-

¹ См.: Косынтаев К. Б., Дильманов С. Д. Охрана заключенных в исправительно-трудовых лагерях 30–50-е годы XX века [Электронный ресурс] // Вестник Карагандинского государственного университета. 2007. № 2. URL: <https://articlekz.com/article/5187>.

² Там же.

³ См.: Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. Екатеринбург, 1997. С. 139.

⁴ См.: Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1921. С. 55.

⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1921. С. 19.

⁷ См.: Косынтаев К. Б., Дильманов С. Д. Указ. соч.

езда и с прикреплением до конца войны к районам работ лагеря-стройки¹. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» указанных лиц закрепляли за строительством. В случае же самовольного ухода с предприятия они привлекались к судебной ответственности. Нетрудоспособные лица (инвалиды, старики и женщины, а также имеющие детей) и вовсе освобождались на общих основаниях. Данная директива действовала вплоть до 1946 г., пока не была отменена приказом МВД СССР, МГБ СССР и Генерального прокурора СССР от 24 июня 1946 г. № 00585/00251/107сс.

Говоря о регионах, следует отметить, что в соответствии с указаниями НКВД СССР от 27 января 1942 г. № 73 охрана заключенных, находящихся в колониях Свердловской области, была усилена.

Приказом НКВД СССР от 2 февраля 1942 г. № 43 была введена в действие Инструкция о режиме содержания и охране заключенных в ИТЛ и колониях НКВД СССР в военное время. В соответствии с данной Инструкцией оперативно-служебные наряды охраны наделялись, в ряде случаев, правом применять оружие без предупреждения (при побеге и преследовании заключенных, при нападении на администрацию и конвой), максимально усилилась охрана заключенных².

21 февраля 1942 г. были даны указания НКВД СССР № 52/2066 о проверке ИТЛ и тюрем на предмет состояния охраны заключенных. Так, из докладной записки Управления НКВД СССР по Свердловской области заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссару государственной безопасности III ранга товарищу С. Н. Круглову от 29 апреля 1942 г. следовало, что была проведена проверка состояния охраны заключенных, находящихся в колониях Свердловской области. Проверкой установлено: в результате принятых мер охрана заключенных в 1942 г. значительно улучшилась по сравнению с 1941 г., но не в полной мере отвечала требованиям военного времени. Если в IV квартале 1941 г. из колоний области бежало 403 преступника, то в I квартале 1942 г. (2 месяца и 10 дней) – 92 человека. Из числа бежавших преступников в IV квартале 1941 г. задержан 301 человек, в I квартале 1942 г. – 52 человека.

Таким образом, намечившееся выправление положения в области охраны заключенных было недостаточным.

Значительное число побегов заключенных произошло с контрагентских работ вследствие отсутствия минимальных условий для организации охраны. Из 92 бежавших преступников в I квартале 1942 г. 85 че-

ловек бежало с внешних работ. Так, например, представляемая рабочая сила колонии № 5 Асбестовскому заводу продолжительное время использовалась на работах совместно с вольнонаемным составом, в результате чего из этой колонны в январе и феврале 1942 г. бежало 18 человек, 11 из которых было задержано.

Большое количество побегов было совершено заключенными вследствие нарушения правил несения конвойно-караульной службы личным составом ВОХР. В числе этих нарушений можно назвать доверчивость к заключенным; отпуск заключенных на неположенную дистанцию, как при конвоировании, так и при расстановке бригад на работу.

К примеру, 9 января 1942 г. стрелок военизированной охраны Асбестовского ИТК Исаков вместо того, чтобы вести бригаду заключенных по дороге, посадил ее на трудовой проходящий поезд узкоколейной железной дороги, тем самым дав возможность совершить побег заключенному Губину. Стрелок этой же колонии Кудрявцев конвоировал бригаду, как правило, по тропинке между густо расположенными домами, в результате чего заключенный Филимонов совершил побег.

В Свердловской промколонии длительное время практиковался выпуск за зону нерасконвоированных заключенных по разовым пропускам, выдаваемым помощником коменданта на основе записок начальника колонии Иванова, вследствие чего 8 марта 1942 г. сбежал заключенный, осужденный за бандитизм. На виновных – начальника колонии и командира подразделения ВОХР – были наложены взыскания, они предупреждены о более строгой ответственности за повторение подобных фактов.

Кроме того, побег заключенных порождались нарушением уставных положений по режиму. Так, на отдельном участке Нижне-Туринской промколонии продолжительное время заключенные в количестве 82 человек жили вне зоны, а в должности начальника этого участка работал один из заключенных. При обследовании ИТК № 10 было установлено, что на некоторых участках, например, на заводе ВИЗ, зона ограждения отсутствовала, охрана в ночное время была недостаточной, несмотря на это, начальник колонии достаточных требований к хозоргану о создании условий для охраны заключенных не предъявлял. На отдельном участке этой колонии – «Исток» – пост военизированной охраны у жилого барака, где были размещены заключенные, отсутствовал круглые сутки. По всем недостаткам были приняты меры по их устранению.

За период с 1 января по 10 марта 1942 г. за допущенные побег и нарушения уставных правил несения конвойно-караульной службы предано суду из личного состава военизированной охраны 11 человек³.

С целью наведения порядка были усилены ре-

¹ См.: Приказы о «пересидчиках» [Электронный ресурс]. URL: <http://alkruglov.narod.ru/z-order.pdf>.

² См.: Родионов А. В. Деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в годы Великой Отечественной войны (1941–1944) // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13 (1-4). № 4. С. 381–387.

³ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 99.

прессии в отношении задержанных беглецов. В I квартале 1942 г. к уголовной ответственности за побег привлечено 52 человека, в том числе по ст. 58-14 УК РСФСР (саботаж) – 34 человека¹.

Однако еще слабо была активизирована работа оперативно-чекистского отделения Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний, особенно по вскрытию и ликвидации контрреволюционных формирований среди заключенных и по предупреждению побегов.

В соответствии с Директивой НКВД СССР от 27 января 1942 г. № 73 была проделана работа в целях предупреждения возможных случаев вооруженных побегов – все оружие было сосредоточено в казармах ВОХР в закрытых пирамидах, запертых на замок. В помещениях казарм, где было сосредоточено оружие, была установлена круглосуточная усиленная охрана. Казармы в течение суток находились закрытыми с внутренней стороны, вход в них разрешался только лицам из личного состава охраны и руководства колоний. Во всех подразделениях ВОХР дежурные части содержались в состоянии постоянной боевой готовности. Также была усилена охрана наиболее опасного контингента заключенных. Все лица, имеющие неоднократную судимость, сведены в режимные бригады, и для их охраны назначались наиболее опытные стрелки. Все осужденные за контрреволюционные преступления и бандитизм были законвоированы.

Кроме того, на основе изучения направлений, на которых производились задержания бежавших заключенных, была пересмотрена дислокация оперпостов.

Так, в целях усиления ближнего розыска бежавших заключенных были приняты меры по увеличению численности групп содействия охране из числа местного населения. Если на 1 января 1942 г. таких групп было 87 и в них состояло 626 человек, то на 10 марта 1942 г. их число увеличилось до 174, в которых состояло 1383 человека².

Весь личный состав был проинструктирован и предупрежден о повышении бдительности и о строжайшей ответственности за малейшее проявление халатного отношения к несению конвойно-караульной службы.

Приказом НКВД СССР от 3 августа 1942 г. № 001603 объявлено Положение об Управлении НКВД СССР по делам военных и интернированных. В соответствии с данным документом в Управлении режимом и охраной занимался 1-й отдел. На данный отдел возлагались обязанности по подготовке нормативных правовых актов о порядке содержания спецконтингентов в лагерях и на приемных пунктах; проведению мероприятий по борьбе с побегами, по розыску и задержанию бывших военнопленных и интернированных; организации внутренней и пожарной охраны; разра-

ботке мероприятий по боевой подготовке; проверке состояния режима и охраны; проведению административных расследований о нарушениях.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 29 декабря 1943 г. № 726 личному составу работников лагерного сектора и командному составу военизированной охраны стали присваиваться специальные и воинские звания. Младшему командному составу военизированной охраны и некоторым категориям работников лагерного сектора присваивали звания состава специальной службы НКВД СССР³.

В связи с необходимостью подготовки кадрового состава ГУЛАГ(а) в течение 1943–1944 гг. были организованы специальные школы по подготовке кадров основных специальностей лагерного сектора, в которых прошли подготовку лица старшего и среднего состава военизированной охраны – 2400 человек, младшего начальствующего состава военизированной охраны – 3200 человек⁴.

Начиная с 1943 г., в соответствии с Директивой НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 3 августа 1943 г. стали освобождать на общих основаниях бывших заключенных за добросовестное и честное отношение к труду, а также не допускавших нарушение лагерного режима, которые были закреплены при лагерях в соответствии с Директивой НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 29 апреля 1942 г. № 185, за исключением лиц, осужденных по политическим мотивам.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 28 декабря 1943 г. № 0458 начинает организовываться внутренняя надзирательная служба за счет численности военизированной охраны и комендантского состава подразделений. Главная задача данной службы заключалась в охране заключенных и организации режима. В функции внутренней надзирательной службы входило усиление изоляции заключенных, надзор за соблюдением заключенными правил режима и внутреннего порядка, укрепление трудовой дисциплины и контроль за обеспечением надлежащих бытовых условий⁵.

В связи с разбросанностью участков работ хозорганов, а также требованием последних о выделении большого количества мелких рабочих бригад и производстве работ в условиях недостаточной изоляции контингентов лагерей от вольнонаемных рабочих, от ряда лагерей поступили сообщения о невозможности обеспечить наличным штатом охраны бесперебойное производство работ, тем самым был поставлен вопрос об увеличении численности охраны. Указанием начальника УНКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных от 2 марта 1944 г. № 28/5/6289 было разъяснено, что удовлетворить требования лагерей об увеличении штатов охраны УПВИ НКВД СССР не предоставляется возможности. При действительной необходимости в ведении дополнительной охраны

¹ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 100.

² Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 101.

³ См.: Смыкалин А. С. Указ. соч.

⁴ См.: Кокурин А. И. ГУЛАГ 1917–1960 [Электронный ресурс]. URL: <https://document.wikireading.ru/17921>.

⁵ См.: Косынтаев К. Б., Дильманов С. Д. Указ. соч.

надлежало в полном соответствии с указанием НКФ СССР от 7 сентября 1940 г. № 9-416/1с¹ договориться с хозорганами о выделении некоторого количества дополнительной вахтерской охраны, содержание которой (зарплата, обмундирование, питание) полностью должно производиться за счет хозоргана и его фондов. Хозорган также был обязан выделять для этой цели необходимые контингенты людей. В каждом случае введения дополнительной вахтерской охраны за счет хозоргана это должно было оформляться специальным соглашением, в котором указывались количество, стоимость содержания и срок, на который данная охрана организуется.

Отбор выделяемых хозорганом лиц в вахтерские команды производила комиссия в составе представителей от Управления спецлагеря, администрации предприятия и партийного комитета предприятия. Выделяемые хозорганом лица в вахткоманды должны были удовлетворять требованиям службы в органах НКВД СССР.

Личный состав дополнительной вахтерской охраны передавался в полное подчинение лагеря, с распространением на него прав и обязанностей вахтерской охраны НКВД СССР. Перед назначением на службу дополнительной вахтерской охраны Управление лагеря НКВД СССР должно было провести краткосрочные сборы по подготовке к службе личного состава указанной охраны. Систематическая боевая и политическая подготовка этой охраны в дальнейшем проводилась со всем личным составом вахткоманды лагеря. В каждом случае введения дополнительной вахтерской охраны за счет хозорганов направлялся доклад в УПВИ НКВД СССР с указанием ее количественного состава.

В 1945 г., в связи с участвовавшими случаями нарушений лагерного режима, права надзорной службы были еще более расширены. Организацией режима заключенных занимались как военизированная охрана, так и внутренняя надзорная служба. Существовало 2 режима содержания: общие зоны и строгий режим. В связи с этим заключенные делились на подконвойных и бесконвойных. Подконвойных содержали в закрытых зонах, в отношении них режим содержания был жесткий. Бесконвойные же содержались в общих зонах, с менее жестким режимом содержания.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 27 июня 1945 г. № 0172 «Об организации вспомогательных команд в лагерях НКВД СССР для военнопленных» (ВК) предусматривалось привлечение на службу по выводу и охране военнопленных на работах самих военнопленных².

К поимке бежавших заключенных стали привлекаться группы содействия, которые формировались из местных жителей.

Укомплектованность военизированной охраны ИТЛ ГУЛГМП (Главное управление лагерей горно-

металлургических предприятий), ГУЛЖДС (Главное управление лагерей железнодорожного строительства), ГУЛПС (Главное управление лагерей промышленного строительства), ГУШОСДОР (Главное управление шоссейных дорог) и УЛЛП (Управление лагерей лесной промышленности) рядовым и младшим командным составом в первом квартале 1945 года характеризовалась следующими данными: всего по положенности 39 661 человек, в наличии 38 031 человек³. В процентное соотношение численности охраны к заключенным, военнопленным и интернированным не включена охрана мобилизованных немцев, численность которой для каждого лагеря утверждалась отдельно. Всего на охране 97 405 мобилизованных немцев на 1 апреля 1945 года было занято 1335 стрелков и младшего комсостава. Также не включена охрана готовых сооружений в количестве 3709 человек и командный состав 2223 человека, содержащихся согласно приказу НКВД СССР 1942 г. № 001935 сверхлимита. Военизированная охрана рядовым и младшим командным составом, за исключением некоторых лагерей, была по состоянию на 1 января 1945 г. укомплектована полностью. По отдельным лагерям некомплект составлял: Широлаг – 61, ИТЛ строительства № 500 – 428, Печорлаг – 728, Севжелдорлаг – 75, Севдвинлаг – 45, Вятлаг – 75, Ивдельлаг – 135, Каргопольлаг – 46, Краслаг – 61, Унжлаг – 209, Устьвымлаг – 250, Воркутлаг – 464, Интинлаг – 131, Норильлаг – 339, Тынъяулазлаг – 446 и ИТЛ строительства № 1 ГУШОСДОРа – 75 человек. Некомплект в личном составе к концу 1945 года был ликвидирован за счет получения пополнения из военкоматов по наряду НКО и сверхкомплекта в личном составе других лагерей. Таких, как Богословлаг, где сверхкомплект составил 108 человек; Волголаг – 268; Ядринлаг – 125; ИТЛ Закавказ металлургостроя – 115; Челябинметаллургостроя – 268; ИТЛ строительства № 108 – 263; Вортокураллаг – 106, ИТЛ строительства № 2 ГУШОСДОРа – 84 и № 3 – 98 человек.

С военизированной охраной проводилась политическая, боевая и специальная подготовка личного состава. Проведенный в 1945 году инспекторский смотр личного состава по политической, боевой и специальной подготовке показал, что в военизированной охране большинства лагерей задачи по политическому воспитанию и обучению к несению службы были выполнены успешно.

По результатам инспекторского смотра по всем показателям первое место заняла военизированная охрана Вятлага, второе – Севдвинлага. Неудовлетворительные результаты показали военизированная охрана Широлага и ИТЛ строительства НКВД № 108⁴.

Состояние охраны заключенных характеризовалось следующим образом: в лагерях НКВД СССР побеги заключенных в I квартале 1945 г., в сравнении с IV кварталом 1944 г., сократились более чем в два раза. Исключение составляли лагеря ГУШОСДОРа НКВД

¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 218.

² См.: Смыкалин А. С. Указ. соч. С. 162.

³ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 103.

⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 38–39.

СССР, где побеги и количество не задержанных заключенных возросли.

Особо плохо розыскная служба была поставлена в ИТЛ строительства № 3, где из 7 бежавших заключенных 6 не удалось разыскать.

Внутренняя надзирательская служба, за исключением отдельных лагерей, личным составом укомплектована. Ее укомплектованность на 1 апреля 1945 г. характеризуется следующими данными: по положенности 4265 человек, налицо 4002 человека, 263 человека некомплект. Увеличение некомплекта произошло с увеличением числа заключенных и ростом числа лагерных отделений.

За I квартал 1945 г. заключенными совершено 76 326 нарушений режима, что ниже на 10 717 в сравнении с IV кварталом 1944 г. Лучшие показатели в укреплении режима достигнуты надзирательской службой в ИТЛ ГУЛПС, где количество нарушений снизилось более чем в два раза. Большую часть нарушений составляли отказы от работы – 39 929; бандитизм – 242; хулиганство – 2166; промоты – 5680; сожительство – 2015.

В сравнении с IV кварталом 1944 г. отказы заключенных от работы снизились в абсолютных цифрах на 6249 случаев.

За нарушение лагерного режима в течение I квартала 1945 г. к заключенным были приняты следующие меры: предано суду – 1420 человек, водворено в ШИЗО и подвергнуто другим взысканиям – 65 794 человека. Всего за нарушение лагерного режима было наказано 67 214 человек.

Основными и общими для всех лагерей НКВД СССР причинами побегов преступников являлись:

1) неудовлетворительная организация службы по охране заключенных, особенно на объектах «работы»;

2) недостаточная бдительность лиц служебного наряда;

3) слабый контроль за несением службы со стороны командного состава;

4) недостаточное внимание к вопросам обеспечения изоляции и охраны заключенных со стороны руководства некоторых лагерей и начальников лагерных подразделений.

Необходимо отметить, что не все сотрудники военизированной охраны и надзирательной службы добросовестно исполняли свои обязанности, неоднократно они уличались в избиении заключенных и других противозаконных деяниях. Так, от лечинспектора Свердловского облздравотдела т. Афанасьевой, обследовавшей по заданию Облсполкома санитарное состояние 10-го (Гаринского) лаготделения Севураллага, стало известно, что в этом отделении имели место факты избиения и издевательств над заключенными со стороны отдельных работников военизированной охраны. Заключенных, отказывающихся от работы либо не выполняющих нормы, ставили на «стойку» голыми летом под комарами. Отдельных заключенных в виде наказания клали, зарывали в

снег и заставляли лежать до тех пор, пока не изъявит желание работать. В результате всего этого имели место факты обморожения 3 степени и простудных заболеваний¹. Систематическое избиение и факты издевательств привели к тому, что отдельные заключенные совершали побеги только с той целью, чтобы добраться до отделения и рассказать о всех этих безобразиях оперуполномоченному оперативно-чекистского лагеря.

В марте-апреле 1945 г. в Москве с начальниками военизированной охраны было проведено совещание, по итогам которого разработаны основные мероприятия по усилению охраны, изоляции заключенных и укреплению режима в лагерях, которые были объявлены приказом НКВД СССР от 8 мая 1945 г. № 0108.

Таким образом, правовой статус ВОХР в годы войны определялся секретными инструкциями органов НКВД СССР. По своему правовому и социально-экономическому положению сотрудники ВОХР приравнивались к лицам, несущим действительную военную службу. Помимо вооруженной охраны в период войны к охране заключенных была привлечена надзорная служба.

В соответствии с секретными директивами НКВД СССР создавались вспомогательные команды из самих военнопленных, дополнительная вахтерская охрана на основании договоров с хозорганами, а также для поимки сбежавших заключенных привлекались группы содействия, сформированные из местных жителей.

Начавшийся с первых дней войны режим ужесточения содержания заключенных продолжился и после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Библиографический список

1. Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 128. – Л. 99–101; 261–264.
2. Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. 3 июля 1941 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=st_30741.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 9414. – Оп. 1. – Д. 1921. – Л. 19, 55.
4. ГАРФ. – Ф. 9414. – Оп. 1. – Д. 329. – Л. 38–39, 103, 218.
5. Кокурин А. И. ГУЛАГ 1917–1960 [Электронный ресурс] / А. И. Кокурин. – URL: <https://document.wikireading.ru/17921>.
6. Косынтаев К. Б. Охрана заключенных в исправительно-трудовых лагерях 30–50-е годы XX века [Электронный ресурс] / К. Б. Косынтаев, С. Д. Дильманов // Вестник Карагандинского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 43–46. – URL: <https://articlekz.com/article/5187>

¹ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 261–264.

7. Приказы о «пересидчиках» [Электронный ресурс]. – URL: <http://alkruglov.narod.ru/z-order.pdf>.

8. Родионов А. В. Деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в годы Великой Отечественной войны (1941–1944) / А. В. Родионов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13 (1-4). – № 4. – С. 381–387.

9. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России / А. С. Смыкалин. – Екатеринбург, 1997.

Bibliograficheskij spisok

1. Arhiv Upravleniya FSB RF po Sverdlovskoj oblasti. – F. 1. – Op. 1. – Ed. hr. 128. – L. 99-101; 261–264.

2. Vystuplenie po radio Predsedatelya Gosudarstvennogo Komiteta Oborony I. V. Stalina. 3 iyulya 1941 g. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=st_30741.

3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee – GARF). – F. 9414. – Op. 1. – D. 1921. – L. 19, 55.

4. GARF. – F. 9414. – Op. 1. – D. 329. – L. 38–39, 103, 218.

5. Kokurin A. I. GULAG 1917–1960 [Elektronnyj resurs] / A. Kokurin. – URL: <https://document.wikireading.ru/17921>.

6. Kosyntaev K. B. Ohrana zaklyuchennyh v ispravitel'no-trudovyh lageryah 30–50-e gody XX veka [Elektronnyj resurs] / K. B. Kosyntaev, S. D. Dil'manov // Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 2. – S. 43–46. – URL: <https://articlekz.com/article/5187>.

7. Prikazy o «peresidchikah» [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://alkruglov.narod.ru/z-order.pdf>.

8. Rodionov A. V. Deyatel'nost' organov i uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1944) / A. V. Rodionov // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. – 2018. – Т. 13 (1-4). – № 4. – С. 381–387.

9. Smykalin A. S. Kolonii i tyur'my v sovetskoj Rossii / A. S. Smykalin. – Ekaterinburg, 1997.

Некоторые вопросы совершенствования кадрового отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел

Красовский Артем Валерьевич,
Нижегородская академия МВД России
e-mail: krasowsky2015@yandex.ru

Статья посвящена некоторым вопросам совершенствования кадрового отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел, в том числе рассматривается внедрение модели сетевой организации профильного обучения на уровне среднего общего образования.

Ключевые слова: органы внутренних дел; совершенствование кадрового отбора; модель сетевой организации профильного обучения на уровне среднего общего образования; профориентация.

Some questions of improvement of personnel selection of candidates for service in law-enforcement bodies

Krasovskij Artem Valer'evich,
Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia

The article is devoted to some issues of improving the personnel selection of candidates for service in the internal affairs bodies, including the introduction of a model of network organization of profile training at the level of secondary general education.

Key words: bodies of internal Affairs; improvement of personnel selection; model of the network organization of profile training at the level of secondary General education; career guidance.

Проведенная в 2011 г. внеочередная аттестация МВД России была нацелена на нейтрализацию коррупции в органах внутренних дел (далее – ОВД), поднятие уровня доверия граждан к полиции в целом, повышение ее авторитета путем качественного отбора на службу, формирования профессионального ядра и т. д. Несомненно, достижение поставленных целей имеет тесную взаимосвязь с качеством и уровнем выполняемых МВД России задач по поддержанию правопорядка, декриминализации экономики, борьбе с коррупцией, терроризмом и экстремизмом, реализации других, не менее важных направлений, относящихся к компетенции полиции.

На наш взгляд, уровень коррупции в ОВД является одной из причин наступления негативных последствий в виде роста преступности, массовых беспорядков, погромов, несанкционированных антигосударственных митингов и т. д., что, соответственно, отражается на динамике экономического развития государства. Характерным примером воздействия дестабилизации правопорядка на экономику страны может служить, в частности, ряд событий, произошедших на Украине¹.

Несмотря на проведенную внеочередную аттестацию сотрудников ОВД, в полицейском ведомстве России факты совершения преступлений должностными лицами различного уровня не прекратились. Согласно официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, примерно 1 % от всей численности зарегистрированных преступлений ежегодно совершают сотрудники правоохранительных органов. При этом лидерство принадлежит сотрудникам ОВД – около 28,8 %. Более того, большинство этих преступлений носит коррупционный характер, в том числе относится к категории должностных². Полагаем, что для изменения сложившейся ситуации необходима дополнительная проработка существующего механизма приема кандидатов на службу в ОВД.

Именно назревшая необходимость обновления кадрового потенциала полицейских и иных подразделений Министерства, формирования нового профессионального и нравственного облика сотрудника ОВД Российской Федерации после перехода из мили-

² См.: INFOPRESSA. Генпрокуратура раскрыла статистику преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов. URL: <https://infopressa.com/2018/10/31/genprokurytura-raskryla-statistiku-prestyplenii-sovershennyh-sotrydnikami-pravoohranitelnyh-organov>.

¹ См.: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

ции в полицию стала импульсом для разработки проекта Концепции кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел (на период до 2020 года)¹.

Предложенный концептуальный подход охватывает различные направления кадровой работы, включая формирование системы профилактики и предупреждения коррупционных и иных правонарушений в полицейской среде, активизацию профориентационной работы среди молодежи и иные. Как справедливо указывают В. М. Пашин и А. А. Кобозев, рассматривавшие проблемы кадровой доктрины МВД России, «в основе всего происходящего находится человек»².

В свете сказанного полагаем, что ключевым фактором в формировании будущих стражей правопорядка, отвечающих современным критериям проводимой государственной кадровой политики в МВД России, должен служить институт раннего профориентирования подрастающего поколения в общеобразовательных учреждениях. Данная позиция нашла отражение не только на ведомственном уровне, но и в научном сообществе.

Так, исследуя причины и условия совершения сотрудниками ОВД коррупционных преступлений, М. В. Куценко верно указывает на обусловленность качественного профессионального отбора ранней профориентацией кандидатов на службу в ОВД или обучение в ведомственных образовательных учебных заведениях³. В свою очередь, И. Ф. Амелчаков предложил развивать систему ранней профессиональной ориентации молодежи на основе оптимизации деятельности полицейских колледжей, лицеев, специализированных классов (групп) общеобразовательных школ, позволяющую обеспечить осознанную готовность юношей и девушек связать свою жизнь с правоохранительной деятельностью, формирование у молодого поколения позитивного образа сотрудника ОВД⁴.

Практическая реализация этой идеи нашла отражение в виде открытия в общеобразовательных организациях специализированных (профильных) классов в Иркутской, Волгоградской областях, Пермском крае и других. Авторы полностью поддерживают данную концепцию формирования сотрудников

ОВД, но считают, что она будет работать должным образом при условии использования в образовательном процессе ресурсов ведомственных учебных заведений. В настоящее время такому критерию удовлетворяют профильные классы, сформированные по инициативе Нижегородской академии МВД России на базе МБОУ «Школа № 11 имени Г. С. Бересневой», МАОУ «Школа № 19» г. Н. Новгорода и МАОУ лицей г. Бор Нижегородской области. В 2019 г. по инициативе Уральского юридического института МВД России был дан старт аналогичному проекту в МАОУ СОШ № 175 г. Екатеринбург⁵.

С учетом изложенного следует рассмотреть указанную модель сетевой организации профильного обучения на уровне среднего общего образования более подробно. Формирование профильных классов осуществляется прежде всего из выпускников 9 классов на конкурсной основе. Кандидат на поступление в профильный класс проходит вступительные испытания по обществознанию, математике и физической культуре. Данный этап позволяет оценить умственную и физическую подготовку будущего абитуриента ведомственного учебного заведения.

В процессе формирования учеников профильного класса активно применяются современные кадровые технологии. Например, обязательным элементом вступительных испытаний является психологическое тестирование и индивидуальная беседа с каждым кандидатом, проводимые психологом ведомственной образовательной организации. Решение о зачислении в профильный класс происходит на основании коллегиального мнения членов приемной комиссии, в которую входят как представители образовательной организации, так и сотрудники ведомственного учебного заведения.

Такой порядок отбора кандидатов для поступления на службу в ОВД отличается от существующего, поскольку работа с абитуриентами начинается после окончания 9 класса, а не в процессе обучения школьника в 11-м классе. Поэтому предлагаемый нами вариант отбора кандидатов на поступление в ведомственные учебные заведения МВД России не только совершенствует существующий механизм приема на службу в ОВД, но и позволяет создать более комфортную атмосферу для подготовки выпускника 11 класса к сдаче ЕГЭ и вступительным испытаниям в выбранную им образовательную организацию МВД России.

Для поступивших в такие классы в общеобразовательных организациях помимо специализированного учебного плана, предусматривающего углубленное изучение обществознания, экономики, права и других предметов, разрабатывается план совместных мероприятий по реализации модели сетевой организации профильного обучения на уровне среднего общего образования. Совместная работа преподавателей ведомственной образовательной организации и педагогических работников общеобразовательных организаций обеспечивает качественную индиви-

¹ См.: Концепция кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел (на период до 2020 года). URL: https://17.mvd.pf/slujba/Gosudarstvennaja_grazhdanskaja_sluzhba/Koncepcija_kadrovoj_politiki_Ministerstv.

² Пашин В. М., Кобозев А. А. Проблемы кадровой доктрины в системе МВД России // Административное и муниципальное право. 2013. № 1.

³ См.: Куценко М. В. Причины и условия совершения коррупционных преступлений сотрудниками ОВД // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 306–310.

⁴ См.: Амелчаков И. Ф. О повышении практической направленности обучения в БелЮИ МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 1. С. 3–7.

⁵ Далее – образовательные организации.

дуальную профориентационную работу с наиболее подготовленными и талантливыми школьниками. Кроме того, в этот процесс интегрированы представители практических органов, включая кадровые подразделения ОВД.

В систему профессионального самоопределения учащихся профильных классов включены занятия по строевой и физической подготовке, изучение основ правовых знаний, а также профориентирующие мероприятия, которые проходят не только на базе общеобразовательной организации и ведомственной образовательной организации, но и территориальных ОВД. Особую роль в этом процессе играет активное использование имеющихся материально-технических ресурсов ведомственной образовательной организации (включая учебные полигоны, оборудование и современные спортивные залы).

Деятельностный, в том числе игровой, компонент указанных выше мероприятий предполагает получение обучающимися практических умений и навыков во время их проведения на базе учебных полигонов образовательной организации МВД России. Это тем более важно, поскольку именно практическая направленность, своевременность, организация и проведение профориентационных мероприятий, научное и методическое обеспечение процесса обучения, применение педагогами профильных классов инновационных образовательных технологий и современных технических средств обучения позволяют им сформировать у обучающихся знания и умения, необходимые для будущего сотрудника ОВД.

В проведенных в 2018–2019 гг. соревнованиях по тактико-игровым стрельбам с использованием учебно-стрелкового имитационного оборудования приняли участие около 600 учащихся г. Н. Новгорода и Нижегородской области не только профильных классов, но и других школ. Существенный объем проводимой работы направлен на гражданское, патриотическое и духовно-нравственное воспитание учащихся профильных классов. Проиллюстрируем сказанное отдельными примерами.

Так, 8 ноября 2018 г. около 80 учеников приняли участие в митинге, посвященном Дню памяти погибших при исполнении служебных обязанностей сотрудников ОВД. Кроме этого, было организовано посещение музея ГУ МВД России по Нижегородской области, «Урок мужества», участие в торжественных мероприятиях, приуроченных ко Дню Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., включая участие совместно с курсантами ведомственной образовательной организации в поисковых мероприятиях в Калужской области в рамках Всероссийской акции «Вахта памяти», и иные.

Следующим наглядным примером развития единого целенаправленного процесса воспитания и обучения учеников профильных классов может послужить опыт Нижегородской академии МВД России по организации и проведению тематических круглых столов. Предлагаемый подход, по сути, является ин-

струментом государственно ориентированных взглядов будущих сотрудников ОВД.

Так, 23 января 2019 г. в г. Бор Нижегородской области был проведен межведомственный круглый стол на тему «Вопросы противодействия коррупции». В рамках подготовки к данному мероприятию ученики имели возможность не только выступить с подготовленными докладами, но и задать вопросы гостям – действующим сотрудникам ОВД, прокуратуры и СК РФ. По результатам данного мероприятия был издан сборник научных статей.

Отдельным направлением подготовки абитуриентов ведомственных образовательных организаций является участие школьников в олимпиадах, проводимых на базе вузов¹. Проводится работа и по раскрытию научного потенциала учеников профильных классов, которые под руководством преподавателей образовательных организаций высшего образования активно принимают участие в различных научно-практических конференциях студентов, курсантов, слушателей.

Опираясь на личный практический опыт противодействия коррупции, можно уверенно констатировать, что системно выстроенная и проделанная работа уже дала положительные результаты:

- путем пропаганды правовых знаний начат процесс формирования стойкой гражданской позиции несовершеннолетних обучающихся;
- в результате выстроенного диалога с учениками профильных классов школ получены данные, имеющие практическое значение для разработки более эффективного механизма защиты от коррупционных и иных негативных факторов, могущих оказать отрицательное воздействие на формирование здорового гражданского общества.

Сказанное выше позволяет нам сформулировать некоторые выводы и предложения:

1. Запущенный в 2017 г. Нижегородской академией МВД России пилотный проект по внедрению модели сетевой организации профильного обучения на уровне среднего общего образования апробирован и успешно реализован. В 2019 г. по результатам первого выпуска из 8 абитуриентов, успешно прошедших военно-врачебную комиссию, 5 человек стали курсантами первого курса. Популярность предлагаемой формы обучения растет от года к году. В настоящее время в профильных классах Нижегородской академии МВД России обучаются 112 учеников. При этом желающих поступить было значительно больше. Для зачисления только в 10-й социально-правовой класс «На страже экономики» лицея г. Бор Нижегородской области в 2019 г. поступило 35 заявлений от выпускников 9-х классов, однако вступительные испытания сумели пройти только 20 учеников.

¹ На базе Нижегородской академии МВД России уже несколько лет проводится Всероссийская олимпиада школьников «На страже экономики». В 2019 г. и на базе Уральского юридического института МВД России впервые была проведена такая олимпиада.

В то же время все ученики указанного профильного класса, прошедшие первый год обучения, а также их родители, в ходе проведенного нами интервьюирования дали высокую оценку организации учебного процесса и роли в нем педагогов-кураторов Нижегородской академии МВД России, поддерживающих и развивающих их (учеников) мотивацию на службу в ОВД.

2. Предлагаемая форма контактной работы с подрастающим поколением не только решает вопросы профориентации, но и является эффективным инструментом борьбы с антиобщественными и общественно опасными деяниями в подростковой среде. Так, в ноябре 2018 г. ученики социально-правового класса «На страже экономики» лицея г. Бор Нижегородской области участвовали в качестве волонтеров в профилактической акции «Засветись», проводимой Госавтоинспекцией Нижегородской области. В рамках этого оперативно-профилактического мероприятия полученные ими знания в области безопасного поведения на дороге разъяснялись другим участникам дорожного движения, в том числе ученикам лицея и других общеобразовательных организаций г. Бор. Приведенный пример эффективного взаимодействия ведомственной образовательной организации высшего образования и практического органа наглядно демонстрирует реализацию положения ч. 4 п. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹, в соответствии с которым профилактика преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних и пропаганда правовых знаний является обязанностью полиции.

3. На основании предыдущих выводов позволим себе сформулировать предложение о совершенствовании существующей системы кадрового отбора кандидатов на поступление в образовательные организации высшего образования МВД России. Исторически сложилось, что эту задачу выполняли кадровые подразделения территориальных ОВД. С 2014 г. стало возможным поступление в ведомственные образовательные организации высшего образования МВД России по «прямому набору», т. е. без участия территориальных ОВД.

Полагаем, что введенное в процедуру поступления новшество является для кандидатов более удобной формой, более продуктивной с точки зрения эффективности решения задачи по подбору кадров для прохождения службы в ОВД и менее расходной, что в современных экономических условиях имеет существенное значение. Все это говорит в пользу того, что процесс поступления в ведомственные образовательные организации высшего образования МВД России должен осуществляться исключительно в формате «прямого набора». А участие кадровых подразделений территориальных ОВД должно быть сведено к предоставлению сведений о необходимом ко-

личестве специалистов. Представляется, что данное предложение нивелирует множество существующих проблем в рассматриваемом направлении служебной деятельности. К таким проблемам можно отнести некачественное оформление личных дел, их несвоевременное предоставление и другие. К тому же, системное включение в процесс «прямого набора» модели сетевой организации профильного обучения на уровне среднего общего образования следует рассматривать через призму стратегического развития кадровой политики МВД России.

Резюмируя наши выводы и предложения, нельзя не сказать о тесной взаимосвязи качества кадровой работы с обеспечением собственной безопасности в МВД России, являющейся составной частью государственной политики в сфере внутренних дел².

Библиографический список

1. INFOPRESSA. Генпрокуратура раскрыла статистику преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов [Электронный ресурс]. – URL: <https://infopressa.com/2018/10/31/genprokuratyra-raskryla-statistiku-prestuplenij-sovershennyh-sotrudnikami-pravoohranitelnyh-organov>.

2. Амельчаков И. Ф. О повышении практической направленности обучения в БелЮИ МВД России / И. Ф. Амельчаков // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2013. – № 1. – С. 3–7.

3. Википедия. Смена власти на Украине в феврале 2014 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

4. Концепция кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел (на период до 2020 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://17.mvd.rf/slujba/Gosudarstvennaja_grazhdanskaja_sluzhba/Koncepcija_kadrovoj_politiki_Ministerstv.

5. Куценко М. В. Причины и условия совершения коррупционных преступлений сотрудниками ОВД / М. В. Куценко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 3 (39). – С. 306–310.

6. Пашин В. М. Проблемы кадровой доктрины в системе МВД России / В. М. Пашин, А. А. Кобозев // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 1.

Bibliograficheskiy spisok

1. INFOPRESSA. Genprokuratura raskryla statistiku prestuplenij, sovershennyh sotrudnikami pravoohranitel'nyh organov [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://infopressa.com/2018/10/31/genprokuratyra-raskryla-statistiku-prestuplenij-sovershennyh-sotrudnikami-pravoohranitelnyh-organov>.

2. Amel'chakov I. F. O povyshenii prakticheskoy napravlenosti obucheniya v BelYUI MVD Rossii /

¹ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1 октября 2019 г.).

² См.: Приказ МВД России от 2 января 2013 г. № 1 «Концепция обеспечения собственной безопасности в Министерстве внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1 октября 2019 г.).

I. F. Amel'chakov // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. – 2013. – № 1. – S. 3–7.

3. Vikipediya. Smena vlasti na Ukraine v fevrale 2014 goda [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

4. Konceptiya kadrovoj politiki Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii v organah vnutrennih del (na period do 2020 goda) [Elektronnyj resurs]. – URL: https://17.mvd.rf/slujba/Gosudarstvennaja_grazhdanskaja_sluzhba/Kon-ceptija_kadrovoj_politiki_Ministerstv.

5. Kucenko M. V. Prichiny i usloviya soversheniya korrupcionnyh prestuplenij sotrudnikami OVD / M. V. Kucenko // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2017. – № 3 (39). – S. 306–310.

6. Pashin V. M. Problemy kadrovoj doktriny v sisteme MVD Rossii / V. M. Pashin, A. A. Kobozev // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2013. – № 1.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 343.3

Неправомерный доступ к компьютерной информации: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации

Харламова Алена Алексеевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: up-kafedra@mail.ru

В статье раскрыто содержание объективных и субъективных признаков преступлений, предусмотренных статьей 272 Уголовного кодекса Российской Федерации «Неправомерный доступ к компьютерной информации», рассмотрены некоторые особенности квалификации и основания освобождения от уголовной ответственности за совершение указанных общественно опасных деяний.

Ключевые слова: компьютерные преступления; неправомерный доступ; компьютерная информация; киберпреступления; судебный штраф.

Illegal access to computer information: interpretation of signs and some problems of qualification

Kharlamova Alyona Alekseevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate professor

The article discloses the content of objective and subjective signs of crime under Art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation «Illegal access to computer information», some features of qualifications and the grounds for exemption from criminal liability for the commission of the specified socially dangerous act are considered.

Key words: computer crimes; illegal access; computer information; cybercrime; court fine.

Глава 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) включает нормы, предусматривающие ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Появление этой главы в УК РФ было обусловлено коренным изменением общественных отношений, формированием в России открытого информационного общества. Общественная опасность указанных преступлений обусловлена тем, что компьютеры и иные современные устройства и информация, которую они аккумулируют и передают, касаются всех сфер жизнедеятельности современного общества. Преступные вмешательства в компьютерную информацию могут поставить под угрозу осуществление банковских операций, социальное обеспечение, оборонную способность, транспортную инфраструктуру и в конечном итоге национальную

безопасность. Именно поэтому уголовный закон, как и акты других отраслей права, защищает законные процессы сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения (передачи) информации.

Нормы, предусматривающие ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, можно считать относительно молодыми, т. к. уголовное законодательство, предшествовавшее УК РФ 1996 г., не включало подобных предписаний.

Надо сказать, что компьютерной техникой считаются не только традиционные персональные компьютеры и ноутбуки, но и планшеты, смартфоны, кассовые аппараты, банкоматы, терминалы по приему платежей и иные устройства, оперирующие с компьютерной информацией. Законность операций с любой информацией, в том числе и с компьютерной, будет

зависеть от наличия согласия и допуска со стороны собственника или оператора, соблюдения требований к обработке и передаче данных и к эксплуатации компьютеров, их систем и сетей.

Родовым объектом преступлений в сфере компьютерной информации, исходя из названия разд. IX УК РФ, выступает совокупность общественных отношений, направленных на охрану общественной безопасности и общественного порядка. В качестве видового объекта можно определить общественные отношения, возникающие в процессе создания любых видов воздействия на компьютерную информацию.

Понятие «компьютерная информация» не нашло свое закрепление в специальном нормативном акте и законодательно определено только в примечании к ст. 272 УК РФ, где под ней предлагается понимать сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Данное определение, по всей видимости, является производным от общего понятия информации, содержащегося в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹.

Главу 28 УК РФ открывает ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации».

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность и правомерное использование компьютерной информации. Дополнительным объектом могут выступить отношения, обеспечивающие сохранность соответствующего вида тайны (налоговой, коммерческой, банковской), факультативным – отношения, охраняющие собственность или интересы государственной службы и службы в коммерческих организациях.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, является охраняемая законом компьютерная информация.

В соответствии с положениями Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация может свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу, если федеральными законами не установлены ограничения доступа к информации либо иные требования к порядку ее предоставления или распространения. В зависимости от категории доступа информация подразделяется на общедоступную и информацию, доступ к которой ограничен федеральными законами². Порядок и ус-

ловия доступа к информации, правила ее использования (в том числе путем распространения) и передачи определяет обладатель такой информации. Он же устанавливает ограничения или дает разрешение на осуществление каких-либо действий с информацией, а в случае незаконного ее получения или использования другими лицами вправе обратиться в соответствующие органы для защиты своих интересов.

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 272 УК РФ, материальный. Объективная сторона включает следующие обязательные признаки:

- 1) деяние в виде неправомерного доступа к информации;
- 2) последствия в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования информации;
- 3) наличие причинной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями.

Под доступом к компьютерной информации следует понимать возможность получения информации и ее использования³. Здесь имеется в виду любая форма проникновения в источник информации с использованием средств (вещественных и интеллектуальных) в виде электрических сигналов, позволяющая манипулировать полученной информацией (копировать, модифицировать, блокировать либо уничтожать ее)⁴.

Неправомерным становится доступ, который осуществляется без разрешения ее законного владельца и в нарушение порядка, установленного законодательством. Владелец может установить ограничения доступа посредством правовых, организационных, технических мер или иным способом.

Таким образом, неправомерным считается доступ к конфиденциальной информации или информации, составляющей государственную тайну, лица, не обладающего необходимыми полномочиями (без согласия собственника или его законного представителя), при условии обеспечения специальных средств ее защиты⁵.

Что касается общественно опасных последствий, то под уничтожением информации необходимо понимать приведение ее или ее части в непригодное для использования состояние независимо от возможности ее восстановления. Не будет считаться уничтожением информации простое переименование файла, а также автоматическая замена старой версии файлов новой. Перенос информации на другой носитель не является в контексте уголовного закона уничтоже-

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2017. Т. 2. С. 643.

⁵ См.: Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // СПС «КонсультантПлюс».

нием компьютерной информации лишь в том случае, если в результате этих действий доступ правомерных пользователей к информации не оказался существенно затруднен либо исключен.

Блокирование информации – это результат такого воздействия, последствием которого является постоянное или временное отсутствие возможности осуществлять над компьютерной информацией операции. Блокирование приводит к ограничению или полному прекращению доступа к компьютерному оборудованию и находящимся на нем ресурсам, не связанному с уничтожением компьютерной информацией.

При совершении деяния в виде модификации информации происходит изменение последней либо ее параметров. Если модификация осуществляется законным владельцем или пользователем информации с целью исправления ошибок, обеспечения функционирования программы, базы данных на каком-либо устройстве либо для налаживания взаимодействия нескольких программ, то такая модификация является легальной и не влечет ответственности.

Копирование информации представляет собой перенесение ее на другое обособленное устройство (носитель) при сохранении неизменной первоначальной версии, а также воспроизведение информации в любой материальной форме путем переписывания от руки, фотографирования, а также считывания (перехвата).

Между деянием и перечисленными последствиями должна присутствовать причинно-следственная связь. Важно установить, что причиной стали целенаправленные действия, а не технические неисправности и ошибки в работе программного обеспечения. Для признания преступления окончательным достаточно наступления хотя бы одного из перечисленных в диспозиции статьи последствий. Наличие совокупности нескольких последствий на квалификацию не влияет.

Так, К., обладая достаточными познаниями в области пользования компьютерной техникой и навыками работы в телекоммуникационной сети «Интернет», путем подбора и ввода ответа на секретный вопрос («Девичья фамилия мамы») осуществила неправомерный доступ к охраняемой конфиденциальной компьютерной информации, для которой установлен специальный режим ее правовой защиты. Своими действиями К. с использованием средств компьютерной техники осуществила не разрешенный собственником доступ, позволяющий использовать полученную информацию, содержащуюся в электронном почтовом ящике, принадлежащем С. После чего К. изменила пароль доступа к указанному электронному почтовому ящику, блокировав компьютерную информацию, следствием чего явилась невозможность для законного пользователя осуществить требуемые операции с компьютерной информацией. Затем К. путем удаления электронного почтового ящика уничтожила все находившиеся в нем электронные сообщения и

электронные документы, что привело в непригодное для использования состояние указанную информацию¹.

Неправомерный доступ может состоять в модификации программ, от которых зависит функционирование каких-либо сайтов в сети Интернет и демонстрация на них информации, в том числе рекламного, оскорбительного или порнографического характера.

По мнению большинства исследователей, субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины². Виновный осознает общественную опасность деяния в виде неправомерного доступа, предвидит возможность или неизбежность наступления последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования информации и либо желает наступления этих последствий, либо не желает, но сознательно допускает их наступление или относится к их наступлению безразлично. Субъект данного преступления общий – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Законодатель установил повышенную ответственность, если помимо обозначенных в ч. 1 ст. 272 УК РФ последствий был причинен крупный ущерб (превышает один миллион рублей) или деяние было совершено из корыстной заинтересованности.

Так, Кировским районным судом г. Хабаровска С. был признан виновным в совершении неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, повлекшего уничтожение компьютерной информации и причинение крупного ущерба. Согласно материалам дела, С. заведомо зная о его предстоящем увольнении за прогулы, решил уничтожить охраняемую законом компьютерную информацию, содержащуюся на серверах ООО «М.» и приостановить работоспособность компании с использованием программного обеспечения удаленного доступа. С этой целью С. осуществил неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся на серверах, и произвел уничтожение программного обеспечения (в частности Microsoft Server 2012, 1С «Бухгалтерия», 1С «Торговля», 1С «Управляющий», 1С «Зарплата»), серверного веб-приложения для управления проектами и задачами, а также массива данных с информацией о хозяйственно-финансовых отношениях с контрагентами, объеме и периодичности товарооборота с деловыми партнерами, показателях деятельности ООО «М.», в том числе финансовую, бухгалтерскую и налоговую отчетность и т. п. Действия С. повлекли причинение ООО «М.» крупного ущерба на общую сумму 1 469 062 руб. (расходы на оплату труда работников в выходные и праздничные дни – 897 943 руб.; оплату вынужденного простоя работников – 388 181 руб.; оплату коман-

¹ См.: Приговор Дзержинского районного суда г. Оренбурга Оренбургской области от 28 января 2019 г. по делу № 1-55/2019 // ГАС «Правосудие».

² См., например: Гайфутдинов Р. Р. Понятие и квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017.

дировочных расходов для проведения вынужденной ревизии на объекте строительства в размере 182 938 руб.)¹.

Корыстная заинтересованность означает стремление виновного получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера (денег, имущества или прав на его получение и т. п.) либо избавиться от материальных затрат (освобождение от каких-либо имущественных затрат, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.). Вместе с тем анализ материалов уголовных дел показывает, что следственные и судебные органы не всегда уделяют достаточное внимание раскрытию содержания этого признака². В лучшем случае в описательной части решений судов корыстная заинтересованность находит отражение в виде следующих формулировок: «на условиях получения денежного вознаграждения»³, «выразившейся в желании получить доступ к ИТКС «Интернет» на более высокой скорости передачи данных»⁴ и т. п.

Надо сказать, что некоторые сложности на практике представляет и оценка действий лиц, выразившихся в получении различных материальных благ посредством использования учетных данных законных пользователей.

Так, согласно описательной части постановления Железнодорожного районного суда г. Рязани, О., являясь работником ПАО «Р», получил логин и пароль для доступа цифровому телевидению, которые имел право использовать только в служебных целях. Однако с помощью полученных данных О. осуществил подключение своего домашнего телевизора и приобрел платный контент на сумму 30 509 руб. Следственные органы квалифицировали деяния О. по ч. 2 ст. 272 УК РФ, т. е. как неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший модификацию компьютерной информации, совершенный из корыстной заинтересованности⁵.

Тем не менее предложенная следственными органами юридическая оценка представляется спорной. Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в тех случаях, когда хищение осуществляется посредством использования учетных данных собственника (независимо от того,

как они были получены), деяния виновного должны квалифицироваться как кража, если не оказывалось воздействие на программное обеспечение или на сами информационно-телекоммуникационные сети⁶. В приведенном примере О. лишь ввел имеющиеся у него логины и пароль, и никаким образом в работу самих информационно-телекоммуникационных сетей не вмешивался.

Правильным в этом контексте видится подход, реализованный Козельским районным судом Калужской области. П. передала своему знакомому Р. свою банковскую карту Сбербанка России во временное пользование, сообщив при этом «пин-код» карты. Не уведомив П., Р. с помощью банкомата подключил к указанной банковской карте банковские услуги «Мобильный банк» и «Сбербанк Онлайн», привязав их к номеру своего сотового телефона и получив тем самым необходимые пароли для доступа к системе и возможность контролировать баланс карты и осуществлять перевод денежных средств. В последующем Р. зашел в систему «Сбербанк онлайн» и перевел с лицевого счета П. на лицевой счет своей банковской карты денежные средства в сумме 8400 руб. Органами предварительного следствия действия Р. были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 3 ст. 183 УК РФ и ч. 2 ст. 272 УК РФ. Однако по ходатайству государственного обвинителя Д. суд исключил из предъявленного Р. обвинения излишне вмененные ч. 3 ст. 183 УК РФ и ч. 2 ст. 272 УК РФ, поскольку умысел Р. был направлен на хищение денежных средств, а получение пароля к «Сбербанк Онлайн» явилось лишь способом совершения преступления⁷.

В части 3 ст. 272 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение анализируемого преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой либо лицом с использованием своего служебного положения. Для квалификации по указанной части достаточно одного из перечисленных признаков.

Неправомерный доступ будет считаться совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в его осуществлении участвовали два или более исполнителей, предварительно договорившихся о совместном совершении преступления. Каждый из исполнителей должен отвечать всем признакам субъекта и выполнить хотя бы часть объективной стороны.

Признак «совершенный организованной группой» может быть вменен только в том случае, если группа имела устойчивый характер. Об устойчивости группы может свидетельствовать длительность ее существования, постоянство состава участников,

¹ См.: Приговор Кировского районного суда г. Хабаровска от 23 марта 2017 г. по делу № 1-3/2017 (1-45/2016) // ГАС «Правосудие».

² См., например: Приговор Яйский районный суд Кемеровской области от 21 мая 2018 г. по делу № 1-46/2018 // ГАС «Правосудие».

³ Приговор Московского районного суда Санкт-Петербурга от 27 сентября 2018 г. по делу № 1-838/2018 // ГАС «Правосудие»; Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 21 марта 2019 г. по делу № 1-108/2019 // ГАС «Правосудие».

⁴ Постановление Урицкого районного суда Орловской области от 18 июня 2019 г. по делу № 1-1-35/2019 // ГАС «Правосудие».

⁵ См.: Постановление Железнодорожного районного суда г. Рязани от 19 октября 2018 г. по делу № 1-1-35/2019 // ГАС «Правосудие».

⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «Консультант-Плюс».

⁷ См.: Приговор Козельского районного суда Калужской области от 8 мая 2018 г. по делу № 1-57/2018 // ГАС «Правосудие».

тщательность подготовки преступлений, использование одних и тех же форм и методов совершения посягательств. В каждом конкретном случае оценивается совокупность обстоятельств, указывающих на устойчивость. Организованная группа может иметь целью и совершение только одного, но требующего тщательной подготовки преступления.

Традиционно признак «с использованием служебного положения» вменяется, если лицо, совершившее преступление, являлось должностным лицом, лицом, выполняющим управленческие функции, в коммерческих или иных организациях или государственным либо муниципальным служащим, не отвечающим признакам должностного лица¹. Однако историческое толкование нормы приводит к выводу, что использующими служебное положение применительно к ст. 272 УК РФ должны признаваться те, кто имел возможность доступа к компьютерной информации в силу выполняемой работы (по трудовому, гражданско-правовому договору). Следовательно, субъектами квалифицированного состава могут стать программисты, системные администраторы, операторы и т. п.

Так, приговором Центрального районного суда г. Твери А. была признана виновной в совершении неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, повлекшей модификацию компьютерной информации, осуществленного лицом с использованием своего служебного положения. Согласно материалам дела, А. состояла на должности старшего оператора ЭВМ группы операционного обслуживания абонентов Территориального участка г. Тверь ООО «Г.» и в рамках своих должностных обязанностей осуществляла изменение параметров и перерасчеты в лицевых счетах клиентов ООО «Г.» согласно представленным документам, а также осуществляла проверку подлинности и соответствие представленных документов необходимым критериям. По просьбе своего знакомого А. внесла в карточку лицевого счета абонента Д. искаженные данные о замене приборов учета газа, тем самым осуществила модификацию компьютерной информации².

В силу того, что преступления, предусмотренные ч. 1–3 ст. 272 УК РФ, относятся к категории небольшой и средней тяжести, виновный может быть освобожден от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, в связи с примирением с потерпевшим или с назначением судебного штрафа.

Однако необходимо учитывать, что в соответствии с п. 25.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» судья принимает реше-

ние об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при отсутствии обстоятельств, препятствующих освобождению лица от уголовной ответственности³.

Так, Московский районный суд г. Рязани в удовлетворении ходатайства следователя Л. о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в отношении О., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 272 УК РФ, отказал в связи с отсутствием подтверждения со стороны обвиняемого в судебном заседании своего согласия на прекращение уголовного дела по данному основанию⁴.

Сормовский районный суд г. Н. Новгорода не удовлетворил подобное ходатайство в связи с тем, что не были соблюдены требования о заглаживании Б. причиненного вреда потерпевшему П. В материалах уголовного дела имелась лишь копия заявления потерпевшего о принесении ему извинений подозреваемым, а из телефонограммы П. следовало, что каких-либо извинений ему подозреваемым принесено не было⁵.

Надо сказать, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа и при совершении совокупности преступлений, если ни за одно из них оно не было осуждено⁶.

В части 4 ст. 272 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение обозначенных в ч. 1, ч. 2 или ч. 3 деяний, если они повлекли тяжкие последствия или создали угрозу их наступления. Тяжкие последствия – признак оценочный, и в каждом конкретном случае его содержание «отдается на откуп» правоприменителю. Тяжкими последствиями можно считать причинение по неосторожности смерти или тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку; причинение средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам; дезорганизацию деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, крупные аварии, длительную приостановку или дезорганизацию работы общественного транспорта, какого-либо предприятия, учреждения или организации; длительное отключение потребителей от источников жизнеобеспечения – электроэнергии, газа,

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: Постановление Московского районного суда г. Рязани от 21 января 2019 г. по делу № 1-36/2019 // ГАС «Правосудие».

⁵ См.: Постановление Сормовского районного суда г. Н. Новгорода от 11 марта 2019 г. по делу № 1-119/2019 // ГАС «Правосудие».

⁶ См., например: Постановление Советского районного суда г. Орска Оренбургской области от 28 июня 2018 г. по делу № 1-181/2018 // ГАС «Правосудие».

¹ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Приговор Центрального районного суда г. Твери от 20 февраля 2020 г. по делу № 1-37/2020 // ГАС «Правосудие».

тепла, водоснабжения¹; существенное ухудшение экологической обстановки; самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего².

Так, согласно заключению компьютерной судебной экспертизы, осуществленной в рамках уголовного дела, рассмотренного Саровским городским судом Нижегородской области, подключение нештатных аппаратно-программных средств и организация канала передачи данных между узлами вычислительного поля сегмента МП-1Р/600 АСЗИ ЗЛВС и ОТКС «Интернет» были признаны представляющими угрозу наступления тяжких последствий в виде утечки охраняемой законом информации, компрометации результатов, полученных в ходе расчетов в интересах исполнения гособоронзаказа, а также угрозу осуществления несанкционированного доступа к объектам АСЗИ ЗЛВС со стороны нарушителей, действующих из ОТКС «Интернет»³.

Библиографический список

1. Гайфутдинов Р. Р. Понятие и квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук / Р. Р. Гайфутдинов. – Казань, 2017.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. – Москва: Проспект, 2017. – Т. 2. – С. 643.
3. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliograficheskiy spisok

1. Gajfutdinov R. R. Ponyatie i kvalifikaciya prestuplenij protiv bezopasnosti komp'yuternoj informacii: dis. ... kand. yurid. nauk / R. R. Gajfutdinov. – Kazan', 2017.
2. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / pod red. A. V. Brilliantova. – Moskva: Prospekt, 2017. – T. 2. – S. 643.
3. Metodicheskie rekomendacii po osushchestvleniyu prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov pri rassledovanii prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii // SPS «Konsul'tantPlyus».

¹ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 24 октября 2019 г. по делу № 1-167/2019 // ГАС «Правосудие».

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Уральского юридического института МВД России»

1. Требования к материалам

1. В журнале «Вестник Уральского юридического института МВД России» могут публиковаться материалы только образовательной, научной и информационной тематики по отрасли 12.00.00 – юридические науки. Материалы, не соответствующие тематике журнала, для рассмотрения не принимаются.

2. Для публикации в журнале «Вестник Уральского юридического института МВД России» могут представляться следующие материалы:

2.1. Научные статьи (объемом от 8 до 20 страниц печатного текста).

2.2. Информация о научных конференциях (объемом до 10 страниц печатного текста).

2.3. Научные рецензии (объемом до 5 страниц печатного текста).

2.4. Иные материалы по согласованию с редакцией.

3. Материал не должен быть опубликован ранее или одновременно находиться на рассмотрении в другом издательстве.

4. Материал должен быть представлен на русском языке (аннотация и ключевые слова дополнительно должны быть переведены на английский язык).

5. Каждый материал должен содержать:

5.1. Код универсальной десятичной классификации (УДК) – размещается на первом листе в левом верхнем углу.

5.2. Фамилию, имя, отчество (последнее – при наличии) автора, его должность, ученую степень, ученое звание, специальное или воинское звание (по желанию автора) на русском и английском языках – размещаются на первом листе в правом верхнем углу.

5.3. Почтовый адрес автора и адрес его электронной почты (обязательно) – размещаются на первом листе в правом верхнем углу.

5.4. Название материала на русском и английском языках – размещается на первом листе.

5.5. Аннотацию (как правило, 4–5 строк) на русском и английском языках – размещается на первом листе.

5.6. Ключевые слова (как правило, 4–6 слов) на русском и английском языках – размещаются на первом листе.

5.7. Библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» – размещается на последнем листе материала. Источники перечисляются в списке по алфавиту.

6. К материалу должна прилагаться рецензия специалиста в исследуемой сфере (как правило, доктора наук или кандидата наук), заверенная в установленном порядке. К материалам членов редакционного совета журнала, редакционной коллегии журнала, докторов наук и кандидатов наук, являющихся научно-педагогическими работниками – специалистами в рассматриваемой сфере, внешние рецензии могут не прилагаться. К материалам, представляемым аспирантами, адъюнктами, соискателями, прилагается отзыв научного руководителя.

7. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии согласие на опубликование.

8. Материал представляется в редакцию:

8.1. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте с указанием данных об авторе и о статье в теме письма), выполненный в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman версии 2003 и выше или другим, совместимом с ним, размером шрифта – 14, межстрочным интервалом – 1,5; поля слева – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см. Имя файла – фамилия и инициалы автора. В тексте статьи используются оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5.2008 «Библиографическая ссылка» подстрочные библиографические ссылки, которые размещаются, как примечание, вынесенное из текста документа, внизу полосы.

8.2. На бумажном носителе, по содержанию полностью идентичный электронному варианту, выполненный на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны. На последнем листе автор указывает: «Материал не содержит сведений ограниченного распространения, неправомерного заимствования; вычитан; цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником» и ставит свою подпись.

9. При направлении материала автор гарантирует отсутствие неправомерного заимствования в рукописи произведения (плагиата), надлежащее оформление цитирования, ссылок на законодательство, судебную практику, правильность статистических, информационно-аналитических и иных данных, приведенных в рукописи.

10. Все материалы направляются с сопроводительным письмом в редакцию журнала по адресу: 620057, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66, Уральский юридический институт МВД России, редакционно-издательское отделение научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Адрес электронной почты: ural-yui@mvd.ru.

II. Порядок приема, рассмотрения и рецензирования материалов

11. Все поступающие материалы в течение 10 дней со дня поступления изучаются редакционной коллегией на предмет их соответствия требованиям. Материалы, представленные с нарушением требований, не рассматриваются и не возвращаются. О принятом решении автор уведомляется по электронной почте.

12. Материалы, соответствующие предъявляемым требованиям, принимаются в работу и направляются на рецензирование.

13. Внешнее рецензирование материалов организуется автором самостоятельно в соответствии с п. 6.

14. Внутреннее рецензирование материалов организуется редакционной коллегией и осуществляется членами редакционного совета, редакционной коллегии журнала, сотрудниками Уральского юридического института МВД России.

15. Внутреннее рецензирование осуществляется специалистами по профилю представленного материала. В процессе внутреннего рецензирования осуществляется проверка на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения.

Рецензент осуществляет рецензирование представленного материала в течение двадцати рабочих дней, далее представляет в редакцию журнала подписанную рецензию.

16. Рецензия должна содержать объективную оценку материала. В заключении рецензент дает одну из следующих рекомендаций:

- об опубликовании материала;
- о направлении материала на доработку (при наличии несущественных недостатков);
- об отклонении научного материала (при наличии существенных недостатков).

17. По результатам внутреннего рецензирования и проверки на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения редакционная коллегия принимает решение:

- об опубликовании материала;
- о направлении материала автору на доработку;
- об отклонении материала.

18. О принятом редакционной коллегией решении автор уведомляется по электронной почте. При направлении материала на доработку, отклонении материала по электронной почте до автора доводятся недостатки, указанные рецензентом, а также результаты проверки материала на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения. Сведения о рецензенте автору не сообщаются.

19. Поступивший после доработки материал проходит повторное рецензирование и проверку на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения. По результатам повторного рецензирования коллегия принимает решение:

- об опубликовании материала;
- об отклонении материала.

О принятом решении автор уведомляется по электронной почте.

20. Материалы, по которым редакционной коллегией принято решение об опубликовании, поступают в печать. Опубликование материалов осуществляется бесплатно. Авторское вознаграждение не выплачивается.

21. Рецензии на поступившие материалы направляются авторам в электронном виде после заседания редакционного совета журнала. В целях повышения объективности рассмотрения статей, направляемых на рецензирование, редакция имеет право не сообщать рецензенту фамилию автора статьи.

22. По запросам Министерства образования и науки Российской Федерации рецензии в обязательном порядке предоставляются в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве образования и науки Российской Федерации и/или Министерство образования и науки Российской Федерации.

23. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

24. В отношении иных вопросов, связанных с приемом, рассмотрением, рецензированием и отклонением материалов, редакционная коллегия, редакция с авторами в переписку не вступают, разъяснений не представляют.

25. Материалы и приложения к ним авторам не возвращаются.

Rules for sending, reviewing and publishing scientific articles in the journal «Bulletin of the of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

I. Requirements to materials

I. Requirements to materials

1. The journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» can publish only educational, scientific and informational themes in the scientific area 12.00.00 – Legal Sciences. Materials that do not correspond to the subject matter of the journal are not accepted for consideration.

2. For publication in the journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation» the following materials can be submitted:

2.1. Scientific papers (from 6 to 15 pages of printed text).

2.2. Information about scientific conferences (up to 10 pages of printed text).

2.3. Scientific reviews (up to 5 pages of printed text).

2.4. Other materials on agreement with the editorial staff.

3. The material should not be published earlier or simultaneously be under consideration in another publishing house.

4. The material should be presented in Russian (an abstract and keywords must be translated into English in addition).

5. Each material should contain:

5.1. The universal decimal classification code (UDC) is placed on the first sheet in the top left corner.

5.2. Surname, name, patronymic (last – if available) of the author, his position, academic degree, academic title, special or military rank (at the request of the author) in Russian and English languages are placed on the first sheet in the top right corner.

5.3. The author's mailing address and e-mail address (required) are placed on the first sheet in the top right corner.

5.4. The name of the material in Russian and English is placed on the first sheet.

5.5. An abstract (as a rule, 4-5 lines) in Russian and English languages is placed on the first sheet.

5.6. Keywords (usually 4-6 words) in Russian and English are placed on the first sheet.

5.7. Bibliographic list, issued in accordance with the State Standard (GOST) 7.1-2003 «Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of compilation» are placed on the last sheet of the material. The sources are listed alphabetically in the list.

6. The material must be accompanied by a review of a specialist in the field of research (usually a doctor of sciences or candidate of sciences) certified in accordance

with the established procedure. External reviews may not be attached to materials of the members of the Editorial Council of the journal, the Editorial Board of the journal, and doctors of sciences and candidates of sciences who are scientific and pedagogical specialists in this area. The materials submitted by postgraduates, adjuncts, and applicants are accompanied by a review of the supervisor.

7. For the publication of scientific materials in the journal, it is necessary to submit to the Editorial Board the consent for publication.

8. The material is submitted to the Editor:

8.1. On an electronic optical medium (or by e-mail with information about the author and an article in the subject line), executed in a Microsoft Word text editor with Times New Roman font 2003 and higher or a compatible one, font size 14, line spacing - 1.5; The margins on the left are 3 cm, the top and bottom are 2 cm, the right is 1 cm. The file name is the author's surname and initials. The text of the article uses the «Bibliographic references», which were prepared in accordance with GOST R7.0.5.2008, «subscript bibliographic references, which are placed as a note, taken from the text of the document, at the bottom of the strip.

8.2. On paper, the content is completely identical to the electronic version, made on standard sheets of white A4 paper on one side. On the last sheet the author points out: «The material does not contain information of limited distribution, unauthorized borrowing; is proofread; figures, facts, quotes are verified with the original source»; and puts his signature.

9. With the direction of the material, the author guarantees the absence of illegal borrowing in the manuscript of the work (plagiarism), the proper execution of citation, references to legislation, judicial practice, the correctness of statistical, information-analytical and other data presented in the manuscript.

10. All materials are sent to the editorial office of the journal at the address: Ul. Korepina, 66, Ekaterinburg, Sverdlovsk region 620057, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, editorial and publishing office of the scientific - research and editorial and publishing department. E-mail address: ural-yui@mvd.ru.

II. The order of reception, consideration and review of materials

11. All incoming materials are examined by the Editorial Board within 10 days from the date of receipt for

their compliance requirements. Manuscripts submitted with violation of the requirements are not considered and not returned. The author is notified of the decision by e-mail.

12. Materials that meet the requirements are accepted and sent for peer review.

13. An external review of materials is arranged by the author independently in accordance with clause 6.

14. An internal peer review of materials is organized by the editorial board and is carried out by the members of the Editorial Board, the Editorial Board of the journal, and employees of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

15. An internal peer review is carried out by specialists according to the profile of the material presented. In the process of reviewing a check is made for originality using specialized computer software.

The reviewer reviews the submitted material within twenty working days, and then submits a signed review to the Editorial Office of the journal.

16. The review should contain an objective assessment of the material. In conclusion, the reviewer gives one of the following recommendations:

- on the publication of the material;
- about the direction of the material for revision (in the presence of insignificant shortcomings);
- on the rejection of the scientific material (in the presence of significant shortcomings).

17. Based on the results of the internal review and verification of originality using specialized computer software, the Editorial Board takes a decision:

- on the publication of the material;
- about the direction of the material to the author for revision;
- about the rejection of the material.

18. The author is notified of the decision of the Editorial Board by e-mail. When sending material for revision, rejecting the material by e-mail, the author is informed of the shortcomings indicated by the reviewer, as well as the results of checking the material for originality using specialized computer software. Information about the reviewer is not reported to the author.

19. The material received after revision is re-reviewed and verified for originality using specialized computer software. Based on the results of the second review, the Editorial Board decides:

- publication of the material;
- about the refusal of the material.

The author is notified of the decision by e-mail.

20. The materials on which the Editorial Board decided to publish are sent to the press. Publication of materials is free of charge. The author's reward is not paid.

21. Reviews of the received materials are sent to the authors in electronic form after the meeting of the Editorial Board of the journal. In order to increase the objectivity of reviewing articles sent for review, the Editorial Board has the right not to inform the reviewer of the name of the author of the article.

22. Upon requests of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, reviews are compulsorily submitted to the Higher Attestation Board under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and / or the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

23. The reviews are kept in the editorial office for 5 years.

24. As for other issues related to the receipt, consideration, review and rejection of materials, the Editorial Board, the editorial staff and the authors do not enter into correspondence, they do not provide explanations.

25. Materials and attachments to authors are not returned.

Согласие автора*
о передаче неисключительных прав на использование произведения

(название материала)

ФИО (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Почетные звания	
Место работы, учебы (полное наименование организации), занимаемая должность	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактные телефоны (с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данное согласие, я, _____,
(фамилия, имя, отчество)

гарантирую, что являюсь правообладателем исключительных прав на передаваемые в редакцию журнала «Вестник Уральского юридического института МВД России» материалы и выражаю согласие на безвозмездной основе на издание и последующее распространение материалов в печатном виде и использование электронных копий материалов, автором которых я являюсь, в том числе право на размещение их электронной копии в базах данных, представленных в виде научных информационных ресурсов сети Интернет, право на создание электронных копий материалов, кроме того, право на извлечение метаданных (переработку) материалов и использование их для наполнения баз данных, а также право на изготовление репринтных копий.

В соответствии со ст. 160 ГК РФ я допускаю и признаю воспроизведение текста настоящего согласия и подписи на настоящем согласии с помощью использования средств механического, электронного или иного копирования собственноручной подписи и текста согласия, которые будут иметь такую же силу, как подлинная подпись или оригинальный документ. Факсимильные (электронные) копии документов действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

_____/_____
Подпись _____ фамилия, имя, отчество
«__» _____ 20__ г.

* В случае подготовки материала в соавторстве согласие предоставляется каждым из авторов.